З.М.Гершов

Вудро Вильсон

З. М. Гершов

Вудро Вильсон

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1983

ВВЕДЕНИЕ

Минуло более 200 лет со времени образования США. За два с лишним века своей истории эта страна повидала немало политических деятелей. Одни из них оставили едва заметный след в ее жизни, другие совсем забыты. Но были и такие, чьи имена известны всему миру. К их числу относится Вудро Вильсон, занимавший пост президента в 1913—1921 гг. По мнению многих американских буржуазных историков, он принадлежит к разряду «великих президентов» США.

Усилиями правительственного пропагандистского аппарата, созданного в 1917 г. в связи с вступлением США в первую мировую войну, стал складываться своеобразный культ Вильсона. Этот культ и поныне процветает в США. Вильсона нередко изображают искренним защитником прав американского народа, неутомимым борцом за дело мира, демократии и справедливости, за свободу и независимость всех стран, особенно малых. Но эти утверждения весьма далеки от действительности.

Вильсон, несомненно, являлся крупным государственным деятелем. Он обладал солидной эрудицией в социально-политических вопросах, был способен улавливать ход событий и прислушиваться к умонастроениям в США и в мире. Вильсон отдавал себе отчет в том, что нельзя ограничиваться заботами о нуждах только какой-нибудь одной из групп американской буржуазии. Он считал своим долгом учитывать потребности всего правящего класса и защищать интересы американского капитализма в целом как внутри страны, так и за рубежом.

Двадцать восьмой президент США сознавал, что невозможно пренебрегать требованиями простых американцев. Поэтому он провел в жизнь некоторые реформы, основное назначение которых состояло в том, чтобы путем ряда уступок помешать развитию революционного сознания широких народных масс и росту классовой борьбы в стране.

Деятельность Вильсона на посту президента связана с поворотным этапом в истории США. Благодаря первой мировой войне и политике, которую деятельно проводила администрация Вильсона, США превратились в силь-

нейшую империалистическую державу, претендовавшую на роль мирового лидера.

Вильсон, осуществлявший непосредственное руководство дипломатией США, был не только глашатаем, но и активным поборником установления американской мировой гегемонии, прикрывавшим эти устремления разглагольствованиями о приверженности США принципам мира, свободы и демократии. Искусство Вильсона маскировать подлинные цели внешней политики США особенно отчетливо проявилось в его «14 пунктах» послевоенного устройства мира.

Вильсон отличался целеустремленностью и твердостью в защите своих взглядов, был последователен и настойчив в решении проблем, стоявших перед США. С этой сложной задачей он справлялся более успешно, чем многие из его предшественников.

Верный своему классовому сознанию, Вильсон враждебно встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. С первых дней существования Советской Республики он оказывал помощь российской контрреволюции, а затем вместе с руководителями стран Антанты принял активное участие в организации вооруженной антисоветской интервенции.

Позднее, поняв бесперспективность открытой интервенции, Вильсон распорядился вывести американские войска из России, но его враждебный курс остался неизменным. Президент США категорически отвергал возможность нормализации американо-советских отношений и выступал против развития экономических связей между двумя странами. Большие надежды возлагал Вильсон на идеологические методы борьбы с Советским государством.

Политическая карьера Вильсона складывалась непросто. Ему постоянно приходилось сталкиваться с различными противниками как в самих США, так и за их пределами.

Внутренняя политика Вильсона, рассчитанная на упрочение капиталистического строя в США, требовала определенных жертв со стороны правящего класса. Однако часть буржуазии, побуждаемая меркантильной расчетливостью и ставившая во главу угла сиюминутную выгоду, а не долговременные цели, противодействовала нововведениям президента.

Вильсон встретился с сопротивлением и на междуна-

родной арене. Борьба велась не только из-за того, какая держава будет занимать доминирующее положение в мире. Речь шла о значительно большем: решался вопрос о судьбах всей капиталистической системы. Вильсон сознавал, что с помощью одной лишь грубой силы нельзя остановить напор революционного движения. Взяв на себя роль идейного лидера мировой буржуазии, он призывал к повсеместному проведению либеральных реформ. Реакционные круги европейских капиталистических стран отвергли в то время доводы Вильсона.

За прошедшие десятилетия значительная часть буржуазии США и других капиталистических стран под воздействием мирового революционного процесса и его авангарда – мировой социалистической системы научилась извлекать уроки из прошлого. Она поняла, что репрессии не являются единственным средством сохранения ее позиций, и поэтому ей нередко приходится идти на определенные уступки трудящимся массам, проводить политику социальных реформ (правда, не всегда успешно). Отсюда ее большой интерес к взглядам и деятельности Вильсона, которые, как она надеется, могут и сегодня помочь ей ослабить классовую борьбу трудящихся.

Высоко оценивают политику Вильсона и воинственные круги Соединенных Штатов. Именно Вильсон заложил фундамент антисоветизма в США. К тому же он показал образец маскировки империалистической политики фразами о мире и демократии. По этим причинам данные круги также стремятся использовать в своих интересах идейное и практическое наследие Вильсона.

* * *

История США в период пребывания у власти Вильсона, различные аспекты деятельности этого президента отражены в содержательных работах Белявской И. А., Ганелина Р. Ш., Гвишиани Л. А., Григорцевича С. С., Зубока Л. И., Иваняна Э. Я., Иноземцева Н. Н., Козенко Б. Д., Куниной А. Е., Лана В. И., Марушкина Б. И., Поповой Е. И., Сергеева В. В., Фураева В. К., Яковлева Н. Н. и других советских историков. Однако в отечественной исторической литературе нет специального исследования, посвященного Вудро Вильсону. Автор книги надеется, что в известной мере ему удастся восполнить этот пробел.

Глава I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Середина XIX в. знаменовалась для США трудными временами. У власти находились плантаторы-рабовладельцы, стремившиеся распространить рабство на всю страну. В это же время набирало силу движение за отмену рабства (аболиционизм). В нем участвовали самые широкие слои американского общества. Целью аболиционизма было покончить с рабовладением. Только таким путем можно было подорвать политическое господство олигархии плантаторов-рабовладельцев, установить буржуазно-демократический строй и устранить преграды для быстрого капиталистического развития США. Аболиционизм сыграл заметную роль в идеологической подготовке Гражданской войны.

Конфликт между промышленным Севером и рабовладельческим Югом все более обострялся. В 1854 г. в Канзасе началась вооруженная борьба между противниками рабства и вооруженными отрядами рабовладельцев. Она явилась прологом Гражданской войны в США.

Перед лицом надвигавшейся драматической развязки конфликта американцам пришлось определять свою позицию. Большинство поддерживало аболиционистское движение. Сделал свой выбор и профессор теологии Гемпден-Сиднейского колледжа Джозеф Раглес Вильсон. Он оставляет колледж и вместе с женой Жанет и дочерьми Марион и Анной перебирается из северного штата Огайо в южный штат Виргинию, в небольшой городок Стэнтон. Там он становится пастором в пресвитерианской церкви. 28 декабря 1856 г. в семье пастора родился сын – будущий президент США. В честь деда мальчик был назван Томас Вудро.

В 1857 г. Джозефу Раглесу представилась возможность зáнять пасторскую должность в Огасте – одном из тогдашних торгово-промышленных центров Джорджии. Вильсон переехал на новое место. Получая здесь более

высокий оклад, преподобный Джозеф снимал теперь в аренду просторный дом с садом, имел слуг и собственный выезд. В таких благоприятных условиях прошли тринадцать лет жизни Томми, как называли в семье Томаса Вудро.

Джозеф Раглес был образованным человеком. Он закончил теологический семинар в Принстоне, получив звание доктора богословия. Не замыкаясь в мире религии, он много читал, проявлял большой интерес к политической жизни страны. Пастор и его супруга решили, что их сыну незачем торопиться с поступлением в школу. Они сочли возможным ограничиться домашним образованием. Томми только в девять лет выучил алфавит, а в школу пошел, когда ему было двенадцать.

Отец Томаса Вудро был натурой властной. Его влияние на сына было огромным, особенно в области религии. С раннего детства Томми приучили начинать и завершать день молитвой, обращенной к всевышнему. Вечерами он внимательно слушал, как отец читал Библию. Его увлекали библейские легенды, и он усердно заучивал отрывки из «священной книги». В доме Вильсона любили петь религиозные песни и гимны. Мальчик с удовольствием принимал в этом участие. В воскресные дни он ходил в церковь, где с трепетом внимал проповедям отца. Церковь стала его вторым домом.

Пастор Вильсон был доволен. Его сын на всю жизнь глубоко уверовал в непогрешимость религиозных догматов. Став впоследствии американским президентом, он как-то сказал: «Поскольку это касается религии, аргументы надо отложить в сторону»[1].

Осенью 1860 г. в обстановке крайнего обострения противоречий между Севером и Югом президентом США был избран Авраам Линкольн. Этот крупный успех противников рабства был встречен на Юге крайне враждебно. Там стали усиленно готовиться к войне с Севером. Маленькому Томми в то время было всего лишь четыре года, но, как все дети, он жадно впитывал то, о чем говорили старшие. Услышав чьи-то слова, что избрание Линкольна президентом приведет к войне, он спросил отца, как это следует понимать.

Гражданская война в США действительно началась, но виной тому был не новый президент страны. Линкольн, напротив, всячески старался ее избежать. Однако рабовладельцы воспользовались его победой на прези-

дентских выборах для перехода в наступление. Южные штаты, порвав с Союзом, образовали свою Конфедерацию. 14 апреля 1861 г. вооруженный отряд рабовладельцев захватил Форт-Самтер. Начались военные действия рабовладельческого Юга против республиканского Севера.

Развязанная рабовладельцами Гражданская война продолжалась четыре года. На карту была поставлена судьба страны. Вопрос стоял так: будет ли сохранено позорное рабство, распространится ли оно на свободные земли Запада, или же с рабством будет покончено и на всей территории США беспрепятственно станут развиваться капиталистические отношения?

Север, несмотря на превосходство в области экономики и в людских ресурсах, в течение двух лет терпел поражение в войне. Это было прямым следствием нежелания крупной буржуазии идти на полный разрыв с рабовладельцами. Сказалась также нерешительность правительства Линкольна на первом этапе войны. Однако под влиянием военных неудач и по требованию народа оно затем перешло к революционным методам ведения войны с участием широких народных масс. Огромной заслугой Линкольна было то, что он провел ряд прогрессивных мероприятий, обеспечивших победу над мятежниками-плантаторами. Среди них важнейшее значение имели закон об освобождении негров и Гомстед-акт, решивший вопрос о землях Запада в пользу фермеров [2]. На втором этапе войны Север стал одерживать победы. 3 апреля 1865 г. армия генерала Улисса Гранта заняла столицу Конфедерации – Ричмонд, а шесть дней спустя командующий армией южан генерал Роберт Ли капитулировал. Прошло еще пять дней, и 14 апреля 1865 г. над Форт-Самтером взвился флаг США. Война между Севером и Югом была закончена. Завершился первый этап буржуазно-демократической революции в США.

На события Гражданской войны Томми, естественно, смотрел глазами своего отца. Джозеф Вильсон не был уроженцем Юга, не являлся владельцем плантации, но оправдывал систему рабства. Он утверждал, что бог «включил рабство как органический элемент в такой фамильный порядок, который лежит в самой основе церкви и государства» [3]. Доказывая прихожанам, что рабство угодно всевышнему, пастор Огасты призывал негров к смирению и покорности. Когда же началась Граждан-

ская война, Вильсон с энтузиазмом поддерживал рабовладельцев. Он стал одним из лидеров южной пресвитерианской церкви и горячо приветствовал ее самостоятельность. Символично, что эта самостоятельность была провозглашена именно в его церкви в Огасте в декабре 1861 г. Вильсон до конца войны занимал пост управляющего делами сепаратной церковной организации Юга. В начале 1865 г. он был призван капелланом в армию южан, но долго находиться на военной службе ему не пришлось. Вскоре военные действия закончились победой Севера, и Вильсон вернулся к своим пасторским обязанностям.

Учеба Томми в это время по-прежнему ограничивалась домашним образованием. Систематически заниматься он стал только в 1868 г., когда его отдали учиться в «отборную школу для мальчиков», созданную бывшим офицером армии Юга Дж. Дерри. Здесь он изучал арифметику, правописание, грамматику, историю, географию и латынь. Томас Вудро был способным учеником, но особой старательностью не отличался.

Спустя два года Томми расстался со школой Дерри. Его семья переехала в Колумбию (Южная Каролина), где Джозеф Вильсон, занимая пасторскую должность, стал преподавать еще в теологической семинарии. Четырнадцатилетний Томми учился в Колумбии в частной школе. Но и здесь он не блистал успехами; самая низкая оценка у него была по математике. Гораздо больше его увлекали рассказы о сражениях с морскими пиратами. Он воображал себя английским адмиралом и ежедневно писал «доклады» морскому министерству о своей «деятельности». Другим любимым занятием мальчика была игра в бейсбол.

Джозеф Вильсон надеялся, что сын пойдет по его стопам. В конце 1873 г. он послал его учиться в колледж Дэвидсона (Северная Каролина), в котором готовили служителей пресвитерианской церкви. Томас был плохо подготовлен к учебе в колледже, и теперь ему приходилось много заниматься, особенно математикой и классическими языками. Свободного времени оставалось мало, но он тем не менее вступил еще и в дискуссионный клуб. Учащиеся колледжа обсуждали в клубе такие вопросы, как «Было ли выгодно человечеству введение рабства?», «Принесла ли смерть Линкольна пользу Югу?», «Был ли Джон Бутс (убийца Линкольна.— *З. Г.*) патриотом?».

Поднимались и другие проблемы подобного рода. Томас Вильсон неизменно выступал с позиций защиты плантаторов-рабовладельцев.

Напряженная учеба, тяжелые бытовые условия и плохое питание привели к тому, что летом 1874 г. Томас Вудро заболел. Он покинул колледж и вернулся к своим родным, жившим теперь в Уилмингтоне (Северная Каролина). Там Вильсон-старший служил пастором в богатом церковном приходе.

Не изменив своим привычкам, молодой Вильсон, как и в прежние годы, регулярно посещал церковь и слушал проповеди отца. Но он уже не довольствовался этим. Томас любил читать Роберта Бернса и Уильяма Вордсворта, Вальтера Скотта и Чарльза Диккенса, интересовался книгами об Оливере Кромвеле, Уильяме Гладстоне (лидер английских либералов в середине XIX в. – *З. Г.*), генерале Ли и о других деятелях.

1875 год стал поворотным в жизни Томаса Вудро Вильсона. Он решил поступить учиться в одно из ведущих учебных заведений США – в Принстонский колледж, где в свое время занимался его отец. С Принстоном Вильсон будет связан почти четверть века. Переступив его порог студентом, он спустя одиннадцать лет вернется в альма-матер профессором, а затем станет ректором Принстонского университета.

Принстонский колледж, точнее, колледж Нью-Джерси, был основан в 1746 г. До Гражданской войны в нем обучались главным образом выходцы из аристократических семей Юга. Этот привилегированный частный колледж в основном готовил пресвитерианских проповедников и миссионеров. Такую же роль он продолжал играть и в середине 70-х годов XIX в. Но его студенты – тогда их насчитывалось около 500 – стали получать подготовку и по другим специальностям. Они теперь изучали не только богословие, латынь и греческий, но и гражданскую историю, философию, математику, физику и французский язык. Большая заслуга в этом принадлежала тогдашнему ректору Принстона шотландцу по происхождению Джеймсу Маккошу, ранее являвшемуся профессором королевского колледжа в Белфасте (Северная Ирландия).

Благодаря усилиям этого видного американского философа Принстон пополнился новыми лабораториями. Была создана астрономическая обсерватория, открыта

инженерная школа, значительно расширился книжный фонд библиотеки, построены новые общежития. В Принстоне начали присуждаться ученые степени. Все это подготовило условия для его последующего преобразования в университет.

11 сентября 1875 г. у здания главного корпуса Принстонского колледжа остановился молодой человек в очках. В нем сразу угадывался провинциал. Одет он был в старомодный костюм, в руке держал пасторский саквояж. Молодой человек, а это был Томас Вудро, постоял немного в нерешительности, а затем, преодолев робость, направился в кабинет ректора. Три года назад сам Маккош, будучи в гостях у Вильсона, обещал Джозефу Рарглесу со временем принять его сына в свой колледж. Теперь он сдержал слово.

«О мой сын, как я хочу, чтобы ты стал пастором!»[4] — писал Томасу Вудро его отец. Но юноша не оправдал надежд Джозефа Раглеса. Он верил в перст судьбы, начертавшей ему другой путь, путь политического деятеля. Поэтому главное внимание он уделял изучению политических учреждений и истории США и Англии. Остальные предметы, не связанные с его планами, мало интересовали нового студента Принстона.

Вильсон мечтал стать морским министром или губернатором, но больше всего его привлекал пост сенатора. Как-то он написал на своих визитных карточках: «Томас Вудро Вильсон, сенатор из Виргинии». Готовясь к роли политика, Вильсон изучал книгу Джорджа Кэртиса об истории конституции США, многотомный труд Томаса Маколея «История Англии», работу Томаса Карлейля «Французская революция», выступления и статьи Патрика Генри, Даниэля Вебстера, Джона Брайта, Уолтера Бэджгота и других американских и английских общественных деятелей, публицистов и историков. В библиотечном формуляре Томаса Вудро значился также философский труд Канта «Критика чистого разума».

Вильсон не ограничивался одними теоретическими знаниями. Он понял, что политический деятель не может не быть хорошим оратором. Томас Вудро энергично взялся за овладение этим искусством. Он читал книги о великих ораторах древнего мира Демосфене и Цицероне, стремился подражать им, а также известным английским мастерам слова Чарльзу Фоксу, Эдварду Каннингу и Уильяму Гладстону. Для выступлений Вильсону нужна

была аудитория, и он стал активным членом студенческого дискуссионного клуба «Американское общество вигов». Позднее он проявил инициативу в создании Литературного дискуссионного клуба. Выступления Вильсона становились все более выразительными и пользовались успехом у студентов. Среди вопросов, обсуждавшихся в клубе, особенное внимание молодого оратора привлекла тема «Идеальный государственный деятель». Она была особенно близка его интересам, и он с большим увлечением работал над подготовкой выступления. Старания Вильсона увенчались успехом: он был награжден премией.

Томас Вудро стремился также овладеть искусством публициста. Он начал писать статьи в газету «Принстониан», а на третьем году обучения был избран членом редколлегии. Вскоре он стал редактором этого двухнедельного издания. В те же годы будущий президент стал систематически читать нью-йоркскую газету «Ивнинг пост», журнал «Нэйшн» и поступавшую в библиотеку Принстона английскую периодическую печать.

Томас Вудро теперь заметно выделялся среди студентов. Он не только учился, но и занимался творческой работой. Его все так же интересовали крупные государственные деятели. В них он видел образец для подражания. В ноябре 1877 г. в журнале «Нассау литэрери мэгэзин» была опубликована его статья «Князь Бисмарк», а через год – статья «Граф Уильям Чатам» (Питт-старший). В этих двух ранних «пробах пера» Вильсон сделал попытку выделить качества, свойственные этим деятелям. По его мнению, это были люди особого склада, призванием которых было вершить судьбами мира. Германский канцлер Бисмарк и английский премьер-министр середины XVIII в. Питт-старший действовали решительно и быстро, верили в свою силу и именно поэтому, как утверждал автор указанных статей, смогли добиться успеха.

Наиболее важным итогом учебы Вильсона в Принстоне была статья «Кабинетное правительство в Соединенных Штатах». Она была написана им еще в студенческие годы, а издана вскоре после окончания колледжа. Ее опубликовал в августе 1879 г. влиятельный журнал «Интернэшнл ревью», в редакцию которого входил молодой публицист Генри Кэбот Лодж, ставший впоследствии главным политическим противником Вильсона.

В статье «Кабинетное правительство в Соединенных Штатах» Вильсон подверг критике сложившийся в стране порядок, когда вся власть фактически была сосредоточена в руках конгресса. С этим, заявил он, нельзя мириться, так как умаляется роль президента. Он бичевал также политические партии США: «Восемь слов составляют сущность нынешней деградации наших политических партий: *нет лидеров — нет принципов; нет принципов — нет партий»* [5]. Томас Вудро пришел к выводу, что для устранения пороков политической системы США необходимо непосредственное участие членов правительства в работе конгресса. Высказанная им идея расширения полномочий исполнительной власти получит развитие в его первом капитальном труде, о чем речь пойдет ниже.

В результате победы промышленного Севера над рабовладельческим Югом в жизни США произошли серьезные изменения. В последовавший после Гражданской войны период Реконструкции (1867—1877 гг.), т. е. на втором этапе буржуазно-демократической революции в США, на Юге были отменены все сегрегационные законы и в соответствии с двумя новыми поправками к конституции негры получили избирательные права. Вильсон остался глух к этим радикальным преобразованиям. Более того, он возражал против предоставления черным американцам гражданских прав. Всеобщее избирательное право, писал Вильсон в «Кабинетном правительстве», является «неизменным элементом слабости и подвергает нас многим опасностям, которых при других обстоятельствах мы могли бы избежать...» [6].

Летом 1879 г. Вильсон окончил Принстонский колледж. По результатам экзаменов он был 38-м из 105 выпускников. Но он отличился своими достижениями на научном поприще. Статья «Кабинетное правительство в Соединенных Штатах» привлекла внимание научной общественности. В ее авторе стали видеть восходящую звезду.

Вильсон продолжил свое образование в юридической школе Виргинского университета. Здесь он овладевал знаниями в области обычного, государственного, конституционного права и других учебных дисциплин. Томас Вудро, кроме того, самостоятельно изучал ряд социально-экономических и исторических проблем. С этой целью он прочел сочинение Джона Стюарта Милля «Принципы

политической экономии», книги по истории и экономике США и Англии, по ораторскому искусству в античное время и др. Он увлекался также поэзией. Его любимым поэтом тогда был Перси Шелли.

Вступив в члены дискуссионного клуба, Вильсон быстро стал пользоваться там успехом. Его избрали секретарем, а затем председателем клуба. Студенты с большим вниманием слушали его выступления на политические темы. Значительный интерес вызвала речь Томаса Вудро о видном английском либеральном деятеле середины XIX в. Джоне Брайте. Позднее она была полностью опубликована в университетском журнале. Вильсон высоко ценил ораторский талант Брайта, с похвалой отзывался о его приверженности принципам свободной торговли. Он подчеркивал, что в отличие от английского правительства Брайт осуждал образование Конфедерации южан и поддерживал целостность США. Излагая затем свои взгляды на Гражданскую войну в США, Вильсон заявил: «Я никому не уступлю в любви к Югу. Но *именно потому*, что люблю его, радуюсь поражению Конфедерации. Представьте себе, что сецессия (отделение.— *З. Г.*) завершилась бы? Задумайтесь над тем, что произошло бы в случае раздела Союза на два отдельных, независимых государства!.. Мы не можем скрыть от себя тот факт, что рабство обессиливало наше южное общество и истощало его энергию. Мы не можем скрыть от себя тот факт, что Северный союз становился бы сильнее, чем мы, и всегда был бы готов применить свою экономическую силу для завершения нашей разрухи». Обрисовав столь мрачную перспективу, открывавшуюся перед рабовладельческими штатами, Вильсон сделал вывод: «Даже отвратительная жестокость и глупость (!) Реконструкции были предпочтительнее, чем беспомощная независимость»[7] Конфедерации южан. Как видим, Вильсон усвоил истину, высказанную в свое время Линкольном: «Дом, расколотый надвое, не может стоять». В условиях, когда бывшие плантаторы, не желая мириться со своим поражением, испытывали ностальгию по недавнему прошлому, осуждение Вильсоном рабства, признание им закономерности ликвидации этой позорной системы означали своеобразный вызов рабовладельческой идеологии. Новые мотивы в суждениях Вильсона получат развитие в его будущих работах.

В период учебы в Виргинском университете Вильсон

влюбился в свою двоюродную сестру Генриетту Вудро. Однако его чувства остались без ответа. Генриетта, ссылаясь на близкое родство с Вильсоном, отказалась выйти за него замуж. В память о своем первом романе Вильсон в 1882 г. изменил свое имя. Теперь он называл себя не Томасом, а Вудро.

В конце 1880 г. Вильсон заболел. По настоянию родителей он покинул Виргинский университет и вернулся домой, в Уилмингтон. Наступил вынужденный перерыв в учебе в университете, продолжавшийся три года. Но Вудро занимался самостоятельно, изучая право, историю, политическую жизнь США и Англии, а также другие предметы. Вильсон раньше пренебрегал изучением латыни, и теперь ему пришлось наверстывать упущенное. Он усердно читал речи Цицерона, и это дало свои результаты. «Способность переводить быстро возвращается ко мне» [8], – с удовлетворением отмечал Вудро.

Вильсон решает заняться юридической практикой. Он задумал попытать счастья в Атланте. К тому времени это был единственный крупный город на Юге, полностью восстановленный после Гражданской войны и быстро ставший важным центром торговли и промышленности. Это обстоятельство сулило благоприятные перспективы начинающему адвокату.

Летом 1882 г. Вильсон прибыл в Атланту, где вскоре успешно сдал экзамен на право заниматься юридической практикой. Не теряя времени попусту, он и его товарищ по Виргинскому университету Эдвард Реник сняли помещение в центре города, и вскоре на двери дома появилась табличка: «Реник и Вильсон. Адвокаты».

«Потенциально крупная фирма Реника и Вильсона, – писал Вудро своему товарищу по Виргинскому университету, – *очень* мало что делает, но надеется на *очень многое...*» [9] Однако надежды не сбылись: клиентов почти не было. Дела в адвокатской конторе шли из рук вон плохо. В конце концов ее пришлось закрыть. Но Вильсон не падал духом. Он познакомился с молодым репортером нью-йоркской газеты «Уорлд» Уолтером Пейджем, оказавшим впоследствии немало услуг Вильсону. Пейдж сопровождал тарифную комиссию конгресса, проводившую в стране кампанию в пользу повышения таможенных пошлин. Вильсон, разделяя взгляды Брайта и других сторонников неограниченной конкуренции, с помощью Пейджа смог на заседании комиссии изложить

свои доводы против системы протекционизма. Переубедить комиссию конгресса Вильсону не удалось, но выступление на ее заседании принесло ему несомненную пользу. С этого времени начала складываться репутация Вильсона как общественного деятеля.

Опыт с юридической практикой в Атланте провалился. Устраиваться на новом месте не имело смысла, так как в каждом более или менее крупном городе, где можно было бы заняться адвокатским делом, перспективы были столь же безнадежны. Для Вудро существовала еще одна возможность – сделать научную карьеру. Но где продолжать учебу?

В то время многие молодые американцы, выходцы из богатых семей, добивавшиеся профессуры, отправлялись в Европу, где проходили курс наук в университетах Германии. По этим соображениям родные Вудро советовали ему поехать туда.

Вудро отверг такой вариант, ссылаясь на плохое знание немецкого языка. Но у него имелась еще одна веская причина: он полюбил Эллен, дочь пастора Эдварда Эксона. В конце концов Вудро решил поступить в аспирантуру университета Джона Гопкинса. Это был совсем новый университет, основанный только в 1876 г. Чтобы заинтересовать способную американскую молодежь, этот университет в Балтиморе был укомплектован видными учеными, многие из которых получили образование в Германии.

Здесь Вильсон начал свои занятия в сентябре 1883 г. Он слушал лекции Ричарда Эли, видного экономиста, одного из основателей реформистского направления в американской буржуазной политэкономии, участвовал в работе исторического семинара, которым руководил молодой, но уже известный университетский профессор Герберт Адамс. Помимо других дисциплин Вильсон изучал французский и немецкий языки. Но больше всего он интересовался правом, преследуя при этом вполне определенную цель. 30 октября 1883 г. он писал своей будущей жене: «Профессия, которую я избрал, – политика, профессия, которой стал заниматься, – право... Это единственно верный путь: конгресс (США. – *З. Г.*) по-прежнему заполнен юристами...»[10].

Вудро Вильсон часто выступал в университетском клубе. Представляет интерес его речь по поводу билля о выделении федеральным правительством средств для

увеличения числа негритянских школ. Вильсон подверг критике этот билль, заявляя, что он якобы противоречит конституции, а в политическом отношении несостоятелен. Его доводы в пользу решения данного вопроса в рамках штатов носили чисто формальный характер. В действительности они служили прикрытием его неприязненной позиции в отношении равноправия негров. Следует отметить, что Вильсон и в дальнейшем придерживался идеи «превосходства» белых граждан США над черными.

Во время пребывания в аспирантуре Вудро активно занимался научной работой. Он опубликовал статью «Правление комитета или кабинета» и одновременно продолжал начатую еще в Виргинском университете работу над книгой «Конгрессиональное правление. Исследование американской политики».

Завершив работу над книгой, Вильсон направил ее в издательскую фирму в Бостон. Прошло пять недель, а ответа не было. «Они (хозяева фирмы. – *З. Г.*) либо с необычайной осторожностью подходят к изданию моей рукописи, либо отклонили и забыли... ее вернуть»[11], – беспокоился автор. Прошло еще две недели, и Вильсон с радостью сообщил Эллен Эксон, что получил из Бостона хорошие новости: книга принята к печати и за нее будет уплачен весьма солидный гонорар.

Книга Вильсона «Конгрессиональное правление» вышла в свет в январе 1885 г. Центральное место в ней занимал анализ функций и деятельности конгресса и президента, соотношение между этими двумя ветвями государственной власти в США. Автор книги констатировал, что «падение репутации президентов – это не причина, а лишь сопутствующая демонстрация падения престижа президентской должности. Эта высокая должность пришла в упадок... так как ее власть потускнела. А ее власть потускнела потому, что власть конгресса стала преобладающей»[12].

Вильсон в своей книге подверг критике сложившуюся в то время в США систему конгрессионального правления. Он противопоставил ей кабинетную систему, существующую в Англии, где при наличии королевской власти управление страной осуществляется кабинетом министров, ответственным перед парламентом. 4 июля 1886 г., в день столетнего юбилея провозглашения независимости США, Вильсон сделал в своем дневнике

такую запись: «Насколько счастливее была бы теперь Америка, если вместо несчастной и иллюзорной республики она имела бы английскую форму правления. Республика, основанная на идее абстрактной свободы! Я осмеливаюсь предположить, что наша страна никогда не будет отмечать второе столетие как республика. Английская форма правления – единственно верная»[13]. Недаром автор этой записи избрал в качестве модели для своего труда книгу английского правоведа У. Бэджгота «Английская конституция», восхвалявшую парламентское правление на Британских островах.

Книга Вильсона получила положительные отзывы. Так, журнал «Нэйшн» писал, что она является «одной из наиболее важных работ»[14] по политическим проблемам. За свою книгу автор был удостоен специальной премии университета Джона Гопкинса. Широкий отклик на эту работу способствовал ее многочисленным переизданиям (всего вышло 29 изданий). Была она опубликована и в ряде европейских стран, в том числе и в России, где она вышла в 1909 г. под названием «Государственный строй Соединенных Штатов».

Ободренный таким успехом, Вильсон пришел к выводу, что только карьера государственного деятеля принесет ему удовлетворение. «Я очень сожалею, – делился он планами на будущее с Эллен, – что лишен возможности добиться своей *первой*, самой близкой к сердцу цели... принимать активное, если возможно, ведущее участие в общественной жизни и стремиться, если у меня имеются на то способности, к карьере *государственного деятеля*»[15]. Это, можно сказать, был символ веры молодого Вильсона.

Летом 1885 г. в жизни Вудро произошло важное событие: он женился. Его жену Эллен Эксон природа наделила красотой и умом. Она проявляла живой интерес к литературе и искусству и хорошо рисовала. Ее отличала большая широта взглядов. Она была знакома с трудами Канта, Гегеля и других выдающихся философов. Не в пример своему мужу она с некоторым скепсисом относилась к религии.

Эллен была верным другом и ближайшим советчиком Вудро, помогала ему в научной работе. Вильсон, отдавая дань глубокого уважения жене, однажды сказал, что без ее содействия и поддержки он едва ли смог бы занять президентское кресло в Белом доме.

Глава II

ПРОФЕССОР. РЕКТОР УНИВЕРСИТЕТА

Вильсон приобрел известность в академических кругах США благодаря своей книге «Конгрессиональное правление». Молодой ученый после окончания аспирантуры получил приглашение на преподавательскую работу в Мичиганский и Арканзасский университеты. Предложение поступило и от самого молодого из женских учебных заведений, колледжа Брин-Мор. Там ему обещали большее жалованье. Вильсон колебался, не зная, какому из этих предложений отдать предпочтение. К тому же у него не было большого рвения заниматься преподавательской деятельностью. «Я не собираюсь... тратить жизнь на преподавание» [1], – писал он жене. Однако, нуждаясь в средствах для обеспечения своей семьи, он в конце концов согласился занять должность ассистента в Брин-Море.

В женском колледже Вильсон вел занятия по истории античности и раннего средневековья (на I курсе), истории США, Англии и Франции и специальному курсу по истории Возрождения и Реформации (на II курсе). На третьем курсе он читал лекции по политической экономии, истории права и современных конституций, а также по социалистическим учениям Франции и Германии (трехчасовой курс).

Начинающему преподавателю было очень нелегко подготовить лекции по столь различным учебным дисциплинам. К тому же его задевало за живое, что на занятия к нему записалось мало студенток. «Я под большим секретом хочу тебе сказать, – как-то жаловался Вильсон одному из своих друзей, – что весь мой класс состоит из одной девушки» [2].

Вудро был недоволен и тем, что получал меньшее жалованье, чем ряд других преподавателей колледжа. Когда они с Эллен жили вдвоем, это только задевало его самолюбие. С рождением Маргарет, а затем Джесси положение изменилось. Теперь отец семейства стал испы-

тывать материальные затруднения. Лекции по административному праву, которые Вильсон дважды в неделю читал в университете Джона Гопкинса, приносили лишь незначительную добавку к его бюджету. Пытаясь поправить свои материальные дела, ассистент колледжа написал несколько рассказов. Их никто не напечатал. Писатель из него не получился. Вильсон пробовал сочинять стихи, но также безуспешно. «Я не поэт», — сказал он как-то жене.

Вильсона очень огорчало, что ему приходится преподавать в женском учебном заведении. Воспитанный в традициях Юга, он был убежден, что удел женщины — быть женой и матерью. Для этого ей вполне достаточно школьного образования, учиться дальше ей незачем, да и вредно, так как она теряет женственность. По мнению Вильсона, учеба женщин в колледже приносит вред и тем, кто преподает им. «Я нахожу, — утверждал он, — что обучение женщин ослабляет мою умственную силу» [3].

Фактическим руководителем Брин-Мора была молодая, но очень энергичная и властная женщина — профессор К. Томас. Вильсон, как и другие преподаватели колледжа, находился под неослабным надзором ее всевидящего ока, и это вконец выводило его из себя. Жизнь представлялась беспросветной. «Тридцать один год исполнился, и ничего не сделано» [4], — с досадой заявил он в день своего рождения. Вильсон жаждал порвать с Брин-Мором. Он льстил себя надеждой, что со временем ему удастся занять место среди власть имущих.

Неожиданно открылась радужная перспектива: Реник, служивший в то время в министерстве финансов, сообщил своему бывшему партнеру по адвокатской конторе в Атланте о наличии вакансии на должность помощника государственного секретаря США.

Вильсон, не мешкая, решил воспользоваться моментом. Он отправляется в Вашингтон и вместе с Реником обивает пороги государственного департамента и других правительственных учреждений. Но все было напрасно: ассистент женского колледжа не имел сильной руки в столице. Единственное, что Вильсону с пользой для себя удалось сделать, — это посетить зал заседания палаты представителей. Находясь в одиночестве на галерке для гостей, он наблюдал за ходом заседания нижней палаты конгресса. Усталый и разочарованный безрезультатной

поездкой в Вашингтон, Вильсон вернулся домой. В следующий раз фортуна привела Вильсона на Капитолийский холм уже в качестве президента США.

Прошел год работы Вильсона в Брин-Море. Руководство колледжа предупредило его, что если вскоре он не станет доктором, то им придется распрощаться. Перед Вильсоном со всей остротой встал вопрос о получении ученой степени. Он представил тезисы книги «Конгрессиональное правление» в университет Джона Гопкинса и сдал там устный экзамен. Прошло два дня, и Вильсон сообщил жене: «Ура, тысячекратное ура... Степень гарантирована!» [5] В июне 1886 г. Вильсон стал доктором философии политических наук.

С удвоенной энергией Вильсон занялся научной работой. Он начал сбор материала для книги об истории и функционировании государства. Работа над монографией продвигалась вперед. В это же время Вильсон задался целью написать большой труд «Философия политики». По его замыслу этот труд по своей значимости должен был сравниться с «Политикой» Аристотеля и «Духом законов» Монтескьё. Был составлен перечень глав, сделаны выписки из различных книг, написаны фрагменты. Дальше, однако, дело не пошло. «Философия политики» так и не вышла в свет.

Летом 1888 г. Вильсон получил приглашение занять должность профессора истории и политической экономии в Уэслианском университете (Мидлтаун, штат Коннектикут). Подавляющее большинство студентов Уэслианского университета составляли юноши. Вильсона устраивал также и более высокий оклад. Переехав на новое место работы, он вместе с семьей смог поселиться в комфортабельном доме, расположенном в самом центре города.

В Уэслианском университете Вильсон наряду с преподаванием продолжал работать над книгой о государстве. Она была издана в 1889 г. под названием «Государство. Элементы исторической и практической политики» (в русском переводе, изданном в 1905 г., эта книга называется «Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений»). Для написания новой книги Вильсон использовал широкий круг источников – более 150 книг и статей на английском, немецком и французском языках.

В последней трети XIX в. получила большое распро-

странение теория социал-дарвинизма. Сущность этой теории сводилась к распространению учения Дарвина на общественную жизнь, отождествлению биологической эволюции с развитием человеческого общества. Социал-дарвинизм утверждал, что главным двигателем общественного развития является борьба за существование и естественный отбор. Эта теория заняла тогда ведущее место в американской буржуазной социологии. Ее популярности содействовала, в частности, поездка по США в 1882 г. родоначальника социал-дарвинизма английского философа Г. Спенсера. В американских университетах создавались кафедры социал-дарвинизма, было опубликовано много работ, в которых пропагандировалась эта модная в то время теория.

Всеобщее увлечение ею вовлекло в свой поток и Вильсона. Признавая непререкаемым авторитет этого учения, он опирался на него в своей работе «Государство», которая насквозь пронизана идеями социал-дарвинизма. Исследуя место государства в историческом процессе и его специфические черты, Вильсон утверждал, что «общество, подобно другим организмам, может изменяться только благодаря эволюции. Революция является антиподом эволюции» [6].

В объемистом труде профессора Уэслианского университета излагается история государства с самых ранних его форм и вплоть до 80-х годов XIX в. Автор довольно подробно характеризует государственный строй ряда европейских стран и США. Однако он почему-то счел нужным обойти молчанием Россию. Не нашлось места и для государств Латинской Америки, возникших несколько десятилетий спустя после образования США. Образцом демократии Вильсон считал Англию и США. В этой связи интерес представляет также его статья «Характер демократии в Соединенных Штатах», опубликованная в 1889 г. в журнале «Атлантик мансли». В ней Вильсон заявлял, что американская демократия в своем развитии «не имела ничего общего с революцией, она не разрушала старый строй, а только создавала свой собственный...» [7]. И если для буржуазной демократии в США возникала опасность, то, как утверждал Вильсон, это происходило только по вине европейских иммигрантов.

Вильсон напрасно избрал козлом отпущения иностранных рабочих. С тем же успехом он мог бы опол-

читься и на коренных американских пролетариев. Они, как и их товарищи, прибывшие из других стран, выступали с настойчивым требованием введения 8-часового рабочего дня. 1 мая 1886 г. под знаком этого требования в США прошла всеобщая забастовка. Она охватила Нью-Йорк и другие промышленные центры. Два дня спустя над рабочими Чикаго, собравшимися на митинг на Хеймаркетской площади, полицейские учинили кровавую расправу. Эхо этой трагедии было услышано во всей стране и отозвалось далеко за ее пределами. Американские рабочие ответили на полицейскую расправу еще большей решимостью в борьбе за свои права. Как «успокоить» рабочих, как приостановить их выступления против капиталистической эксплуатации? Ответ на эти вопросы, волновавшие американские правящие круги, пытался дать и профессор истории и политической экономии Вильсон.

Автор книги «Государство», осуждая социализм, считал его совершенно неприемлемым для США. Но этим не исчерпывались его взгляды по вопросу о классовой борьбе. Находясь под влиянием идей своего бывшего учителя Р. Эли, а также видного американского экономиста Дж. Кларка, выпустившего в 1885 г. книгу «Философия богатства», Вильсон пришел к выводу, что нельзя обойтись без некоторых уступок рабочему классу. Он предлагал запретить детский труд, сократить рабочий день в отдельных отраслях промышленности, улучшить условия труда и т. п. По его мнению, такие меры разрешили бы противоречия между трудом и капиталом и позволили бы обеспечить всем членам американского общества «равные возможности». Таким образом, Вильсон, стремясь к укреплению позиций американского капитализма, в книге «Государство» впервые высказался в пользу буржуазного реформизма.

В 80-х годах XIX в. в США возник ряд крупных монополий. Наблюдая эти перемены в американской экономике, Вильсон в своей книге верно подметил, что монополизация капитала подрывает сами основы свободной конкуренции. «Современная индустриальная организация,— писал он,— так извратила сущность конкуренции, что она.... позволяет богатым и сильным объединяться против бедных и слабых» [8]. Вильсон, зарекомендовавший себя сторонником свободной торговли, не мог быть безразличным к такому положению. Он заявлял, что, если

использовать государственные рычаги, можно будет положить конец нечестной конкуренции.

Летом 1889 г. новый ректор Принстона Фрэнсис Пэттон предложил Вильсону перейти на работу в этот колледж. Вильсон, считавший Уэслианский университет «недостаточно стимулирующим» учебным заведением, ответил согласием.

За одиннадцать лет, прошедших с тех пор, как Вильсон покинул Принстон, в колледже произошли заметные изменения. Число студентов увеличилось почти вдвое. Стало больше аспирантов. Началась подготовка инженеров и электротехников. Но, несмотря на эти перемены, Принстон оставался аристократическим учебным заведением, в котором, как и раньше, основное место занимало богословие. Естественнонаучные и технические знания были здесь не в почете.

Вильсон приступил к работе в Принстоне в 1890 г. Первые два года он преподавал политэкономию, а затем читал лекции по различным юридическим дисциплинам: американское конституционное право, государственное право, английское обычное право, международное право и общее законоведение.

Он приобрел большую популярность среди студентов. Тайным голосованием они семь раз признали его лучшим профессором Принстона. Рос и научный престиж Вильсона. Ряд университетов, в том числе любимый им Виргинский университет, пригласили его занять должность профессора или стать ректором. Вильсон отказался от этих предложений. Он остался в Принстоне. Однако Вильсон не был удовлетворен работой преподавателя. «Я так устал от того, что только разговариваю о праве. Я хочу чем-нибудь заняться»,— сетовал он на свою судьбу. Однажды С. Эксон спросил своего шурина, не желает ли он стать сенатором. «Я действительно хочу,— ответил Вильсон,— но это невозможно. В нашей стране люди из академических кругов не становятся политиками» [9].

У Вильсона была еще одна мечта — проявить себя в публицистике. Он написал различные эссе: «Быть человеком», «Старый мастер», «Изучение политики» и др. Они были опубликованы в журналах или вышли отдельными изданиями. Однако добиться больших успехов в этой области Вильсон не смог. Эссе не принесли Вильсону литературных лавров, но многие из них впослед-

ствии оказались полезными, став основой для его публичных выступлений.

Вильсон часто и с успехом выступал на политические и религиозные темы в Принстоне и в близлежащих городах. В 1893 г. он с циклом лекций предпринял специальную поездку по США. Его имя приобрело широкую известность в стране, и это сыграло свою роль, когда он несколько лет спустя вышел на политическую арену.

Будущий президент проявлял большой интерес к изучению истории. Он написал ряд книг и статей по истории США. «Они были наиболее объемистой и наименее важной частью его творчества»[10] – такая оценка работ Вильсона в области истории, данная его первым биографом Р. С. Бэйкером, оправданна. Вильсон не имел специальной подготовки, чтобы стать профессиональным историком. В Принстонском колледже он изучал лишь два небольших исторических курса, а в университете Джона Гопкинса посещал раз в неделю занятия исторического семинара. Изучение им исторической литературы было лишено системы. Кроме того, он никогда не занимался исследованиями в области истории. «В свое время я пытался писать работы по истории... Я не имел для этого достаточных знаний»[11], – самокритично говорил о себе принстонский профессор.

Работы Вильсона по истории носили популярный характер и были рассчитаны на учащихся колледжей и широкий круг читателей. С научной точки зрения их ценность мала. Однако они позволяют судить о взглядах автора на важнейшие события в истории США. В этом смысле исторические работы Вильсона – будущего президента США – представляют интерес и поныне.

Остановимся на трех наиболее важных из них: «Разделение и воссоединение. 1829–1889 гг.», «Календарь великих американцев» и «История американского народа». Все они были написаны Вильсоном в годы его преподавательской деятельности в Принстоне.

В книге «Разделение и воссоединение» освещается длительный период в истории США, центральное место в нем занимают Гражданская война, ее причины и последствия. Работа была издана в 1893 г., т. е. почти тридцать лет спустя после окончания этой войны. Однако ее автор так и не отрешился от своих давнишних симпатий к рабовладельческому Югу. Ратуя на словах за беспристрастное отношение к сторонам, участвовавшим в Гра-

жданской войне, он на деле оставался «истинным южанином». «Рабство, – писал он, – представлялось в наихудшем свете, когда на него смотрели глазами северян». Однако с точки зрения южан, продолжал Вильсон, условия, в которых находились рабы, «большей частью были нормальными». В изображении Вильсона рабовладельцы якобы относились к рабам гуманно, проявляли к ним «доброжелательство» и «милосердие». Если же они прибегали к репрессиям, то не по своему желанию. Во всем, оказывается, были виноваты... рабы. Они, как писал Вильсон, «то и дело убегали или пытались скрыться», и поэтому «суровое обращение с ними представлялось необходимым» [12].

Вильсон был последователен: он отрицательно отзывался о противниках рабства. Аболиционисты, возмущался он, разжигали страсти в народе и тем самым привели страну к Гражданской войне. По его мнению, южные штаты отстаивали свои традиционные права, завещанные отцами-основателями, и вследствие этого правда была на их стороне. Вильсон, однако, не ограничивался этим. В «Разделении и воссоединении» он повторил мысль, высказанную им ранее в речи о Брайте: рабовладельцы добивались раскола страны на два отдельных государства и поэтому с исторической точки зрения были не правы. «Если бы не была сохранена целостность нации... – заявлял Вильсон, – мы потерпели бы неудачу во всех отношениях» [13]. Несмотря на такой вывод, в целом книга являлась апологетикой рабовладельческого Юга и поэтому подвергалась справедливой критике. Группа ветеранов армии Севера охарактеризовала взгляды Вильсона на Гражданскую войну в США как «неправильные в принципе, опасные по своей тенденции и унижающие мотивы солдат Союза, сражавшихся... в защиту и за сохранение Союза...» [14].

Откликаясь на предложение издателя «Форума» У. Пэйджа, Вильсон в 1894 г. напечатал в этом журнале исторический очерк «Календарь великих американцев». К числу американцев, занимающих выдающееся место в истории США, он отнес борцов за независимость этой страны – Бенджамина Франклина, Джорджа Вашингтона, Патрика Генри, а также некоторых других политических деятелей. В этом же перечне значатся генералы Грант и Ли, командовавшие армиями Севера и Юга во время Гражданской войны. Наибольшие похвалы Виль-

сон воздал Линкольну, воплотившему, как он писал, «силу необузданного Запада» и «консервативного Востока» и «даже понимавшему нужды Юга». Он назвал Линкольна «наиболее значительным американцем» за всю историю США, так как благодаря его усилиям было сохранено единство страны [15]. Не повезло Александру Гамильтону и Джеймсу Мэдисону, исключенным из указанного перечня. Произошло это не потому, что Вильсон их недооценивал. Причина заключалась в том, что министр финансов в правительстве Вашингтона Гамильтон и президент США в 1809–1817 гг. Мэдисон, как писал автор «Календаря», были «типичными англичанами в Америке». Что касается Томаса Джефферсона, выдающегося прогрессивного деятеля США, творца Декларации независимости, то, по словам Вильсона, он полностью не был американцем. «Спекулятивная иноземная философия (т. е. философия французского Просвещения. – *З. Г.*)... овладела всем его (Джефферсона. – *З. Г.*) мышлением» [16]. В такой оценке взглядов Джефферсона отчетливо прослеживается влияние английского политического деятеля и публициста Эдмунда Бёрка, автора книги «Размышления о французской революции». Вслед за Бёрком, обличавшим революционные события во Франции конца XVIII в., Вильсон считал, что Великая французская революция в своей основе была порочной, а ее идеи имели зловещий и развращающий характер.

В 1902 г. вышла в свет пятитомная работа Вильсона «История американского народа». Позднее он признался: «Я писал ее не ради того, чтобы поучать кого-либо, а с той целью, чтобы самому учиться. Я писал историю Соединенных Штатов для того, чтобы изучать ее» [17].

Вильсон поставил перед собой большую задачу: осветить историю США от колониального периода до конца XIX в. При этом все внимание он уделил политической жизни США, их государственным деятелям. Его труд не соответствует своему названию: в нем нет истории американского народа. Более того, книга Вильсона излагает историю США с консервативных позиций. Этим особенно отличается последний, пятый том, охватывающий период с 1865 по 1900 г.

Благодаря ускоренному развитию капитализма как вширь, так и вглубь США в конце XIX в. превратились в мощную индустриально-аграрную державу, заняв первое место в мире по выпуску промышленной продукции.

По объему промышленного производства США с 1894 г. превзошли Англию и Германию, вместе взятые[18].

Несмотря на эти качественные изменения в экономике США, Вильсон в «Истории американского народа» уделил им очень мало внимания. Объясняется это тем, что он тогда проявлял незначительный интерес к проблемам экономического развития США да к тому же был не очень сведущ в вопросах экономики.

Бурный рост экономики США был неразрывно связан с интенсивным процессом возникновения и развития монополистического капитала. Контроль над ключевыми позициями в экономике захватили рокфеллеровский нефтяной трест «Стандард ойл», Стальной трест Карнеги, Международная компания жатвенных машин Маккормика, сахарный и табачный тресты, железнодорожная корпорация Вандербильта, «Дженерал электрик К°» и другие монополии, а также банки Моргана, Рокфеллера и Меллона. Олицетворением всесилия финансового капитала стал Уолл-стрит. Вильсон не мог не признать, что дальнейший рост монополий таит опасность установления «контроля небольшого числа лиц над экономической жизнью страны» и что это «может даже привести к постоянной деморализации самого общества и государства»[19]. Где же выход? Вильсон видел его только в свободе частного предпринимательства. Поэтому он теперь возражал против контроля над трестами.

Усиление экономического могущества США отнюдь не шло на пользу трудящимся массам. Напротив, живя в крайне тяжелых условиях, они подвергались жестокой эксплуатации. Колоссальные богатства были сосредоточены в руках горстки монополистов. В США, как ни в какой другой стране мира, образовалась глубочайшая пропасть между верхушкой буржуазии и простыми тружениками. Приведем лишь один пример. Мануфактурный фабрикант М. Фильд, а он был не самым богатым человеком в США, владея капиталом в 200 млн. долл., каждый час получал прибыль в размере от 500 до 700 долл. С богатством Фильда резко контрастировала нищенская жизнь рабочих, занятых на его многочисленных предприятиях. Их заработная плата составляла 12 долл. в неделю и меньше. Когда они «возвращались после трудового дня в свои жалкие норы, – писал буржуазный историк Густав Майерс, – им приходилось подкреплять свои силы скудной пищей, состоящей из самых

дешевых предметов питания, – обычно, черствым хлебом... Немногие из этих рабочих имели более одного комплекта одежды. Они не могли позволить себе никаких развлечений и слишком уставали, чтобы читать или разговаривать. Ночью они спали часто по восемь и десять человек в одной комнате, так как каждый экономил на квартирной плате»[20].

Такая нужда была характерна для многих американских рабочих. Особенно незавидной оказалась судьба сотен тысяч иммигрантов, хлынувших в конце XIX – начале XX в. в поисках счастья в Новый Свет. Тяжелой была и жизнь мелких фермеров.

Вильсона, однако, не тревожила судьба трудовой Америки. Как отмечал один из его биографов, он «ничего не знал о тяжелой борьбе за существование, которая была характерна для жизни столь многих его современников. Он никогда не знал об экономической неуверенности, нищете или страхе за будущее, никогда не имел каких-либо личных контактов с трудящимися классами»[21]. Вильсон даже не предпринимал попыток разобраться в причинах, побуждавших рядовых американцев бороться за свои интересы. Созданная в конце XIX в. фермерская партия популистов при поддержке рабочей организации «Орден рыцарей труда» потребовала введения прогрессивного подоходного налога, национализации железных дорог и телеграфа, введения 8-часового рабочего дня и других реформ в пользу народа. Вильсон выступил против этой партии, заявляя, что ее программа «отдает экстремистскими экспериментами в области законодательства»[22].

Главными мишенями нападок в «Истории американского народа» стали социализм и рабочее движение. Вильсон категорически отвергал социалистические идеи, совершенно не допуская мысли о национализации промышленности и транспорта. В мае 1894 г. прекратили работу вагоностроители компании «Пульман». Вскоре стачка, руководимая Объединенным железнодорожным союзом, охватила свыше двадцати железных дорог США. На ее подавление были брошены правительственные войска. В результате двенадцать рабочих было убито, несколько десятков ранено. Эта расправа, учиненная по приказу президента США Г. Кливленда, вызвала глубокое возмущение в стране. Иной была реакция Вильсона. В «Истории американского народа» он с раздраже-

нием писал о пульмановской стачке и с похвалой отозвался об использовании федеральных войск против нее. Благодаря этому, писал автор книги, «был восстановлен порядок и снова утвердилась законность»[23]. Вильсон вновь откровенно высказал свое недовольство рабочими-иммигрантами. В оскорбительном тоне он отзывался о «множестве лиц из самых низких слоев (населения.— *З. Г.*)»[24] юга Италии, Венгрии и Польши, ежегодно пополнявших армию наемного труда в США.

Вильсон взял на вооружение теорию известного американского историка Фредерика Тэрнера, согласно которой определяющим фактором развития США явилось перемещение границ на Запад. Когда же свободные земли были освоены, тогда, по мнению Вильсона, перед США открылась перспектива завоевания мировых рынков, главный из которых – бассейн Тихого океана. Приветствуя экспансию американского капитала, он в книге «История американского народа» утверждал, что США смогут в дальнейшем «овладеть экономическими богатствами мира»[25]. В связи с тем что в результате войны с Испанией в 1898 г. американцы захватили Филиппины, Вильсон говорил, что США должны теперь использовать этот архипелаг в качестве своего плацдарма на Дальнем Востоке. США, утверждал он, нуждаются в Филиппинах для создания своих «новых границ»[26]. Так автор «Истории американского народа» заявил о себе как о рьяном защитнике империалистической политики США.

9 июня 1902 г. в жизни Вильсона произошло большое событие. В этот день Пэттон подал в отставку с поста ректора Принстона (в 1896 г. в связи со стопятидесятилетием этот колледж был преобразован в университет) и рекомендовал попечительскому совету избрать вместо себя профессора Вильсона. Эта кандидатура без какого-либо обсуждения получила единодушную поддержку. Сказался высокий авторитет, которым пользовался Вильсон. Сыграло свою роль и то, что он сохранил дружеские отношения с рядом влиятельных бизнесменов, в свое время являвшихся его однокурсниками. Итак, Вильсон стал новым ректором университета. Впервые Принстон был возглавлен человеком, не имевшим духовного звания.

Несмотря на то что Вильсон никогда раньше не занимался административными делами, он верил в свою способность справиться с новыми обязанностями. «Я со-

знаю, причем очень серьезно, важность ответственности, которая ложится на меня, — писал Вильсон одному из попечителей университета, — но я рад сказать, что не ощущаю ее как бремя. Я рад посвятить себя полностью задаче, стоящей передо мной сейчас»[27].

Университетские круги и печать США благожелательно отнеслись к переменам в Принстоне. С особым удовлетворением они были встречены на Юге: ректором крупного университета, находящегося на Севере, стал южанин. Ричмондская газета «Тайм» ликовала: «Население Виргинии преисполнено гордости... он (Вильсон. — *З. Г.*) виргинец, истинный виргинец»[28].

Осенью 1902 г. в ряде городов США на рекламных щитах Пенсильванской железной дороги были расклеены афиши: «Инаугурация Вудро Вильсона в должности ректора, а также футбол Колумбия — Принстон, Нью-Джерси, 25 октября 1902 г.». В Принстон стали съезжаться многочисленные гости. Туда прибыли экс-президент Кливленд, губернатор штата Ф. Мэрфи, писатель Марк Твен, негритянский деятель Букер Вашингтон, Роберт Линкольн (сын Авраама Линкольна), крупнейший банкир Джон Пирпонт Морган, стальной магнат Генри Фрик, делегации более ста университетов и колледжей США, друзья Вильсона Пэйдж и Уильям Маккомбс, издатель журнала «Харперс уикли» Джордж Гарви и другие почетные гости.

В назначенный день в Принстоне состоялись большие торжества по случаю официального вступления Вильсона на пост ректора университета. Первым на церемонии произнес речь Кливленд, после него на трибуну поднялся Пэттон. Затем с речью «Принстон на службе страны» выступил Вильсон. Он говорил о том, что США нуждаются в квалифицированных и образованных специалистах и что задачей университета является их подготовка. Остановился он и на политических проблемах, подчеркнув, в частности, что в недалеком будущем США, «очевидно, придется руководить миром»[29].

Новый ректор весьма энергично взял в руки бразды правления. В Принстон были приглашены видные американские и иностранные ученые, была введена специализация для старшекурсников и повышены требования на экзаменах. Вильсон принял меры по укреплению дисциплины, отчислив нерадивых студентов. Университет пополнился новыми учебными корпусами и общежития-

ми. Вскоре благодаря Вильсону Принстон стал одним из ведущих учебных и научных центров США.

«Я не намереваюсь предлагать, чтобы мы *заставили* студентов все время учиться, но я предлагаю сделать так, чтобы *они сами все время желали* учиться»[30] (курсив мой. – *З. Г.*). В этих словах Вильсона, сказанных им в декабре 1902 г. на встрече с бывшими питомцами Принстона, была выражена его решимость провести реформы в университете. Первым шагом явилось введение системы наставничества. Суть этой меры заключалась в прикреплении небольших групп студентов младших курсов к молодым преподавателям, с тем чтобы последние постоянно общались со своими подопечными и проводили с ними дополнительные занятия. К слову сказать, это первый опыт введения такой системы в американских высших учебных заведениях.

В 1896 г. Вильсон отправился в Англию лечить неврит. Это была его первая поездка за океан. Спустя три года он вторично посетил родину своих предков. В 1905 г. у Вильсона так воспалился локтевой нерв правой руки, что он не мог даже подписывать документы. Поэтому летом 1906 г. ему снова пришлось поехать туда на лечение.

Находясь в Великобритании, Вильсон имел возможность непосредственно познакомиться с Оксфордом и Кембриджем. На него произвели большое впечатление как постановка обучения, так и принципы организации студенческих клубов в этих старейших английских университетах. Подобные клубы он решил создать в Принстоне.

Чем было вызвано это новшество? Клубы, существовавшие в Принстонском университете, строго говоря, не отвечали своему назначению. Скорее это были те места, где студенты любили проводить свободное время. Клубы студентов различных курсов не имели никаких связей между собой, не считая разве что их конкуренции и соперничества в убранстве интерьеров. Это производило удручающее впечатление на Вильсона. Его сильно беспокоило, что «клубы» не объединяют, а разъединяют студентов и отвлекают их от занятий.

В декабре 1906 г. ректор представил совету попечителей план реорганизации университетских клубов. Речь шла об объединении студентов в ассоциации независимо от года учебы. По мнению Вильсона, это должно было

способствовать повышению интереса студентов к учебе и расширению их кругозора.

В университете вокруг плана ректора разгорелись страсти. Одни из попечителей и профессоров опасались ломки традиций Принстона, другие, как, например, попечитель Б. Генри, усматривали в ликвидации богатых клубов... опасность социализма.

Среди оппонентов Вильсона находился профессор античной литературы Эндрю Вест. В 1900 г. по его инициативе в Принстоне была создана аспирантура, и он деятельно взялся за руководство ею. Вест добивался от Вильсона принятия мер по сооружению жилого корпуса для аспирантов, однако дело не двигалось с места. Реорганизация системы клубов могла, по мнению Веста, затянуть строительство этого корпуса. Вест был раздражен. Назревающий конфликт между ректором и профессором, усугублявшийся их взаимной неприязнью, готов был прорваться наружу.

Вест давно мечтал стать ректором Принстона, но избрание Вильсона на этот пост спутало его карты. Его внешняя предупредительность и корректность не смогли ввести в заблуждение ректора. Опасаясь козней со стороны влиятельного руководителя аспирантуры, Вильсон не случайно обронил многозначительную фразу: «Если Вест начнет плести интриги против меня, как он это делал против Пэттона, *мы тогда должны будем посмотреть*, кто (из нас. – *З. Г.*) *является хозяином*»[31] университета. Спор между Вильсоном и Вестом обострялся. Оба они были самолюбивы, ни один из них не намерен был пойти на уступки. В общем, «нашла коса на камень».

Вест смог привлечь на свою сторону ряд видных профессоров университета, его поддерживали бывший президент США Кливленд, являвшийся в это время председателем попечительского комитета аспирантуры, и другие лица, пользовавшиеся большим влиянием в Принстоне. Чаша весов стала склоняться на его сторону, и в результате 17 октября 1907 г. совет попечителей предложил ректору отказаться от клубной реформы. У Вильсона мелькнула мысль об уходе в отставку. Но вскоре он отказался от нее. «Я буду сражаться»[32], – твердо заявил он. Однако ему не удалось провести задуманную реорганизацию студенческих клубов. Это было его первым поражением на посту ректора университета.

Разногласия между Вильсоном и его главным противником вызвал также вопрос о месте строительства аспирантского корпуса. Вест, намеревавшийся управлять аспирантурой по своему усмотрению, настаивал на его сооружении за пределами университетского городка. Вильсон категорически возражал, не собираясь выпускать из своих рук контроль над аспирантскими делами.

Позиция Веста укрепилась, когда его друг, крупный фабрикант У. Проктор, пожелал дать полмиллиона долларов на нужды строительства при условии, что корпус разместится за чертой кампуса. Попечители согласились с таким условием. «Принятие этого дара полностью выбивает из моих рук управление университетом...» [33] – с горечью констатировал Вильсон. Но это было еще не все. Нежданно-негаданно пришла весть из Массачусетса: некий А. Уаймен перед смертью завещал Принстону большую сумму денег (по оценке газет, она колебалась от 2 до 4 млн. долл.) на учреждение в университете фонда его имени, а также на строительство аспирантского корпуса. В завещании содержалось непременное требование, чтобы во главе аспирантуры находился Вест. «Мы уже боролись с живыми, но не можем сражаться с покойниками. Игра закончена» [34], – разочарованно отмечал Вильсон. Это было его второе поражение в Принстонском университете.

20 октября 1910 г. Вильсон известил совет попечителей о своем уходе с поста ректора. Попечители согласились принять эту отставку. Признавая научный авторитет Вильсона, они присвоили ему звание доктора права [35].

До того как Вильсон расстался с постом ректора, съезд демократов Нью-Джерси выдвинул его кандидатуру на пост губернатора штата. Поэтому, навсегда оставляя Принстонский университет, Вильсон без сожаления сжигал свои корабли.

В его жизни начиналась новая страница. Но прежде чем рассказать об этом, нам придется вернуться к тому времени, когда Вильсон исподволь занялся подготовкой своей будущей политической карьеры.

Глава III

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Деятельность Вильсона на поприще образования дала свои плоды. Чтение лекций по истории, политическим, правовым и социально-экономическим проблемам не только углубило его знания о прошлом, но и помогло разобраться в современной политической жизни. Крепла и его уверенность в возможности проложить себе путь к руководству государственными делами. Формированию и развитию социально-политических взглядов Вильсона способствовала также его научная работа.

В 1908 г. вышла его новая книга «Конституционное правительство в Соединенных Штатах». Она состояла из серии лекций, прочитанных им годом раньше в Колумбийском университете. Основной ее идеей было утверждение, что первенствующее место на политической авансцене страны должно принадлежать не конгрессу, а президенту. Президент «является политическим лидером нации... Он единственный выразитель ее интересов» [1], – писал Вильсон. Забегая несколько вперед, заметим, что этот труд появился как раз в то время, когда обсуждался вопрос о выдвижении кандидатуры Вильсона на пост президента США. Невольно складывается мнение, что автор книги пытался заблаговременно освоиться с той высокой ролью, которую ему прочили.

Вильсон считался одним из видных специалистов по теории государства и права, и его работы по этим проблемам высоко оценивались в стране. Благодаря дружеским связям с главой треста по производству жатвенных машин С. Маккормиком и руководителем медного треста К. Доджем, с которыми Вильсон был близок еще в студенческие годы, он мог поддерживать контакты с миром большого бизнеса. Но этого было недостаточно для продвижения к вершинам государственной власти. Кроме того, у Вильсона отсутствовал практический опыт в политических делах. Поэтому он крайне нуждался в со-

действии искушенного в политике человека. Вильсону повезло: большую помощь ему оказал известный американский журналист Дж. Гарви.

Будущий секретарь президента Вильсона Джозеф Тьюмэлти назвал Гарви «генералиссимусом вильсоновского войска»[2]. Возможно, в этом высказывании есть доля преувеличения, однако в политической карьере Вильсона Гарви бесспорно сыграл значительную роль. Именно ему Вильсон в значительной степени обязан тем, что смог занять высший государственный пост в стране.

Будучи вначале рядовым репортером, Гарви затем приобрел журнал «Норс американ ревью». Разбогатев, он стал младшим партнером Моргана. С его помощью Гарви в 1899 г. возглавил издательскую фирму «Харперс энд Бразерс К°», а через два года приступил к изданию журнала «Харперс уикли». Политические взгляды Гарви и его деятельность в демократической партии были вполне созвучны интересам крупного капитала.

Книга Вильсона «История американского народа» привлекла к себе пристальное внимание Гарви. Вскоре ему представилась возможность познакомиться и с самим автором.

Речь Вильсона на торжественной церемонии в Принстоне произвела на Гарви глубокое впечатление. В лице нового ректора Принстонского университета Гарви увидел не только убежденного консерватора, но и деятеля, способного идеологически обосновать политику демократической партии. «Я думаю,– сказал он своему сыну по возвращении домой из Принстона,– что он (Вильсон.– *З. Г.*) станет очень хорошим президентом Соединенных Штатов»[3].

Чтобы укрепиться в своем мнении, Гарви принялся читать работы Вильсона. Среди них большой интерес вызвала у него статья «Идеалы Америки» (она была опубликована в журнале «Атлантик мансли» в декабре 1902 г.). «Это мощное движение народа, почти всегда направленное к новым границам в поисках новых земель, новой энергии, подлинной вольности девственного мира, подобно року, управляло нашей линией поведения, формировало нашу политику. Оно дало нам не только Луизиану, но и Флориду. Оно ускорило войну с Мексикой и принесло нам побережье Тихого океана, вовлекло Техас в Союз. Благодаря ему далекая Аляска стала территорией США. И кто скажет, когда этому придет конец?..

Нет сомнений, что в нашей жизни происходит большой переворот. Ни одна война не преобразовывала нас так, как война с Испанией... Сражение при Трентоне (в этом бою армия Вашингтона в декабре 1776 г. одержала крупную победу над англичанами. – *З. Г.*) – такое же важное событие, как битва при Маниле (в этой битве морская эскадра США во главе с адмиралом Дж. Дьюи 27 апреля 1898 г. разгромила испанский флот. – *З. Г.*). Нация, которая сто двадцать пять лет тому назад находилась в процессе становления, теперь шагает вперед, выходя на мировую арену»[4]. Такая откровенная защита Вильсоном экспансионистской политики США особенно импонировала Гарви.

29 ноября 1904 г. Вильсон выступил в Нью-Йорке с речью «Политическое будущее Юга». К этому времени демократическая партия потерпела новое поражение на выборах, и президентом США был избран республиканец Теодор Рузвельт. На выборах от демократической партии баллотировался Элтэн Паркер, а не Уильям Брайан, однако реакционные демократы виновником поражения сочли последнего. Неприязненное отношение к лидеру партии со стороны этих кругов имело под собой подоплеку: «великий простолюдин», как называли Брайана, был известен связями с популистским движением и призывал к борьбе с трестами. Эта репутация радикала и борца за интересы народа вызывала недовольство Брайаном со стороны правых элементов демократической партии. К ним присоединился и Вильсон. Кардинальное средство укрепления партии он видел в том, чтобы влить в нее консервативную струю, и поэтому призывал раз и навсегда избавиться от Брайана и его друзей, придерживавшихся, как он считал, радикальных теорий. Необходимость, по словам принстонского профессора, «реабилитации» демократов объяснялась тем, что «страна, продвигающаяся по пути большого материального прогресса, не нуждается и не будет терпеть партию недовольных или сторонников радикального эксперимента. Она нуждается в партии консервативных реформ, действующей в духе закона и старых общественных институтов»[5]. Гарви по достоинству оценил и это выступление Вильсона. Он еще раз убедился в том, что его фаворит – плоть от плоти консервативных кругов демократической партии.

3 февраля 1906 г. было знаменательным днем для

Вильсона. На обеде, данном в его честь в Лотос-клубе в Нью-Йорке, Гарви публично заявил, что Вильсон обладает необходимыми качествами, чтобы стать президентом США. Неделю спустя на первой странице издаваемого им еженедельника «Харперс уикли» появился портрет ректора Принстонского университета. Здесь же была опубликована речь Гарви в Лотос-клубе вместе с его разъяснением, что высказанная им мысль об избрании Вильсона президентом «не была поспешной или необдуманной»[6]. Вслед за «Харперс уикли» в поддержку кандидатуры Вильсона на пост президента выступили журнал «Норс америкен ревью», нью-йоркские газеты «Уорлд», «Сан» и другие консервативные органы печати.

Гарви, хорошо знакомый с политической машиной США, понимал, что одной рекламы недостаточно, чтобы сделать Вильсона президентом. Он сознавал также, что для практического решения вопроса о баллотировке Вильсона на этот пост последнему необходимо приобрести политический опыт. Вскоре такая возможность представилась. Осенью 1906 г. в штате Нью-Джерси предстояли выборы сенатора. Вильсон не заставил себя уговаривать и согласился выставить свою кандидатуру, хотя знал, что тем самым может перебежать дорогу своему бывшему товарищу по учебе в Принстоне Э. Стеффенсу. Тот, однако, не уступил увещеваниям Гарви и Вильсона, и им пришлось отказаться от своего замысла. Тогда у Гарви возникает новая идея: Вильсон первоначально должен стать губернатором Нью-Джерси, а потом уже домогаться избрания на пост президента США.

Тем временем Вильсон продолжал выступать с политическими речами. 16 апреля 1906 г. он произнес речь в национальном клубе демократической партии в Нью-Йорке. В зале находились руководители нью-йоркской организации демократов, члены национального комитета партии, сенаторы, конгрессмены, а также магнат Т. Райан, банкир О. Бельмонт, издатель нью-йоркской газеты «Сан» У. Лаффан и другие лица, известные своими консервативными взглядами. Вильсон, тщательно готовясь к этому выступлению, четыре раза перерабатывал текст речи. Первый его удар был направлен против социализма. Такие идеи, заявил он, следует решительно отклонить. Несмотря на развернувшуюся в стране антитрестовскую кампанию, Вильсон, откровенно защищая интересы монополий, высказался против вмеша-

тельства государства в дела экономики. Об этом же Вильсон писал в статье «Политика» (1857–1907 гг.), опубликованной в ноябре 1907 г. Он заявил, что государственное регулирование экономики, «конечно, носит социалистический характер»[7] и поэтому с ним нельзя мириться.

О тогдашних взглядах Вильсона можно судить и по документу «Кредо», специально написанному им для Райана и Лаффана. Автор «Кредо» утверждал, что основой современного бизнеса являются монополии и что подавляющее большинство их деловых операций носит законный характер. Тресты, продолжал он, приносят пользу обществу, и поэтому следует всячески избегать государственного регулирования экономики.

Казалось, все ясно: Вильсон – закоренелый апологет монополий, убежденный консерватор, неизменный противник любых реформ и т. д. Но если бы подобное суждение соответствовало действительности, он предстал бы в глазах современников и последующих поколений лишь как заядлый реакционер, твердолобый деятель. Однако такая характеристика Вильсона расходится с тем мнением, которое давно сложилось о нем.

Вильсон – сложная политическая фигура. Писать его портрет одной краской – значит не только упростить задачу, но и впасть в заблуждение. Вильсон отнюдь не был прямолинейным догматиком. Он исходил из того, что изменение обстоятельств всегда влечет за собой выбор новых средств, и поэтому старался проявлять гибкость. Искусством лавирования Вильсон начал овладевать еще до того, как стал президентом.

В 1908 г. во взглядах Вильсона наметился отход от консерватизма. Он больше не защищал монополий, а требовал положить конец их произволу. Возвращаясь на круги своя, он теперь призывал к государственному регулированию экономики. Что побуждало Вильсона менять свою позицию? Ответить на такой вопрос – задача непростая: документальных данных на этот счет нет. Очевидно, на него оказал влияние ряд факторов, в том числе и конфликт с консервативными элементами Принстона. Решающим обстоятельством, надо полагать, явилось стремление Вильсона добиться своего избрания на пост губернатора Нью-Джерси, который он рассматривал как трамплин для последующей борьбы за Белый дом.

Первым признаком изменения тактики Вильсона явился его адрес «Банкиры и нация», с которым он выступил осенью 1908 г. на собрании членов американской банковской ассоциации в Денвере. Основной тезис адреса состоял в том, что власть в США принадлежит плутократии, а это приводит к обострению борьбы между нею и народом, к распространению социалистических идей. Если не провести реформ, заявлял Вильсон, наступление социализма в США неизбежно. Идея реформ станет лейтмотивом последующих его выступлений.

Широкий резонанс вызвала речь Вильсона на собрании в Нью-Йорке 17 января 1910 г., на котором присутствовали крупные банкиры Д. П. Морган, Ф. Вандерлип, А. Хэпберн, Дж. Рейнолдс, Дж. Бэйкер и др. Обращаясь к представителям финансовой элиты, Вильсон критиковал их за то, что они «слишком ограниченны», «не знают страну и то, что происходит в ней». Банки заботятся только о крупных корпорациях, игнорируют нужды мелких хозяев, от которых, как заявил оратор, зависит «будущее страны». Продолжая поучать банкиров, Вильсон призвал их отказаться от узости мышления, «широко смотреть на вещи и видеть то, что в конце концов лучше всего для страны»[8].

Морган, внимательно выслушавший речь Вильсона, был явно раздражен. Но он упрощенно оценил ситуацию. Гарви оказался значительно проницательнее. В этой связи представляет интерес замечание, сделанное позднее Дж. Даниэлсом, будущим морским министром в администрации Вильсона. «Гарви, несомненно, сказал Моргану,— писал Даниэлс,— что все лица, занимающиеся политикой, должны «сделать выпад (*must take a fling*) в адрес Уолл-стрита», но он верил, что Вильсон, став президентом, никогда не сделает чего-либо для ослабления его (Уолл-стрита.— *З. Г.*) могущества»[9]. Гарви был прав: нападки Вильсона на монополии представляли собой определенный тактический ход. Недаром Гарви заявлял, что в душе Вильсон оставался консерватором. Факты подтверждают это.

«Прогрессист» Вильсон, как и прежде, резко критиковал Брайана. Он характеризовал его взгляды как «глупые» и «опасные»[10]. Еще более отрицательно относился он к организованному рабочему движению. Вильсон обвинял профсоюзы в том, будто они ущемляют интересы неорганизованных рабочих. «Я являюсь горячим

сторонником «оупэн шоп» (т. е. предприятия, открытого для нечленов профсоюзов.— *З. Г.*) и всего, что делается ради индивидуальных рабочих»[11],— писал он в январе 1909 г. Вильсон не зря называл себя «прогрессистом с тормозом»[12].

Гарви нечего было беспокоиться. Он продолжал оказывать помощь ректору Принстонского университета в реализации его политических устремлений. 15 мая 1909 г. он писал в «Харперс уикли»: «Мы теперь рассчитываем на избрание Вудро Вильсона губернатором штата Нью-Джерси в 1910 г. и назначение его кандидатуры на пост президента в 1912 г. ...»[13] Вскоре после речи Вильсона на собрании банкиров в Нью-Йорке Гарви занялся практическим осуществлением составленной им программы действий. Он встретился с партийной верхушкой штата Нью-Джерси, возглавляемой Джеймсом Смитом. Речь шла о предстоящих выборах губернатора штата.

Смит, или, как его обычно называли, Большой Джим, на первый взгляд казался простаком. В действительности это был прожженный делец. Начав карьеру рядовым клерком, он достиг звания сенатора, затем выгодно занялся бизнесом и снова вернулся к политике, подчинив своему контролю организацию демократической партии в Нью-Джерси. Этот видавший виды политикан опасался, что Вильсон, став губернатором, может попытаться свести на нет роль руководимого им партийного механизма. Вильсону пришлось заверить Смита, что ему нечего опасаться подвохов с его стороны. Партийный босс принял к сведению это обещание.

Большой Джим, однако, больше всего полагался на самого себя. Рассчитывая на сговорчивость Вильсона, он выразил готовность поддержать его на выборах. Теперь, как заметил Гарви, ректор Принстонского университета мог без труда получить согласие верхушки демократов штата на выдвижение его кандидатуры на губернаторский пост. Так оно и произошло. Представители ряда крупных корпораций («Юнайтед стэйтс стил корпорейшн», «Стандард ойл К°» и др.) и руководитель комитета демократической партии в Нью-Джерси Дж. Ньюджент (племянник Смита) 10 июля 1910 г. встретились с Вильсоном, после чего решили добиваться избрания его губернатором штата.

Вильсон быстро нашел общий язык с правящей эли-

той. Но он понимал, что для победы на выборах нужно заручиться поддержкой рядовых американцев. Поэтому Вильсон стал представлять себя выразителем интересов народных масс. Так, выступая 16 апреля 1910 г. с речью в Питсбурге перед группой бывших питомцев Принстона, он заявил, что великую творческую силу общества составляют не богачи, а «большие массы неизвестных, непризнанных людей, чьи способности развились в борьбе... Великий голос Америки...– продолжал Вильсон,– доносится к нам в приглушенном шуме полей и лесов, ферм, заводов и мельниц, звуча все громче и громче...» [14].

Будущий президент был далек от признания решающей роли народных масс в истории. И если он говорил об огромном значении людей труда для судеб страны, то это следует объяснить конъюнктурными соображениями, обусловленными преддверием выборов. Но Вильсон переусердствовал. Его речь в Питсбурге вызвала недовольство власть имущих, а крайне правые из них забили тревогу. Вильсону пришлось оправдываться, заверяя своих влиятельных друзей, что в последнем выступлении допустил «дурацкую оплошность» [15]. После этого он стал более осторожным. Теперь Вильсон старался так соразмерять свои высказывания, чтобы добиться поддержки избирателей, сохраняя вместе с тем доверие консерваторов.

Социальная демагогия, к которой Вильсон в это время прибегал, не являлась чем-то исключительным. История знала немало примеров, когда политические деятели так или иначе заигрывали с народом. Но Вильсон был не просто демагогом, проявившим, кстати говоря, незаурядные способности в этой области. Он был умным буржуазным деятелем, чутким к изменениям ситуации, и в этом надо отдать ему должное.

Стоя на страже интересов буржуазного строя в США, Вильсон быстро улавливал настроения в стране, прислушивался к голосу народных масс и учитывал их недовольство засильем монополий. Наряду с Т. Рузвельтом, Д. Ллойд Джорджем и другими политиками подобного рода у него постепенно складывалась уверенность, что посредством буржуазных реформ можно отвлечь массы от революционной борьбы. Он утверждал, что социализм не способен избавить американское общество от болезней, порождаемых капитализмом. Более того, по

словам Вильсона, он особенно опасен централизованным и «бесчестным» контролем.

Несмотря на заверения Вильсона в своей приверженности к реформам, его кандидатура вызвала оппозицию. Прогрессисты-демократы (Ф. Кэтценбеш, М. Сэлливен, Дж. Тьюмэлти и др.) заявляли, что Вильсон – ставленник банкиров и хозяев корпораций Нью-Йорка и Нью-Джерси. 17 августа съезд федерации труда Нью-Джерси принял специальную резолюцию, призывавшую всех трудящихся штата не допустить избрания Вильсона губернатором, так как он, являясь «орудием или агентом... интересов Уолл-стрита»[16], выступает против объединения рабочих в профсоюзы. 15 сентября 1910 г. в Трентоне открылся съезд демократов штата Нью-Джерси. В противовес Вильсону прогрессисты добивались выдвижения кандидатом на пост губернатора Кэтценбеша. Но старания Гарви, Смита и Ньюджента, а также отсутствие единства в рядах прогрессивных демократов помогли Вильсону одержать победу.

Началась официальная избирательная кампания. Первые контакты Вильсона с рядовыми американцами не принесли ему лавров. Его «имидж» оказался неудачным. Вильсон никогда раньше не выступал перед простыми людьми и поэтому не умел находить с ними общий язык.

Спустя немного времени он, однако, вполне освоился с новой для него аудиторией и даже снискал у нее популярность. Острое словцо, шутка, а главное, умение так формулировать свои мысли, чтобы они импонировали избирателям, принесли ему успех. Вильсон осуждал монополии, призывал к принятию против них соответствующих законов. Он бичевал коррупцию не только в республиканской партии, но и в среде демократов. Вильсон настолько увлекся, что незадолго до выборов назвал себя «мятежником». Его обличительные тирады имели определенное назначение – добиться содействия прогрессистов, а с их помощью повлиять на расположение к нему рядовых граждан США. В его задачу входило также парализовать оппозицию тред-юнионов. Поэтому он то пытался оправдаться перед ними, то ратовал за либеральную политику в рабочем вопросе.

Гарви и его друзья всемерно содействовали Вильсону. Среди тех, кто оказывал ему финансовую помощь в проведении выборной кампании, находились сам Гарви,

Райан, железнодорожный магнат Ф. Стетсон, банкир Дж. Янг и др. Наибольшую сумму (50 тыс. долл.) внес в избирательный фонд Смит. Эта помощь сыграла важную роль в победе Вильсона. 8 ноября он был избран губернатором Нью-Джерси.

Избрание Вильсона нельзя рассматривать изолированно от обстановки в стране. Администрация республиканца Тафта скомпрометировала себя реакционной политикой. Этим немедленно воспользовалась демократическая партия. Губернаторами Нью-Йорка, Массачусетса, Мэна, Миссури, Огайо, Мэриленда, Кентукки и ряда других штатов стали демократы. Демократическая партия одержала убедительную победу и на выборах в палату представителей.

У Вильсона давно сложилось мнение, что реальный смысл власти – в полноте ее полномочий. Теперь у него была возможность воплотить свои взгляды в действительность. Отсюда неизбежно вытекали столкновения с теми, кто стоял на его пути. Вильсон не был новичком в баталиях со своими недругами. Позади у него была солидная школа в Принстоне. «Я признаюсь Вам, как уже признался другим, – сказал он одному из своих друзей, – что по сравнению с университетскими политиканами выступления других противников выглядят как дилетантство»[17].

Вильсон на деле доказал твердость своей позиции, прежде всего в конфликте со Смитом. Партийный босс Нью-Джерси, поддерживая Вильсона на выборах, не только хотел ослабить прогрессистов-демократов, но и преследовал корыстную цель – вернуться в сенат. Однако прогрессисты намеревались послать в сенат своего представителя Дж. Мартина, собравшего большинство голосов на предварительных выборах.

Кандидатура Мартина, давнишнего сторонника Брайана, не вызывала восторга у губернатора. Но Вильсон, выбирая из двух зол меньшее, решил выступить на его стороне. Он надеялся, что это поможет ему самому использовать прогрессистов в борьбе против Смита и его сторонников, а также в осуществлении своей программы в штате. Большой Джим, однако, не собирался отступать – он объявил о своем намерении стать сенатором. Вильсон тотчас принял его вызов и открыто высказался в пользу Мартина. В середине января 1911 г. состоялась церемония вступления Вильсона в должность

губернатора, а вскоре легислатура (законодательное собрание штата) занялась выборами сенатора. В результате нажима со стороны нового губернатора сенатором был избран Мартин. Смит потерпел большую неудачу. «Я считаю, — заявил разгневанный партийный босс, — что Вильсон является самым опасным человеком, с которым мы когда-либо сталкивались в общественной жизни»[18].

Вильсон занялся проведением в жизнь обещанных реформ. Первая из них предусматривала введение закона о прямых выборах всех должностных лиц в графствах и штате. Смит и в особенности Ньюджент, опасаясь ослабления влияния партийной машины, выступили против этого законопроекта. Но, несмотря на их противодействие, легислатура решила ввести прямые выборы.

Политическая жизнь в Нью-Джерси, как, впрочем, и в других штатах, была, в сущности, основана на коррупции. Здесь царили подкуп и взяточничество, разъедавшие в одинаковой степени и демократическую и республиканскую партии. Эпидемия этой болезни особенно широко распространялась во время выборов, когда обе стороны использовали самые низкопробные средства в борьбе за власть: скупку голосов, составление списка «мертвых душ» с оплатой каждого такого «избирателя» в размере двух долларов и т. д.

Коррупция вызывала законное возмущение американской общественности. Ее пытались искоренить прогрессивные писатели и публицисты, прозванные «макрейкерами» (разгребателями грязи): Линкольн Стеффенс, И. Тарбелл, Эптон Синклер, Френк Норрис и др. Но она не только не уменьшилась, а стала принимать новые формы. Вильсон решил внести лепту в борьбу с коррупцией. При его активной поддержке в штате был принят закон, предусматривавший некоторые меры по борьбе с продажностью государственных служащих (штраф, увольнение с должности и др.).

Одна из реформ, проведенных Вильсоном, касалась предприятий и служб общественного пользования (железные дороги, газ, электричество, телефон, телеграф и т. д.). В соответствии с новым законом губернатор с согласия сената создал комиссию из трех человек. В ее задачу входили фиксация расценок на коммунальные услуги и контроль над финансовыми операциями всех фирм, занятых в этой сфере.

В первое десятилетие XX в. США отставали от Гер-

мании, Англии и Италии в области трудового и социального законодательств, а в самих США штат Нью-Джерси был, пожалуй, в этом отношении наиболее отсталым. Благодаря Вильсону был принят новый закон, по которому редприниматель возмещал часть расходов на лечение и обязан был обеспечить дешевую медицинскую помощь в домашних условиях или в госпитале в течение первых двух недель после несчастного случая с рабочим на производстве.

Реформы Вильсона шли навстречу требованиям прогрессивной общественности и в определенной мере удовлетворяли запросы трудящихся. Но преувеличивать их значение не следует. Роберт Лафоллет, будучи губернатором Висконсина в 1900 – 1905 гг., провел примерно такие же реформы и, кроме того, добился принятия мер, непосредственно ущемлявших интересы крупного капитала (налог на наследство и регистрация лоббистов). Ряд прогрессивных законов (о праве законодательной инициативы, проведении референдумов, прямых выборах и т. д.) был принят в других штатах раньше, чем в Нью-Джерси. Следовательно, мероприятия Вильсона не являлись чем-то исключительным и не носили радикального характера. «Вильсон был способен создать о себе впечатление как об энергичном прогрессисте, не запугивая, однако, своих более консервативных последователей крайними или революционными намерениями» [19] – так охарактеризовал деятельность Вильсона на посту губернатора его биограф Р. С. Бэйкер. Такой вывод в принципе является верным.

Деятельность Вильсона на посту губернатора, в особенности проведенные им реформы, служила не только проверкой его способности успешно справляться с важными делами в штате. Они были призваны обеспечить ему известность в стране, создать ему престиж крупного государственного деятеля, место которого в Белом доме. Покровители Вильсона именно на это и рассчитывали. Не удивительно поэтому, что кампания за выдвижение его кандидатуры на пост президента началась тотчас после того, как он стал губернатором. В Виргинии уже в ноябре 1910 г. были созданы клубы «Вильсона в президенты». Позже такие же клубы возникли и в других штатах. Их члены активно агитировали за своего ставленника.

Весной 1911 г. в эту кампанию включился сам Виль-

сон. Он отправился на юг, в Атланту, а затем в Норфолк. Это были его пробные шаги в подготовке к будущим президентским выборам. Вильсон стремился также заручиться поддержкой Брайана. По его инициативе состоялись две встречи, во время которых он всячески старался подчеркнуть свое дружеское расположение к бывшему лидеру партии, не скупясь на похвалы в его адрес. Вместе с тем он старательно избегал всего того, что могло бы создать о нем мнение как о креатуре Брайана.

В мае 1911 г. Вильсон отправился в длительную поездку по стране. Он посетил Канзас-Сити, Денвер, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Вашингтон, Даллас и другие города. И везде он говорил о насущных проблемах, стоявших перед страной, подвергал атакам тресты, обвиняя их в том, что они сосредоточили в своих руках власть над экономикой и вместе с банкирами создали финансовую тиранию, которая лишала народ и правительство свободы действий. Призывая к переменам, он заявлял, что «демократическая партия всегда стремилась к реформам, так как она неизменно основывалась на глубокой и большой симпатии к интересам широких народных масс» [20].

Осенью того же года Вильсон познакомился с человеком, который станет его *alter ego* (вторым я). Это был уроженец Хьюстона Эдвард Хауз. Получив в наследство от отца значительное состояние, он занялся бизнесом. Но его беспокойная натура и неуемная фантазия не мирились с таким прозаическим делом. Затаенной мечтой Хауза являлась политика. Учась в грамматической школе университета Джонса Гопкинса, Хауз сблизился с сыном сенатора Мортона. Эдвард, часто посещая дом сенатора, смог войти в доверие к собиравшимся там людям, от которых зависел политический климат в столице. Хауз был весь внимание, когда речь заходила о политике. Он с успехом осваивал ее сложное искусство.

В 1882 г. Хауз, которому исполнилось 24 года, впервые воспользовался приобретенными им знаниями на практике. Он предложил свои услуги демократу Дж. Хоггу и помог ему остаться губернатором Техаса на второй срок. «Гонораром» было присвоение Хаузу звания «полковника». В течение десяти лет Хауз оставался советником четырех губернаторов штата. Этого молодого, но уже опытного политика прозвали «техасским Талейраном».

Для Хауза, обуреваемого честолюбием, рамки родного штата оказались тесными. В 1910 г. он перебрался в Нью-Йорк. Там он познакомился с Брайаном, Гарви и рядом других влиятельных лиц и уже довольно скоро был с ними на дружеской ноге. Приближалась новая избирательная кампания. Хауз, ставший к этому времени заметной фигурой в демократической партии, включился в поиски подходящей кандидатуры на пост президента. В конце концов он остановился на Вильсоне. Роль связующего между Хаузом и Вильсоном выполнил Гарви.

24 ноября 1911 г. в Нью-Йорке состоялась первая встреча Вильсона с Хаузом. «Он не является самым большим человеком, с которым я когда-либо виделся,— писал Хауз после беседы с Вильсоном,— но он один из наиболее приятных людей, и я предпочел бы действовать вместе с ним, а не с каким-нибудь прогрессивным кандидатом, которого встречал раньше... Я еще никогда не обретал одновременно и человека, и благоприятную возможность» [21].

Некоторые резкие высказывания Вильсона в адрес монополий вызывали опасения правящих кругов США. Их беспокоило, что Вильсон по неопытности может пойти дальше допустимого предела, многообещающими заявлениями свяжет демократическую партию и лишит ее возможности маневрировать. Недовольство Вильсоном нашло отражение в «респектабельной» печати. «Брайанизирован ли Вудро Вильсон? — спрашивал издатель нью-йоркской газеты «Уорлд» и отвечал: — Как похожи (слова Вильсона.— *З. Г.*) на язык Брайана шестнадцатилетней давности!» [22]

Хаузу пришлось вмешаться. Он убедил Вильсона проявлять сдержанность в оценке трестов и делать акцент на вопрос о тарифах, который сравнительно мало волновал монополистические круги.

Вильсону удалось успокоить консервативные верхи демократической партии. Начиная с 11 ноября в каждом выпуске «Харперс уикли» поверх редакционной колонки печатался лозунг: «Вудро Вильсона — в президенты!» Среди тех, кто непосредственно занимался избирательной кампанией Вильсона, были: его давнишний друг издатель журнала «Уорлдс уорк» Пэйдж; организатор компании по строительству туннеля под Гудзоном, видный бизнесмен и банкир Уильям Макаду; бывший студент Принстонского университета, молодой, но преуспеваю-

щий юрист из Арканзаса Маккомбс; издатель газеты «Ньюс энд обсервер» в Северной Каролине, член национального комитета демократической партии Даниэлс и др.

Выступления Вильсона по своему характеру становились умереннее. Тем не менее его противники справа продолжали атаки. Так, Э. Митчелл, издатель нью-йоркской газеты «Сан», выражавшей интересы крупного бизнеса, обвинил Вильсона в том, что он после ухода с поста ректора Принстонского университета якобы получал субсидии из Фонда Карнеги, предназначенного для развития образования. В антивильсоновской кампании наибольшее рвение проявил небезызвестный представитель «желтой» прессы, владелец ряда газет и журналов У. Р. Херст. В одном из его изданий в мае 1912 г. была опубликована статья, в которой Вильсон обвинялся в том, что он якобы присвоил деньги, предназначенные для рабочих сталелитейных заводов Карнеги, и потому повинен в их тяжелом положении.

Против Вильсона были использованы его нелицеприятные высказывания о Брайане. В частности, было предано огласке его письмо, адресованное в 1907 г. одному из попечителей Принстонского университета — А. Джолину. «Мы, вероятно, могли бы тотчас предпринять что-нибудь серьезное и эффективное, — писал Вильсон своему тогдашнему другу, — чтобы раз и навсегда исколошматить (*to knock into a cocked hat*) мистера Брайана»[23]. Это письмо было преднамеренно опубликовано в тот самый день, когда Вильсону и Брайану вместе предстояло выступить в Вашингтоне перед руководящими деятелями демократической партии.

Расчеты противников Вильсона, однако, не оправдались. Претендент на президентский пост, поняв, что ссора с Брайаном представляет для него серьезную опасность, решил помириться с ним. К такому же выводу пришел и Брайан. Примирение состоялось во время обеда в Вашингтоне в присутствии руководящих деятелей партии. Вильсон, как и другие ораторы, говорил о необходимости единства партии. Обращаясь затем к Брайану, он сказал: «Простим друг другу нашу прежнюю подозрительность и взаимную неприязнь». Брайан поднялся со своего места и, положив руку на плечо Вильсона, прошептал: «Замечательно, замечательно!»[24]

7 декабря 1911 г. состоялась очередная встреча Виль-

сона с Гарви. Обсуждались практические вопросы, связанные с предстоящими выборами. Беседа подошла к концу, и Вильсон уже поднялся с места, чтобы уйти. Неожиданно Гарви спросил его: «Губернатор, скажите мне откровенно, не является ли помехой для Вашей избирательной кампании поддержка, которую оказывает Вам «Харперс уикли»»? «К сожалению, должен Вам признаться,— сдержанно ответил Вильсон,— что мои друзья на Западе говорили мне об этом»[25].

Прошло немного времени, и в «Харперс уикли» было опубликовано заявление Гарви, что отныне он больше не будет оказывать содействие Вильсону. Это заявление явилось сенсацией, которую охотно подхватила американская печать. Противники Вильсона, полагая, что он лишился столь влиятельного покровителя, предвкушали его поражение. Что касается сторонников Вильсона, то они испытывали большое облегчение: наконец-то их фаворит избавился от влияния уолл-стритовских кругов. В чем же заключалась действительная подоплека заявления Гарви? Следующий факт частично проясняет ответ на этот вопрос. 5 декабря, т. е. за два дня до указанной выше встречи, Гарви и Хауз обсуждали проблемы предстоящей избирательной кампании. Гарви сказал, что в деловых кругах Нью-Йорка мечут громы и молнии по поводу последних выступлений Вильсона. Эти круги готовы затратить любые средства, чтобы не допустить его победы на съезде демократической партии. Хауз, извещая Брайана о результатах этой встречи, писал: «Мы (т. е. он и Гарви.— *З. Г.*) собираемся разработать какой-нибудь план, который поможет нам использовать оппозицию Уолл-стрита к Вильсону для его же собственной выгоды. Если страна узнает о решимости Уолл-стрита нанести ему поражение с помощью денег, то я уверен, что этим все решится»[26].

Гарви, афишируя свой разрыв с Вильсоном, сделал ловкий ход. Он перестал открыто рекламировать связь Вильсона с большим бизнесом, но одновременно продолжал оказывать ему помощь. Кандидата в президенты это вполне устраивало.

Творцы мистификации добились своего: стало складываться мнение, что отношения между Вильсоном и Гарви прерваны. На самом деле они продолжали сохраняться, хотя постепенно действительно становились все более прохладными. Объясняется это, однако, не тем,

что Вильсона шокировала помощь, которую ему оказывал большой бизнес, и не тем, что Гарви беспокоили радикальные взгляды губернатора Нью-Джерси. Суть дела заключалась в характере взаимоотношений двух этих людей. Они с самого начала строились на подчиненном положении Вильсона, который должен был послушно следовать за Гарви, исправно выполнять его предписания. Теперь, когда положение Вильсона окрепло, он больше не нуждался в своем покровителе и стремился выйти из-под его властной опеки. Отныне путеводной нитью Вильсона являлась самостоятельность действий сообразно с той особой ролью, которую он себе выбрал. Гарви убедился, что больше нельзя делать ставку на своего недавнего протеже. Отсюда отчуждение, а затем и неприязнь Гарви к Вильсону.

Вильсон подвергался критике не только справа, но и слева. Против него выступали прогрессивные демократы. Они справедливо заявляли, что политические взгляды этого деятеля формировались под прямым воздействием правящей элиты США и что сам факт выдвижения его кандидатуры на пост президента стал возможен благодаря поддержке господствующей верхушки.

В стране начались первичные выборы («праймериз»), результаты которых должны были выявить степень популярности того или иного претендента на президентский пост. Одновременно проходили конференции демократов в штатах. И «праймериз», и конференции являлись своеобразной пробой сил, которая во многом предопределила последующий ход борьбы.

Основным соперником Вильсона был опытный конгрессмен, спикер палаты представителей Чэмп Кларк. Он пользовался поддержкой ряда влиятельных сенаторов и конгрессменов, а также Херста. Первые «праймериз» прошли в Миссури. Победу одержал Кларк. Этому в немалой степени способствовало то, что в среде фермеров сохранилось значительное влияние брайанизма. Кларк, будучи в свое время активным приверженцем Брайана, искусно использовал это во время первичных выборов. Ему также удалось добиться успеха в Канзасе и Иллинойсе. Серьезное значение для него имел исход голосования в родном штате Брайана. После победы в Небраске он добился положительного итога в Колорадо, Массачусетсе, Мэриленде, Калифорнии, Арканзасе, Аризоне и ряде других штатов.

Вильсон также стремился любыми средствами завоевать симпатии избирателей. Он искусно лавировал между прогрессивными элементами и консервативными кругами. В пользу Вильсона выступали американские газеты «Уорлд» и «Ивнинг пост», «Балтимор сан», «Канзас-Сити стар», «Филадельфия рекорд», популярные журналы «Уорлдс уорк», «Аутлук», «Нейшн», «Ревью оф ревьюс», пресса Говарда – Скриппса, церковные издания различных направлений и т. д. Тем не менее к концу мая его положение оказалось неблагоприятным. Вильсон – от природы человек твердого характера, однако на этот раз выдержка стала ему изменять. «Я совершенно не представляю себе, каким образом моя кандидатура может быть выдвинута на съезде», – писал Вильсон своему другу. Его объяснение сводилось к тому, что «результат (выбор претендента. – *З. Г.*) находится в руках профессиональных бессердечных политиканов, стремящихся удовлетворить только свои собственные интересы. Они знают, что я буду служить не им, а партии в целом»[27]. Тем не менее Вильсон взял себя в руки и решил не выходить из игры.

Его позиции несколько улучшились после победы в Нью-Джерси. Вслед за тем он собрал большинство голосов в Техасе, Юте, Южной Дакоте, Северной Каролине и Миннесоте. Однако Кларк добился значительно большего: на предстоящем съезде демократической партии он располагал 436 голосами (из 1094), между тем Вильсон был уверен лишь в 248 делегатах. Результаты «праймериз» были для него неутешительными.

25 июня 1912 г. в Балтиморе открылся съезд демократической партии. Здесь-то и развернулась основная борьба между претендентами на пост президента. Делегат от Алабамы предложил кандидатуру председателя финансового комитета палаты представителей О. Андервуда, а представитель штата Миссури назвал Кларка. Делегат Нью-Джерси рекомендовал кандидатуру Вильсона, охарактеризовав его как «гения свободы и истинное олицетворение прогресса». Однако дифирамбы Вильсону не помогли. В первом же туре голосования впереди оказался Кларк. В последующих турах он собрал более половины голосов, в том числе 90 голосов, переданных ему Таммани-холлом, штаб-квартирой демократов Нью-Йорка, которую возглавлял Ч. Мэрфи. Кларк был настолько уверен в победе (ему требовалось получить две

трети общего числа голосов), что заранее заготовил телеграмму съезду о согласии на выдвижение своей кандидатуры.

В сложившейся ситуации руководитель избирательной кампании Вильсона Маккомбс растерялся. Утратив надежду на победу Вильсона, он предложил ему предоставить свободу действий своим сторонникам. Однако Вильсон отклонил такой совет. Ему был необходим только успех. Последовали келейные переговоры с приверженцами Андервуда, смысл которых состоял в том, чтобы общими усилиями добиться выдвижения кандидатуры Вильсона, а в случае его неудачи отдать голоса Андервуду. Но и это не изменило расстановку сил: после 13-го тура голосования Кларк по-прежнему лидировал.

Вильсон прибег еще к одному маневру. Он обратился за помощью к Брайану. 29 июня, когда проводился 14-й тур, Брайан объявил, что, поскольку Кларк располагает поддержкой реакционной партийной верхушки Нью-Йорка, делегация Небраски отдаст свои голоса Вильсону. Это заявление произвело впечатление взорвавшейся бомбы. Разразился настоящий скандал. «Пришедшие в ярость сторонники Кларка столпились вокруг Брайана и сорвали флаг Небраски. Будучи чрезвычайно возбуждены, они угрожали применением силы, обзывали Брайана «предателем»... Прошло много времени, пока шторм утих в такой мере, чтобы можно было услышать чей-нибудь голос»[28], — писал впоследствии Даниэлс.

Положение Вильсона улучшилось: он выиграл 83 голоса, между тем как Кларк лишился поддержки делегаций Массачусетса и Канзаса. В результате возник тупик: ни один из кандидатов не собрал необходимого числа голосов. Этого момента и дожидался Брайан. Он считал, что создавшаяся обстановка была ему на руку. Съезд, по его мнению, сможет разрубить гордиев узел только в том случае, если будет выдвинута его, Брайана, кандидатура. Но надежды Брайана оказались эфемерными. Шансы Вильсона продолжали расти. За него проголосовало почти пятьсот делегатов. Однако для избрания нужны были еще голоса. Благодаря новым закулисным сделкам судьба Вильсона наконец решилась. Собрав 999 голосов, бывший ректор Принстонского университета стал кандидатом демократической партии на президентских выборах. Это произошло 2 июня после 46-го тура голосования. Вильсон праздновал победу.

На съезде партии нужно было также решить вопрос о кандидате в вице-президенты. Им стал Томас Маршалл – губернатор Индианы. Осталась завершающая операция – принять избирательную платформу. Выдержанная в традиционном духе брайанизма, она включала в себя требования прогрессивного крыла демократической партии и, по расчетам ее составителей, должна была привлечь на сторону демократов большинство избирателей, обеспечив им тем самым победу на выборах.

Борьба за президентский пост развернулась теперь на финишной прямой. В свое время Линкольн затратил на президентские выборы несколько тысяч долларов. С тех пор много воды утекло. Денежные фонды, используемые на избрание президента, становились все более внушительными. На избирательную кампанию Вильсона комитет демократической партии истратил свыше 1 110 тыс. долл.

Руководители выборной кампании хвастались, что основная часть средств поступала от рядовых американцев. Но на поверку получается иначе. Оказывается, 155 человек внесли в фонд Вильсона 508 708 долл., 40 человек – 364 950 долл., т. е. больше того, что дали 88 229 пожертвователей, вместе взятых. Среди тех, кто финансировал Вильсона, были К. Додж (35 тыс. долл.), банкиры Джекоб Шифф и Бернард Барух (по 12,5 тыс. долл.) и многие другие представители большого бизнеса.

После Балтиморского съезда перед Вильсоном встала важная задача: объединить демократов в целях достижения победы на выборах. Поэтому, встречаясь с видными деятелями партии, он старался сглаживать все острые углы, и исход переговоров оказался успешным.

Для Вильсона серьезное значение имела поддержка со стороны штаба нью-йоркской организации демократической партии. Однако его отношения с руководителем Таммани-холла Ч. Мэрфи были весьма натянутыми. Причиной тому являлись разногласия в связи с избранием нового губернатора штата. Мэрфи настаивал на кандидатуре Дж. Дикса, а пользовавшийся большим влиянием в Нью-Йорке сенатор Франклин Рузвельт при содействии Вильсона добивался выдвижения на эту должность Макаду. Состоявшаяся весной 1912 г. конференция демократов Нью-Йорка решила спор в пользу партийного босса. Еще больше обострились отношения Вильсона с Мэрфи, когда тот на съезде в Балтиморе

передал Кларку голоса своей делегации. Но в конце концов все кончилось полюбовно: Мэрфи заверил Вильсона в лояльности, а кандидат в президенты, отвечая услугой за услугу, обещал больше не нападать на Таммани-холл и его шефа.

Вильсон встретился с лидером профсоюзного объединения Американская федерация труда Сэмюелем Гомперсом. Ему не стоило большого труда обворожить этого убежденного противника социализма и сделать его своим приверженцем. Поддержка со стороны руководства АФТ имела немаловажное значение для исхода борьбы Вильсона за Белый дом.

Установившаяся в США традиция соперничества между республиканской и демократической партиями в 1912 г. была нарушена. В тогдашних президентских выборах участвовали не два, а три кандидата буржуазных партий. Связано это было с расколом среди республиканцев.

18 июня в Чикаго открылся очередной съезд республиканской партии, которая переживала тогда острый кризис. Открытое покровительство правительства Тафта крупным корпорациям, повышение в угоду им таможенных пошлин, ущемление интересов трудящихся, расхищение природных богатств и т. д. вызывали недовольство и возмущение не только среди рядовых американцев, но и в самой партии, находившейся в то время у власти. Ряд видных сенаторов, конгрессменов и губернаторов, а также лица, известные своей прогрессивной деятельностью, образовали в 1911 г. Национальную прогрессивную лигу. Члены лиги (их называли «мятежниками», «прогрессистами») отстаивали в основном интересы фермеров Запада и подвергали критике монополистический капитал и политику президента Тафта с позиций радикальной буржуазии.

Прогрессисты с самого начала стали готовиться к выборам. С этой целью они пытались привлечь на свою сторону Т. Рузвельта. Однако экс-президент США, не желая связывать себя требованиями «мятежников», отказался присоединиться к ним. Тогда прогрессисты предприняли попытку выступить сообща с Вильсоном и его сторонниками. Вильсон, ревностно оберегая интересы демократов, не пожелал иметь дело с прогрессистами-республиканцами.

В октябре 1911 г. конференция прогрессистов высказа-

лась за возможность избрания своего лидера Лафоллета кандидатом республиканской партии на президентский пост. Но несколько месяцев спустя прогрессистам пришлось сделать выбор между ним и Т. Рузвельтом, объявившим вдруг о желании баллотироваться в президенты. Учитывая популярность Рузвельта в стране, особенно в западных штатах, и его опыт государственного деятеля, большинство прогрессистов предпочли его, а не радикального сенатора Лафоллета.

На съезде республиканской партии выявились серьезные разногласия между прогрессистами и ее правым крылом. Верх одержали консерваторы. Они добились одобрения своей реакционной платформы и избрания Тафта кандидатом в президенты. Рузвельт и его последователи покинули съезд, решив создать собственную партию.

5 августа 1912 г. в Чикаго приступил к работе национальный съезд партии прогрессистов. Главным оратором на нем был Рузвельт. Так как съезды республиканцев и демократов были позади и страна уже ознакомилась с их платформами, Рузвельту не составило большого труда выдвинуть радикальную программу (он назвал ее «символом веры»), рассчитанную на популярность в массах. Программа была затем изложена в избирательной платформе прогрессивной партии. Съезд завершил свою работу избранием Т. Рузвельта кандидатом в президенты, а сенатора Хирама Джонсона – кандидатом на пост вице-президента.

Наряду с буржуазными партиями в выборах 1912 г. участвовала социалистическая партия. Ее правые и центристские руководители были противниками революционных методов борьбы и основное внимание уделяли погоне за голосами избирателей. Но в партии было левое течение, выражавшее интересы рабочего класса. Влияние и авторитет левых были довольно значительными. В мае 1912 г. на съезде социалистической партии в Индианаполисе кандидатом в президенты в четвертый раз был выдвинут руководитель левых, выдающийся деятель американского рабочего движения Юджин Дебс.

Социалистическая партия и ее претендент не ставили перед собой задачу завоевания президентского поста. Это было нереально. Однако Дебс с неутомимой энергией проводил избирательную кампанию. Он объезжал штат за штатом, разъясняя платформу партии, уделяя

особое внимание пропаганде идей социализма. Избирательная программа социалистической партии содержала требования национализации земли, банков, транспорта и средств связи, сокращения рабочего дня и улучшения условий труда, введения прогрессивного подоходного налога, гарантий политических свобод, демократизации избирательного права, улучшения дела народного образования, здравоохранения и др. Буржуазные партии, добивавшиеся посредством демагогических обещаний привлечения избирателей на свою сторону, не могли пройти мимо подлинно прогрессивной платформы социалистов. Они даже позаимствовали у нее некоторые требования, касающиеся трудового законодательства и демократизации избирательного закона. Социалистическая партия своим участием наложила серьезный отпечаток на весь ход избирательной кампании. Однако в центре борьбы по-прежнему были две политические фигуры: Вильсон и Рузвельт.

В отличие от Вильсона Т. Рузвельт имел за плечами богатый политический опыт. В 1895 г. он возглавлял нью-йоркскую полицию, затем был назначен помощником морского министра. Прошло еще некоторое время, и Рузвельт стал вице-президентом США. После убийства в сентябре 1901 г. У. Мак-Кинли он занял его место в Белом доме, а в 1904 г. был избран президентом страны. Столь быстрой карьерой Рузвельт в значительной степени был обязан своей энергии в проведении империалистической политики и большой популярности в среде американской буржуазии, особенно в ее верхах.

Вместе с сенатором Г. К. Лоджем и адмиралом А. Мэхэном Т. Рузвельт выступал с программой экспансии США, проявляя кипучую деятельность в целях ее реализации. Он стремился к наращиванию мощи военно-морского флота США, содействовал развязыванию испано-американской войны 1898 г., приняв в ней непосредственное участие. С именем Рузвельта неразрывно связаны политика «большой дубинки» в отношении стран Латинской Америки, закабаление Кубы, захват зоны Панамского канала, помощь Японии в войне против России.

Рузвельт обладал живым и гибким умом, был искусным политиком. В развернутой им «антитрестовской» кампании были широко использованы демагогические приемы. Однако разрекламированные им меры борьбы против монополий никак не отразились на их дальней-

шем росте. Будучи врагом рабочего движения, этот деятель вместе с тем вынужден был идти на определенные уступки, признавая профсоюзы и даже высказываясь насчет права рабочих на забастовку. Все это создавало ему репутацию «поборника» прав народа.

Опытный оратор, он умел увлекать аудиторию. 31 августа 1910 г. в речи, произнесенной в Осаватоми, он призывал к реформам, повторив при этом слова Линкольна: «Труд предшествует капиталу, не зависит от него. Капитал является продуктом труда...» [29] Но наряду с этим экс-президент настойчиво подчеркивал неприкосновенность частной собственности, расхваливал распространенный тезис буржуазной пропаганды о «равных возможностях», которыми якобы обладают все граждане США. В таком же духе была составлена избирательная платформа («Новый национализм»), которую он пропагандировал в 1912 г., будучи кандидатом прогрессивной партии.

В ходе выборной кампании Рузвельт уделял много внимания проблемам монополий. С присущим ему темпераментом он нападал на крупные корпорации, прежде всего за их вмешательство в политическую жизнь страны. Вместе с тем лидер прогрессистов откровенно заявлял, что тресты составляют неотъемлемую часть американской экономики и даже желательны с точки зрения социальной. Отсюда следовал его вывод о необходимости сохранения монополий, без которых невозможно дальнейшее развитие страны. Единственное, что следует сделать, говорил Рузвельт, – это ввести государственную регламентацию монополий, дабы пресечь возможные злоупотребления с их стороны. Монополистам, в сущности, нечего было опасаться таких реформ, и это объясняет нам, почему представители большого бизнеса, тесно связанные с домом Моргана, поддерживали Рузвельта.

Вернемся, однако, к предвыборной баталии Вильсона на ее последнем этапе. В многочисленных выступлениях перед избирателями Вильсон противопоставил «Новому национализму» Рузвельта свою программу, которую назвал «Новой свободой». При сопоставлении этих двух документов нетрудно установить, что их авторы в главном занимали одну и ту же позицию. «Оба они, – отмечает американский историк М. Джозефсон, – были друзьями существующей системы, друзьями капитализма... Стратегия и доктора (Вильсона. – *З. Г.*), и полковника

(Т. Рузвельта.— *З. Г.*) направлена к... предотвращению создания «радикальной третьей партии» и ликвидации традиционной партийной системы... Оба они к тому же взяли на себя историческую задачу современного буржуазного деятеля — спасти общество (капиталистическое.— *З. Г.*) от революционного взрыва... Они как будто говорят: «Примите реформы от нас... иначе вам в конце концов придется взять нечто более худшее от Лафоллета, Брайана и, возможно, даже от Дебса!»»[30]

Обе программы имели сходство и в ряде конкретных пунктов. И та и другая требовали введения подоходного налога, демократизации избирательной системы, охраны природных ресурсов, установления 8-часового рабочего дня, компенсации при несчастных случаях на производстве, признания права рабочих на организацию профсоюзов, создания специального министерства труда и т. д.

Одна из проблем, из-за которой Вильсон и Рузвельт не скупились на взаимные упреки, была связана с тарифной политикой. Демократическая партия предприняла удачный тактический ход, включив в свою платформу требование значительного снижения таможенных пошлин. Правда, Рузвельт пугал избирателей тем, что реализация этого требования может якобы привести промышленность США к краху, но это не смущало демократов и их претендента. В предвыборных речах Вильсона почти неизменно присутствовала тема пересмотра тарифного закона, аккомпанементом которой служили постоянные выпады в адрес Рузвельта.

Двум претендентам пришлось скрестить шпаги прежде всего по вопросу о монополиях. Вильсон подверг резкой критике монополии, обвиняя их в захвате решающих позиций в экономике, вследствие чего «большинство людей являются слугами корпораций». Он довольно точно разобрался в сущности взглядов Рузвельта на монополии, отметив, что тот делил их на хорошие и плохие, предлагая ограничиться лишь контролем за ними. Называя вещи своими именами, он подчеркивал, что «те, кто поддерживают третью партию (партию Рузвельта.— *З. Г.*), поддерживают... программу, полностью соответствующую интересам монополий». Утверждая, что нельзя терпеть существование монополий, кандидат демократической партии решительно заявлял: «Я буду вести борьбу. Я знаю, как бороться с ними». Эту битву он охарактеризовал как «бескровную» и «бесшумную революцию»[31] и,

предвосхищая ее результаты, обещал, что будущее правительство демократов посвятит себя служению обществу, а не интересам монополий.

Главным творцом программы Вильсона был видный американский юрист и социолог Луи Брандейс. Первая их встреча состоялась 28 августа 1912 г. «Мне представляется,— писал впоследствии Брандейс,— что он (Вильсон.— *З. Г.*) обладает качествами идеального президента: властность, скромность и правдивость, компетентность, восприимчивость к новым мыслям, жажда знаний и осмотрительность» [32]. Вильсон не остался в долгу. Он высоко оценил суждения Брандейса по социальным и экономическим проблемам.

В отличие от антимонополистов из фермерского лагеря, звавших назад, к мелкому производству, Брандейс признавал закономерность крупного производства. Концентрация производства, утверждал он, развивается на основе свободной конкуренции и способствует росту экономики страны. Отсюда следовал логический вывод: надо не проклинать большой бизнес, а, напротив, выступать в его защиту. По-иному Брандейс относился и к финансовой концентрации, которую отождествлял с монополиями. Такая концентрация, заявлял он, является результатом «нечестной» конкуренции и поэтому носит искусственный характер.

Отрицание Брандейсом роли концентрации промышленного производства в возникновении монополий не имело под собой основания. В. И. Ленин подчеркивал, что «порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма» [33].

Брандейс в своих рассуждениях пришел к следующему выводу: коль скоро монополии стремятся свести на нет свободную конкуренцию, их нужно ликвидировать. И тогда, по его мнению, не только отпадут преграды на пути экономического развития США, но и будут преодолены социальные противоречия американского общества. Следовательно, нужны реформы для борьбы с монополиями и восстановления свободной конкуренции.

Таковы основные идеи Брандейса, пропагандистом которых стал Вильсон. «Я за большой бизнес, но против трестов» [34] — так кратко резюмировал свою позицию кандидат демократов на пост президента.

Вильсон, однако, открыто не афишировал своей при-

верженности интересам крупного капитала. Напротив, он подчеркивал, что его тревожит судьба простого человека. Выступая в роли защитника мелких предпринимателей, Вильсон говорил, что в «честном» соперничестве они якобы смогут взять верх над монополиями. В США, заявлял он, имеется немало людей «экономически слабых, но обладающих достаточным умом, чтобы конкурировать с этими джентльменами (т. е. монополистами. – *З. Г.*), и они вскоре появятся на рынке и испытают мужество последних» [35].

Будучи буржуазным деятелем, Вильсон видел основное противоречие американского общества не в борьбе классов, а в коллизии между «свободным» предпринимательством и монополиями. «Иногда говорят, – заявлял Вильсон, – что истинный конфликт заключается в противоречии между капиталом и трудом, но это более чем ограниченная и предвзятая концепция. Этот конфликт скорее состоит в противоречии между накоплениями капитала и всеми остальными, менее концентрированными, распыленными, мелкими, индивидуальными экономическими силами...» [36]

В последней трети XIX в. в экономике США, как и других капиталистических стран, осуществлялся переход от домонополистического капитализма к монополистическому, основной чертой которого явилась замена свободной конкуренции господством монополий. Таков непреложный закон развития капитализма.

Вильсон, отстаивая свободную конкуренцию, заявлял, что она сумеет уничтожить монополии. Однако развитие не идет вспять. Капитализм на его высшей стадии не может вернуться к стадии домонополистической. Обостряющийся до крайности конфликт между производительными силами и производственными отношениями в условиях капитализма может быть разрешен лишь путем революционного преобразования общества на социалистических принципах.

Вильсон, как уже было сказано, приветствовал успехи крупного капитала. Поэтому его попытки обосновать возможность возврата к свободной конкуренции при наличии монополистической степени концентрации и централизации капитала – лишь свидетельство его стремления привлечь на свою сторону многочисленных мелкобуржуазных избирателей.

Т. Рузвельт был прав, когда заявлял, что предла-

гаемые Вильсоном меры по устранению монополий являлись «анахронизмом» [37]. Прав он был и тогда, когда говорил, что «план Вильсона в конечном счете принес бы пользу трестам и неизменно наносил бы вред народу» [38]. И в то же время сам он придерживался такой же позиции. Выступая под флагом борьбы с монополиями, оба политика отстаивали меры, представлявшие собой не что иное, как вмешательство государства в экономику. Дуэль между Вильсоном и Рузвельтом фактически оказалась бессодержательной. В этом смысле избирательная кампания 1912 г. носила традиционный характер.

Для Вильсона революция была проклятьем, и в ходе избирательной кампании он не упускал случая подтвердить свое крайне отрицательное отношение к ней. Так, познакомившись весной 1912 г. с мэром-социалистом одного из городов штата Небраска, Вильсон заявил, что его избрание «олицетворяет собой обстановку в стране. Существует необычайно сильный, но глухо проявляющийся протест, который должен найти свое выражение... И если демократическая партия не выставит кандидата, которого народ сможет принять в качестве выразителя этого протеста, тогда будет создана радикальная третья партия и в результате выборов мы будем недалеки от революции» [39]. В подобных заявлениях Вильсона отчетливо проступает его тревога по поводу подъема революционного движения в США, его готовность пойти на определенные уступки трудящимся, дабы упрочить основы американского капитала. «Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции – вот формула современной «передовой», образованной буржуазии» [40] – эти слова В. И. Ленина полностью относятся к вильсоновской программе «Новая свобода», которая была нацелена на борьбу не с монополистическим капиталом, а с рабочим движением. Ее основная задача состояла в том, чтобы отвлечь массы от классовой борьбы, держать их в плену буржуазного реформизма.

«В сущности, американский империализм и белый шовинизм – это кровные родственники. Американский империализм порождает белый шовинизм и нуждается в нем» [41].

Этот вывод прогрессивного историка США Герберта Аптекера полностью подтверждается историческими фактами. С переходом США к империализму углубился процесс дискриминации негритянского населения. В конце

80-х годов в Миссисипи и Северной Каролине, а затем и в других южных штатах были приняты законы, лишавшие черных американцев политических и гражданских свобод. Широкое распространение получили различные акты сегрегации, негритянские погромы, террор тайной организации ку-клукс-клан и «суды Линча».

Спасаясь от жестокостей расистов Юга, часть черного населения США переселилась в северные штаты, но и это не спасло ее представителей от дискриминации. На Юге и на Севере развивалось негритянское освободительное движение. Видную роль в борьбе черных американцев против расизма играли передовые представители негритянской интеллигенции. В 1905 г. была создана организация «Ниагарское движение», а в 1909 г. – «Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения» (НАСПЦН). Ассоциация отвергла соглашательскую тактику лидера и нарождавшейся негритянской буржуазии Б. Вашингтона и выдвинула программу борьбы за равноправие негров. Одним из основателей и руководителей НАСПЦН был замечательный сын негритянского народа известный американский писатель, историк, социолог и общественный деятель Уильям Дюбуа. Среди основателей и активных членов ассоциации был видный публицист, издатель и редактор либерального журнала «Нэйшн» Освальд Гаррисон Виллард. В США функционировали также местные негритянские организации: Вашингтонская национальная лига политической независимости (ВНЛПН), Объединенная негритянская демократия (ОНД) штата Нью-Джерси и др.

Вильсон с малых лет был воспитан в расистских традициях Юга. Они откровенно изложены в ряде его работ. Будучи ректором Принстонского университета, он препятствовал доступу туда негритянской молодежи. Однако в год президентских выборов Вильсон счел нужным изменить свою позицию в негритянском вопросе. В июле 1912 г. он встретился с представителями ВНЛПН и ОНД, а спустя месяц – с Виллардом. Кандидат демократической партии старался рассеять сложившееся о нем мнение как о расисте и заверял, что, став президентом, не будет ущемлять интересы негритянского населения.

Дюбуа и его коллега по НАСПЦН епископ А. Уолтерс решили «попробовать найти подход к Вудро Вильсону», предлагая использовать влияние журнала «Край-

сис» в интересах кандидата демократической партии. Уолтерс встретился с Вильсоном 16 октября 1912 г. и добился от него «категорического заявления, скрепленного его подписью» о том, что он, Вильсон, «искренне желает справедливости для цветного населения во всех вопросах...». «Я хочу заверить негров,– пообещал Вильсон,– что, если стану президентом Соединенных Штатов, они смогут рассчитывать на абсолютно беспристрастное отношение с моей стороны; я сделаю все от меня зависящее, чтобы способствовать интересам негритянской расы в Соединенных Штатах»[42]. После таких заверений многие участники негритянского движения перешли на сторону кандидата демократической партии. Но Вильсон обманул их ожидания. «Мы должны Вам сказать,– писал ему позднее Дюбуа,– что Вы горько разочаровали нас»[43].

5 ноября 1912 г. миллионы американцев пришли на избирательные участки, чтобы своим голосованием решить, какая из буржуазных партий придет к власти. Президентские выборы принесли победу Вильсону*. За его кандидатуру проголосовало 6 286 214 человек (Рузвельт собрал 4 126 020 голосов, а Тафт – 3 483 922 голоса). Демократы добились успехов и на выборах в конгресс. Теперь они располагали большинством мест в палате представителей (290) и в сенате (51). Таким образом, демократическая партия спустя 16 лет снова стала управлять страной.

Американский ученый Дж. Сандквист считает, что приход Вильсона в Белый дом стал возможен «только благодаря расколу республиканской партии»[44]. Но это не совсем верно. Значительную роль в избрании Вильсона сыграла также его предвыборная кампания. Посулами реформ он смог завоевать поддержку большинства избирателей.

Крупного успеха на выборах добилась социалистическая партия. Дебс получил 897 011 голосов, что в два с лишним раза превосходило результаты 1908 г. (420 890 голосов). Однако социалисты допустили существенный промах. Опасаясь, что платформа прогрессистов привле-

* «В президенты Северо-Американских Соединенных Штатов выбран Вильсон, «демократ»... Значение выборов – необычайно ясное и яркое выступление *буржуазного реформизма*, как средства борьбы против социализма», – отмечал В. И. Ленин (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 192).

чет симпатии рядовых американцев, они все внимание сосредоточили на борьбе с Рузвельтом, оказав тем самым невольную услугу Вильсону.

После завершения избирательной кампании, потребовавшей огромной затраты сил, Вильсон отправился отдыхать на Бермудские острова. Оттуда он вернулся в Трентон, в свою губернаторскую резиденцию. 14 января 1913 г. Вильсон в последний раз обратился с посланием к законодательному собранию штата, заявив о необходимости продолжения начатых им реформ. По его предложению было выработано семь законопроектов, получивших название «семь сестер». Законопроекты касались ряда мер в отношении монополий, а главный из них предусматривал запрет учреждения новых акционерных обществ в промышленности. Так как ни один из них не наносил серьезного ущерба крупному бизнесу, юридически закрепляя уже существующие монополии, то месяц спустя без особых осложнений все они были приняты законодательным собранием.

В течение четырех месяцев, отделявших выборы президента от вступления его в должность, Вильсон, завершая дела в губернаторской резиденции, тщательно готовился к тому, чтобы возглавить государственное управление страной. Эта задача являлась для него первоочередной. Ведь речь шла не просто о замене администрации, как это, скажем, имело место в 1908 г., а о приходе к власти партии, находившейся в течение долгих лет в оппозиции. Не менее серьезным обстоятельством было то, что Вильсон победил на выборах, обещая провести в жизнь важные реформы. Поэтому общественность США с большим вниманием наблюдала за каждым шагом избранника-президента (*President Elect*).

Интерес к Вильсону был особенно пристальным еще и потому, что на пост президента вступал человек, вышедший из университетской среды, что само по себе было необычным явлением в политической жизни США. В стране с нетерпением ожидали, какие действия предпримет профессор Вильсон, прежде чем займет место хозяина Белого дома.

Наиболее сложной проблемой для избранника-президента явилось формирование правительства и замещение других ответственных должностей. Верхушка демократической партии, особенно та ее часть, которая проявила наибольшее усердие в обеспечении его победы, букваль-

но изголодалась по государственным постам. Издатель бумаг Хауза – Ч. Сеймур в этой связи образно писал, что «первый признак успеха на выборах прозвучал точно звук гонга к обеду, собирая прожорливую толпу беспокойных карьеристов, чьи способности находились в обратной пропорции к их рвению»[45]. При такой ситуации положение Вильсона, не имевшего к тому же соответствующего опыта, было весьма затруднительно.

Ко времени поездки Вильсона на отдых на Бермуды (16 ноября) список членов нового правительства в основном был утрясен. Отсутствовала ясность только в отношении Брайана. Хауз – главный советник Вильсона в подборе министров – рекомендовал назначить Брайана руководителем государственного департамента. Такой шаг, считал Хауз, будет менее рискованным, чем предоставление ему свободы действий вне правительства, а значит, возможно, и против последнего. Вильсон готов был направить Брайана послом либо в Лондон, либо в Петербург, но только не предоставлять ему самый ответственный пост в правительстве. Причина для этого была не только в давнишней антипатии к «великому простолюдину». Вильсон считал его краснобаем и поэтому опасался доверить ему руководство внешней политикой страны. «Вся беда с Брайаном,– заявлял без околичностей Вильсон,– что он не может (трезво.– *З. Г.*) мыслить»[46]. К тому же он намотал себе на ус, что именно по инициативе Брайана национальный съезд демократической партии в Балтиморе принял резолюцию о внесении поправки в конституцию, запрещающей переизбрание президента на второй срок. Ее целью было не только ставить Вильсону палки в колеса, если он вздумает добиваться своего переизбрания на пост главы государства. Она открывала Брайану перспективу самому обосноваться со временем в Белом доме.

«Четыре года – слишком длинный срок для президента, который не является подлинным представителем народа, навязан ему и не руководит им. Четыре года – слишком короткий срок для президента, который проводит или намеревается провести в жизнь большие реформы»[47],– писал Вильсон 3 февраля 1913 г. Сенат одобрил поправку, не допускавшую вторичного избрания президента, но срок его полномочий равнялся теперь шести годам. Однако и это не устраивало Вильсона. Он приложил немало усилий, чтобы похоронить злополуч-

ную поправку в юридическом комитете палаты представителей. Понятно, что Вильсон стремился к тому, чтобы отправить Брайана «с глаз долой» – куда-нибудь подальше от США. Однако трезвый анализ заставил Вильсона согласиться с резонностью доводов Хауза. Скрепя сердце, он предложил Брайану занять пост государственного секретаря. И как не без сарказма писал Хауз, «Брайан был доволен своим постом, точно ребенок новенькой игрушкой» [48].

При формировании кабинета возникла еще одна трудность: Вильсон намеревался назначить Брандейса генеральным атторнеем, т. е. министром юстиции. Но против этого решительно выступили представители консервативных кругов партии, прежде всего Хауз и К. Додж. Они считали его деятелем прогрессивного толка. По предложению Хауза на этот пост был назначен юрист из Кентукки Дж. Рейнолдс. Вильсон хотел поставить Брандейса во главе министерства торговли, но снова последовали возражения тех же кругов. Этот пост занял конгрессмен из Бруклина У. Редфилд, превративший свой департамент в покровителя американского бизнеса.

С остальными постами дело обстояло проще, и кабинет был сформирован.

«Моя голова вместе с прогрессистами демократической партии, а сердце... на стороне так называемой «старой гвардии»» [49], – заявил Вильсон после победы на выборах. Составляя свой кабинет, он отдал предпочтение именно «старой гвардии». В результате большинство его министров были уроженцами Юга, придерживались консервативных взглядов и готовы были преданно служить президенту Вильсону. Характерно, что некоторые из них до самого последнего момента оставались в неведении относительно своей судьбы. Так, Дэвид Хаустон о своем включении в правительство узнал лишь со слов Хауза. Никаких уведомлений от Вильсона он не получил даже тогда, когда прибыл на церемонию его вступления в должность президента. «Президент пожал мне руку, сказав, что рад меня видеть. И все. Секретарь президента сообщил мне, что тот приглашает меня на другой день в 11 часов на неофициальное заседание кабинета в Белом доме. Я подумал, что дела начинают идти быстрее и что я уже близок к назначению... Но этого не произошло. Лишь потом я прочитал в газетах, что моя кандидатура внесена на обсуждение сената, и, наконец, я получил при-

каз о назначении...»[50] – так рассказывал Хаустон о своем назначении министром сельского хозяйства. Аналогично обстояло дело с Франклином Лейном. «Мистер президент, я Ваш министр внутренних дел»[51],– сказал он, представляясь Вильсону, с которым ранее не был знаком.

В январе 1913 г. в Вашингтоне появились сообщения, что Вильсон готов назначить на пост министра внутренних дел представителя прогрессистов Джорджа Норриса, а два месяца спустя их лидер Лафоллет посетил Белый дом. В связи с этим газета «Нью-Йорк таймс» писала, что впервые в истории США сенатор от другой партии станет главным советником президента-демократа и это будет «революцией в политике»[52]. Газета ошиблась. Дальше разговоров дело не пошло. В отличие от Франклина Рузвельта Вильсон считал необходимым включить в состав своего правительства только представителей партии, к которой он принадлежал.

Перед тем как занять новый пост, Вильсон предпринял еще одно турне. Он посетил Нью-Йорк, родной город Стэнтон, Вирджинию, Трентон и Чикаго. Повсюду он говорил, что ближайшей задачей его администрации является проведение реформ в духе «новой свободы». В Нью-Йорке он, например, заявил, что в США «бедняки уже достаточно много страдают» и что нужно добиваться «эмансипации бедных»[53]. В интервью журналу «Фортнайтли ревью» Вильсон сказал, что в течение длительного времени «хозяевами правительства Соединенных Штатов являются действующие совместно капиталисты и фабриканты». Он обещал «освободить правительство от господства (крупного капитала.– *З. Г.*), заверив американцев, что будет «президентом народа Соединенных Штатов»»[54].

Монополистические круги США подвергли критике эти заявления. Вильсон поспешил успокоить их. По его указанию Хауз 23 февраля 1913 г. встретился с Г. Дэвисоном, Г. Фриком, О. Каном и другими влиятельными представителями крупного бизнеса и разъяснил им, что Вильсон «ничего такого не сказал прямо или косвенно, что давало бы основание предполагать, что он предпринимает атаку на бизнес... Его высказывания... предназначены к тому, чтобы поднять моральный дух нации, и в его намерения не входит воплощение таких мыслей в закон...»[55].

4 марта 1913 г. состоялась церемония вступления Вильсона в должность президента США. По этому случаю тихий и спокойный Вашингтон преобразился. Он был украшен национальными флагами, красочными транспарантами; повсюду играли оркестры. Улицы были запружены людьми, особенно Пенсильвания-авеню, соединяющая Белый дом с Капитолием. Здесь же были выстроены войска. Им предстоит продефилировать перед новым президентом страны.

Вильсон волнуется, но владеет собой. Внешне он невозмутим. Перед его мысленным взором прошла вся его жизнь. Как много, думал он, пришлось ему испытать на жизненном пути! Вспомнились молодые годы. Уже в то время его заветным желанием было играть видную роль в политике, проводимой Соединенными Штатами. Теперь он достиг значительно большего, став первым лицом в государстве. Его имя отныне войдет в историю США.

Присяга принята, и в наступившей тишине американцы слышат спокойный и твердый голос нового президента. Вильсон произносит инаугурационную речь. Это заранее тщательно отшлифованное, короткое выступление – всего тысяча пятьсот слов. Вильсон особое ударение делает на то, что демократическая партия не только располагает большинством в палате представителей и сенате. С этого времени ей также принадлежит власть в Белом доме. Вильсон не удержался от критики в адрес администрации Тафта, упрекая ее в том, что она часто действовала в интересах крупного капитала, забывая о нуждах народных масс. По словам президента, в истории США начался новый этап. «Мы должны восстанавливать, а не разрушать. Мы должны иметь дело с нашей экономической системой, какой она является и какой может стать, будучи модифицированной. Справедливость и только справедливость должна стать нашим девизом» [56]. Президент, кратко охарактеризовав проблемы, требующие решения, говорил о предстоящем снижении таможенного тарифа, реформе банковской системы и других мероприятиях. Свое выступление он закончил призывом к стране сплотиться для претворения в жизнь стоящих перед ней больших задач.

Каков был подход Вильсона к этим задачам, как он справился с ними – об этом речь пойдет в следующей главе.

Глава IV

В БЕЛОМ ДОМЕ

1.«Новая свобода»

Торжества по случаю вступления Вильсона в должность президента завершились, и 5 марта 1913 г. стало его первым рабочим днем. В Овальном кабинете Белого дома собрались все члены нового правительства. Председательствовал Вильсон. Было установлено, что президент и его министры будут собираться каждые вторник и пятницу. Такой порядок соблюдался до ноября 1913 г., после чего Вильсон стал встречаться с министрами только раз в неделю. Впрочем, это не имело существенного значения: никакие вопросы общегосударственной важности на этих заседаниях не решались. Обычно все сводилось к тому, что президент выслушивал сообщение того или иного министра о делах подведомственного ему департамента и, сделав некоторые замечания, закрывал заседание. Компетенция министров была строго определена, и им надлежало не выходить за ее пределы. «Вильсон во всех делах большой важности,— писал английский социолог Г. Ласки,— относился к своим государственным секретарям, будто они были рассыльными» [1]. Происходило это не потому, что он не считался с ними. Относясь к ним с должным уважением и предоставляя им полномочия действовать самостоятельно в рамках соответствующего министерства, он, однако, не признавал за министрами права принимать отдельно или совместно с ним решения по принципиальным вопросам внутренней и внешней политики США. Президент ревностно оберегал свои исключительные права в этой сфере.

Вильсон полагал также, что в его задачу входит установление твердого контроля за деятельностью представителей своей партии в конгрессе. По его глубокому убеждению, долг лидера партии — держать под своим началом ее конгрессменов и сенаторов, вменив им в обязанность строго следовать за ним, неукоснительно поддерживая его политику в высшем законодательном

органе страны. С этой целью в качестве орудия давления он широко использовал кокусы (общие собрания партийной фракции в палате представителей и сенате, часть которых принимает обязательные решения). В результате, как отмечали американские историки Ч. и М. Бирд, «Вильсон тотчас после вступления на пост президента наложил железную руку на свою партию в конгрессе...» [2].

Вильсон давно уже пришел к выводу, что первенствующее место в политической жизни США должно принадлежать не конгрессу, а президенту. Только в этом случае, полагал он, государственный механизм будет исправно функционировать. Поэтому Вильсон не мыслил себе, что конгресс может не одобрить его предложений. Но он понимал, что такой результат не будет достигнут автоматически. Поэтому Вильсон в отличие от ряда своих предшественников не отдалялся от конгресса, а, напротив, установил с ним, точнее, с его комиссиями самый тесный контакт. Он часто и подолгу беседовал в Белом доме и президентском кабинете Капитолия с лидерами обеих палат конгресса и другими влиятельными законодателями, стараясь находить с ними общий язык, идя на уступки или проявляя твердость. Стратегия Вильсона (в конгрессе. – *З. Г.*), отмечает Дж. Бройсембл, «сочетала в себе гибкость и непреклонность» [3]. Эти специфические методы Вильсона сыграли важную роль в его деятельности на посту президента США.

Вильсон, точно обретя вторую молодость, с завидной энергией взялся за проведение ряда реформ. Боевым крещением для него явилась таможенная реформа. «Любой вопрос бизнеса в США, – подчеркивал Вильсон, – упирается в вопрос о (таможенном. – *З. Г.*) тарифе» [4].

Задача, которую предстояло решить новому хозяину Белого дома, была не из легких. В США в течение длительного времени шла острая борьба по вопросу о таможенной политике. Высокие таможенные пошлины позволяли монополиям взвинчивать цены на товары первой необходимости. Поэтому рядовые американцы добивались отмены или по крайней мере существенного ослабления протекционистского курса. Живейший интерес к вопросу о тарифах проявляли различные круги американской буржуазии. При этом они обычно исходили из своих узких интересов. Экспортеры промышленных товаров и пшеницы, добивавшиеся укрепления своих позиций на мировых рынках, были заинтересованы в сни-

жении таможенных барьеров. Зато фирмы, занятые производством сахара, шерсти и ряда других товаров, опасаясь иностранной конкуренции, отстаивали жесткий курс в таможенных делах.

Проблеме таможенных тарифов много внимания уделяли обе буржуазные партии. В сущности говоря, не было ни одной избирательной кампании, в которой бы не велись ожесточенные споры между ними по поводу тарифов. Так было и на выборах 1912 г. Вокруг этого вопроса страсти разгорались и внутри демократической партии.

Несмотря на сложность и остроту проблемы таможенных пошлин, Вильсон отнюдь не терял почву под ногами. Он верил в успех таможенной реформы, так как демократы обладали более прочными позициями в конгрессе. Президент также рассчитывал на возможность поддержки со стороны части республиканцев, заинтересованных в отмене протекционистского тарифа.

Что побуждало Вильсона добиваться проведения в жизнь этой реформы? Защищая интересы господствующего класса в целом и пренебрегая частными соображениями отдельных его групп, он непосредственно связывал снижение таможенных пошлин с задачей укрепления позиций американского капитализма как внутри страны, так и за ее пределами.

Высокие таможенные тарифы, действовавшие в США, болезненно отражались на жизненном уровне американского народа. Пытаясь провести такого рода реформу, президент Вильсон тем самым хотел доказать простым американцам, что его правительство печется об их насущных нуждах. Но главная забота Вильсона заключалась в усилении внешнеэкономической экспансии США. «Наша промышленность расширилась в такой мере, что она потерпит крах («burst their jacket»), – предупреждал Вильсон американских бизнесменов еще до своего избрания на пост президента, – если она не сможет найти доступ на мировые рынки... Наш внутренний рынок теперь больше недостаточен. Мы нуждаемся в иностранных рынках... Действующий ныне таможенный тариф был для нас защитным валом, а теперь стал преградой. Торговля основывается на взаимности: мы не можем продавать, если не будем покупать» [5].

В свое время президент Джефферсон отказался от выступления в конгрессе, мотивируя это тем, что оно на-

поминает тронную речь английского короля и, следовательно, идет вразрез с принципами демократии. С тех пор в США сложилась традиция, согласно которой президент должен направлять письменные послания высшему законодательному органу. Вильсон, добиваясь укрепления своих позиций в конгрессе, нарушил эту традицию. 8 апреля 1913 г. он прибыл на объединенное заседание палаты представителей и сената, чтобы самому зачитать послание о тарифной реформе. Это было первое выступление Вильсона в конгрессе США.

Капитолий свыше ста лет не видел на своей трибуне главу Белого дома, и это вызвало разноречивые отклики. Одни приветствовали такой шаг, видя в нем залог тесного сотрудничества президента с законодателями. Другие, наоборот, подвергли его критике, упрекая президента в том, что он хочет стать над конгрессом. Сам Вильсон остался доволен эффектом, произведенным его речью.

Призывая законодателей одобрить проект таможенной реформы, Вильсон сделал упор на необходимость развития американского экспорта. «Мы должны...— заявил он,— поощрять наших бизнесменов-экспортеров постоянно быть умелыми, бережливыми и предприимчивыми», добиваться тем самым превосходства над экспортерами других стран. Цель предлагаемой реформы, подчеркнул глава администрации США, состоит в том, чтобы обеспечить «эффективность конкуренции, возбудить американскую изворотливость в соревновании с изворотливостью остальной части мира» [6].

Несмотря на доводы президента, законопроект о таможенной реформе подвергся критике в палате представителей. Однако большинство конгрессменов поддерживало билль.

Еще большую оппозицию законопроект встретил в сенате. Именно здесь разыгралась основная битва за таможенный тариф. Ряд сенаторов-демократов, не говоря уже о республиканцах, традиционных сторонниках протекционизма, решительно возражали против пересмотра таможенного тарифа. Положение усугублялось позицией прогрессистов, обосновавших свои возражения тем, что проектируемая реформа ущемляла положение фермеров Запада в угоду промышленникам Востока.

В сенате сложилась напряженная обстановка. Страсти особенно накалились, когда в Вашингтон хлынули лоббисты, представлявшие интересы владельцев сахарных

плантаций и заводов, текстильных фабрик и т. д. С помощью закулисных сделок, подкупов и других низкопробных средств они оказывали нажим на сенаторов, прежде всего на тех, кто еще не определил свою позицию. Возникла угроза провала таможенной реформы. Вильсону пришлось предпринять довольно редкий в истории США шаг, взяв под обстрел лоббизм. «Вашингтон в кои веки видел столь многочисленные, столь рьяные и столь коварные «группы давления», – с возмущением заявил он 26 мая на пресс-конференции. – Имеются очевидные доказательства, – продолжал Вильсон, – что деньги без всякого счета расходуются на поддержку этих лоббистов» [7], и все для того, чтобы создать впечатление о нарастании в стране недовольства новым таможенным законодательством.

Обличительное заявление президента взбудоражило общественное мнение. Юридическому подкомитету сената пришлось заняться лоббизмом. Часть сенаторов оказалась замешанной в грязных сделках, граничащих с преступлением. Заодно были выведены на чистую воду и сахарозаводчики. Пытаясь помешать снижению таможенных сборов на сахар, они затратили миллионы долларов для подкупа некоторых политических деятелей и редакторов газет.

Расследование подтвердило правильность обвинений, выдвинутых Вильсоном, и это ускорило дебаты в сенате. Но до окончательного решения вопроса было еще далеко. Понадобилось собрать фракцию демократов в сенате (кокус), чтобы в порядке партийной дисциплины обязать ее членов голосовать за билль о тарифах. После длительных споров и открытого нажима Белого дома 2 октября 1913 г. сенат большинством голосов одобрил закон о таможенных пошлинах. Это была крупная победа Вильсона, предвещавшая ему дальнейшие успехи в проведении политики реформ.

Вильсон записал в свой актив новый закон о тарифах, впервые за многие годы приведший к снижению таможенных сборов (в целом оно составило около 10%), как доказательство добросовестного выполнения обещания, данного им народу. Главное же значение таможенной реформы состояло в том, что новый президент доказал способность оказывать содействие американским монополиям в осуществлении экспансии на мировых рынках. Пэйдж неспроста заявил, что «в экономической истории

началом перехода торгового превосходства к Соединенным Штатам будет считаться тариф 1913 года»[8].

Новое испытание ждало Вильсона в связи с принятием финансового законодательства.

Финансовая система США со времени Гражданской войны складывалась стихийно. В начале XX в. в стране насчитывалось 7 тыс. частных банков. Единая денежная система в США отсутствовала. В обращении находились золотые и серебряные монеты, сертификаты и банковские билеты, продолжали еще функционировать выпущенные в период Гражданской войны «гринбеки», обесцененные бумажные деньги, не подлежавшие обмену на золото.

Хаотичность банковской и кредитной систем противоречила потребностям возросшей экономической мощи страны. Крупный капитал, заинтересованный в централизации финансов (разумеется, под своим контролем), не хотел мириться с таким положением.

Решением конгресса, принятым еще в 1908 г., была создана специальная комиссия во главе с сенатором Н. Олдричем, разработавшая проект реорганизации банковской системы. Проект предусматривал учреждение единого частного централизованного банка с 15 филиалами. План Олдрича с энтузиазмом восприняли крупные финансисты и владельцы промышленных корпораций. Однако его встретили в штыки прогрессисты из среды демократов и «мятежники»-республиканцы. Они обоснованно заявили, что данный проект реформы призван поставить финансы страны под всесильный контроль Уолл-стрита.

После прихода к власти Вильсона был выработан новый план реформы банковской системы. Его автором являлся конгрессмен-демократ К. Гласс. Он предложил организовать федеральную систему резервных банков, действующих под частным контролем. Новый проект был затем дополнен предложением о создании федерального резервного управления (ФРУ), призванного координировать деятельность этих банков. Этот проект почти как две капли воды оказался схож с планом Олдрича.

Брайан, стремившийся сохранить популярность в мелкобуржуазной среде, подверг критике план Гласса. Его поддержал в этом видный деятель демократической партии Р. Оуэн, возглавивший банковскую и валютную комиссию сената. Он предложил собственный план

финансовой реформы: государство осуществляет выпуск (эмиссию) денег и контролирует частные банки. Вскоре еще один проект подготовил министр финансов Макаду. Этот проект также предусматривал, что денежная эмиссия должна находиться исключительно в ведении государства. Наряду с этим в нем содержалось предложение о централизации банковской системы.

Таким образом, в распоряжении Вильсона находились три проекта финансовой реформы. Президент склонялся к идее установления государственного контроля над банковской системой. Но прежде чем принять решение, он обратился за советом к Брандейсу. Свои взгляды по вопросу, интересовавшему президента, Брандейс резюмировал следующим образом: «Полномочиями выпуска денежной эмиссии следует наделить только государственные органы. Бюро (для руководства банками. – *З. Г.*) определенно должно быть государственным органом, а функции банкиров»[9] необходимо ограничить совещательным голосом. Теперь Вильсон вполне утвердился в своем мнении, и в план Гласса были внесены дополнительные поправки.

Банки Запада и Юга, заинтересованные в подрыве финансового могущества Нью-Йорка, поддержали новый проект Гласса. Однако руководящие круги Уолл-стрита подвергли его ожесточенной критике. Газета «Нью-Йорк таймс» с явным неудовлетворением отмечала, что «обеспечен политический контроль над банковской системой страны»[10]. Вильсон не собирался обострять отношения с финансовой элитой и согласился на создание федерального консультативного совета, состоящего из представителей нескольких резервных банков. Функция совета – служить связующим звеном между региональными банками и федеральным резервным управлением. В результате в проект Гласса был внесен еще один корректив.

23 июня Вильсон вторично выступил в Капитолии. Президент заявил, что контроль над банковской системой и денежным обращением «должен быть государственным, а не частным, должен принадлежать самому правительству...»[11]. Три дня спустя законопроект о финансовой реформе был представлен на обсуждение конгресса.

Против билля Гласса в палате представителей резко выступили радикальные демократы. Они предостерегали, что претворение в жизнь предложенного проекта приве-

дет к «неограниченной олигархии» денежных тузов. Опасаясь за исход голосования, Вильсон прибег к политике кнута и пряника. По его предложению собрание фракции демократической партии в конгрессе обязало всех ее членов голосовать за законопроект Гласса. Наряду с этим президент обещал удовлетворить некоторые требования радикалов в будущем антитрестовском законодательстве. В результате противодействие оппозиции в рядах демократической партии было преодолено. Демократы, располагая большинством голосов в палате представителей, 28 сентября добились одобрения билля Гласса.

Жаркие споры вокруг финансового законодательства развернулись в сенате и за его пределами. Против него открыто выступила Американская ассоциация банкиров. Восприняв билль Гласса чуть ли не как покушение на священный принцип частной собственности, она, пытаясь воскресить план Олдрича, предлагала создать единый центральный банк, свободный от правительственного надзора. Под влиянием этой организации финансистов консервативно настроенные демократы в сенате (Ф. Хитчхок и др.) присоединились к хору недовольных. Это, естественно, осложнило обстановку в сенате.

Вильсон лучше других понимал, что законопроект финансовой реформы вполне способен обеспечить интересы американского капитализма. Поэтому он не намеревался капитулировать или останавливаться на полдороге. Он неоднократно встречался с сенаторами, старался прибрать к рукам строптивых, а когда доводы не помогали, прибегал к угрозам. Так, пригласив в Белый дом руководителей демократической фракции в сенате, Вильсон под горячую руку заявил: «Демократ, который не будет меня поддерживать, не является демократом. Он бунтовщик» [12]. Такое заявление президента возымело свое действие: сенаторы-демократы последовали за властным лидером партии.

Но на этом борьба не кончилась. Руководитель нью-йоркского банка «Нэшнл сити бэнк» Ф. Вандерлип предложил свой план решения финансовой проблемы. План предусматривал создание федерального резервного банка с капиталом 100 млн. долл., образованным из вкладов частных лиц и правительства. Банк с его двенадцатью отделениями должен был выполнять функцию центрального банка по выпуску денежного обращения.

Противники билля Гласса справа охотно поддержали

предложение Вандерлипа. Вильсону снова пришлось вмешаться. Благодаря его настояниям сенат большинством в двадцать голосов согласился с биллем Гласса.

Осталось устранить различия в текстах законопроекта, принятых обеими палатами конгресса. 22 декабря 1913 г. окончательно отредактированный текст билля был одобрен палатой представителей, а на следующий день – сенатом. Спустя несколько часов его подписал президент.

Усилия Вильсона увенчались успехом. Федеральный резервный акт вступил в силу.

Конгресс выполнил свою задачу, и законодатели на время рождественских каникул разъехались по домам. Но Вильсону было не до отдыха: ему предстояло подобрать подходящих лиц для руководства Федеральной резервной системой. Членами ФРУ и совещательного комитета при нем стали влиятельные представители финансового мира, в том числе Морган. Руководство региональными банками (всего их было двенадцать) также оказалось в руках выразителей интересов финансовых кругов и владельцев корпораций. Орган делового мира США «Файнэншл эйдж» 9 июня 1914 г. с удовлетворением констатировал, что лица, поставленные Вильсоном во главе ФРУ, «хорошо известны своим консерватизмом» и что они добьются «восстановления доверия банкиров и бизнесменов в отношении новой (финансовой.– *З. Г.*) системы».

Вильсон пытался в радужном свете представить государственный контроль над банками. Он заявлял, что этот контроль пойдет на пользу простым людям и что отныне банки будут служить интересам народа. Однако смысл финансовой реформы надо искать не в официальных заявлениях президента, а в ее реальном значении. Проведенная Вильсоном реформа означала, что буржуазное государство в США своим контролем над банками добивалось укрепления кредитно-денежной системы и тем самым обеспечения ее способности успешно служить интересам монополистического капитала. Федеральный резервный акт, заявил Брайан, «сделает для развития торговли (США.– *З. Г.*) с другими странами больше, чем любая другая мера, предпринятая в нашей истории» [13].

Финансовая реформа 1913 г. означала крупный шаг на пути становления государственно-монополистического

капитализма в США. Вильсон и те, кто ему помогал в проведении реформы, верно уловили эту новую тенденцию в развитии американской экономики.

Большинство населения страны ждало от нового президента больших перемен. Последняя избирательная кампания особенно зримо выявила настрой общественного мнения страны. Всесилие и произвол монополий, опостылевшая рядовым американцам реакционная политика Тафта и накал классовой борьбы пролетариата настоятельно требовали принятия определенных шагов для смягчения обстановки. Сильной стороной Вильсона было трезвое понимание того, что вексель, недавно так щедро выданный им избирателям, необходимо оплатить.

Одна из реформ Вильсона – введение прогрессивного подоходного налога. Согласно 16-й поправке к конституции США, принятой в 1913 г., был издан закон, по которому увеличение размеров доходов (начиная с 3 тыс. долл. в год) влекло за собой увеличение ставки налога от 1 до 6%.

13 мая 1913 г. была принята 17-я поправка к конституции, шедшая навстречу давнишним требованиям о демократизации избирательного права. Отныне выборы сенаторов проводились путем прямого голосования.

По инициативе президента было создано министерство труда, которое возглавил бывший шахтер, а затем профсоюзный босс У. Вильсон. Буржуазная пропаганда в связи с этим заявляла, что теперь представители рабочих якобы сами будут решать вопросы, касающиеся их взаимоотношений с предпринимателями.

Однако американские рабочие рассуждали по-другому. Не желая мириться с капиталистической эксплуатацией, они боролись за сокращение рабочего дня, повышение заработной платы и улучшение условий труда. Требования рабочих распространялись также на «антитрестовский» закон Шермана. Принятый в 1890 г. для борьбы с монополиями, этот закон в действительности был направлен против рабочего класса. Закон приравнивал рабочие организации к трестам под тем предлогом, что они якобы препятствуют конкуренции при найме рабочей силы и тем самым наносят ущерб другим лицам и организациям. Опираясь на него, суды различных инстанций преследовали профсоюзы и их руководителей. Поэтому американский пролетариат требовал исключения из закона Шермана «рабочих статей».

Кульминационным пунктом классовых боев в первый период президентства Вильсона была стачка шахтеров Колорадо в 1913–1914 гг., приведшая к «малой гражданской войне» в этом горнорудном районе. Кровавая расправа над стачечниками в Лудлоу («бойня в Лудлоу»), учиненная наемниками шахтовладельцев, вызвала всеобщее возмущение в стране, способствовала росту рабочей солидарности.

Обострение классовой борьбы американского пролетариата заставило правящие круги США обратить внимание на требования рабочего класса. Принятый в 1914 г. закон Клейтона разрешал деятельность профсоюзов в «законных целях» и освобождал рабочих от судебного преследования за участие в забастовках, бойкоте, пикетировании и других мероприятиях, проводимых «законным и мирным путем». Этот закон частично удовлетворял требования рабочих. Он явился результатом борьбы трудящихся и знаменовал собой их определенный успех.

Вильсон использовал закон Клейтона, чтобы подкрепить свою репутацию «защитника» интересов рядовых американцев. На самом же деле в социально-политических вопросах он оставался консерватором. Это наглядно проявилось в его подходе к ограничению детского труда и другим проблемам, волновавшим широкие народные массы.

В начале XX в. в США на промышленных предприятиях и рудниках широко применялся детский труд. Прогрессивные силы страны, и в первую очередь рабочий класс, требовали законодательного его ограничения. В результате в ряде штатов такие законы были приняты. Тем не менее Вильсон противился введению соответствующего федерального закона. Когда конгрессмен М. Паркер внес законопроект о запрете использования труда детей до 14 лет на промышленных предприятиях, а детей до 16 лет – в шахтах и об установлении восьмичасового рабочего дня для подростков, Вильсон отрицательно отозвался об этом законопроекте. Он заявил, что последний противоречит конституции. Отказ президента поддержать законопроект фактически был равнозначен его провалу. В итоге билль Паркера так и не был рассмотрен конгрессом.

В начале 1914 г. объединенный подкомитет палаты представителей и сената подготовил законопроект о пра-

вительственных субсидиях федеральным банкам по 500 тыс. долл. каждому для кредитования фермеров. Однако Вильсон, ссылаясь на «неразумность и несправедливость предоставления правительственных кредитов одному-единственному классу страны»[14], воспротивился принятию этого билля. Он даже пригрозил наложить на него вето. Такая позиция Белого дома вызвала новый взрыв недовольства представителей аграрных штатов в конгрессе. Попытка их лидеров О. Уинго и Дж. Томпсона убедить палату принять билль не увенчалась успехом. Сенат оказался более решительным: он одобрил законопроект. Но билль не получил силу закона. Президент наложил на него вето. Вопрос о кредитах фермеров был решен положительно только в 1916 г., когда Вильсон вторично баллотировался в президенты.

В США, где, по заверениям Вильсона, восторжествовали принципы свободы и равенства, женщины были лишены политических прав. Несмотря на рост числа женщин, занятых в производстве, в конторах и школах, они не имели права голоса. Такое унизительное положение половины населения страны вызывало законный протест и возмущение прогрессивной американской общественности. По мере вовлечения женщин в трудовую деятельность (в 1910 г. общее число женщин, занятых в производстве, составило около 10 млн. человек) росло движение за женское равноправие. В Канзасе, Калифорнии и некоторых других штатах женщины смогли добиться избирательных прав.

Американские женщины надеялись, что с избранием Вильсона президентом будет положительно решен вопрос о предоставлении им избирательных прав. Но они просчитались: новый хозяин Белого дома ничего не собирался для них делать. 2 февраля 1914 г. в резиденцию Вильсона прибыла делегация работниц во главе с активной участницей борьбы за равноправие женщин Э. Ивенс. Делегация требовала предоставления женщинам избирательных прав. Вильсон отказался это сделать. Сославшись на предвыборную программу демократической партии, в которой была обойдена проблема женского равноправия, он заявил: «Я должен ограничиться только тем, что моя партия декларировала»[15]. 30 июня к Вильсону явилась еще одна делегация участниц суфражистского движения. Президент США на этот раз сослался на то, что вопросом об избирательных правах женщин при-

званы заниматься власти штатов, а не федеральное правительство.

Отрицательная позиция Вильсона в отношении женского равноправия была связана с догмами его религиозного воспитания, которые, ограничивая роль женщины в обществе рамками семьи, по сути дела лишали ее элементарных политических прав.

Как уже отмечалось, в ходе предвыборной кампании Вильсон добивался поддержки от негритянских организаций. Но, став президентом, он предал забвению свои обещания черным американцам. Так, например, им было санкционировано предложение министра почты О. Берлесона о введении сегрегации негров в правительственных учреждениях. Последовали также увольнения негритянских служащих и рабочих и замена их белыми американцами. Сегрегация процветала в период пребывания у власти администрации Вильсона.

Такое положение вызывало протесты негритянских организаций и прогрессивной общественности США. Но это не дало желаемых результатов. Попытку повлиять на президента предпринял О. Виллард. В июле 1913 г. он добился приема у Вильсона и предложил ему образовать специальную комиссию для беспристрастного изучения негритянского вопроса. Вильсон, казалось, не имел ничего против такого предложения. Но он так и не создал Национальную расовую комиссию и отказал Вилларду в новой аудиенции, ограничившись письмом к нему. Свое негативное отношение к образованию подобной комиссии президент объяснил нежеланием ссориться с сенаторами-южанами, в поддержке которых он нуждался. Но дело было не только в этом. Глава Белого дома, пытаясь оправдать сегрегацию, утверждал, что она, «несомненно, в интересах самого цветного населения»[16]. Американский историк Р. Келли резонно отмечает, что Вильсон «прикрывал практику джимкроуизма напыщенными фразами»[17].

Во время предвыборной кампании Вильсон, вменяя монополиям в вину различные злоупотребления, не раз обещал ограничить их деятельность определенными рамками. После прихода в Белый дом он занялся антитрестовским законодательством. Это был заключительный аккорд в претворении в жизнь программы «Новая свобода». Центральное место в реформе, касавшейся монополий, занимал упомянутый выше закон Клейтона. Он

предусматривал запрет обмена директорскими постами в конкурирующих фирмах, приобретения акций других корпораций ради подрыва их конкурентоспособности и другие малоэффективные меры борьбы с монополиями. Не будет преувеличением сказать: гора родила мышь. Сенатор-демократ Джеймс Рид, критикуя подписанный Вильсоном 15 октября 1914 г. закон Клейтона, справедливо отмечал, что он «в известной мере оказался законодательным оправданием для трестов, преподнесенным подобострастно и сопровождавшимся заверениями, что по отношению к ним никакая неучтивость не подразумевается»[18].

Вильсоновская программа «Новая свобода» до сих пор вызывает различные суждения в американской исторической науке. По мнению Ф. Макдональда, идеалом Вильсона была «нация фермеров, рабочих и лавочников»[19] и его политика была направлена к этой цели. Иначе подходит к оценке реформ Вильсона Дж. Бройсембл. «Целью «Новой свободы», — считает он, — было высвобождение энергии промышленного и аграрного капитализма и одновременно с этим направление значительной части этой энергии за границу, что было определено Вильсоном как «завоевание мировых рынков». Заморская экономическая экспансия — основное назначение «Новой свободы», призванной гарантировать процветание США»[20].

«Новая свобода» открыла зеленую улицу американской экономической экспансии, и Вильсон мог гордиться этим. Однако главной задачей, которую преследовал Вильсон в проведении реформ, было решение насущных внутренних проблем.

Вмешательство государства в дела экономики, некоторое ограничение свободы действий частного капитала, отдельные уступки трудящимся массам были следствием общественного протеста, и Вильсон, как отмечают прогрессивные авторы Р. Бойер и Г. Морейс, был вынужден проводить такую политику «ввиду всевозраставших боевых настроений народа»[21]. Правота этого вывода косвенно подтверждается признанием самого Вильсона. В мае 1914 г. он заявил представителям ассоциации промышленников, что программа «Новая свобода» абсолютно необходима для бизнеса и что «гораздо лучше действовать умеренно и трезво в настоящее время, чем ждать, пока более радикальные элементы соберутся с си-

лами и тогда окажется необходимым пойти намного дальше»[22].

Советский исследователь И. А. Белявская справедливо назвала «Новую демократию» Вильсона «ящиком с двойным дном»[23]. Внешнюю сторону его составляли реформы либерального толка, проводившиеся под знаком «освобождения масс от гнета богатых классов». Они являлись результатом борьбы трудящихся, и их назначение состояло в том, чтобы притупить классовый антагонизм в США, успокоить общественное мнение. Но главное содержание политики Вильсона – это реформы, непосредственно осуществленные в угоду американской правящей верхушке. Можно с полным основанием сказать, что основой основ реформаторской деятельности Вильсона была защита интересов американского капитала.

Закончив проведение реформ, Вильсон стал все более отдаляться от прогрессистов, стараясь сблизиться с монополистическими кругами. Теперь Белый дом часто навещали Морган, Форд, банкиры Иллинойса и т. д. Здесь их ждал радушный прием и щедрые посулы президента. Представители крупного бизнеса отвечали Вильсону взаимностью. Так, влиятельный финансист Райан, восторгаясь хозяином Белого дома, заявлял: «Он – великий человек и великий президент»[24].

2. Интервенция в Мексику. Дальневосточная политика США в 1913–1914 гг.

Незадолго до вступления на пост президента Вильсон писал своему другу по Принстонскому университету: «Иронией судьбы будет, если моей администрации придется иметь дело главным образом с внешней политикой»[25]. Такое заявление не было беспочвенным. В ходе избирательной кампании кандидат в президенты от демократической партии был целиком поглощен внутренними делами. Ему представлялось, что, когда он придет к власти, все внимание опять-таки будет сконцентрировано на этих проблемах. К тому же нового президента не без оснований считали малокомпетентным в вопросах международной политики.

«Удивительно, что такой человек, как Вильсон, с его высокоразвитым интеллектом и глубиной (мышления. – *З. Г.*) до прихода в Белый дом мало интересовался

внешней политикой»[26], — констатировал американский историк П. Пул. Это соответствует истине. Вильсон бывал в Европе, но не встречался там ни с государственными, ни с политическими деятелями. Его знания о жизни европейских стран и их сложных, порой запутанных взаимоотношениях были почерпнуты в основном из книг. О Латинской Америке и Дальнем Востоке он знал еще меньше.

В чисто практических вопросах внешней политики Вильсон разбирался слабо, а в искусство дипломатии вовсе не был посвящен. Став главой государства и правительства, он невольно вынужден был окунуться и в эти проблемы. Вскоре Вильсон приобрел опыт ведения дипломатических переговоров. По словам министра сельского хозяйства Хаустона, он сделался собственным государственным секретарем и, войдя во вкус, стал до тонкостей разбираться в сложных вопросах внешней политики США и твердо взял в свои руки руководство ею. Большинство важных внешнеполитических документов, включая инструкции представителям дипломатической службы за границей, составлял он сам и, отпечатав их на машинке, пересылал Брайану. К этому времени у президента Вильсона сложилась четкая концепция относительно глобальных задач США на международной арене.

В основе своей внешнеполитическая концепция Вильсона мало чем отличалась от взглядов Альфреда Мэхэна, Т. Рузвельта и других проповедников империалистического курса США. Если снять с нее покров цветистых фраз об альтруизме и христианской добродетели политики США, она сводилась к тому, что эта страна, располагая огромной экономической мощью, призвана выполнять мессианскую роль в мире. По мнению Вильсона, США смогут справиться с такой ролью, если постоянно будут подкреплять ее экспансией на мировых рынках, прежде всего в Латинской Америке и на Дальнем Востоке. Так, в речи, произнесенной в Бостоне 27 января 1912 г., Вильсон говорил о растущей потребности страны во внешних рынках и о необходимости для этого соответствующих действий. США, утверждал он, стремятся занять свое место «на общем поле конкуренции, включающем в себя весь земной шар»[27]. Настойчиво звучали его призывы к созданию в США сильного военного и торгового флота.

С первых шагов на посту президента Вильсон столк-

нулся с рядом серьезных внешнеполитических проблем. Самой сложной из них были отношения с Мексикой.

Экспансия американского капитала в Мексику особенно усилилась в начале XX в. Североамериканские монополии подчинили своему контролю три четверти угольной и металлургической промышленности и свыше половины добычи нефти Мексики.

Общий объем капиталовложений США в этой стране составил 1,5 млрд. долл.

В 1910 г. в Мексике началась революция против феодальных пережитков и господства иностранного капитала. Президентом был избран Ф. Мадеро, добивавшийся освобождения своей родины от засилья иностранцев. Однако уже в феврале 1913 г. в Мексике произошел контрреволюционный переворот. При активном содействии англичан власть узурпировал генерал В. Уэрта, пытавшийся с помощью жестоких репрессий восстановить здесь порядки, царившие до революции.

Вильсон, заняв президентский пост, должен был решить, какую политику проводить в отношении Мексики, как быть с признанием Уэрты.

В публичных выступлениях американский президент заявлял, что его администрация в отличие от предыдущих будет проводить курс добрососедства в отношении этой страны. «Мы рады считать себя друзьями Мексики, – заявил Вильсон 27 августа 1913 г. в специальном послании конгрессу, – и я надеюсь, что в более счастливые времена, так же как и в эти дни волнений и беспорядков (в Мексике. – *З. Г.*), мы будем иметь возможность доказать, что наша дружба неподдельна и бескорыстна, способна на жертвы и любое проявление великодушия... Мы еще докажем мексиканскому народу, что, не проявляя прежде всего заботы о себе, знаем, как быть ему полезным» [28]. Такое заявление представляло собой не более чем слова, слова, слова.

Американские бизнесмены, вложившие свои капиталы в Мексике, добивались от правительства США признания Уэрты. Их позицию особенно энергично отстаивал американский посол в этой стране Генри Вильсон.

Доводы сторонников признания мексиканского диктатора произвели впечатление на Вильсона, и он уже заготовил соответствующее письмо на имя Уэрты, как вдруг в позиции Белого дома произошел поворот на 180°. Президент категорически отказался признать новый режим.

Объясняется это не тем, что на Вильсона вдруг нашло озарение и он осознал аморальность официальных контактов с мексиканским диктатором. Соображения были сугубо прагматические. Уэрта потворствовал английскому капиталу. Благодаря этому укрепилось влияние последнего в мексиканской экономике, прежде всего в нефтяной промышленности. Лондон в знак признательности установил дипломатические отношения с новым мексиканским правительством. Власть Уэрты признали и многие другие государства.

Рост английского влияния в Мексике подрывал позиции США. Особенно ощутимо это ударяло по американским нефтяным корпорациям – «Догени стандард ойл К°» и др. Именно на почве обострившегося англо-американского соперничества произошло размежевание политики Белого дома и Даунинг-стрит в мексиканском вопросе.

Белый дом принял твердое решение не признавать Уэрту. Г. Вильсон, противившийся этому решению, был отозван в США. Переговоры с Мексикой взял в свои руки лично президент. В качестве его «персонального представителя» в Мексику был направлен бывший губернатор Миннесоты Джон Линд. Его задачей было добиться отставки Уэрты. В августе эмиссар Вильсона дважды вручал ноты мексиканскому правительству, добиваясь отказа Уэрты от выдвижения своей кандидатуры на пост президента. Уэрта отверг эти требования. Тогда администрация Вильсона наложила эмбарго на ввоз оружия в Мексику. Одновременно была предоставлена помощь главному противнику Уэрты «конституционалисту» В. Каррансе в надежде на то, что последний будет следовать в фарватере политики США.

27 октября 1913 г. Вильсон выступил с программной речью в Мобиле на тему «Новая латиноамериканская политика». Он обвинил европейские державы в эксплуатации богатств Латинской Америки. Подлинными друзьями латиноамериканских стран, утверждал президент, являются только США, и им следует «первыми принять участие в оказании помощи этим странам в освобождении» от иностранного влияния. США, торжественно возвестил он, «должны доказать, что являются друзьями и защитниками» стран Латинской Америки «на условиях равенства и уважения»[29]. Увы, это обещание не подкреплялось реальными делами. Американский историк

К. Шмитт с полным основанием назвал заявление Вильсона «чистой риторикой». Главное назначение речи хозяина Белого дома в Мобиле – «энергично предупредить европейские державы, чтобы они ограничили свои капиталовложения в западном полушарии» [30].

Из числа европейских государств наибольшим влиянием в Латинской Америке располагала Англия, ее инвестиции в данном регионе были самыми значительными. Поэтому в Лондоне сразу же поняли, кому в первую очередь адресовано столь энергичное предупреждение Белого дома. Игнорировать выступление Вильсона английские верхи не могли: в это время до крайности обострились англо-германские противоречия. Более того, в связи с вероятностью конфликта с Германией Англия сочла нужным пойти на уступку США. В ноябре 1913 г. в Вашингтон был направлен личный секретарь английского министра иностранных дел Э. Грея У. Тирелл. В результате его переговоров с Вильсоном и Брайаном Англия отказалась от дальнейшей поддержки Уэрты. США, идя, со своей стороны, навстречу Англии, заявили о предстоящей отмене закона 1912 г., который в нарушение англо-американского договора Хэя–Паунсефота (1901 г.) освобождал американские каботажные суда от уплаты пошлин при проходе через Панамский канал. Эта сделка, фактически зафиксировавшая раздел Латинской Америки на сферы влияния между Англией и США, означала дипломатический успех Вильсона.

Достигнув соглашения с Англией, правительство США в ультимативной форме потребовало отставки Уэрты. В заявлении Вильсона, переданном в конце ноября 1913 г. министерству иностранных дел Мексики и всем иностранным посольствам в Вашингтоне, без обиняков было подчеркнуто, что если генерал Уэрта не уйдет со своего поста, то «долгом США будет использование менее мирных средств, для того чтобы его убрать». Эта неприкрытая угроза вооруженной интервенции была замаскирована лицемерным заявлением Вильсона о том, что США ничего не добиваются в Мексике, кроме защиты порядка и конституционных свобод. Характерно, однако, что американский президент не упустил случая предупредить другие державы, что США «будут стремиться проявить себя как в Мексике, так и повсюду неизменным поборником «открытых дверей»» [31]. Тем самым глава Белого дома фактически признал, что в мекси-

канских событиях его беспокоят только интересы США.

Американский историк П. Холей полагает, что Вильсон колебался «между симпатиями к революционерам и их делу и желанием взять под свой контроль судьбу Мексики, желанием, вытекавшим... из его веры в опекунскую роль США в мире» [32]. Но это не так. Задача, которую Вильсон пытался решать в Мексике, была далека от симпатий, да еще к революционерам. Авторы книги «Создание американской империи. Дипломатическая история США» справедливо считают, что «политика Вильсона в мексиканском вопросе имела главной целью прокладывание пути к установлению полной американской гегемонии» [33] в этой латиноамериканской стране.

Предприняв решительные шаги, США организовали финансовую блокаду Мексики и отменили эмбарго на ввоз оружия, с тем чтобы снабжать им армию В. Каррансы. Одновременно США усиленно готовились к вооруженному вмешательству в мексиканские дела. Вскоре, как это обычно бывает, подходящий предлог был найден.

9 апреля 1914 г. американский крейсер «Дельфин» зашел в мексиканский порт Тампико. Моряки корабля, нарушив запрет властей, сошли на берег. Их арестовали, но спустя полтора часа они были освобождены, причем командующий войсками в этом районе генерал М. Сарагоса принес свои извинения. Инцидент по существу был исчерпан. Однако командир американской эскадры адмирал Генри Майо в ультимативной форме потребовал от Сарагосы наказания офицера, арестовавшего американских моряков, и артиллерийского салюта в честь флага США. Первое требование сразу же было выполнено, а второе Уэрта отказался удовлетворить.

«Настроение в конгрессе и печати,– писал русский посол в США Г. П. Бахметьев,– воинственное» [34]. Так же был настроен Вильсон. 13 апреля, сразу же после истечения срока американского ультиматума, по его прямому указанию в Тампико было дополнительно отправлено свыше пятидесяти военных кораблей.

Уэрта в конце концов согласился на салют, но выдвинул при этом условие, чтобы американцы, со своей стороны, отсалютовали в честь мексиканского флага. Это предложение правительство США отвергло, предъявив 18 апреля новый ультиматум (его написал сам Вильсон), со-

гласно которому мексиканские власти должны были не позднее следующего дня выполнить американское требование. 20 апреля Вильсон обратился к конгрессу с посланием, в котором предлагал «использовать вооруженные силы Соединенных Штатов таким образом и в такой мере, как это может быть необходимым»[35], чтобы принудить Уэрту выполнить требование Майо. Конгресс одобрил предложение президента, предоставив ему соответствующие полномочия.

Тем временем к мексиканскому порту Веракрус приближалось германское судно «Ипиранга» с грузом оружия и боеприпасов для Уэрты. Президент США тотчас отдал приказ о занятии Веракруса. Американская морская пехота захватила порт, таможню, вокзал, почту и телеграф города. Фактически началась война США против Мексики[36].

Вильсон, пытаясь оправдать интервенцию, утверждал, что она была предпринята якобы лишь против Уэрты. Но ему не удалось обмануть народ Мексики. Вооруженное вмешательство США вызвало бурю гнева. Повсюду проходили антиамериканские демонстрации. Героическое сопротивление защитников Веракруса вдохновило мексиканцев на борьбу за независимость. Против американского вторжения выступили Карранса и его приверженцы. В Аргентине, Чили, Уругвае и других странах Центральной и Южной Америки прошли митинги протеста против вооруженного нападения США на Мексику, в поддержку права мексиканского народа самому решать судьбу своей родины.

Эти события опрокинули расчеты правительства Соединенных Штатов на скорую победу, и ему пришлось пойти на попятную. Вильсон вынужден был согласиться с предложением Аргентины, Бразилии и Чили о посредничестве в целях улаживания столь острого конфликта.

20 мая в Ниагаре открылась конференция с участием представителей США и Мексики, а также послов стран-арбитров. Но переговоры зашли в тупик. Между тем гражданская война в Мексике продолжалась. Против реакционной помещичье-клерикальной диктатуры Уэрты героически боролись армии крестьян под водительством Э. Сапаты и Ф. Вильи. Войска Каррансы заняли ряд стратегических пунктов и успешно продвигались к столице страны. 15 июля 1914 г. правительство Уэрты пало. Ров-

но через месяц в столицу республики прибыл Карранса, который вскоре возглавил новое правительство. Но и после этого американские войска оставались в Веракрусе. Вильсон вывел их оттуда только в связи с ростом сопротивления мексиканского народа и благодаря протестам американской общественности. Это произошло уже после начала первой мировой войны.

Со сложными проблемами президенту США пришлось столкнуться и на другом конце земного шара – на Дальнем Востоке.

Ко времени прихода Вильсона к власти отношения между США и Японией были весьма напряженными. Главной причиной тому была острая борьба этих империалистических держав за установление преобладающих сфер влияния в Китае. Любой недружественный акт воспринимался каждой из сторон крайне болезненно и вызывал очередную вспышку американо-японских противоречий. Так, в частности, произошло в связи с решением властей Калифорнии об ограничении въезда в этот штат японцев и запрещении им приобретать землю в собственность. Соответствующий законопроект был внесен в законодательное собрание Калифорнии в конце 1912 г. Свою точку зрения относительно японской иммиграции Вильсон изложил еще в октябре 1912 г., заявив, что является сторонником «национальной политики исключения», т. е. запрета или сведения к минимуму приезда японцев в США. Вильсон, придерживаясь шовинистических взглядов, осуждал «ассимиляцию различных рас», которая, по его мнению, способна нанести ущерб «однородности населения»[37] США. Став президентом, Вильсон, естественно, поддержал законопроект, направленный против японской иммиграции, что ускорило одобрение калифорнийскими властями антияпонского билля.

Реакция Японии была незамедлительной. Из Токио в Вашингтон была направлена крайне резкая нота протеста. В связи со сложившейся ситуацией кабинет Вильсона трижды обсуждал вопрос о возможности военного конфликта со Страной восходящего солнца. Милитаристские круги в США рвались к военной авантюре. Вильсон, однако, считал войну с Японией несвоевременной. Вместе с тем Белый дом санкционировал особые мероприятия на этот случай. Форсированными темпами завершалось строительство Панамского канала, поспешно укреплялись военно-морские базы на Филиппинах и Гавайских

островах, в некоторых американских портах были установлены мины и сетевые заграждения.

Проблема финансирования Китая органически была связана со всей дальневосточной политикой США. Когда у власти находилась республиканская партия, эта проблема решалась с помощью «дипломатии доллара». При прямом вмешательстве президента Тафта американский банковский синдикат во главе с Морганом осенью 1910 г. присоединился к англо-франко-германскому финансовому объединению, и весной 1911 г. этот четверной консорциум заключил соглашение с Китаем о предоставлении ему займа. Американские банкиры, возглавляемые Морганом, рассматривали заем как серьезный шаг на пути укрепления своих позиций в Китае. Однако эти оптимистические ожидания не оправдались. После вступления в консорциум Японии и ее фактической союзницы России претензии США на руководящую роль в нем оказались маловероятными. С такой неблагоприятной ситуацией Вильсон встретился назавтра после прихода в Белый дом.

5 марта представитель американского синдиката в Китае В. Стрэйт запросил мнение новой вашингтонской администрации о шестерном консорциуме. Этот запрос первоначально обсуждался на заседании правительства 14 марта. Вильсон, которому в тот момент не все было ясно, предпочел воздержаться от высказывания своих суждений, и было решено вернуться к рассмотрению данного вопроса спустя четыре дня, на следующем заседании кабинета. За это время у президента сложилось вполне определенное мнение: американские банки больше не должны участвовать в консорциуме. Свой вывод Вильсон мотивировал тем, что условия займа, предложенные консорциумом, «затрагивают независимость Китая», и администрация США не считает возможным хотя бы косвенно нести ответственность за эти условия. Интересы США, продолжал президент, – «это интересы «открытых дверей», дверей дружбы и взаимных выгод. Это – единственная дверь, в которую мы хотим войти» [38].

Решение правительства Вильсона о выходе США из банковского консорциума вызвало бурную реакцию в стране. Банковский синдикат, вынужденный покинуть консорциум, и поддерживавшие его правые газеты обвинили Вильсона в том, что он якобы «нокаутировал Уолл-

стрит». Прогрессисты, напротив, приветствовали действия правительства. Они поспешили объявить, что Белый дом предпринял атаку на «денежный трест».

«Вильсон решил проводить самостоятельную политику, которая должна была бы восстановить традиционную роль США как покровителя целостности и независимости Китая и духовного руководителя этой великой страны» [39], – утверждает американский историк Ч. Ньюэ. Но с такой характеристикой вильсоновской политики нельзя согласиться. Вильсон не был и не намеревался быть благодетелем Китая. Его отрицательная позиция в отношении консорциума была вызвана соображениями иного толка.

Президент не мог не считаться с тем, что в определенных банковских кругах США проявлялось недовольство односторонней поддержкой, которую оказывало правительство Тафта моргановскому синдикату. Отказав ему в праве участвовать в консорциуме, Вильсон открыл путь для активизации действий других банковских кругов на китайском рынке. Он также учитывал, что в среде мелкой и средней буржуазии, не говоря уже о трудящихся массах, были широко распространены антимонополистические настроения. Изображая свою дальневосточную политику как антипод «дипломатии доллара», Вильсон тем самым стремился упрочить свое влияние среди этих слоев и благодаря этому обеспечить себе прочные позиции внутри страны.

Американский президент, реалистически оценивая обстановку на Дальнем Востоке, понимал, что после присоединения Японии и России к консорциуму нечего и надеяться на его использование в качестве инструмента американской политики в Китае. Поэтому, считал он, США должны выйти из него и, полагаясь на собственные силы, действовать наперекор ему. Вильсон не упускал из виду возможность приобретения политического капитала в глазах китайской общественности. Наложив запрет на участие банков США в консорциуме, он тем самым старался представить свою политику как начало новой эры в американо-китайских отношениях, эры взаимной выгоды, равноправия и дружбы. Но это был блеф. Вильсон делал все возможное для упрочения позиций американского капитала в Китае. Газета «Нью-Йорк таймс» не напрасно писала 21 марта 1913 г., что политика Вильсона в Китае по существу ничем не отличается от «дипло-

матии доллара» и что в результате США «приобретут в Китае больше преимуществ, чем участвуя в консорциуме».

Вильсон всерьез был убежден в том, что США самой историей предопределена роль мирового лидера. Вследствие таких мессианских представлений его планы охватывали все регионы земного шара. Перед Вильсоном стоял, однако, вопрос: созрели ли условия для переустройства мира по американскому образу и подобию? Сознавая, что для этого время еще не настало, президент тем не менее считал, что США нельзя замыкаться в рамках изоляционизма. Наоборот, им следует активно вмешиваться в мировые дела и непосредственно участвовать в их решении, добиваясь в каждом удобном случае выгоды для себя и подготавливая почву для своей будущей миссии в мире. Логично поэтому, что он охотно согласился с предложенным Хаузом в конце 1913 г. планом «урегулирования» мировых проблем.

План Хауза (президент назвал его «грандиозной затеей») предусматривал, в частности, американскую помощь в достижении соглашения между Англией и Германией о разоружении. При тогдашней обстановке, чреватой военным конфликтом между этими главными империалистическими соперниками в Европе, идея их взаимного разоружения была нереальной. Едва ли Вильсон и его советник думали иначе. Если же они сочли нужным сделать пацифистский жест, то, очевидно, с тем, чтобы использовать его в насущных для США интересах. Недаром в «грандиозной затее» первостепенное внимание уделялось колониальным проблемам. Это – прямое следствие вдохновляющего воздействия Вильсона. «План, конечно, целиком основывается на Вашей речи в Мобиле, – писал Хауз 4 июля 1914 г. своему шефу, – и мы попросту пытаемся создать нечто конкретное из того, что Вы уже в общем объявили линией своей политики»[40]. Напомним, что в этой речи Вильсон выдвинул программу экономической экспансии США, осуществляемой под флагом «дружбы» и «равенства». Теперь эмиссар американского президента предлагал, чтобы США, Великобритания, Германия, Франция и Япония договорились о совместной эксплуатации колониальных и зависимых стран, или, как он заявлял, «неразработанных территорий». Колонизаторская сущность такого предложения очевидна. Это фактически подтвердил Сеймур. Коммен-

тируя план Хауза, он писал, что данный план, «намечавший соглашение между великими мировыми державами по вопросу о разработке и защите (!) отсталых частей мира» заключал в себе «зародыш идеи мандатов, в дальнейшем разработанной Лигой наций» [41]. Показательно также, что при эксплуатации «пустующих частей мира» должен был применяться принцип «открытых дверей» и «равных возможностей». Этот принцип, ставший уже традиционным в американской политике экспансии (впервые он был провозглашен в 1899 г. в отношении Китая), целиком соответствовал представлениям Вильсона о путях завоевания США мировых рынков.

Хауз предварительно ознакомил с контурами своего плана Тиррела и германского посла в США И. Бернсторфа. Зондаж дал положительные результаты, и было решено продолжить переговоры в Лондоне, Берлине и Париже. Но кому отправиться за океан? Посол США в Лондоне Пейдж был в курсе «грандиозной затеи» Хауза. Добиваясь англо-американского сближения, он считал, что ради осуществления плана «урегулирования» мировых проблем Вильсону самому следует поехать в Англию. Однако президент, целиком посвятивший себя в это время проведению внутренних реформ, счел необходимым не покидать США. С его согласия и одобрения в мае 1914 г. в Европу отправился автор плана «урегулирования» мировых проблем. Хауз вел переговоры с германскими и английскими государственными деятелями. Но успеху его миссии помешала война, начавшаяся между австро-германским блоком и Антантой [42].

Глава V

«ВСЕСТОРОННИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ» США

1. США – арсенал Антанты. Кампания «военной готовности»

2 августа 1914 г. на первой полосе ведущей американской газеты крупным шрифтом было напечатано: «Германия объявила войну России, первые убитые и раненые. Франция мобилизуется и завтра, возможно, будет втянута в войну. Планы эвакуации из Европы 100 тысяч американцев» [1]. Благодаря этому и другим подобным сообщениям, опубликованным во всех газетах страны, американский народ узнал, что в Европе началась война.

Из-за океана продолжали поступать новые известия. 3 августа Германия объявила войну Франции. В тот же день войска кайзера, нарушив нейтралитет Бельгии, вторглись на ее территорию. 5 августа в войну вступила Англия. Война приобрела мировой характер.

В отличие от других империалистических государств США длительное время воздерживались от участия в ней. 4 августа 1914 г. президент Вильсон опубликовал декларацию о нейтралитете Соединенных Штатов.

Тяжелая болезнь и смерть жены на время оторвали Вильсона от государственных дел. Только 19 августа он обратился к народу с воззванием, разъяснявшим политику нейтралитета. Президент напомнил, что значительную часть населения США составляют выходцы из воюющих стран и поэтому «естественны и неизбежны» различия в симпатиях к той или иной стороне. Тем не менее президент призвал соотечественников быть «беспристрастными как в мыслях, так и в делах» [2].

Весть о начале первой мировой войны вызвала в США необычно сильный резонанс, она буквально всколыхнула всю страну. «Газеты переполнены политическими известиями из Европы. Оставлены в стороне вопросы спорта. И толпы американских граждан стоят теперь не перед таблицами, изображающими результаты игры в football или в baseball, а перед политическими телеграммами, которые каждый час получаются из Европы

и выставляются из редакций газет. Кого из американцев ни встретишь, сейчас же разговор о войне: что и как?»[3] — так обрисовал тогдашние настроения в Сиэтле русский консул Н. В. Богоявленский. В крупных промышленных центрах, в особенности в огромном и многоликом Нью-Йорке — сердце экономической, политической и интеллектуальной жизни США, интерес к войне, разразившейся в Европе, был огромным. Ни о каком беспристрастии не могло быть и речи. Напротив, в оценке войны и ее перспектив для США выявились самые противоречивые позиции.

Широкие массы американского народа смутно разбирались в причинах, вызвавших мировую войну. Но они искренно желали, чтобы США придерживались нейтралитета, проводили миролюбивую политику. То, что война была империалистической понимали лишь сознательные трудящиеся США. Выражая их мнение, Джон Рид в статье «Война торговцев», опубликованной вскоре после начала военных действий в Европе, писал: «Нас не должна обманывать газетная болтовня о том, что либерализм ведет священную войну против тирании. Это не наша война»[4].

Иной была позиция американского делового мира. Он питал надежду, что война не только избавит экономику страны от недавно начавшейся депрессии, но и даст новый импульс к резкому увеличению прибылей. «В нынешних условиях, — говорилось в еженедельнике «Коммершл энд файнэншл кроникл», — Соединенные Штаты имеют замечательную возможность расширить свою торговлю с Южной Америкой...»[5] Подобные суждения высказывали и другие органы буржуазной печати. «Европа, разоренная и блокированная едва ли не всеобщей войной, — писал журнал «Аутлук», — нуждается в американской продукции и с большим желанием будет ее приобретать»[6].

Вильсон разделял эти радужные надежды. Когда стал очевиден затяжной характер войны, он (17 ноября 1914 г.) заявил: «Будущее является светлым и ясным, обещая самое лучшее состояние дел... Начинается новый день для любимой нашей страны, процветания и счастья которой мы так горячо желаем»[7].

Политика нейтралитета, сулившая США заманчивое будущее, была поддержана многими представителями американских правящих кругов. Ее приветствовали демо-

краты, ее одобряли многие республиканцы. Из 367 редакторов газет, опрошенных в ноябре 1914 г., политику нейтралитета приветствовали 242.

Крупный военный бизнес, которого с таким нетерпением ждали в США, с переходом войны в позиционную стадию стал реальностью. Американская экономика переводилась на военные рельсы. США начали превращаться в арсенал, откуда шли поставки участникам войны.

Правительство Вильсона, стремясь стимулировать американский экспорт в воюющие страны Европы, 15 октября 1914 г. опубликовало специальное заявление. Согласно ему этим странам можно было беспрепятственно продавать любые товары, включая огнестрельное оружие, взрывчатые вещества и т. д. Правительственные органы предприняли и другие шаги, чтобы дать «зеленую улицу» потоку американских военных грузов в Европу.

Первоначально размещением заказов Антанты в США занимались англичане. Затем за это дело взялся крупнейший американский монополист Морган. 15 января 1915 г. он подписал в Лондоне соглашение с правительством Англии, а 20 мая – соглашение с французским правительством, став, таким образом, главным агентом по поставкам американских товаров в эти две державы (снабжение России американскими военными поставками осуществлялось под контролем англичан).

Размещение военных заказов стран Антанты в США теснейшим образом переплеталось с проблемой финансирования этого милитаристского блока. В октябре 1914 г. Вильсон негласно разрешил американским банкам выдавать кредиты участникам войны [8]. Небольшие кредиты получили Франция и Россия. Прошло еще немного времени, и Франция обратилась с новой просьбой о кредите, на сей раз в размере 50 млн. долл. Помочь ей в предоставлении кредита могли банкирская фирма Моргана, связанный с ней банк «Ферст нэшнл бэнк» и банк Вандерлипа. Речь шла о кредите на довольно значительную сумму, и поэтому правительство было уже не в состоянии действовать втайне от общественности. 31 марта 1915 г. было опубликовано сообщение Белого дома, объявлявшее запрет на предоставление займов воюющим странам. Но Вашингтон, отмечалось далее, «не считает нужным заявлять о своих возражениях против известных ему соглашений о кредитах». Правительство

США, подчеркивалось в сообщении, «не одобряет и не осуждает»[9] этих соглашений.

Несмотря на замысловатый характер этого заявления, вышеупомянутые банки правильно поняли его и на следующий день удовлетворили просьбу Франции. Месяц спустя банк Вандерлипа предоставил России кредит на 10,2 млн. долл.

Страны Антанты, располагая превосходством сил на море, беспрепятственно получали американские военные поставки. Иным было положение Германии. Когда война приобрела затяжной характер, эта страна оказалась зажатой в тисках английской блокады. Пытаясь прорвать ее и помешать снабжению Антанты товарами из США, агрессивные круги Германии решили пустить в ход новое оружие – подводные лодки.

18 февраля Германия начала активную подводную войну. 1 мая 1915 г. нападению подвергся американский танкер «Галфлайт». Шесть дней спустя вблизи английских берегов германская подводная лодка потопила английский лайнер «Лузитания». Трагическим последствием этого варварского акта была гибель 1198 человек, в том числе многих женщин и детей. Среди погибших были американцы.

Гибель «Лузитании» привела к обострению американо-германских отношений. В правительстве Вильсона, однако, не было единого мнения по этому вопросу. Брайан заявил, например, что Англия своими помехами американской торговле с центральными державами наносит США не меньший ущерб, чем Германия. Поэтому он предлагал одновременно отправить две ноты: одну в Лондон против блокады, другую в Берлин против подводной войны. Государственный секретарь предлагал также запретить американским гражданам плавать на судах Антанты, перевозящих военные грузы.

Вильсон выступил против Брайана. Он считал, что первым делом надо принудить Германию ограничить подводную войну и лишь затем требовать от Англии ослабления блокады. Подготовленная президентом нота по поводу гибели «Лузитании» была вручена германскому послу в Вашингтоне. США категорически потребовали от Германии впредь не допускать нападений подводных лодок на пассажирские суда.

Брайан отказался подписать ноту и подал в отставку. Встал вопрос о его замене. Среди кандидатов был по-

мощник государственного секретаря Роберт Лансинг. Вильсон считал, что он «не является значительной личностью, не обладает в достаточной мере творческим воображением, не станет энергично бороться за свои взгляды или сомневаться в них и ему не хватает инициативы» [10]. Однако, несмотря на такую нелестную характеристику, президент поставил во главе внешнеполитического ведомства этого довольно заурядного человека. Для властной натуры Вильсона такой сговорчивый руководитель государственного департамента, сменивший строптивого Брайана, был вполне подходящей фигурой.

Назначение Лансинга было вызвано еще одной важной причиной. За долгие годы службы в государственном департаменте он зарекомендовал себя верным защитником интересов монополий. По свидетельству Даниэлса, «взгляды Лансинга почти по всем вопросам политики совпадали со взглядами Дж. Пирпонта Моргана и других представителей большого бизнеса» [11]. Для Вильсона важно было иметь Лансинга в этой должности и по той причине, что США в это время оказывали большую помощь странам Антанты. С назначением Лансинга антигерманский курс политики США стал более ощутимым.

Летом 1915 г. военное положение Антанты значительно ухудшилось. Особенно тяжелой была обстановка на Восточном фронте, где германские войска предприняли крупное наступление с целью принудить Россию выйти из войны.

«Союзники» нуждались в срочной помощи, и они ее получили. Были форсированы американские поставки в страны Антанты. США также намеревались заставить Германию ограничить подводную войну или вовсе ее прекратить. 19 августа 1915 г. произошел очередной инцидент на море: германская подводная лодка потопила английский пароход «Арабик», на борту которого находилось несколько американцев. Правительство Вильсона решительно потребовало от Германии прекращения нападений подводных лодок на пассажирские суда. Берлин уступил. Таким образом, благодаря нажиму Вашингтона была устранена преграда, мешавшая американскому экспорту в страны Антанты. США решили также увеличить финансовую помощь «союзникам». 14 сентября 1915 г. было официально объявлено, что правительство США не будет впредь препятствовать предоставлению займов воюющим странам. Вслед за тем в США прибыла англо-

французская делегация. 15 октября было заключено соглашение, в соответствии с которым Морган от имени специально созданного синдиката обязался предоставить Англии и Франции заем в размере 500 млн. долл. Затем последовали новые займы.

Чем руководствовался Вильсон, столь широко санкционируя помощь странам Антанты? Конечно же трезвым расчетом. С одной стороны, стремление Англии сохранить и упрочить свое преобладающее влияние в Латинской Америке и ее противодействие экспансии США в этом районе, ее союз с Японией и царской Россией, т. е. основными американскими соперниками на Дальнем Востоке, сама возможность победы стран Согласия в войне отнюдь не вызывали восторга у президента США. «Я не могу считать идеальным решением, – заявил Вильсон в декабре 1914 г. в неопубликованном интервью газете «Нью-Йорк таймс», – если страны Тройственного согласия (Англия, Франция и Россия. – *З. Г.*) добьются победы силой оружия»[12].

Но Вильсон видел несравнимо большую угрозу для США в политике германского империализма. Победа Германии над ее противниками неизбежно привела бы к установлению гегемонии этой агрессивной державы над всем Европейским континентом. Добиваясь для себя «места под солнцем», она, по-видимому, постаралась бы реализовать свои колонизаторские планы в Латинской Америке и других районах земного шара.

С точки зрения Вильсона, наилучшим вариантом для его страны было бы сохранение равновесия в Европе между двумя соперничающими группировками. Это позволило бы США использовать в своих интересах противоречия между ними. Была бы существенно облегчена реализация далеко идущих американских империалистических замыслов. Заинтересованность США в балансе сил в Европе Вильсон в упомянутом выше интервью выразил следующим образом: «Я думаю, что шансы на справедливый и беспристрастный мир возможны... если ни одна страна не добьется победы силой оружия...»[13] Подобным образом Вильсон неоднократно высказывался и впоследствии.

Президент вовсе не исключал возможности вступления США в войну. Имея в виду опасность победы Германии, он в августе 1915 г. заявил профессору У. Додду, будущему издателю собрания его документов: «...если

Европа попадет под господство одной военной державы... я буду настаивать на вмешательстве Америки в войну»[14]. Но Вильсон считал, что время для такого решения еще не настало. Сейчас, полагал он, США должны максимально использовать благоприятные возможности, созданные их нейтралитетом. Вместе с тем он принимал в расчет миролюбивые настроения американского народа. Именно это заставляло Вильсона неизменно говорить о своей приверженности принципам нейтралитета и мира. В речи в Филадельфии, произнесенной три дня спустя после гибели «Лузитании», он сопоставил положение США с положением человека, считающего себя «слишком гордым, чтобы воевать»[15]. Вильсон позволял себе скептически, а порой и презрительно говорить о тех, кто проводил кампанию в пользу быстрейшего вступления США в войну. «Мы не должны изменять нашу позицию из-за того,— заявлял он,— что некоторые среди нас являются людьми нервными и возбужденными»[16]. Однако между миролюбивой фразеологией Вильсона и его реальной политикой довольно скоро обнаружилось глубокое несоответствие.

Настоятельные призывы к подготовке США к войне впервые раздались еще в декабре 1914 г., когда республиканец О. Гарднер внес в палату представителей резолюцию об усилении американской военной мощи. Его горячо поддержали сенатор Лодж и другие реакционные деятели. Так в США фактически началась шовинистическая кампания «военной готовности», инспирированная наиболее реакционными кругами американской буржуазии.

Летом 1915 г. в эту кампанию включился Вильсон. Он дал указание морскому и военному министрам составить «благоразумную и отвечающую требованиям (США.— *3. Г.*) программу»[17] усиления флота и армии. 4 ноября 1915 г. президент выступил с большой речью в Манхэттен-клубе Нью-Йорка, в которой изложил военную программу правительства. Она предусматривала увеличение численности регулярной армии (кадрового состава) со 108 тыс. человек до 142 тыс. и создание так называемой Континентальной армии (резерва) в количестве 400 тыс. человек. Она должна была формироваться по европейскому образцу на основе воинской повинности. Под давлением общественности Вильсону пришлось отказаться от плана создания Континентальной армии,

а инициатор этого плана военный министр Л. Гаррисон 10 февраля 1916 г. был вынужден уйти в отставку. Его пост занял Л. Бэйкер. На строительство военно-морского флота намечалось израсходовать полмиллиарда долларов, что намного превышало подобные ассигнования в предыдущие годы. Кампания «военной готовности» приобрела теперь особенно широкий размах.

Большую активность в ней проявили агрессивно настроенные представители правящих кругов США. Они запугивали обывателя опасностью, якобы возникшей для США, и оглушали его воинственными призывами поддержать кампанию. Не отставала от них реакционная печать. «Респектабельные» газеты и журналы («Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Уолл-стрит джорнэл», «Аутлук» и др.) и издания, рассчитанные на массового читателя, запестрели сообщениями, призванными пробудить у американцев воинственный дух. На книжном рынке появилось множество книг, брошюр, памфлетов с такими крикливыми названиями, как «Пробудись, Америка!», «Беззащитная Америка», «Военная неподготовленность Соединенных Штатов» и т. д. Бурную деятельность развернули милитаристские организации: Национальная лига безопасности, Американский легион, Морская лига и др. По их инициативе создавались учебные военные лагеря для подготовки офицеров из числа добровольцев. Во многих городах были организованы «патриотические» манифестации и парады, проходившие под лозунгом «Америка прежде всего!». 14 июня 1916 г. Вильсон принял участие в параде «военной готовности», состоявшемся в Вашингтоне. Как писала одна из нью-йоркских газет, этот парад был «наиболее замечательным патриотическим»[18] зрелищем, которое когда-либо видели на берегах Потомака. По приказу президента в этот день были закрыты все правительственные учреждения. Прекратили работу банки, конторы и предприятия. Благодаря этим мерам в параде участвовало 60 тыс. человек. Во главе процессии шел Вильсон, неся на плече звездно-полосатый флаг США.

Организаторы кампании «военной готовности», щедро субсидируемой крупным капиталом, прилагали максимум усилий, чтобы увлечь за собой рядовых американцев. Кто не хотел участвовать в «патриотическом» параде, подвергался оскорблениям, обвинениям в подрыве интересов США. 22 июля 1916 г. во время парада

в Сан-Франциско в провокационных целях была брошена бомба, что повлекло за собой много жертв. Видный профсоюзный деятель противник милитаризма Том Муни был схвачен и по ложному обвинению в организации этого взрыва приговорен к смертной казни.

Американский народ, однако, не поддался шовинистическому угару. Он не желал воевать. Трудящиеся требовали, чтобы правительство сосредоточило внимание на решении насущных внутренних проблем – борьбе с монополиями, повышении материального уровня жизни народа, укреплении демократических свобод и т. д.

В стране ширилось массовое антивоенное движение. Большим влиянием пользовались Американское общество мира, Женская партия мира (ее возглавляла видная деятельница суфражистского движения Джейн Аддамс), Лига по ограничению вооружений, Комитет противников военной готовности и другие пацифистские организации. Они срывали маски с «ура-патриотов», по их зову сотни тысяч простых людей ставили свои подписи под петициями в пользу сохранения нейтралитета США. Были организованы многолюдные митинги и демонстрации, участники которых единодушно провозглашали: «Мы требуем сохранения мира!», «Долой «ура-патриотов»!» Выражая мнение народа, активный деятель антивоенного движения О. Г. Виллард обвинил Вильсона в том, что именно он «посеял семена милитаризма»[19] в США.

Наиболее решительно противодействовали кампании «военной готовности» социалисты-интернационалисты и их боевой руководитель Ю. Дебс. Этот «американский Бебель»[20], как его называл В. И. Ленин, выступал с пламенными речами в различных городах страны. И повсюду звучал его страстный призыв к американскому пролетариату о непримиримой борьбе с угрозой вовлечения США в империалистическую войну. Гневно бичуя милитаристскую программу Вильсона, Дебс подчеркивал, что она может превратить США в образец «наиболее могущественного и отвратительного военного деспотизма»[21].

Активизации антивоенного движения американского рабочего класса способствовала А. М. Коллонтай, прибывшая по заданию В. И. Ленина в США осенью 1915 г. Она принимала живейшее участие в сплочении интернационалистов, часто выступала на рабочих митингах и собраниях. «В общем своим пребыванием в Америке, – пи-

сала Коллонтай В. И. Ленину 14 марта 1916 г.,— я довольна: как будто маленькая польза есть в смысле прояснения умов от шовинистического тумана»[22].

Широкий размах антивоенного движения сильно обеспокоил Вильсона. Он предпринял специальную поездку по стране, чтобы заронить в сознание американцев мысль о неизбежности вступления США в войну. В течение пяти дней, с 27 января по 3 февраля 1916 г., президент посетил Нью-Йорк, Питсбург, Кливленд, Милуоки, Чикаго, Де-Мойн, Канзас-Сити и Сен-Луи, т. е. те города, где сильнее всего проявились антимилитаристские настроения. Лейтмотивом его выступлений была идея о том, что рост военного могущества США является «национальной необходимостью». Знаменательной была его речь в Сен-Луи, где он заявил, что США должны обладать «несравненно самым сильным флотом в мире»[23]. Касаясь поездки Вильсона по Среднему Западу, русский посол в США Бахметьев подчеркивал, что президент «перещеголял самого Рузвельта, у которого он перехватил его громкий призыв к вооружению!»[24].

Милитаристские заявления Вильсона вызвали в стране серьезную тревогу. Особенно остро встал вопрос о праве американцев плавать на вооруженных торговых судах Антанты. 5 января сенатор Т. Гор и 17 февраля 1916 г. член палаты представителей Дж. Маклемор внесли в конгресс резолюцию, запрещавшую использование таких судов гражданскими лицами. Ряд видных сенаторов и конгрессменов поддержали резолюцию. Это был настоящий бунт в рядах демократической партии против политики Вильсона, бунт, своеобразно отразивший отрицательное отношение американского народа к втягиванию страны в войну. Джон Рид справедливо заявлял, что «американцам незачем разъезжать по зоне военных действий»[25] и что им следует держаться подальше от нее.

Однако поборники вовлечения США в войну резко выступили против резолюции Гора — Маклемора. Их энергично поддержал Вильсон. 21 февраля он пригласил в Белый дом лидеров обеих палат конгресса и категорически отмел упомянутую резолюцию, прямо заявив, что, если Германия возобновит подводную войну и это повлечет за собой новые жертвы среди американских граждан, правительство США, разорвав дипломатические отношения с этой державой, вступит с ней в войну. Президент поставил вопрос ребром: если будет принята ре-

золюция Гора – Маклемора, он покинет свой пост. Эта угроза Вильсона достигла цели: резолюция не собрала необходимого числа голосов.

С марта 1916 г. германские подводные лодки стали без предупреждения нападать на вооруженные торговые суда Антанты. Вскоре произошел новый трагический инцидент на море. 24 марта в Ла-Манше был потоплен французский пароход «Сассекс». В результате погибло 80 человек, в том числе несколько граждан США. Вашингтон в ультимативной форме потребовал от Германии немедленного прекращения подводной войны как против пассажирских, так и против торговых судов, угрожая в противном случае порвать с ней дипломатические отношения. Германии пришлось уступить этим требованиям. Подводная война была ограничена рамками призового права (в случае захвата неприятельского судна его команде и пассажирам должна была быть гарантирована безопасность), а затем полностью прекращена в Северном море.

После того как был улажен спор с Германией, настала очередь Англии. США призвали Лондон к ответу за нарушение их нейтральных прав на море. Особенно решительно Вашингтон протестовал против включения в черные списки американских фирм, торговавших с Германией при посредничестве Скандинавских стран.

Черные списки вызывали крайнее недовольство Вильсона. По словам американского историка С. Кенека, он был «в ярости»[26] от этой меры Англии. Президент 23 июля 1916 г. писал Хаузу: «Пришел конец моему терпению с Великобританией и союзниками. Черные списки являются последней каплей... Я серьезно думаю запросить у конгресса полномочия, позволяющие мне наложить запрет на займы и ограничить экспорт в союзные страны»[27]. В США раздражение из-за черных списков достигло такой степени, что 2 августа 1916 г. в конгресс была внесена резолюция, требовавшая разрыва дипломатических отношений с Великобританией.

Введение Англией черных списков в определенной мере задевало интересы американских экспортных фирм. Но суть дела была не только в этом. Борьба Вашингтона против усиления блокады явилась отражением обострившихся в то время противоречий между США и Англией. «Мне становится ясно,– писал в этой связи Вильсон,– что за такой политикой Великобритании скрывается ее

желание помешать американским экспортерам занять прочное место на рынках, находившихся до этого под ее полным или частичным контролем»[28].

В борьбе против Англии эффективным средством явилось утверждение конгрессом 29 августа 1916 г. Морского акта, в соответствии с которым щедрой рукой были ассигнованы огромные суммы на строительство флота. США своей новой военно-морской программой бросили прямой вызов морскому могуществу Англии. «Давайте построим флот сильнее, чем у нее (т. е. у Англии.— *З. Г.*),— делился Вильсон своими планами с Хаузом,— и будем делать, что захотим»[29].

Белый дом предложил конгрессу сократить вдвое первоначальные сроки осуществления военно-морской программы, и последний охотно с этим согласился. В течение трех лет намечалось построить 157 военных кораблей, в том числе 10 линкоров и 16 крейсеров. «Одобрение программы строительства военно-морского флота означает, что Соединенные Штаты в наши дни становятся самой милитаристской морской державой мира»[30],— писала ведущая нью-йоркская газета. Характерно, что эта программа делала упор не на постройку эсминцев, необходимых для борьбы с подводными лодками, а на сооружение линкоров и крейсеров. США демонстрировали свою решимость создать самый мощный в мире военно-морской флот.

Ускоренными темпами создавался и большой торговый флот. Только во втором полугодии 1916 г. было запланировано спустить на воду в два раза больше судов, чем за весь предыдущий год. С его помощью США намеревались в перспективе занять ведущее место в мировой торговле, оттеснив Англию на задний план.

Для ослабления действенности английской блокады конгресс по инициативе вильсоновской администрации принял ряд специальных мер: запрет разгрузки в американских портах иностранных судов, отказавшихся перевозить товары американских фирм, занесенных в черные списки; прекращение импорта товаров из стран, использовавших против США черные списки, и другие меры.

Однако среди решений конгресса не оказалось такого эффективного средства, как эмбарго на военные поставки в страны Антанты. Вильсон не прибегнул к нему, хотя и грозился сделать это. Подоплеку этого обстоятельства довольно метко определил английский посол в Вашинг-

тоне. Суть дела заключалась не в симпатии к Англии, отмечал С. Спринг-Райс, а «в понимании того, что процветание этой страны (США. – *З. Г.*)... оказалось бы в опасности из-за этой меры»[31]. Американский президент признавал, что последствия от эмбарго были бы «значительно более вредными для Соединенных Штатов»[32], чем для Великобритании и ее союзниц.

2. Кто наживался на войне? Избирательная кампания 1916 г.

Депрессия 1913–1914 гг. привела к спаду деловой активности в США. Но с поступлением военных заказов прибыли подскочили вверх. Обогащению монополий способствовала также политика правительства США. В годичном послании конгрессу 8 декабря 1914 г. Вильсон объявил, что «программа законодательства, предусматривающая регулирование бизнеса, теперь в сущности завершена... Перед бизнесом, наконец, лежит ясный и надежный путь. Это путь, по которому он может продвигаться без страха или смущения. Это путь к полному и ясному успеху»[33]. Политика администрации демократов была направлена на преуспеяние крупного капитала внутри страны и за рубежом. Вильсон не зря с чувством гордости говорил о себе: «Нет человека более меня заинтересованного в поддержке предприимчивости американских бизнесменов во всех уголках земного шара»[34].

Война способствовала процветанию американской экономики. Увеличилась добыча угля и железной руды, нефти и меди. Металлургические заводы работали на полную мощность. Бум охватил основные отрасли промышленности, в особенности связанные с выпуском военной продукции.

Выгодно используя «нейтралитет» США в войне, американские монополии устремились на мировые рынки, вытесняя оттуда своих конкурентов. Об успехах американской внешней торговли говорит следующий факт: в 1916 г. превышение экспорта США над импортом выросло по сравнению с 1914 г. почти в 5 раз.

В связи с тем что война привела к беспрецедентному подъему американской экономики, в правящих кругах США выявился различный подход к вопросу о целесообразности продолжения военных поставок лагерю Антанты. Одни, их точку зрения выражал крупный банкир

П. Уорберг, считали, что, если не будут ограничены масштабы этих поставок, США после войны столкнутся с острой конкуренцией со стороны Англии и Франции и это помешает созданию мощной американской экономической империи. Другие придерживались иного мнения. Его изложил Макаду 31 мая 1916 г. в речи «Процветание и будущее». «Соединенные Штаты,— сказал он,— вступили в величайшую в своей истории эру процветания, и перспективы на будущее США, как никогда, являются блестящими». Отвергая доводы Уорберга и его сторонников, Макаду заявил: «Когда мир в Европе будет восстановлен, воюющие страны окажутся отягощенными невыносимым бременем долгов... Когда военные заказы прекратятся, мы получим заказы из Европы на нужды мирного восстановления, реконструкции разрушенной промышленности и городов... Можем ли мы действительно говорить о том, что наша экономическая безопасность и процветание находятся перед реальной угрозой? Для нашего разума было бы почти позором утверждать такое мнение» [35].

Вильсон разделял точку зрения своего министра финансов. Он испытывал большое удовлетворение от того, что США обогатились на войне и превратились в крупнейшего мирового кредитора. Выступая 10 июля 1916 г. перед бизнесменами Детройта, Вильсон говорил: «Мы должны играть большую роль в мире... Отдаете ли вы себе отчет в значении одного того факта, что в течение последнего года или двух мы... перестали быть должником и стали кредитором? Мы имеем избытки мирового золота в бóльших размерах, чем когда-либо раньше... Нам в значительной мере приходится финансировать мир, а тот, кто финансирует мир, должен понимать его и управлять им по своему знанию и разумению» [36]. В выступлении Вильсона отчетливо прозвучал призыв к крупному капиталу США занять и закрепить за собой лидирующее положение в мире.

Благодаря военным поставкам американские монополии как из рога изобилия получали рекордные доходы. Например, прибыли 29 концернов по производству стали, машинного оборудования и военного снаряжения с 1914 по 1916 г. выросли почти в 9 раз. Прибыли пороховой компании «Дюпон де Немюр» за это время увеличились в 17 раз. Больше всех обогатился за счет военных заказов моргановский Стальной трест. Его чистые при-

были (т. е. за вычетом налогов) в 1914—1916 гг. составили 371 млн. долл.

Война в Европе буквально озолотила монополистов, но она принесла новые тяготы трудовым людям Америки. Правда, предприниматели теперь больше платили трудящимся, но прибавку к заработной плате поглощал рост стоимости жизни. «Дорожают съестные припасы, дорожают уголь, квартиры, шерстяные и бумажные ткани, бумага и т. п.» [37],— делилась впечатлениями о положении в США А. М. Коллонтай. Предприятия работали на полную мощность, но и это оборачивалось против рабочих. Как никогда раньше, внедрялась система Тэйлора, приносившая дополнительные прибыли предпринимателям. Интенсификация труда повысилась, а рабочий день стал длиннее. Нужно было работать по 60 и более часов в неделю. В сталелитейной промышленности рабочие были даже лишены воскресного выходного дня. Механизация позволила поставить к конвейеру рабочих-иммигрантов с низкой квалификацией, получавших нищенскую заработную плату. Процветание экономики США оборачивалось безработицей и лишениями для американского пролетариата.

Рабочий класс США ответил на ухудшение своего положения массовыми забастовками. В 1915 г. бастовало 504 тыс. человек, а в 1916 г.— 1,6 млн. человек. Стачки охватили все ведущие отрасли промышленности.

Летом 1916 г. возникла угроза всеобщей забастовки на железнодорожном транспорте. Железнодорожники, а это в основном были квалифицированные рабочие, потребовали сокращения рабочего дня с 10 до 8 часов без уменьшения заработной платы. Владельцы железных дорог отклонили эти требования. Вильсона очень тревожила возможность забастовки. «Он объяснил мне,— писал о беседе с главой Белого дома прибывший на отдых в США посол в Лондоне Пэйдж,— что угроза забастовки полностью овладела его сознанием» [38].

Президент решил вмешаться в возникший трудовой конфликт. Призвав хозяев железных дорог и рабочих уладить спор, он предупредил их, что забастовка оказала бы «далеко идущее и вредное воздействие на страну. В настоящее время эффект может быть гибельным» [39]. Затем Вильсон пригласил в Белый дом руководителей профсоюзов железнодорожников, а после них — президентов железнодорожных компаний. Требования рабочих

и на этот раз были отвергнуты. Вторичная встреча Вильсона с представителями железнодорожных компаний также не дала результатов. 28 августа профсоюзы железнодорожников объявили, что через неделю 400 тыс. рабочих начнут всеобщую забастовку.

Твердость рабочих заставила Вильсона найти выход из создавшегося положения. У него хватило здравого смысла согласиться с их требованиями. 29 августа, выступая на объединенном заседании конгресса, Вильсон заявил о целесообразности введения восьмичасового рабочего дня на железных дорогах страны. Однако владельцы железнодорожных компаний по-прежнему упорствовали. И тогда профсоюзы железнодорожников призвали рабочих начать стачку 4 сентября. Вильсон снова попытался вмешаться. Для поддержания порядка из пограничных с Мексикой районов были вызваны войска. Но это не остановило железнодорожников. Они были полны решимости отстоять свои требования.

В такой острой обстановке конгрессмен У. Адамсон 31 августа внес на рассмотрение палаты представителей законопроект о восьмичасовом рабочем дне для железнодорожников. Билль был одобрен конгрессом и 3 сентября подписан президентом. Стачка была предотвращена.

Закоренелые реакционеры неистовствовали, обвиняя Вильсона в капитуляции перед рабочими и радикализме. Но президент, отвергая эти нападки, отмечал, что «истинный консерватизм состоит в постоянном приспособлении» [40].

Вильсон неизменно оставался убежденным противником революционного движения пролетариата. «Главной тучей на горизонте нашей страны,— заявил он 23 сентября 1916 г.,— являются неудовлетворительные отношения между трудом и капиталом. Имеется только один путь... способный сделать эти отношения хорошими: рассматривать труд, во-первых, как человеческие отношения между людьми и, во-вторых, как часть повсеместного партнерства с целью обеспечения успеха бизнеса в стране...» [41] Вильсон подчеркнул и свою собственную роль в установлении «сотрудничества» между рабочими и буржуазией. В послании, адресованном АФТ 18 ноября 1916 г., он заявил: «То, что я пытаюсь делать,— это стремление не только освободиться (!) от какого-либо классового деления в США, но и вообще от классового сознания» [42]. Подобные заявления Вильсона — типичный

образец мелкобуржуазной фразеологии, убедительно свидетельствующий, что он совершенно не понимал закономерностей классовой борьбы в буржуазном обществе.

Что же побудило Вильсона проводить политику лавирования? Всеобщая стачка железнодорожников могла бы иметь тяжелые последствия для экономического и политического положения страны. Этим обстоятельством объясняется уступчивость президента в отношении к требованиям рабочих. Кроме того, Вильсон считал, что «человек будет лучше работать в течение восьми часов, чем на протяжении более длительного рабочего дня»[43]. Он раньше многих капиталистов понял, что восьмичасовой рабочий день в большей степени будет способствовать увеличению производительности труда, а значит, и росту прибылей. Борьба по вопросу о восьмичасовом рабочем дне происходила в разгар избирательной кампании. Вильсону, претендовавшему на переизбрание на второй срок, важно было поэтому склонить на свою сторону рабочих. Он проявил себя как искусный мастер компромисса[44].

Стремясь изыскать средства для осуществления программы «военной готовности», Белый дом обратился к испытанному рычагу – налогам. Подготовленный министром финансов Макаду в конце 1915 г. проект нового бюджета всю тяжесть налогового бремени возлагал на рядовых американцев. Рабочий класс решительно выступил против таких намерений правительства. Так, Центральный рабочий союз г. Сиэтла потребовал от конгресса, чтобы вместо увеличения налогов на трудящихся были повышены налоговые обложения капиталистов. Аналогичные требования выдвинули профсоюзы Канзаса, Огайо и других штатов.

Законопроект Макаду вызвал недовольство и радикально настроенных демократов. От их имени конгрессмен У. Бэйли заявил в палате представителей: «Если силы большого бизнеса бросают в мирное время нашу страну в вакханалию расточительства ради целей войны, то, по моему мнению, они и должны раскошелиться»[45]. В конгресс был внесен новый законопроект, автором которого был лидер демократического большинства в палате представителей К. Китшин. Он предусматривал увеличение подоходного обложения, повышение ставок добавочного налога на доходы, превышавшие 40 тыс.

долл., введение специального налога на прибыли владельцев военных заводов. Всего в бюджет дополнительно должно было поступить 250 млн. долл., что, по расчетам автора билля, хватило бы на увеличение армии и флота.

Консервативные элементы выступили против законопроекта. Тем не менее после острых дебатов палата представителей и сенат одобрили его. Вильсон формально не участвовал в дискуссиях вокруг билля о доходах, но после решения конгресса (8 сентября 1916 г.) тотчас подписал его. В этом сказалось также стремление президента остаться в Белом доме на второй срок.

Вильсон постарался, кроме того, заручиться поддержкой фермеров на предстоящих выборах. 17 августа он подписал закон о создании 12 специальных федеральных банков, призванных предоставлять кредиты фермерам на сравнительно льготных условиях. Теперь он не считал эту меру «неразумной и несправедливой».

Центральным событием в политической жизни США в 1916 г. были президентские выборы. Вновь разгорелась острая борьба за то, какая из двух буржуазных партий придет к власти на последующие четыре года.

Промежуточные выборы 1914 г., когда в соответствии с конституцией переизбирался весь состав палаты представителей и обновлялась треть сенаторов, принесли определенный успех республиканцам. Многие избиратели из мелкобуржуазной среды, разочаровавшись в программе «Новая свобода» Вильсона, отдали свои голоса республиканской партии. В результате республиканцы получили 69 новых мест в палате представителей. Этот успех укрепил их решимость добиться победы на президентских выборах 1916 г.

7 июня 1916 г. в Чикаго открылся съезд республиканской партии. Его делегаты выдвинули кандидатуру бывшего губернатора Нью-Йорка члена Верховного суда США Чарльза Юза.

В биографиях и политической деятельности Юза и Вильсона имелось много общего. Они, можно сказать, были сделаны из одного теста. Теодор Рузвельт как-то с сарказмом заметил, что «Юз – тот же Вильсон, но с бакенбардами». Оба они происходили из семей священников. Оба были профессорами университетов, а впоследствии губернаторами. Оба прослыли умеренными реформаторами. Наконец, оба они, выступая против

изоляционизма, призывали к активизации политики США на международной арене.

В тот же день в том же Чикаго начался съезд прогрессистов. Рузвельт и на этот раз надеялся баллотироваться в президенты. Однако, учитывая уроки выборов 1912 г., съезд пришел к выводу, что, если Вильсону снова будут противостоять два соперника, он выйдет победителем. Поэтому было решено достичь договоренности с республиканцами об объединении сил обеих партий. 9 июня состоялось голосование объединенного съезда. В обоих турах лидировал Юз. Он стал официальным кандидатом воссоединенной республиканской партии на очередных президентских выборах.

14 июня в Сен-Луи собрался съезд демократической партии. Вопрос о кандидате не вызывал сомнений: им мог стать только Вильсон. Исход голосования походил на его триумф. Уже в первом туре делегаты единодушно высказались за его избрание на второй срок. Кандидатом в вице-президенты стал Т. Маршалл, занимавший этот пост с 4 марта 1913 г.

Съезду предстояло выработать избирательную программу. Сделать это было просто: она была продиктована Вильсоном из Белого дома. Главное назначение платформы – ловить голоса избирателей. В платформе до небес превозносились заслуги администрации Вильсона в области социального законодательства, в «разумном» усилении армии и флота и т. д. Особое место было уделено политике нейтралитета. «Мы привлекаем внимание американского народа к замечательным дипломатическим победам нашего великого президента, который оберегает жизненные интересы правительства и граждан нашей страны и удерживает нас от войны»[46].

В избирательной кампании 1912 г., когда Вильсон впервые вышел на авансцену политической жизни США, ему нужно было завоевывать популярность. Ради этого ему тогда пришлось объездить почти всю страну. Теперь в этом не было такой необходимости, и он посетил лишь несколько штатов. И везде президент не уставал повторять, что у него нет большей заботы, чем благо американского народа.

Наряду с этим претендент от демократической партии обещал оказывать помощь безработным, принять меры по введению охраны труда на производстве и запрету детского труда, старательно разъяснял бизнесменам, что

предотвращение конфликтов с рабочими в их собственных интересах. Он не только защищал закон Адамсона, но и заявлял о готовности ввести восьмичасовой рабочий день для всего пролетариата США.

В выступлениях Вильсона перед избирателями центральное место занимали вопросы внешней политики. Он подчеркивал, что если США не воюют, а живут в условиях мира, то это заслуга его администрации, твердо стоящей на позициях нейтралитета. «Имеется только один выбор, – заявлял кандидат демократической партии. – Это выбор между миром и войной». И если республиканцы одержат верх, предупреждал он, «мы (США. – *З. Г.*) так или иначе будем вовлечены в европейскую войну» [47].

Заверения Вильсона в его верности делу мира подкреплялись бойкой пропагандистской кампанией, организованной национальным комитетом демократической партии. Вот образчик этой кампании. 4 ноября в ведущих газетах США было опубликовано следующее обращение к американцам: «Вы работаете, а не воюете, живы и счастливы, а не являетесь пушечным мясом. Вильсон и мир с честью или Юз и Рузвельт с войной?.. Если вы хотите войны, голосуйте за Юза. Если вы хотите мира с достоинством и продолжения просперити, голосуйте за Вильсона!» [48]

В декабре 1915 г., т. е. спустя год с небольшим после смерти Эллен, Вильсон вторично женился. Его избранницей стала Эдит Голт, вдова богатого вашингтонского фабриканта. Друзья предупреждали Вильсона, что поспешный брак может бросить тень на его репутацию и отрицательно скажется на исходе предстоящих выборов. Но он не внял их доводам. Политические противники Вильсона из лагеря республиканцев начали распространять компрометирующие президента вымыслы о том, что Эллен скончалась якобы из-за того, что узнала о любовной интриге своего мужа с Голт. Они договорились до того, что обвинили Вильсона в отравлении Эллен с помощью своего личного врача К. Грейсона.

Припомнили Вильсону и уступку железнодорожникам. Юз называл ее капитуляцией и подрывом «принципов свободы». Активное участие во враждебной кампании против Вильсона приняли и другие руководители республиканской партии. Так, Лодж утверждал, что Вильсон и его сторонники действуют как противники

бизнеса. По его словам, политика вмешательства государства в дела экономики неизбежно наносит ущерб частному предпринимательству.

В 1916 г. день выборов выпал на 7 ноября. Вся страна с напряженным вниманием следила за ходом голосования. Экстренные выпуски газет беспрестанно давали информацию о выборах. «Юз впереди!» – сообщила вечером 7 ноября газета «Ивнинг мейл». К этому сообщению присоединились и другие органы печати. В 10 часов вечера корреспонденты газет, ссылаясь на данные, которыми располагала газета «Нью-Йорк таймс», известили Вильсона о его поражении. К этому времени из необходимых для победы голосов 266 выборщиков Юз располагал поддержкой 247 человек. Оставался неясным исход выборов в Калифорнии, Нью-Мексико, Миннесоте, Северной Каролине, Нью-Гемпшире и Огайо, где обычно избиратели голосовали за республиканцев. Юз решил, что одержал победу. Тем временем газеты продолжали приносить сообщения о его успехе. «Юз избран с небольшим преимуществом» («Сан»); «Юз избран большинством в 40 голосов» («Геральд»); «Юз избран» («Ивнинг сан»); «Юз – следующий президент» («Джорнел оф коммерс»); «Юз увлек за собой страну» («Трибюн»)[49], – гласили заголовки нью-йоркских газет.

Сведения о ходе выборов поступали беспрерывно. Юз лидировал в Миннесоте, а Вильсон, одержав верх в Нью-Мексико, а затем в Калифорнии, что имело решающее значение, вышел победителем в борьбе за Белый дом. Журналисты, узнав об этом, решили сообщить Юзу о его поражении. Позвонив ему, они попросили подозвать его к телефону. «Президент спит», – прозвучало в ответ. «Передайте господину Юзу, – сказали журналисты, – что, когда он проснется, он больше не президент США». Победа Вильсона означала, что впервые после президента Эндрю Джексона (1829–1837 гг.) представитель демократической партии остался на второй срок в Белом доме. Многие газеты, вчера еще поздравлявшие Юза, теперь приветствовали вторичное избрание Вильсона.

В ходе предвыборной кампании избиратели внимательно прислушивались к обещаниям кандидатов обеих буржуазных партий. Юз откровенно заявлял, что, будь он президентом, он порвал бы дипломатические отноше-

ния с Германией сразу после гибели «Лузитании». Особенно воинственно был настроен Т. Рузвельт, призывавший американцев голосовать за кандидата республиканской партии. Он непрестанно заявлял, что США должны объявить Германии войну. Избирателям было над чем поразмыслить. Вильсон говорил о своей приверженности делу мира, а руководители республиканцев бряцали оружием. Поэтому многие американцы еще до 7 ноября твердо решили: нельзя допустить победы Юза. Германский посол в Вашингтоне Бернсторф сообщал своему правительству: «Юз должен благодарить Теодора Рузвельта за свое поражение»[50]. Об этом же напомнили и самому Рузвельту. Группа демократов не без ехидства послала ему такую телеграмму: «Вы добыли Вильсону миллион голосов»[51].

Рядовые американцы отдали предпочтение Вильсону, приняв за чистую монету его заверения придерживаться и в дальнейшем курса нейтралитета. Даже искушенные в политике люди полагали, что избрание Вильсона на новый срок явится гарантией сохранения мирной жизни для США. За Вильсона голосовали республиканцы-прогрессисты Р. Лафоллет, У. Кент, М. Хэпгуд, Дж. Паркер, Э. Снайдер, Дж. Пибоди и др. Его кандидатуру поддержали деятельные участники антивоенного движения в США: Л. Стеффенс, Джейн Аддамс, А. Пинчот, Л. Уолд. Вильсону отдали голоса и многие социалисты. Так, Джон Рид, голосовавший за кандидата демократической партии, заявлял, что он представлял собой «значительно меньшее зло»[52], чем реакционеры, стоявшие за Юзом. Эти прогрессивные слои поддержали кандидатуру Вильсона еще и потому, что его администрация провела в жизнь такие позитивные мероприятия, как принятие закона Клейтона с его «рабочими» статьями, введение 8-часового рабочего дня для железнодорожников, повышение ставок налога на богачей и др. На этом основании современный американский автор Л. Гулд делает вывод, что предпосылки «идеологического размежевания, связанного с именем Франклина Д. Рузвельта, и его «Новый курс» были заложены в 1916 году»[53].

За Вильсона голосовали не только рабочие, фермеры, городские мелкие буржуа и те, кто так или иначе выражал интересы этих социальных слоев. К. Додж, Ч. Крейн, Э. Карнеги, Г. Моргентау, Г. Форд, Р. Ловетт и другие крупные бизнесмены, поддерживая претендента

от демократов, не скупились вносить деньги в его избирательный фонд. Последующие события доказали, что их ставка на Вильсона оправдалась.

Победа кандидата демократической партии на президентских выборах в значительной мере свидетельствовала о личном авторитете Вильсона среди избирателей. Иначе сложилась ситуация для демократической партии на проходивших в тот же день выборах в конгресс. Как и в 1914 г., число мест, которыми располагала эта партия в палате представителей, сократилось. Теперь большинство, правда пока еще незначительное, принадлежало здесь республиканской партии, которая пользовалась особенно большим влиянием в Нью-Йорке, Иллинойсе, Пенсильвании, Нью-Джерси, Коннектикуте, Висконсине, Огайо, Канзасе и Южной Дакоте. Итоги выборов показали, что позиции демократов в конгрессе ослабли.

Избирательная кампания в США совпала со временем, когда в Европе происходили чрезвычайно важные события, знаменовавшие собой начало поворота в мировой политике от империалистической войны к империалистическому миру. В лагере Антанты этот поворот в первую очередь проявился в стремлении русского царизма пойти на сепаратный мир с Германией. В окончании войны был заинтересован и германский империализм, опасавшийся не только потерять захваченные им территории, но и вообще проиграть войну. Германские верхи стремились поэтому к скорейшему достижению выгодного для них мира. 6 декабря 1916 г. войска кайзера оккупировали Бухарест, а через шесть дней правительство Германии предложило странам Антанты заключить мир. В ноте преднамеренно подчеркивалась «несокрушимая мощь» Германии, что явственно подтверждало стремление этой милитаристской державы добиться осуществления своих аннексионистских притязаний «мирным путем».

Первым откликом Вашингтона на возможность прекращения войны явилось опубликование 27 ноября 1916 г. специального заявления Федерального резервного управления банков. В этом документе, выработанном при непосредственном участии Вильсона, указывалось, что воюющие страны отныне смогут получить американские займы при условии предоставления ими под залог своего золота. Данное нововведение больше всего задевало Англию – главного заемщика США. Английский

министр иностранных дел А. Бальфур сделал удручающий вывод, что для его страны «оно представляло значительно более серьезную опасность, чем подводная война» [54].

Следующим шагом Вильсона в ответ на поворот в мировой политике была нота, адресованная им воюющим странам 12 декабря 1916 г. Она являлась плодом длительных размышлений президента. Обращаясь к участникам войны с предложением изложить их мирные условия, Вильсон отмечал, что, хотя США и не намерены взять на себя роль посредника, они заинтересованы в определении судеб мира. «Цели, которые имеют в виду государственные деятели обеих воюющих сторон в этой войне, – подчеркивалось в ноте, – в сущности одинаковы...» [55]

Позиция США вызвала в Лондоне взрыв резкого недовольства. Шок был так силен, что английские власти задержали на несколько часов опубликование ноты. Д. Ллойд Джордж, возглавивший реорганизованное в то время правительство, особенно возмущался тем, что Вильсон поставил знак равенства между целями Антанты и Германии в войне. Крайне неприязненной была реакция на ноту и во Франции. Парижская печать охарактеризовала ее как «оскорбление» в адрес Антанты.

Нота Вильсона грозила стать причиной ссоры между США и странами Согласия. Однако «выручила» Германия. Пытаясь скрыть свои агрессивные планы, она отказалась изложить конкретные условия мира. Свой ответ на запрос Вильсона правительство кайзера свело к предложению о созыве конференции воюющих и нейтральных стран. Державы Антанты, отклонив германское предложение, направили Вильсону свои соображения о «справедливом» мире.

22 января 1917 г. президент обратился со специальным посланием к сенату, в котором изложил американские условия мира. Он призвал все страны установить «подлинный мир», основанный на «равенстве больших и малых народов» и «демократии». В послании Вильсона впервые прозвучало его стремление выдать себя за выразителя интересов народов мира. «Я склонен думать, – заявлял он, – что говорю от имени молчаливых масс всего человечества...» [56] За завесой демагогических фраз американского президента между тем отчетливо проступали два основных условия, в реализации которых

США были более всего заинтересованы. Одно из них выражалось в тезисе «мир без победы»[57]. Он означал, что в результате войны не должно быть ни победителей, ни побежденных и что будущий мирный договор должен базироваться на равных началах для всех участников войны (призыв к установлению «мира без победы» основывался на предположении, что война может закончиться без участия США). Другое американское требование – «свобода морей». Вильсон говорил, что оно является «непременным условием (sine qua non) мира, равенства и сотрудничества». Это требование, направленное против английской блокады, состояло в том, чтобы США могли вести беспрепятственную торговлю с любой воюющей страной. Пытаясь выдать интересы США за интересы всех народов, Вильсон в заключение заявил: «Таковы американские принципы, американская политика. Мы не можем поддерживать никаких других. Они являются также принципами и политикой всех передовых людей, каждой современной нации, любого просвещенного общества. Они являются принципами человечества и должны возобладать»[58].

Подлинный смысл попытки Вильсона рядиться в тогу миротворца раскрыт в ленинской статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». «...Выступление Вильсона,– указывал Ленин две недели спустя после появления американской мирной ноты,– явная ложь и лицемерие, ибо Вильсон есть представитель буржуазии, нажившей миллиарды на войне, есть глава правительства, доведшего до бешенства вооружение Соединенных Штатов...»[59]

3. Вступление США в войну

Империалистические круги США были заинтересованы не в мире, а в продолжении войны. Нет поэтому ничего странного в совпадении во времени двух событий. В тот самый день, когда Вильсон запросил у воюющих стран их мирные условия, на Нью-йоркской бирже разразилась паника, подобной которой этот финансовый центр США не переживал за прошедшее десятилетие. «Произошло падение «промышленных» акций, т. е. всего, касающегося военного материала, из-за опасения, что столь доходная война прекратится...»[60] – сообщал посол России в США.

Правительство Вильсона форсировало кампанию «военной готовности». Вместе с осуществлением обширной военно-морской программы принимались меры по увеличению численности сухопутных войск. Согласно Национальному акту обороны, подписанному Вильсоном 3 июня 1916 г., контингент Регулярной армии подлежал увеличению до 254 тыс. человек, а общую численность Национальной гвардии (милиция штатов) намечалось довести до 425 тыс. человек.

Американские буржуазные историки, доказывающие, что политика Вильсона носила пацифистский характер, вынуждены, однако, объяснить, чем же в таком случае была вызвана столь стремительная милитаризация США. По их словам, Вильсон изменил свой внешнеполитический курс только после потопления «Лузитании», но военная программа его правительства и впоследствии была предназначена лишь для обеспечения обороны США на суше и на море. Подобные утверждения являются несостоятельными. На деле эта программа преследовала отнюдь не оборонительные цели. Ее назначение состояло в том, чтобы США смогли не только принять участие в первой мировой войне, но и, опираясь на экономическое, финансовое, военное превосходство, добиться выгодного для себя мирного урегулирования и достичь заветной цели – мирового лидерства.

Заблаговременно осуществлялась перестройка американской экономики на военный лад. Этому в значительной степени содействовало выполнение крупных военных заказов стран Антанты. Так, Англию снабжали своей продукцией 188 промышленных и иных компаний штата Нью-Йорк на сумму более 700 млн. долл., 5 компаний Делавара (около 400 млн. долл.), 53 компании Пенсильвании (372 млн. долл.) и т. д. Всего английскими заказами было занято 500 компаний. Заказы Франции выполняли 525 компаний. Все эти заказы, отмечалось в докладе Военно-промышленного управления США, опубликованном в 1921 г., «создали военную атмосферу в американской промышленности еще до апреля 1917 г.»[61], т. е. до вступления США в войну.

Для обеспечения эффективной подготовки США к участию в войне Вильсон летом 1916 г. учредил Совет национальной обороны, в состав которого вошли руководители ряда министерств, представители ведущих монополий и лидер профсоюзов Гомперс.

Потерпев неудачу с «мирной» инициативой, правители Германии сделали ставку на неограниченную подводную войну. Они исходили из того, что Германия сможет взять верх над своими противниками и заставит их сложить оружие раньше, чем США мобилизуют свои экономические и военные ресурсы. Последующие события доказали, что это был явно авантюристический расчет.

31 января 1917 г. германский посол в Вашингтоне информировал государственный департамент о начале неограниченной подводной войны. Первой реакцией Вильсона на германскую ноту были слова: «Это означает войну»[62]. Президент не ошибся: США вступили в войну с Германией, но это произошло спустя три с лишним месяца.

2 февраля состоялось заседание правительства США. Обсуждался вопрос, какие меры принять в ответ на объявление Германией неограниченной подводной войны. Вильсон говорил, что нужно дожидаться «неприкрытого акта (агрессии.— *З. Г.*) со стороны Германии»[63], и настаивал на немедленном разрыве дипломатических отношений с ней.

На следующий день, выступая в конгрессе, президент повторил свои предложения. Большинством голосов конгресс одобрил их, и правительство США тотчас разорвало дипломатические отношения с Германией.

Империалистические круги США с энтузиазмом восприняли этот шаг. Они рассматривали его как желанное преддверие вступления США в войну. На Нью-йоркской бирже в знак одобрения политики правительства были вывешены американские национальные флаги. Руководители моргановского Стального треста, Вифлеемской стальной корпорации, компании Форда и ряда других крупных фирм поспешили заверить администрацию Вильсона, что тотчас по вступлении США в войну они предоставят в распоряжение правительства свои ресурсы.

Неоценимую услугу американским монополиям, домогавшимся вступления страны в войну, оказали правые лидеры социалистической партии (У. Уоллинг, Ч. Рассел и др.) и руководство АФТ во главе с Гомперсом. Специальная конференция АФТ 12 марта приняла декларацию, гласившую, что в случае вступления США в войну профсоюзы окажут всяческую помощь Белому дому. Благодаря этой декларации, писал У. Фостер, «прави-

тельству были развязаны руки, и три недели спустя оно втянуло страну в войну»[64].

После разрыва дипломатических отношений с Германией в США с новой силой вспыхнуло антивоенное движение. 5 февраля в крупнейшем зале Нью-Йорка Карнеги-холл состоялся массовый митинг. Выступавшие призывали американский народ не допустить вовлечения Соединенных Штатов в войну. 18 февраля антивоенный митинг с участием 12 тыс. человек прошел в Чикаго. Против стремления правительства Вильсона втянуть страну в империалистическую войну решительно протестовал Ю. Дебс. На большом митинге в Нью-Йорке он заявил, что скорее предпочтет быть расстрелянным за измену Уолл-стриту, чем станет изменником пролетариата, приняв участие в этой войне. Ряд антивоенных митингов организовал в крупном промышленном центре США Кливленде активный деятель левого крыла социалистической партии Чарльз Рутенберг.

1 апреля делегаты совещания Лиги социалистической пропаганды, состоявшегося в Бостоне, приняли резолюцию, направленную против милитаризма и войны. От имени всех социалистов страны участники митинга заявили, что объявляют войну войне и мерам вильсоновской администрации, проводимым в интересах войны. На следующий день на антивоенном митинге в Нью-Йорке выступил Джон Рид. Он говорил, что война, бушующая в Европе, не его война, что он без колебаний отвергает и осуждает ее. Английский посол в Вашингтоне Спринг-Райс, внимательно следивший за внутриполитической обстановкой в США, сделал справедливый вывод, что «громадное большинство населения страны (США. – *З. Г.*) желает мира и приложит большие усилия к тому, чтобы сохранить его»[65].

Тем не менее администрация Вильсона интенсивно готовилась к войне. По указанию президента Совет национальной обороны организовал комитеты по мобилизации промышленности в военных целях. Военное министерство ускорило закупки стратегических материалов. Были приняты меры по охране арсеналов и водных ресурсов. Подстегивая подготовку к войне, Вильсон 5 марта заявил военному и морскому министрам, что им следует привлекать способных людей для нужд их министерств и тем самым эффективнее обеспечить военную мощь США. 4 февраля штаб военно-морских сил напра-

вил морскому министерству предложения в связи с возможностью вступления США в ближайшее время в войну. Предложения предусматривали мобилизацию флота, введение морского патруля и установку мин вблизи берегов США, быстрейшее окончание строительства запланированных военных кораблей, увеличение численности личного состава флота, подготовку к вооружению торговых судов, выработку планов сотрудничества с Антантой в войне на море и интернирование германских торговых и военных судов, находящихся в портах США. Все эти меры были одобрены правительством Вильсона и полностью затем реализованы.

26 февраля Вильсон обратился к конгрессу за полномочиями на вооружение торговых судов. Он говорил о том, что его заботят не только интересы американцев. «Я думаю о таких правах человека, без которых нет цивилизации» [66], – подчеркивал президент. Лафоллет, Уильям Стоун, Дж. Норрис и другие сенаторы либерального толка заявляли, что реализация предложения Белого дома ускорит вступление США в войну. В результате их противодействия предложение правительства было отклонено. Вильсон негодовал. В специальном послании к стране 4 марта 1917 г. он с возмущением писал: «Небольшая группа упрямцев, представляющих не общественное мнение, а только самих себя, сделала великое правительство Соединенных Штатов бессильным и пассивным» [67].

Игнорируя отрицательную позицию сената, 9 марта президент объявил, что все американские торговые суда, заходящие в военную зону, будут снабжены артиллерийскими орудиями для борьбы с германскими подводными лодками.

Однако правительство Вильсона по-прежнему не спешило с формальной декларацией о войне. Оно ожидало подходящего предлога. Расчеты вскоре оправдались. Германские подводные лодки, нападая на американские торговые суда, все чаще пускали их ко дну. Об агрессивных планах Германии в отношении США свидетельствовала также «нота Циммермана», сыгравшая известную роль в развитии американо-германского конфликта (в директиве статс-секретаря А. Циммермана германскому посланнику в Мексике было предложено начать секретные переговоры с правительством этой страны о заключении военного союза с Германией против США и

о привлечении к нему Японии). Нота была перехвачена английской разведкой и передана правительству США.

Американская сторона использовала эти провокационные действия Германии для вступления в войну на стороне Антанты. 20 марта президент Вильсон созвал членов своего кабинета, чтобы принять окончательное решение о войне. К этому времени в России уже произошла революция, свергнувшая царизм. Выступая на заседании правительства, Лансинг заявил, что русская революция «устранила последнее препятствие для того, чтобы рассматривать войну прежде всего как борьбу за демократию и против абсолютизма». Вильсон подхватил эту мысль, подчеркнув, что вступление США в войну после падения царизма является дополнительным оправданием для всего хода борьбы с Германией.

Сначала он намеревался созвать специальную сессию конгресса для принятия декларации о войне 16 апреля. Но революция в России заставила его поспешить и сделать это на две недели раньше. Президент в срочном порядке предпринял ряд дополнительных мер по подготовке страны к войне. 23 марта он провел заседание Совета национальной обороны, после чего распорядился об увеличении личного состава флота и морского корпуса и о мобилизации некоторых подразделений Национальной гвардии. На следующий день Вильсон дал указание Даниэлсу установить связь с английским Адмиралтейством для координации будущих военных операций на море. В соответствии с инструкцией президента военный министр Н. Бэйкер подготовил билль о доведении армии до численности, предусмотренной штатным расписанием военного времени, и о призыве Национальной гвардии на федеральную службу.

Когда военная машина была готова к запуску, Вильсон занялся составлением послания конгрессу о войне с Германией. На это ушло несколько дней. Первоначально он думал представить в качестве причины вступления США в войну разбойничьи действия Германии на море. Но затем в тексте послания центральное место заняла идея борьбы США за демократию. Сюда же был включен тезис о том, что США не пойдут на переговоры с Германией, пока у нее не будет правительства, которому можно доверять.

2 апреля жители столицы могли видеть, как по улице, ведущей от Белого дома к Капитолийскому холму, дви-

галась машина президента, сопровождаемая кавалерийским эскортом. Это Вильсон направлялся в конгресс, чтобы объявить своим соотечественникам о вступлении США в войну.

Поднявшись на трибуну, глава государства зачитал речь, в которой пытался обосновать столь ответственный шаг. «Мы,— заявил Вильсон,— не желаем ни завоеваний, ни господства. Мы не ищем для себя ни контрибуций, ни материальной компенсации за те жертвы, которые добровольно будем приносить. Мы только одни из борцов за права человека». В заключение Вильсон сказал, что США будут сражаться «за демократию, за права тех, кто подчиняется властям, чтобы иметь право голоса в своих собственных государствах, за права и свободы малых народов, за всеобщее господство права, создание такого союза свободных народов, который принесет мир и безопасность всем народам и, наконец, сделает сам мир свободным. Решению этой задачи мы можем посвятить нашу жизнь и нашу судьбу...»[68].

После выступления президента к нему подошел Лодж. Горячо пожав Вильсону руку, он сказал: «Господин президент, насколько это было возможно, Вы в самой возвышенной манере выразили чувства американского народа»[69]. В этих словах правого лидера республиканской партии нашло выражение то огромное удовлетворение, которое испытывали американские правящие круги в связи с вступлением США в войну.

Теперь в этих кругах не было разногласий по вопросам внешней политики. Они выступали единым фронтом в поддержку Вильсона, призывавшего к участию США в войне, демонстрируя тем самым «национальное единство». Сенаторы-республиканцы Г. К. Лодж, Г. Майерс, М. Свенсон вслед за президентом тоже старались создать впечатление, что США вступают в войну из самых чистых побуждений и стремятся лишь отстоять свободу и цивилизацию. Однако, когда речи подобных деятелей предназначались для доверенного круга лиц, в них звучали совсем иные нотки. Так, к примеру, Т. Рузвельт заявлял, что США «вступили в войну не ради того, чтобы обезопасить демократию». Он утверждал, что США преследовали иную цель — «сделать мир безопасным для самих себя. Это наша война, американская война,— продолжал бывший президент.— Если мы не выиграем эту войну, то в один прекрасный день нам придется в одино-

честве сводить счеты с Германией. Поэтому мы должны победить Германию во имя наших собственных интересов» [70].

Представители средних слоев, сочетавшие свою пацифистскую деятельность с борьбой против монополистического капитала, выступали в конгрессе за сохранение политики нейтралитета и противились участию США в войне. Сенатор Лафоллет в хорошо аргументированной речи, которую он произнес 4 апреля 1917 г., показал всю несостоятельность доводов президента Вильсона в пользу войны. Он заявил, что США незачем вступать в войну, их долг — стоять в стороне от военного конфликта между Антантой и Германией. Позицию решительного осуждения занял Дж. Норрис. «Мы идем на войну,— подчеркивал сенатор,— по команде золота. Мы идем на войну, жертвуя жизнью миллионов наших граждан ради того, чтобы другие граждане нашей страны могли из человеческой крови отлить деньги» [71].

Когда декларация правительства Вильсона об объявлении войны была поставлена на открытое голосование, против нее в сенате подали голоса только Г. Лэйн, У. Стоун, Д. Вэрдэмен (демократы), Лафоллет, Норрис и Гронна (республиканцы). В палате депутатов против войны голосовало 50 человек. Таким образом, большинство конгресса высказалось за войну.

6 апреля Вильсон получил резолюцию обеих палат конгресса. Президент сразу же подписал ее и официально объявил о вступлении страны в войну.

Глава VI

«ВОЙНА ЗА ДЕМОКРАТИЮ И СВОБОДУ»

1. Перевод экономики на военные рельсы. США – «присоединившаяся страна»

6 апреля 1917 г. стало новой страницей в истории США и в политической биографии Вильсона. Со времени вступления страны в первую мировую войну от миролюбивых заявлений Вильсона не осталось и следа. Тема войны стала теперь альфой и омегой его высказываний и действий. «Человек, недавно утверждавший, что мир оказывает исцеляющее и облагораживающее влияние на человечество, – писал о Вильсоне американский историк Р. Хофстадтер, – отныне обещал использовать «силу, самую большую силу, силу без ограничений»»[1].

Президент энергично взялся за дело. Первоочередной задачей он считал перевод экономики страны на военные рельсы. Учитывая опыт европейских воюющих стран, Вильсон пришел к заключению, что мобилизацию экономики в интересах войны нельзя пускать на самотек. Поэтому для руководства военной экономикой был создан ряд государственных органов: Военно-промышленное управление, Топливная администрация, Военно-торговое управление, Продовольственная администрация и др. Профессор Колумбийского университета Р. Тагвелл весной 1917 г. охарактеризовал эти меры администрации Вильсона как «добровольный социализм». Спустя сорок с лишним лет по существу об этом же писал профессор У. Лейхтенберг[2]. В действительности социализма в США не было и в помине. Непосредственное вмешательство правительства Вильсона в решение экономических проблем, связанных с войной, свидетельствовало о дальнейшем развитии государственно-монополистического капитализма в США.

В 1916 г. Вильсон говорил, что, если США вступят в войну, американский народ окажется «в зависимости от стальных, нефтяных и финансовых магнатов» и что именно они «будут управлять страной»[3]. Но теперь, когда США воевали, именно Вильсон назначил магнатов ка-

питала К. Диллона, Э. Гэри, Д. Морроу, А. Бетфорда, Ч. Шваба и других на ключевые посты в государственных органах управления экономикой.

До вступления в первую мировую войну в стране не было обязательного военного обучения. Небольшая по численности армия, укомплектованная добровольцами, вполне обеспечивала интересы ее безопасности. Поэтому американский народ противился насаждению милитаризма в США.

Когда США стали воюющей державой, представился удобный предлог для принятия закона о воинской обязанности. Согласно закону, подписанному Вильсоном 18 мая 1917 г., все мужчины в возрасте от 21 года до 30 лет подлежали регистрации для прохождения военной службы (позднее регистрацию проходили все лица мужского пола от 18 до 45 лет включительно). Закон также предусматривал, что посредством призыва добровольцев Регулярная армия и Национальная гвардия немедленно будут доведены до полного комплекта, а если добровольцев окажется недостаточно, президент вправе прибегнуть к принудительному набору. Что касается Новой, или Национальной, армии, организованной в связи с вступлением США в войну, она должна была комплектоваться исключительно на базе воинской обязанности.

Интересам войны была подчинена теперь и финансовая политика Белого дома. Первоначально военные расходы планировались в размере 8,4 млрд. долл. В конце 1917 г. эти ассигнования возросли еще на 10 млрд. долл. Для пополнения военного бюджета были введены новые прямые и косвенные налоги, увеличены ставки подоходного налога. Важным источником финансирования войны явились так называемые «займы свободы». Правительство Вильсона выпустило четыре таких займа. «Методы подписки (на «займы свободы». – *З. Г.*) были откровенно шовинистическими, – писал живший в то время в США выдающийся японский революционер Сэн Катаяма. – Лица, проводившие подписку, по какому-то праву бесцеремонно являлись в варьете, театры и другие публичные места и насильно заставляли подписываться на заем. В опере из-за этого задерживали спектакли, причем часто заставляли хором петь государственный гимн «Звезды и полосы», повсюду царило настроение грубого насилия, а если кто-нибудь протестовал, – его без суда бросали на шесть месяцев в тюрьму... В метро, в вагонах

надземной железной дороги и в трамваях надоедливо заставляли вносить пожертвования и подписываться на заем. Поскольку половину собранной суммы оставляли лицам, проводившим подписку, патриотическая пропаганда превратилась в бизнес, страдало же от этого мирное население»[4]. Несмотря на такие методы, подписка на «займы свободы» шла вяло. Так, в Висконсине, Северной и Южной Дакоте по подписке удалось собрать меньше половины запланированной суммы.

В США приобрело популярность требование замены «займов свободы» прогрессивно-подоходным налогом. Орган федерации профсоюзов штата Миннесота, обличая наживу деловых кругов на войне, требовал, чтобы они, а не рабочие оплачивали военные расходы. Этого же добивалась фермерская Беспартийная лига. Делегаты конференции Лиги горячо поддержали предложение сенатора Лафоллета о введении специального налога на богачей.

Антимилитаристские настроения в США проявились также в ходе набора в армию. Это подтверждает, в частности, следующий факт. В августе 1917 г. генерал-лейтенант В. Х. Рооп, входивший в состав чрезвычайной русской миссии, предпринял поездку по США. Как отметил глава миссии Б. А. Бахметьев, администрация Вильсона стремилась «использовать присутствие русского генерала, приехавшего непосредственно с фронта, для того чтобы поставить широкие массы лицом к лицу с военной действительностью и таким образом укрепить понимание войны в отдаленных, еще не осознавших ее ясности, центрах»[5]. Но Рооп, посетив Нью-Йорк, Чикаго, Канзас, Даллас и ряд других городов Запада и Юга США, убедился в том, что значительная часть населения, особенно молодежь, отрицательно относится к войне.

Правительство Вильсона, стремясь разжечь в стране шовинистический пыл, учредило Комитет общественной информации во главе с Дж. Крилем. Для работы в пропагандистском аппарате Комитета мобилизовали журналистов, писателей, университетских профессоров, учителей школ, художников, артистов и т. д. Военная пропаганда была поставлена на чрезвычайно широкую ногу. Со страниц газет и журналов, с театральных подмостков и экранов кино, на улицах и площадях — повсюду американцев призывали работать больше, не жалеть сил и средств для достижения победы в войне. «Никогда

раньше в истории (США.— *З. Г.*) не была организована такая кампания воспитания (в духе войны.— *З. Г.*), никогда раньше американские граждане не представляли себе, чтобы современное правительство могло так тщательно и непреодолимо навязывать свои идеи целой стране» [6],— писали Ч. и М. Бирд.

Незадолго до вступления США в войну Вильсон сказал: «Стоит повести наш народ на войну, как он забудет, что когда-то существовала терпимость. Чтобы воевать, нужно быть жестоким и беспощадным, дух безжалостной жестокости проникнет в самый характер нашей национальной жизни, заразит конгресс, суды, полицейского на посту и человека с улицы» [7]. В США действительно воцарился дух безжалостной жестокости, и виною тому была политика Вильсона. 15 июня 1917 г. президент США подписал принятый конгрессом закон о шпионаже, дополненный затем другими актами конгресса (закон о торговле с противником, закон о мятежах). Эти законы создавали неограниченный простор для произвола властей. Стоило кому-нибудь высказать свое недовольство войной, открыто отказаться от покупки облигаций «займа свободы», разъяснить молодежи ее права в отношении призыва в армию, критически отозваться о военной форме или совершить иное «преступление» такого рода, как его наказывали большим штрафом и лишением свободы сроком до 20 лет.

Репрессивное законодательство было направлено прежде всего против социалистов-интернационалистов. В тюрьму были брошены Ч. Рутенберг и его соратник А. Вагенкнехт. Суровая расправа была учинена над Ю. Дебсом. Несмотря на преклонный возраст, его приговорили к десяти годам тюрьмы. Власти, используя любой предлог, обрушивали жестокие репрессии и на рядовых социалистов. Так, Э. Хичхок был приговорен к десятилетнему сроку заключения за заявление, что средства от «займов свободы» попадают в карманы спекулянтов.

Гонениям подвергалась прогрессивная печать. «Эпил ту ризн», «Интернэшнл соушиалист», «Мэссиз» и другие периодические издания левых социалистов перестали отправляться подписчикам и в продажу, а их редакторам грозили тюрьма или денежный штраф. Когда министр почты О. Берлесон доложил Вильсону об этих мерах, последний сказал: «Хорошо, продолжайте выполнять свой долг» [8]. Ободренные таким наказом хозяина Белого до-

ма, ретивые почтовые чиновники и судебные органы еще больше усердствовали.

Американское правительство давно ждало случая, чтобы разгромить революционную пролетарскую организацию «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Прошло всего несколько дней после принятия закона о шпионаже, как были арестованы 18 активных членов ИРМ. Затем последовали налеты на ее штаб и местные организации. Результатом полицейских облав явился арест руководителя ИРМ Билла Хейвуда и 165 его товарищей. Многих из них осудили на длительные сроки тюремного заключения (от 10 до 20 лет).

1917 год оказался рекордным по числу стачек. Это вызвало большое беспокойство в правящих кругах США. Для подавления классовой борьбы пролетариата в ход был пущен весь арсенал средств: угрозы, слежка, провокации, обвинения в «государственной измене», наемные отряды, воинские части, массовые аресты и т. д. В борьбу против забастовочного движения включился и сам президент. Он направил бастовавшим рабочим Бриджпорта следующее предупреждение: «Я желаю, чтобы вы вернулись на работу... Если вы этого не сделаете, никто из вас в течение года не сможет работать в военной промышленности в районе, где проходит забастовка»[9].

Обстановка страха и насилия, царившая в США, пагубно отразилась на положении интеллигенции, выступавшей против войны. Популярного в демократической среде сенатора Лафоллета обвинили в измене. За антивоенные выступления профессор Колумбийского университета С. Ниринг был арестован, а его коллегу Д. Кателла уволили. Известный американский историк Ч. Бирд в знак протеста против господства «духа пруссачества» в этом университете покинул его. Гонениям подверглись сотни преподавателей университетов и колледжей. Многие из них были заключены в тюрьму. Американский историк Ф. Макдональд пришел к выводу, что в результате репрессивных действий правительства Вильсона «страной управляла контролируемая истерия... тоталитарная демократия». Все это, по его мнению, можно сопоставить с «постыдной эпохой Маккарти (1950—1953 гг.)»[10].

Уместно спросить, как мог профессор, бывший ректор Принстона, а затем президент США, осуществляв-

ший либеральные реформы, проводить политику жесточайшего полицейского произвола?

Вильсон преданно служил делу американского капитализма. С его точки зрения, США вели справедливую войну, и поэтому он нисколько не сомневался в обоснованности и правомерности своих действий. Он, не раздумывая, посылал молодежь Америки на фронт, обрекая ее на гибель, не колебался, когда преследовал своих сограждан за их антивоенные выступления. Значение имели и личные качества тогдашнего президента США. Считая свое мнение непререкаемым, он не терпел инакомыслия. Если Вильсону «кто-нибудь противился в каком-либо вопросе, – отмечает историк Р. Келли, – он... тотчас становился личным врагом своего оппонента»[11].

Согласно конституции США, президент наделен большими полномочиями. Вильсон сполна использовал их, сосредоточив в своих руках больше власти, чем любой другой из его предшественников. Недаром Вильсон в 1919 г. был охарактеризован как «король, премьер-министр... действительный главнокомандующий вооруженными силами, активный лидер партии, экономический диктатор, государственный секретарь по иностранным делам и единоличный контролер администрации»[12]. По словам современного историка М. Джозефсона, он являлся в то время «самым всесильным государственным деятелем всего мира»[13]. Эти оценки соответствуют истине. Вильсон в марте 1917 г. самолично решил вооружить американские торговые суда, затем без санкции конгресса создал Военно-промышленное управление, Военное управление по труду, Комитет общественной информации, ввел цензуру над телеграфной перепиской и осуществил ряд других мероприятий.

В январе 1918 г. сенатор-демократ Дж. Чемберлейн, критикуя деятельность вильсоновской администрации, предложил создать военный кабинет из трех лиц, наделенных широкими правами. Вильсон сразу почувствовал попытку ограничить его власть. Цель этого предложения, возмущался Вильсон, состоит «не в том, чтобы помочь мне, а изъять из моего ведения решение вопросов войны»[14]. Президент перешел в контрнаступление. Он запросил у конгресса полномочий, предназначавшихся для военного кабинета, и добился их. В соответствии с двумя актами конгресса президент ввел государственный контроль над железными дорогами, проводил

регулирование производства, экспорта и импорта ряда важных изделий, устанавливал цены на уголь, кокс, решал продовольственные вопросы и т. д. Добавим к этому, что в течение всего периода участия США в войне Вильсон так и не удосужился созвать заседание своего кабинета.

Сказанное позволяет сделать вывод: вся ответственность за внутреннюю политику правительственной администрации во время участия США в войне целиком и безраздельно ложится на Вильсона.

Со времени вступления США в первую мировую войну Вильсон, сосредоточив в своих руках все рычаги руководства внешней политикой страны, непосредственно занимался решением ее основных вопросов. В этой области перед ним стояло много проблем. Одной из наиболее важных и сложных была проблема сотрудничества США со странами Антанты в войне. «Эти страны воюют,– говорил Вильсон в конгрессе 2 апреля 1917 г.,– и мы должны помочь им во всех отношениях, с тем чтобы они эффективно сражались»[15]. Из этой речи американского президента следовало, что США не станут торопиться с отправкой своих войск на Западный фронт, а предпочтут свести помощь лагерю Антанты к предоставлению ему займов, продовольствия и оружия.

Позиция Вильсона получила поддержку на Капитолийском холме. Так, конгрессмен М. Мэдден заявил: «Если бы с помощью наших денег можно было найти кого-то желающего сражаться за нас, то не следовало бы раздумывать ни единой минуты и немедленно предоставить требуемые кредиты, которые он хочет и должен получить»[16].

Члены американского конгресса, ратуя за то, чтобы США ограничили свое участие в войне финансированием стран Антанты, сознавали, что это создавало бы для США большие преимущества. В самом деле, финансовые средства, предоставленные США, «союзники» должны были израсходовать на американском рынке и вернуть их после войны с оплатой соответствующих процентов. В итоге, предсказывал член нижней палаты конгресса У. Борлэнд, США «установят полный и окончательный контроль над мировыми финансами и станут финансовым центром мира»[17].

Правительство Вильсона фактически разделяло такие взгляды. 27 апреля 1917 г. русский поверенный в делах

в США К. М. Ону сообщал из Вашингтона, что там ему «дали понять, что трехмиллиардный кредит союзникам имеет прямой целью успешное завершение войны, а не облегчение общего положения той или иной страны»[18].

24 апреля 1917 г. конгресс США одобрил закон о финансировании войны, предусматривавший также предоставление займов странам Антанты. Если до вступления США в войну «союзники» получали займы от американских частных банков, то теперь роль кредитора выполняло само государство. Финансируя Антанту, Вашингтон намеревался не только добиться победы в войне, но и укрепить положение США на международной арене. «Когда война закончится,– заявил Вильсон летом 1917 г.,– мы сможем заставить эти страны (Англию и Францию.– *З. Г.*) считаться с нами, так как к этому времени они... в финансовом отношении окажутся в наших руках...»[19]

Страны Антанты наряду с финансовой помощью нуждались в скорейшем участии американцев в военных действиях. Но правительство Вильсона весной 1917 г. согласилось послать во Францию лишь одну дивизию, а позднее – экспедиционный корпус во главе с генералом Дж. Першингом. Задачи командующего американскими экспедиционными силами в Европе определила инструкция, одобренная Вильсоном. «В военных операциях против императорского правительства Германии,– говорилось в ней,– Вам надлежит сотрудничать с армиями других стран, ведущих борьбу с врагом. Но, поступая таким образом, Вы все время должны иметь в виду, что *войска США независимы*, что они являются *самостоятельной частью* объединенных сил и их *самостоятельность должна быть сохранена*»[20] (курсив мой.– *З. Г.*).

На 1 ноября 1917 г. американская армия насчитывала 883 тыс. человек. Но в Европу прибыло только 87 033 солдата и офицера. Практически они не играли никакой роли в военных действиях. Военная сводка штаба Першинга от 3 ноября 1917 г. гласила: «В результате немецкой атаки три американца убито и впервые американцы взяты в плен»[21].

Вильсон считал, что американские войска не должны спешить с участием в военных операциях. «Я хочу, чтобы Вы знали,– указывалось в инструкции, которая от его имени была послана Першингу военным министром Бэйкером,– что мы здесь, в США, наберемся необходимого

терпения и не станем просить Вас отправлять войска на передовую линию, пока Вы сами не решите, когда для этого настанет благоприятное время и будут проведены все соответствующие приготовления»[22].

Правительства и военное командование Франции и Англии не скрывали своего недовольства тем, что США так долго раскачиваются с вводом своих войск в бой. Они требовали осуществления так называемой амальгамы, т. е. включения американских воинских подразделений в состав французских и английских дивизий, с тем чтобы они сообща обучались, а затем совместно участвовали в боевых операциях. Однако Вильсон, по словам Даниэлса, «с нескрываемым раздражением» относился к требованиям «союзных» стран о включении в состав их воинских частей американских подразделений. «Мы будем иметь только американскую армию и никакую другую»[23],– безапелляционно заявлял он.

Было бы несправедливо сбрасывать со счетов большие трудности, которые США пришлось преодолеть, прежде чем всерьез проявить себя в войне. Нелегким делом явилось создание и обучение к лету 1918 г. многочисленной армии, укомплектование ее офицерским составом и снабжение всем необходимым. Большие сложности возникли в связи с переброской войск в Европу. США в отличие от стран Антанты не имели опыта проведения современных военных операций. Все это так. Однако проволочки с участием американских войск в боевых действиях нельзя сводить только к указанным причинам. Дело еще и в том, что правительство и высшее военное командование США рассчитывали на окончание войны в 1919 и даже в 1920 г. Американские военные планы, констатировал представитель США в Верховном военном совете Антанты генерал Т. Блисс, первоначально предусматривали «медленное и спокойное развитие независимой американской армии, которая была бы готова принять участие в военной кампании 1919 года...»[24].

Белый дом еще до вступления США в войну решил установить контакт с английским Адмиралтейством. Для этого в Лондон был командирован вице-адмирал У. Симс (позднее он командовал военно-морскими силами США в европейских водах). Прибыв в Англию, Симс убедился в том, что неограниченная подводная война создала весьма серьезную угрозу для этой страны. Поэто-

му он стал добиваться использования американских военных кораблей для защиты английского судоходства. Однако до июля 1917 г. морское министерство США отправило в Европу только 26 эсминцев, т. е. 40% их общего числа.

Правительство США и в последующие месяцы столь же скупо направляло военные корабли на помощь Англии. Это нельзя объяснить слабостью американского флота. Военно-морские силы США обладали довольно внушительной мощью. В результате успешной мобилизации они своевременно подготовились к выполнению боевых заданий. Однако их роль в войне оказалась весьма ограниченной.

4 июля 1917 г. Вильсон направил Симсу инструкцию, в которой высказал недовольство настояниями последнего расширить американскую помощь Англии. Президент категорически предписал ему впредь не опираться на английские данные, а руководствоваться исключительно интересами США. Заодно Вильсон выразил удивление по поводу того, что «в нынешний критический момент, вызванный подводной войной, англичане оказались беспомощными и впали в панику... Беда заключается в том, — продолжал он, — что их планы и методы представляются нам неэффективными»[25]. Эти нападки американского президента на Англию лишний раз свидетельствовали о его нежелании оказывать ей действенную поддержку. В документе «Некоторые уроки великой морской войны», направленном морскому министру Даниэлсу 7 января 1920 г., Симс утверждал, что правительство США чрезвычайно медлило в решении вопроса об оказании помощи странам Антанты в войне на море. Прямым результатом такой политики, подчеркивал он, было затягивание сроков окончания войны. Такой вывод не лишен основания.

Расчеты американских руководящих кругов во главе с Вильсоном на систему проволочек в военных действиях в Европе имели под собой определенную политическую подоплеку: различие целей США и стран Антанты в войне.

Вильсон стоял на голову выше многих буржуазных политических деятелей в понимании характера возникшей в 1914 г. войны и ее истинных виновников. Весной 1916 г. он отверг мысль, что европейские народы несут за нее какую-либо ответственность. «Правительства, —

отмечал Вильсон, – пошли на войну друг против друга»[26]. Осенью того же года президент США заявил Пэйджу, что война была вызвана «экономическим соперничеством между Германией и Англией»[27]. Когда летом 1918 г. Вильсон получил сообщение, что главы правительств Англии и Франции Д. Ллойд Джордж и Ж. Клемансо скептически отнеслись к его идее создания Лиги наций, он заявил: «Я знаю, что Европой все еще управляют те же самые реакционные силы, что и несколько лет тому назад»[28]. Свое мнение о войне Вильсон высказал также в речи, произнесенной в Сен-Луи 5 сентября 1919 г. «Подлинной причиной только что закончившейся войны, – говорил он, – являлось опасение Германии, что ее торговые соперники овладеют всем лучшим, что у нее имеется, а некоторые страны, воевавшие с Германией, считали, что она лишит их торгового превосходства... С самого начала это была торговая и индустриальная война»[29]. Комментируя эту мысль, Джозефсон пишет, что Вильсон признавал «империалистический характер первой мировой войны». Американский историк, однако, тут же делает оговорку, что Вильсон «приписывал такой характер (войны. – *З. Г.*) только Германии»[30]. Джозефсон не прав. Из приведенных высказываний президента США видно, что в его представлении не только Германия, но и страны Антанты вели войну за захват рынков сбыта и обеспечение своего экономического первенства. В этом смысле Вильсон фактически ставил знак равенства между целями в войне и Германии, и блока Антанты. Совсем по-другому он оценивал цели и позицию США в войне.

Президент неоднократно утверждал, что его страна вступила в войну ради торжества свободы и демократии, в защиту интересов других народов, особенно малых. Так, 16 апреля 1917 г. в послании к американскому народу он заявлял: «Нет ни единого эгоистического элемента... из-за которого мы воюем. Мы воюем... за права человека, за будущий мир и безопасность всех народов»[31]. Два месяца спустя Вильсон провозгласил, что США ведут «народную войну, войну во имя свободы, справедливости и независимости всех народов... включая и германский народ...»[32].

Заявления Вильсона об альтруизме США были только громкими фразами, ничего общего не имевшими с реальностью. США, как и другие участники войны, преследовали империалистические цели, главная из которых со-

стояла в том, чтобы добиться поражения своего главного соперника – Германии. Но американские правящие круги не желали окончательного разгрома Германии. Такой исход войны лишил бы США возможности использовать в своих интересах противоречия между двумя группировками европейских держав. Вот почему Вильсон и его окружение стремились сохранить достаточно сильную Германию, способную после войны противостоять блоку Антанты. «Наше благополучие,– писала накануне вступления США в войну нью-йоркская газета «Ивнинг мейл»,– зависит от поддержания баланса сил между враждующими группировками, существовавшего до войны» [33]. В руководящих сферах США разделяли такую точку зрения. Начальник штаба флота адмирал У. Бенсон, инструктируя Симса перед его поездкой в Англию, заявил: «Не позволяйте англичанам обмануть Вас. Мы не собираемся таскать для них каштаны из огня»[34]. Так прямолинейно высказался человек военный. А вот мнение руководителя американской дипломатической службы. 2 февраля Лансинг писал Вильсону, что США благодаря участию в войне смогут «занять видное место на мирной конференции, и это предотвратит несправедливое обращение с центральными державами, решительно будет в интересах последних» [35].

Накануне разрыва дипломатических отношений США с Германией Вильсона спросили на заседании кабинета, кого он хотел бы видеть победителем в войне. Он ответил, что «не желает победы ни одной из сторон» [36]. Такая точка зрения вытекала из выдвинутого им ранее принципа «мир без победы». После вступления США в войну политика американского президента коренным образом изменилась. Теперь она, естественно, имела своей целью поражение Германии. Но это не означало, что победа должна была быть завоевана одной Антантой и как можно быстрее. Что же касается победы над Германией, то в США имелись на то свои особые планы. Американская стратегия основывалась на том, что в ходе войны военные силы держав Антанты, изматывая противника, сами понесут большие потери. Тем временем в Европе будет возрастать численность американских солдат и офицеров, которые постепенно приобретут боевой опыт. В подходящий момент хорошо обученная и полностью укомплектованная самостоятельная американская армия предпримет крупное наступление на фронте

и одержит решающую победу над немцами. «Мы сознавали,— писал впоследствии Першинг,— что выбор участка фронта должен быть стратегически разумным, с тем чтобы он позволил американской армии оттуда начать успешное наступление, которое завершилось бы окончательным разгромом германской армии» [37]. Такой итог нужен был не только для завоевания славы победителей. Еще более важной задачей являлось закрепление победы США на мирной конференции.

Различия в целях войны наложили существенный отпечаток на характер отношений США со странами Антанты. Вступив в войну против Германии, США не пожелали стать союзником этих стран. Они считали себя «присоединившейся» державой. Вильсон отрицательно отнесся к предложению посла США в Лондоне об участии Першинга и Симса в конференциях руководящих деятелей Антанты. «Присутствие на конференции,— разъяснял Пэйджу позицию президента советник госдепартамента Ф. Полк,— может создать впечатление, что правительство США принимает участие в обсуждении не только вопросов военной кампании, но и конечных мирных целей» [38]. Только 26 декабря 1917 г. правительство Вильсона назначило генерала Т. Блисса своим постоянным представителем в Верховном военном совете Антанты. Страны Антанты были представлены на сессиях совета премьер-министрами и министрами иностранных дел, однако Вильсон ни разу не послал на эти сессии государственного секретаря.

Симптоматичен и такой факт. Когда Вильсон в официальных документах американской продовольственной администрации встретил слова «наши союзники», он предложил руководителю администрации Гуверу не прибегать впредь к подобной терминологии. «Мы не имеем союзников» [39],— заявил президент США. Наконец, еще один факт. В конце 1917 г. правительство Англии выразило желание, чтобы США направили в Лондон миссию доброй воли во главе с бывшим президентом Тафтом. Вильсон выступил против. В беседе с Тафтом он мотивировал свое мнение наличием у двух стран серьезных расхождений в целях войны и тем, что «имеются особенности британской военной политики, к которым (Вильсон.— *З. Г.*) относился очень неодобрительно» [40].

Характеризуя подоплеку нежелания правительства США взять на себя союзнические обязательства, англий-

ский посол в Вашингтоне С. Спринг-Райс 7 сентября 1917 г. писал своему шефу в Лондон, что президент Вильсон «безусловно решил отстаивать свою полную независимость. Даже теперь, став участником войны, он придерживается своей первоначальной идеи, что будет посредником. Он не является участником войны, как другие воюющие страны; до некоторой степени он стоит в стороне»[41]. Сходную версию выдвинул глава английской разведки в США У. Уайзмэн. Делясь впечатлениями о беседах с Вильсоном, он 13 июля 1917 г. в меморандуме на имя Бальфура писал, что, по мнению американского президента, «поскольку США теперь готовы занять свое место как мировая держава, в стране широко распространено мнение о необходимости иметь «свободу рук» и не вступать в союз с какой-либо иностранной державой»[42]. Реакцию Франции на обособленное положение США в антигерманской коалиции Клемансо выразил лаконично: «Президент Вильсон только слушает то, что мы ему сообщаем, но сам не говорит, о чем он думает»[43].

В американской исторической литературе по-разному оценивается отказ Вильсона от союза с блоком Антанты. Высказанное Т. Бэйли мнение, что такая позиция вашингтонского правительства нанесла ущерб интересам США, не имеет под собой оснований. Не соответствует истине и утверждение С. Бемиса, что США являлись идеальным партнером стран Антанты и сделали максимум возможного для ускорения победы над Германией. Правильно, на наш взгляд, раскрыл суть дела У. Фаулер. Он объяснил негативное отношение США к заключению союза со странами Антанты тем, что Вильсон надеялся опереться «на быстро растущую экономическую и военную мощь США и тем самым навязать этим странам соглашение. Козырем его независимой дипломатии была свобода, позволявшая ему угрожать сепаратным мирным урегулированием. Когда бы противник ни выказал желание принять его (Вильсона. – *З. Г.*) условия, страны Антанты должны были бы сделать то же самое. Иначе им пришлось бы самим сражаться»[44].

Вильсону для осуществления своих намерений было важно выяснить, к чему стремились партнеры США по войне, о чем они тайно договорились между собой в отношении раздела добычи. Такая возможность представилась, когда 21 апреля 1917 г. в Вашингтон прибыла ан-

глийская чрезвычайная миссия во главе с Бальфуром. Правда, Хауз опасался, что, если в предстоящих переговорах будет затронут вопрос об определении условий мира, США и «союзники» начнут так ожесточенно спорить, что «скоро возненавидят друг друга еще больше, чем они ненавидят Германию...» [45]. Однако Вильсон придерживался иного взгляда. «Было бы жалко, — считал он, — позволить Бальфуру возвратиться в Англию без обсуждения этого вопроса» [46].

30 апреля в Белом доме состоялась встреча Вильсона с Бальфуром. Обсуждался широкий круг проблем мирного урегулирования. По инициативе Вильсона стороны коснулись вопроса о тайных договорах стран Антанты. По словам Бальфура, он со всей откровенностью изложил американскому президенту их содержание и по возвращении домой послал Вильсону копии тайных договоров. Сюда входили Лондонский договор 1915 г. с Италией, англо-русское соглашение о передаче Константинополя России, англо-французское соглашение о разделе Азиатской Турции и Бухарестский договор с Румынией от 17 августа 1916 г.

Однако Вильсон впоследствии упорно отрицал, что до начала Парижской мирной конференции ему что-либо было известно о тайных соглашениях «союзников». Это противоречит фактам. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов утверждение американского историка Л. Мартина, что Бальфур утаил от Вильсона содержание англо-французских соглашений с Японией о бывших германских владениях в Тихом океане и о китайской провинции Шаньдун, т. е. соглашений, «наносивших удар по американским интересам и очень выгодных для Великобритании» [47]. Как бы то ни было, Вильсон знал содержание тайных договоров держав Антанты, если не всех, то большинства из них.

2. Попытки американской дипломатии удержать Россию в войне

Общественно-политические взгляды Вильсона базировались на принципах буржуазной демократии, или, точнее, буржуазного республиканизма. Наиболее целесообразным типом государства он считал тот, в котором политическая власть безраздельно принадлежит либеральной буржуазии. Поэтому в его представлении само-

державный строй России был анахронизмом, а черносотенные мерзости царизма вызывали в нем отвращение. Не удивительно, что Вильсон приветствовал свержение самодержавия и приход к власти Временного буржуазного правительства.

Стремясь укрепить позиции буржуазии в России, администрация Вильсона решила возможно быстрее признать Временное правительство. 22 марта американский посол в Петрограде Д. Фрэнсис вручил ему свои верительные грамоты, опередив глав дипломатических миссий Великобритании, Франции и Италии.

Падение русского царизма произошло в то самое время, когда США, порвав дипломатические отношения с Германией, искали предлог для вступления в войну. Февральская революция в России в этом смысле оказалась очень кстати для Вильсона и всех тех, чьи интересы он представлял. Теперь американский президент громогласно заявлял, что США будут достойным партнером революционной России и бок о бок с ней станут бороться против кайзеровской Германии. Так, выступая 2 апреля в конгрессе с посланием о войне, он говорил, что в России произошли «удивительные и чрезвычайно важные события», благодаря которым «великий и благородный русский народ» смог присоединиться к странам, «сражающимся за свободу, справедливость и мир на земле» [48].

Революционные события в России вызывали у Вильсона двойственное чувство. С одной стороны, он приветствовал свержение царизма, признавая всю важность этого события, с другой – он и другие руководители США не могли не опасаться выхода России из войны. Министр внутренних дел Ф. Лэйн с тревогой писал, что Соединенным Штатам придется в таком случае «направить на фронт миллионы солдат. Между тем мы полагали, что достаточно будет небольшой армии» [49].

Не удивительно, что рост революционного движения в России вызывал серьезную тревогу в американских верхах. 29 апреля временный поверенный России в США К. М. Ону телеграфировал в Петроград, что правительство Вильсона «обеспокоено свободой действий, которой пользуются в России пораженцы-пацифисты, и слухами о подрыве дисциплины в нашей армии» [50].

Администрация Вильсона сочла необходимым оказать соответствующее давление на Временное правитель-

ство. 21 апреля руководитель государственного департамента писал Фрэнсису, что «широко распространяемые в печати сообщения о том, что новое правительство находится под влиянием крайних социалистов... сильно вредят русским интересам здесь, и если эти сообщения не прекратятся, то это может помешать России получить свою долю в займе, предоставляемом союзникам»[51].

11 апреля 1917 г. Лансинг писал Вильсону: «Я хочу, чтобы мы сделали что-нибудь для того, чтобы помешать социалистическим элементам в России осуществить любой план, способный подорвать эффективность усилий союзных держав»[52]. Для достижения этой цели он предлагал послать в Россию специальную миссию. Вильсон одобрил эту идею. Во главе миссии был поставлен бывший государственный секретарь США Э. Рут. Социалистическая газета «Эпил ту ризн» в этой связи напомнила американцам, что Рут «в течение многих лет был открытым врагом революционного движения в России»[53]. Инициатором назначения этого реакционера руководителем американской правительственной делегации в Россию был не кто иной, как Вильсон. «Я убежден,— утверждал он вопреки фактам,— что Рут искренно и сердечно симпатизирует русской революции»[54].

Миссия Рута прибыла в Россию 31 мая (13 июня). Она встречалась с министрами Временного правительства, банкирами, купечеством, военными кругами, делегатами I Всероссийского съезда Советов, служителями церкви. Состоялись также беседы с дипломатическими и военными представителями стран Антанты. Главная тема переговоров — вопрос о продолжении участия России в войне. После возвращения из поездки в Россию Рут в августе 1917 г. представил доклад правительству. «Выгода удержания России в войне и ее армий на поле сражений столь значительна,— подчеркивал он,— что риск, связанный с оказанием ей необходимой помощи, не должен серьезно рассматриваться»[55].

Антинародная империалистическая политика Временного буржуазного правительства, с одной стороны, и борьба трудящихся под руководством большевиков за передачу власти в руки Советов и окончание войны — с другой, привели к июльским событиям в России. По приказу Временного правительства 4 (17) июня была расстреляна мирная демонстрация в Петрограде. Эсеры и меньшевики полностью перешли на сторону буржуазии.

С двоевластием было покончено. Важной вехой на пути установления в стране контрреволюционной диктатуры явилось созванное Временным правительством Государственное совещание в Москве. 14 (27) августа Вильсон направил этому совещанию послание, в котором призвал его к борьбе «со всеми врагами, как внутренними, так и внешними». Он обещал оказать России «всяческую материальную и моральную помощь», с тем чтобы она продолжала участвовать в войне.

Тотчас после Государственного совещания началась непосредственная подготовка к введению военной диктатуры в России. Реакция Вильсона на эти события нам неизвестна, но другие руководящие деятели США высказались по данному вопросу недвусмысленно. Именно в это время ближайший советник президента Хауз сделал вывод, что установление в России «сильной республики», т. е. диктаторского режима, было более важным делом, чем «поставить Германию на колени»[56]. Интерес представляет также «триада» Лансинга о путях развития русской революции. 9 августа он составил меморандум, в котором предрекал, что революция в России пройдет три цикла. «Во-первых, умеренность. Во-вторых, терроризм. В-третьих, восстание против новой тирании и восстановление порядка насильственными военными средствами». Государственный секретарь США выражал надежду, что Россия будет активно участвовать в войне, но только тогда, когда в ней будет установлена диктатура «какой-нибудь влиятельной личности»[57]. Американский военный атташе в России генерал У. Джадсон такой «влиятельной личностью» считал Корнилова, а посол Фрэнсис предпринял практические шаги к тому, чтобы установить с ним прямой контакт.

Ход событий в России опрокинул расчеты американских правящих кругов. Корниловский мятеж провалился, а два месяца спустя в результате вооруженного восстания в Петрограде правительство Керенского было свергнуто. В России победила социалистическая революция.

3. «14 пунктов» Вильсона

Великая Октябрьская социалистическая революция, вырвавшая Россию из империалистической войны, заставила Вильсона поторопиться с формулированием своей мирной программы. Приготовления к ее выработке начались

еще летом 1917 г. В августе того же года с санкции Лансинга при государственном департаменте было организовано специальное бюро для подготовки условий мира. Вильсон, вероятно не очень полагаясь на способность своего государственного секретаря справиться со столь ответственным делом, поручил Хаузу заняться составлением американской программы мирного урегулирования. «Я думаю,— писал президент своему советнику 2 сентября,— что мы должны систематически работать, дабы возможно полнее и точнее выяснить, чего наши партнеры в войне будут добиваться при окончательном мирном урегулировании, как мы можем сформулировать нашу собственную позицию для защиты или опровержения отдельных предложений и... какое влияние сможем использовать. Короче говоря, мы должны подготовить наши предложения с полным знанием позиций всех воюющих сторон» [58].

Такова предыстория создания Хаузом Исследовательского бюро («Инквайе»). К его работе было привлечено около 150 специалистов по различным областям знаний, в том числе профессора истории Дж. Шотуэлл, Ч. Сеймур, Р. Лорд, юристы Д. Х. Миллер, Д. Скотт, экономист А. Юнг, издатель либерального журнала «Нью рипаблик» Г. Кроули и др. Директором бюро являлся президент одного из нью-йоркских колледжей, близкий родственник Хауза С. Мезес. Несколько позже его фактическим руководителем стал глава Американского географического общества И. Боумен. Он же был основным экспертом по территориальным вопросам. Функцию секретаря «Инквайе» выполнял видный журналист У. Липпман.

Первоначально Исследовательское бюро основное внимание уделяло выработке предложений по вопросам Центральной Европы и Ближнего Востока. Но вскоре ему пришлось заняться более серьезной проблемой. Социалистическая революция в России и ее мирная программа — вот что теперь было в центре внимания вильсоновского штаба экспертов.

Характерна первая реакция Вильсона на советский Декрет о мире и на благожелательные отклики на него в США. Выступая 12 ноября с речью на съезде Американской федерации труда, он обрушился с нападками на американцев, требовавших прекращения войны. Президент обвинил их в том, что они сеют смуту среди рабо-

чих и создают помехи развитию военной промышленности в США. Касаясь предложения Советского правительства о мире, Вильсон назвал большевиков «фантазерами» [59]. В таком же духе он отозвался о переговорах Советской России с Германией по вопросу о перемирии [60].

Идеи ленинского Декрета о мире быстро распространялись в воюющих странах, они овладевали умами и сердцами солдат на фронте и трудящихся в тылу. Вильсон понял, что дальше нельзя отделываться высокомерными и презрительными замечаниями о мирной политике Советского государства. В беседе со Спринг Райсом, состоявшейся 3 января 1918 г., он с беспокойством отмечал, что «в Италии несомненно, а в Англии и во Франции вероятно обращение (Декрет о мире. – *З. Г.*) оказывает воздействие. В Соединенных Штатах ведется активная агитация. Пока еще рано делать окончательные выводы об эффективности этой агитации. Но очевидным является то, что, если это обращение большевиков будет оставлено без ответа, если ничего не будет сделано для нейтрализации его действия, его влияние увеличится и будет возрастать» [61].

Стремясь ослабить влияние Декрета о мире на народы воюющих стран, президент США решил противопоставить ему свою мирную программу. Вильсон поручил Исследовательскому бюро представить свои соображения о будущем мире. В соответствии с этим указанием Мезес, Миллер и Липпман 2 января 1918 г. подготовили меморандум «Предложения о мирных целях». Тем временем в Белый дом стали поступать рекомендации, чтобы Вильсон ускорил свой ответ на советский Декрет о мире. Заявление президента, телеграфировал 3 января из Петрограда руководитель американской службы пропаганды в России Э. Сиссон, «должно содержать тысячу слов или меньше, краткие, почти как на плакате, абзацы, краткие изречения» [62]. Фрэнсис в телеграмме, непосредственно адресованной Вильсону, утверждал, что, если тот направит специальное обращение к русскому народу, это «произведет глубокое впечатление на чувства России» [63].

4 января Вильсон занялся выработкой программы США в отношении мирных условий. При этом он внимательно изучил меморандум экспертов, особенно их суждения относительно спорных территориальных вопро-

сов. На следующий день президент приступил к составлению окончательного варианта американских мирных условий. По словам Сеймура, «положение в России являлось в некотором смысле главным «raison d'être» (целеоправданием) мирной программы США»[64].

Глава правительства США стремился составить такую программу послевоенного устройства мира, которая, как он надеялся, смогла бы прославить его имя в веках. Но на роль знаменосца мира метил и Ллойд Джордж. 5 января 1918 г., выступая на конференции тред-юнионов, он изложил английские условия мира. Вильсон заколебался, не зная, стоит ли ему теперь представить на суд общественности свою позицию по этому вопросу. Однако вскоре он отбросил сомнения и 8 января обратился к конгрессу с посланием, содержавшим 14 пунктов мирного урегулирования. Этот документ воплотил в себе всю пропагандистскую ловкость Вильсона. Особенно отчетливо она проявилась в шестом пункте, где речь шла о политике США в отношении России. Характерно, что основой для выработки данного пункта служили не только предложения комиссии экспертов, но и суждения посла бывшего Временного правительства Б. А. Бахметьева. «Всякое уклонение союзников от решения вопроса о мире, – писал он Лансингу, – только усилит позицию большевиков и поможет им создать в России атмосферу, враждебную союзникам. Какой-либо формальный протест против политики Ленина или какие-либо угрозы будут иметь тот же самый эффект»[65].

В шестом пункте вильсоновской программы говорилось об эвакуации германских войск с русской территории и предоставлении России возможности самостоятельно решать вопрос о своем политическом строе. «Отношение к России в грядущие месяцы со стороны сестер-наций послужит лучшей проверкой их доброй воли и понимания ими ее нужд, которые отличаются от собственных интересов этих наций, – проверкой их разумной и бескорыстной симпатии». Содержание этого пункта, как и имевшееся в послании Вильсона утверждение о том, что США являются «близкими друзьями всех правительств и народов, объединившихся для совместной борьбы с империалистами»[66], особенно очевидно обнаруживает стремление президента парализовать то огромное воздействие, которое оказали на весь мир Великая Октябрьская социалистическая революция и миро-

любивая внешняя политика молодой Советской республики. Американский буржуазный историк Л. Фишер по этому поводу писал, что Вильсон «приемами доброго обхождения хотел ослабить большевизм» [67].

Вильсоновская мирная программа призывала к установлению открытой дипломатии. Такой призыв, звучавший весьма демократично, пользовался большим успехом. Но хорошо известно, что буржуазная дипломатия по самой своей сущности не может быть открытой. Выдвигая данное положение, Вильсон стремился ввести в заблуждение мировую общественность. Такой пункт имел и чисто практическое значение: он был направлен против тайных договоров держав Антанты.

В «14 пунктах» шла речь об абсолютной свободе торгового судоходства как в мирное, так и в военное время. Реализация этого принципа означала бы ликвидацию английского преобладания на море и открытие всех морских коммуникаций для неограниченной американской торговли.

Мирная программа Вильсона предусматривала устранение таможенных барьеров, введение равных условий торговли между всеми странами и беспрепятственное разрешение всех колониальных споров. Смысл данных предложений сводился к тому, чтобы открыть доступ США к мировым рынкам сбыта и источникам сырья и обеспечить таким образом этой самой развитой в промышленном отношении капиталистической державе экономическое, а в итоге и политическое господство в мире. Эти предложения были направлены главным образом против Англии, доминировавшей тогда в мировой торговле и владевшей наибольшим числом колоний.

В программе Вильсона говорилось о сокращении национальных вооруженных сил. Поскольку США, исключая период их участия в первой мировой войне, не имели большой армии, реализация данного предложения означала бы ослабление военной мощи континентальных европейских стран, в первую очередь Франции.

Объявив войну Австро-Венгрии только 7 декабря 1917 г., США не собирались ослаблять или перекраивать эту империю. Идея сохранения ее целостности нашла отражение в «14 пунктах». Вильсон заявлял, что народам Австро-Венгрии следует предоставить возможность автономного развития. Следовательно, президент США, рассчитывая сохранить целостность Австро-Венгерской им-

перии, в то же время противился независимости народов, входивших в ее состав. Не удивительно, что реакционный режим Габсбургов положительно отнесся к мирной программе США. «Предложения президента Вильсона,— заявил 24 января 1918 г. министр иностранных дел О. Чернин,— значительно приближаются к австро-венгерской точке зрения», среди них имеются такие предложения, с которыми мы (австрийская сторона.— *З. Г.*) с большим удовлетворением можем согласиться» [68].

В пункте, касавшемся турецкого вопроса, обращают на себя внимание два момента: Вильсон считал необходимым сохранить Оттоманскую империю, предлагая только ввести автономию для подвластных ей народов, и добивался интернационализации Константинополя и проливов, что в перспективе должно было привести к значительному усилению американских позиций в этом исключительно важном стратегическом районе.

Тринадцатый пункт программы Вильсона был посвящен Польше: «Должно быть создано независимое польское государство, которое должно включать территории с бесспорно польским населением; Польше должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю, а ее политическая и экономическая независимость и территориальная целостность должны быть гарантированы международным договором» [69]. Ссылаясь на этот пункт, Вильсон, а вслед за ним американские буржуазные историки утверждали, что главнейшая роль в восстановлении Польши принадлежала США. Но такое утверждение искажает историческую правду. Решающее значение для создания независимой Польши имела Великая Октябрьская социалистическая революция.

В последнем пункте вильсоновской программы изложена идея создания Лиги наций. «По особому соглашению должна быть образована всеобщая ассоциация наций с целью предоставления взаимных и одинаковых гарантий политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств» [70]. Слова американского президента о Лиге наций и той спасительной роли, которую она должна была сыграть в жизни человечества, представляли собой прикрытие далеко идущих замыслов Соединенных Штатов.

В США давно раздавались призывы к первенствующей роли этой страны в мире. Об этом неоднократно го-

ворил и Вильсон. Однако его последние выступления в определенном смысле отличались от предыдущих. Теперь его речь была специально посвящена узловым мировым проблемам и путям их решения. К тому же она была произнесена в высшем законодательном органе страны и одобрена им.

В «14 пунктах» Вильсона формально ничего не сказано о мировом лидерстве США. Между тем это положение является основным. ««Программа всеобщего мира», – заявлял американский президент, – является нашей программой, единственно возможной программой...» [71] Такое категорическое утверждение имело целью доказать, что только США знают, как обеспечить подлинный мир на земле. Вильсон как бы говорил народам мира: действуйте вместе с США, следуя за ними. Но он добивался не только морального первенства. Краеугольным камнем его «14 пунктов» являлась идея установления экономической и политической гегемонии США в мире. Поэтому программу Вильсона нельзя рассматривать только под углом зрения непосредственных задач послевоенного урегулирования. Она носила долговременный характер. Ее конечная цель – и это следует еще раз подчеркнуть – руководящая роль США в мире. Важным инструментом достижения этой цели должна была служить Лига наций. «14 пунктов» Вильсона, делает вывод американский историк У. Вильямс, были предназначены «перестроить систему международных отношений в соответствии с американскими принципами и тем самым сделать возможной доминирующую роль Соединенных Штатов в политической и экономической жизни мира, не прибегая к большим войнам» [72].

В отличие от других империалистических держав, военные цели которых были более или менее обнажены, США в лице своего президента старательно затушевывали свои подлинные замыслы, прикрывая их фразами о мире, свободе и равенстве народов. В определенной мере Вильсону это удалось. У. Черчилль не зря констатировал, что выступления Вильсона «немало помогали заглушить разрушительную пацифистскую пропаганду во всех ее формах» [73].

Американские правящие круги приветствовали «14 пунктов». Буржуазная печать превозносила их автора, называя его «великим борцом за мир», «глашатаем мира» и т. д. Даже Гарви, давно расставшийся с симпа-

тиями к Вильсону, заявил, что «14 пунктов» были «подлинным шедевром» [74]. Основательно потрудился над пропагандой «14 пунктов» Комитет общественной информации. Благодаря его стараниям они были переведены на многие языки и распространены в виде листовок и буклетов в Европе, Латинской Америке и на Дальнем Востоке общим тиражом свыше 6 млн. экземпляров.

Созданием мифа о Вильсоне как поборнике демократического мира усердно занялись социал-шовинисты и социал-центристы в США и странах Антанты. Вильсон стал их кумиром. Так, орган французской Социалистической партии газета «Юманите» 10 января 1918 г. писала, что, «слушая Вильсона, можно слышать голос Жореса». А три месяца спустя, 9 февраля, та же газета заявляла: «Сегодня мы по-прежнему на его (Вильсона. – *З. Г.*) стороне, чтобы поддержать великодушную политику, искренним, настойчивым и упорным борцом за которую он является» [75].

Буржуазия стран Антанты неоднозначно отнеслась к выступлению Вильсона в конгрессе. Отдавая себе отчет в том, что «14 пунктов» способны помочь довести войну до победного конца, она использовала этот документ в пропагандистских целях. Однако правящие круги «союзных» стран не могли не обнаружить серьезные расхождения между своими целями и тем, что провозглашалось в «апокалипсисе Вудро Вильсона» (так назвал «14 пунктов» английский дипломат Гарольд Никольсон) [76]. Отрицательная реакция не замедлила сказаться. Английские газеты «Таймс», «Вестминстер газетт», «Манчестер гардиан» и ряд других откровенно высказали свое критическое отношение к «14 пунктам». Бальфур отозвался о «14 пунктах» Вильсона как о «некоторых замечательных, но очень абстрактных принципах» [77]. Ллойд Джордж не скрывал своих возражений против второго пункта послания Вильсона, содержавшего принцип «свободы морей». Недовольство «14 пунктами» выявилось и во Франции. Глава французского правительства Клемансо, поздравив английского премьера с его речью, произнесенной 5 января 1918 г., демонстративно воздержался от официальной оценки провозглашенных Вильсоном «14 пунктов». В Италии причиной недовольства явились девятый и десятый пункты программы Вильсона, противоречившие ее территориальным притязаниям.

«14 пунктов» подверглись критике со стороны прави-

тельств малых европейских стран, входивших в лагерь Антанты. Как сообщал с острова Корфу специальный дипломатический агент США П. Додж, послание Вильсона вызвало «уныние среди здешних сербов» [78], ибо оно свидетельствовало о нежелании американского правительства поддержать движение сербов к объединению с югославянами.

Т. Масарик, являвшийся председателем Чехословацкого национального совета, позднее заявлял: «В послании Вильсона конгрессу от 8 января 1918 г., содержавшем его «14 пунктов», высказывания относительно Австро-Венгрии по-прежнему носили проавстрийский характер» [79]. Это же признавал другой видный чехословацкий буржуазный деятель – Э. Бенеш. Останавливаясь в своих воспоминаниях на «14 пунктах» Вильсона, он писал: «Не могло быть сомнений в том, что Вильсон не был сторонником уничтожения монархии (Габсбургов. – *З. Г.*) и его план освобождения народов Австро-Венгрии предусматривал не создание независимых национальных государств, а только организацию самоуправления или нечто вроде федерации» [80].

Своеобразный ответ на «14 пунктов» Вильсона дала Германия. Исходя из того что в Европе находился относительно небольшой контингент американских войск, германское военное командование решило нанести сокрушительное поражение армиям стран Антанты и тем самым выиграть войну. Собрав свои резервы, германская армия 21 марта 1918 г. предприняла крупное наступление в районе рек Сомма и Лис.

В создавшейся обстановке потребность в американской помощи приобрела первостепенное значение. Под командованием Першинга в то время находилось пять дивизий. Они-то и были переданы в распоряжение французской армии.

27 мая германская армия предприняла новое наступление на Западном фронте, в результате чего достигла Марны и оказалась в 70 км от французской столицы. Немецкая артиллерия начала обстрел Парижа.

В столь критический момент численность американских войск в Европе существенно возросла. В июне сюда прибыло 278 664, а в июле – 306 350 солдат и офицеров. Однако в военных операциях участвовала сравнительно небольшая часть войск США.

В то время как на Западном фронте шли упорные

бои, значительная часть американских войск продолжала обучение. Клемансо возмущался тем, что Першинг, а он действовал на основе указаний верховного главнокомандующего Вильсона, «с фанатическим упорством... оттягивал прибытие звездно-полосатого флага на поле сражения»[81]. Преднамеренная пассивность американских войск дорого обошлась Франции и ее союзникам.

15 июля 47 германских дивизий форсировали Марну и нанесли удар в районе Реймса. Но вскоре их наступление было приостановлено. 18 июля французские войска перешли в контратаку и отбросили противника на прежние позиции. Эти события знаменовали собой начало конца кайзеровской Германии. Стратегическая инициатива перешла в руки Антанты. Благодаря американским подкреплениям ее войска располагали наконец численным превосходством над противником.

Перспектива поражения в войне Германии и ее союзников становилась реальностью. Одновременно в лагере центральных держав под влиянием Октябрьской социалистической революции ширилось революционное движение. В Австро-Венгрии революционная борьба трудящихся масс переплеталась с национально-освободительным движением угнетенных народов, стремившихся к ликвидации ненавистной империи Габсбургов и созданию собственных независимых государств.

Такой ход событий вынудил правительство США отказаться от поддержки Австро-Венгерской империи. Правительство Вильсона публично объявило, что оно выступает за «полное освобождение всех славянских народов от германского и австрийского господства»[82]. Однако это не означало, что Вильсон намеревался удовлетворить справедливые требования народов Восточной Европы.

Нежелание Вильсона согласиться на передачу Польше западных земель послужило причиной приезда в США осенью 1918 г. председателя Польского национального комитета, лидера буржуазной партии народных демократов Р. Дмовского. 13 сентября он в сопровождении представителя комитета в США известного пианиста И. Падеревского посетил Белый дом. Цель визита – добиться согласия США на предоставление Польше «свободного и безопасного» доступа к морю. Однако камнем преткновения для них явилась позиция Вильсона. Беседа, в сущности, кончилась ничем, если не считать того, что Вильсон предложил Дмовскому подготовить меморан-

дум и карту Польши с обозначением тех границ, на которых настаивала возглавляемая им организация [83].

Дмовский вскоре после приезда в США узнал, что под руководством Хауза работает комиссия экспертов, подготавливавшая материалы для американской делегации на предстоящей мирной конференции. «Мы опасались, что наши дела в Америке обстоят неважно, – отмечал Дмовский, – но не подозревали, что они окажутся в таком плохом состоянии. Польская секция комиссии Хауза получила инструкции свыше, согласно которым она совершенно не должна была заниматься землями, находившимися под властью Пруссии. Это значит, что лица, от которых исходили инструкции, не имели ни малейшего намерения затрагивать на мирной конференции вопрос об отторжении от Германии земель, захваченных Пруссией, и надеялись, что этот вопрос вообще не будет там обсуждаться» [84].

15 июня 1918 г. французский посол в США Ж. Жюссеран запросил Вашингтон о том, готов ли он признать Чехословацкий национальный совет. Уклончивый ответ последовал только через месяц. Тем временем Франция признала совет. В связи с этим 20 июля Масарик обратился к государственному департаменту США с просьбой признать этот орган в качестве будущего правительства Чехословацкой республики.

В руководящих кругах США этот вопрос взвешивался долго и тщательно. Вильсон только 30 августа принял окончательное решение. В тот же день Масарику был вручен документ о признании Чехословацкого национального совета со стороны США. Он гласил: «Правительство Соединенных Штатов признает, что существует состояние войны между чехословаками... и Германской и Австро-Венгерской империями. Оно также признает Чехословацкий национальный совет как *де-факто* воюющее правительство, облеченное должной властью руководить военными и политическими делами чехословаков. Правительство Соединенных Штатов далее заявляет, что оно готово вступить в формальные отношения с этим признанным им *де-факто* правительством с целью продолжения войны против общего врага, против Германской и Австро-Венгерской империй» [85].

Таковой явилась вильсоновская формула признания Чехословакии. В ней главный упор делался на участие этой страны в войне против Германии и Австро-Венгрии.

Что касается вопроса о границах Чехословакии, то он преднамеренно был обойден.

Среди проблем, связанных с послевоенными делами, президент США особое внимание уделял Лиге наций. Он считал, что она призвана сыграть ту же роль, что и доктрина Монро, только в мировом масштабе. То, что президент Вильсон ставил знак равенства между Лигой наций и доктриной Монро, симптоматично. Это подтверждает его намерение превратить Лигу наций в послушное орудие политики США для достижения их доминирующей роли в мире. Так обстоит дело с основополагающей идеей Вильсона в отношении Лиги наций.

8 августа 1918 г. войска Антанты предприняли крупное наступление на фронте. Тогдашний генерал-квартирмейстер германского генерального штаба Э. Людендорф позднее писал, что это был «самый черный день германской армии в истории мировой войны» [86]. Два дня спустя была организована 1-я американская армия, которая под командованием Першинга приняла участие в наступлении. Немцы сдавали одну позицию за другой. «Именно в этот период, естественно, появилось стремление ускорить приготовления к тому, чтобы наилучшим образом собрать плоды грядущей военной победы» [87] – эти слова Сеймура относятся прежде всего к президенту США.

27 сентября, на следующий день после начала генерального наступления войск Антанты и США на германском фронте, Вильсон выступил в Метрополитэн-опера в Нью-Йорке с большой речью, имевшей внешнеполитическое значение. Он изложил пять принципов мирного урегулирования:

1) «беспристрастная справедливость» ко всем странам, в том числе и к противнику; 2) никакое государство и никакая группа государств не должны вступать в соглашения, которые пойдут вразрез с интересами других государств; 3) внутри Лиги наций не должны быть какие-либо другие союзы, особые договоры или соглашения; 4) внутри Лиги наций также не должны быть какие-либо экономические комбинации, как и не должен быть экономический бойкот; 5) никаких тайных договоров или соглашений. Вильсон предложил главам правительств «союзных» стран изложить в ближайшее время свои взгляды по вопросу о мире и высказаться по поводу американских условий. Подчеркивая важность сохранения единства целей и суждений для достижения победы в

войне, президент США призвал партнеров по войне принять его предложения.

Принципы мирного урегулирования, объявленные Вильсоном в Нью-Йорке, явились дополнением к «14 пунктам». Своим острием они были направлены против интересов держав Антанты. Вильсон не зря говорил своему секретарю, что его речь «не понравится... империалистам Великобритании, Франции и Италии» [88].

Так оно и случилось.

Руководители стран Антанты, не намеревавшиеся заменить свои планы мирного урегулирования американскими, не откликнулись на призыв президента США. В этом смысле Вильсон не добился своей цели. Тем не менее ключ к решению проблем, связанных с окончанием войны, оказался в его руках.

4. Переговоры Вильсона с Германией о перемирии. Окончание войны

Германская милитаристская группировка отчетливо сознавала как безнадежность положения страны, так и неотвратимость ее поражения в войне. Верховное военное командование (П. Гинденбург и Э. Людендорф) пришло к заключению о безотлагательной необходимости немедленного прекращения военных действий. 3 октября германское правительство направило Вильсону ноту, в которой выражалась готовность начать мирные переговоры на основе «14 пунктов» и речи Вильсона от 27 сентября. В этом же документе содержалась просьба о немедленном заключении перемирия.

Отправка германской мирной ноты в Вашингтон, а не в Лондон или Париж была преднамеренным шагом. Людендорф в связи с этим писал: «Насколько я знал Клемансо и Ллойд Джорджа, надо было готовиться к худшему». Что касается американского президента, то, как заявлял далее Людендорф, «казалось возможным, что Вильсон сможет настоять перед Англией и Францией на своих условиях, которыми он был теснейшим образом связан» [89]. Из этого высказывания видно, что правители Германии, не питавшие никаких иллюзий в отношении стран Антанты, надеялись, что в предстоящих переговорах о перемирии США займут менее жесткую позицию, чем их европейские партнеры. Выступления Вильсона давали основания для таких надежд. Своим

обращением именно к США германские верхи демонстрировали также свое стремление найти общий язык с этой могущественной капиталистической державой. Они рассчитывали, что после войны Германия сможет, опираясь на помощь США, быстро восстановить свой военно-экономический потенциал.

В США отношение к судьбе Германии было неоднозначным. Одни считали, что нужно продолжать войну, пока Германия не сдастся на милость победителя. Такое мнение особенно рьяно отстаивали лидеры республиканской партии. Т. Рузвельт утверждал, например, что война должна закончиться только безоговорочной капитуляцией страны, ее развязавшей. Он называл «14 пунктов» Вильсона «14 клочками бумаги», говоря, что они предвещают «не безоговорочную капитуляцию Германии, а условную капитуляцию Соединенных Штатов»[90]. Такой же точки зрения придерживался Лодж. «Я уверен, – писал он, – что американский народ желает полной победы и безоговорочной капитуляции (Германии. – *З. Г.*)»[91].

Наиболее воинственные круги США, стремясь поставить Германию на колени, считали само собой разумеющимся, что эта задача будет выполнена, если не исключительно американскими войсками (это был бы наивыгоднейший вариант), то при их активнейшем участии. Только в этом случае, по их мнению, США приобретут определяющий голос в решении германского, да и всех других вопросов мировой политики.

Лидеры республиканской партии руководствовались в решении германского вопроса также узкопартийными соображениями. Они рассчитывали привлечь на свою сторону шовинистически настроенные слои американского общества и благодаря этому добиться победы на выборах в конгресс в ноябре 1918 г., а затем и на президентских выборах 1920 г.

В отличие от республиканцев Вильсон считал, что заключение перемирия нельзя откладывать в долгий ящик. «Что касается меня, – заявил он еще весной 1918 г., – то я не имею желания совершать триумфальный марш на Берлин»[92]. Когда же поступила германская нота с просьбой о перемирии, президент назвал глупцами тех, кто «поговаривает о походе на Берлин и о взятии его силой»[93].

Позиция президента на первый взгляд может пока-

заться странной. Еще совсем недавно Вильсон стремился продлить войну, а теперь стал добиваться ее быстрейшего окончания. На самом деле здесь противоречия нет. Кардинально изменилась обстановка.

Знамением времени был теперь стремительный рост революционного движения в Европе, причем особое значение имела вероятность революционного взрыва в Германии. Перспектива социалистической революции в этой крупнейшей капиталистической державе Европы со всеми вытекающими отсюда последствиями для остальных европейских стран и неизбежное объединение европейской революции с революцией в России – вот что Вильсон считал реальной угрозой, чему всеми силами стремился воспрепятствовать.

Революционное движение в Германии вызвало тревогу Белого дома. «Дух большевизма таится повсюду, – делился Вильсон 16 октября 1918 г. своими опасениями с главой британской секретной службы в США Уайзмэном, – и нет для него более благоприятной почвы, чем усталость от войны... Если мы унизим Германию и будем слишком долго ее колошматить, мы разрушим там все формы правления, и на их место придет большевизм» [94].

Вильсон возражал против чрезмерного ослабления Германии еще и потому, что она должна была обладать силой, противодействующей революционному движению в Европе и способной успешно бороться с Советской Россией. Лодж и его единомышленники не менее Вильсона опасались революции в европейских странах и враждебно относились к Республике Советов. Но наилучшим вариантом они считали полный разгром Германии и оккупацию ее территории войсками Антанты и США. Тогда, по их расчетам, революция в Германии будет предотвращена и державы-победительницы смогут мобилизовать свои силы для сокрушения Советского государства. Лодж по сути дела ничем не отличался от Черчилля, главного организатора открытой антисоветской интервенции империалистических стран.

По мнению Вильсона, согласие США на прекращение войны давало им весьма важное преимущество. Они могли нажить политический капитал в глазах мировой общественности, выступив выразителями давнишних чаяний народов мира.

Как уже отмечалось, Вильсон и стоявшие за ним аме-

риканские правящие круги считали целесообразным сохранить достаточно сильную Германию, могущую служить противовесом Англии и Франции. «Мое продуманное суждение заключается в том,— телеграфировал президент Хаузу в Париж 29 октября 1918 г.,— чтобы всю силу нашего давления направить в пользу такого перемирия, которое не позволит Германии возобновить военные действия, но которое в рамках этого условия будет по возможности умеренным и разумным, потому что в последнее время я убедился, что чрезмерная суровость со стороны союзников исключительно затруднит, если не сделает вовсе невозможным подлинное мирное соглашение...» [95]

Считая необходимым удовлетворить просьбу, с которой Германия обратилась к США, президент ставил перед собой еще одну очень важную задачу — овладеть инициативой в переговорах о перемирии, а затем и на мирной конференции и тем самым заставить Антанту согласиться с американскими условиями мира. Вот почему, по мнению Вильсона, нужно было действовать без промедления, благо сама немецкая сторона проявила инициативу.

Получив германскую ноту, президент США тотчас занялся составлением ответа на нее. Как свидетельствует Хауз, проект ноты «был мягким по тону и не подчеркивал необходимости гарантий, обеспечивающих исчерпывающее согласие на мирные условия Вильсона» [96]. После внесения президентом соответствующих исправлений ответ на германское обращение о перемирии был отослан в Берлин. Правительство США в ноте от 8 октября заявляло, что оно ожидает подтверждения готовности Германии согласиться с «14 пунктами» и последующими выступлениями Вильсона, а также потребовало немедленной эвакуации германских войск из оккупированных ими районов.

Правительства Англии и Франции с большим беспокойством ожидали ответа Вильсона на просьбу Германии о перемирии. «Лидеры союзников были очень раздражены и рассержены... они покрывались холодным потом из-за опасения, что этот «опасный мечтатель» (т. е. Вильсон.— *З. Г.*) попадет в такую ловушку, которая приведет к потере плодов победы» [97]. В приведенных словах американского историка Т. Бэйли дана довольно образная характеристика реакции правящих кругов Ан-

танты на ноту Вильсона. Следует, на наш взгляд, внести в нее одно уточнение: опасения, что Вильсон попадет в германскую ловушку, были напрасны. Тонко рассчитанные ходы Вильсона исключали такую возможность. Более того, они могли лишь принести определенные выгоды США. Что касается руководителей Антанты, то у них действительно были все основания для беспокойства. Черчилль спустя десять лет после окончания войны так писал об этом: «Вильсон завладел благоприятной возможностью ведения переговоров на первом, наиболее важном их этапе. Он энергично использовал преимущество своего положения как против врага, так и против союзников, с тем чтобы взять в свои руки всю задачу и всю ответственность»[98].

Недовольство позицией Вильсона в лагере Антанты проявилось сразу же, как только стало известно о содержании американской ноты. 13 октября в резиденции главы английского правительства на Даунинг-стрит, 10, состоялось совещание под председательством Ллойд Джорджа, в котором участвовали руководящие политические деятели Англии. Обсуждался один вопрос: что следует предпринять в ответ на действия президента США? О решении, принятом на совещании, говорит следующая запись в дневнике начальника имперского генерального штаба Генри Вильсона: «Мы договорились телеграфировать Вильсону (президенту США. – *З. Г.*): он должен объяснить бошам, что его «14 пунктов» (с которыми мы не согласны) не являются базой для перемирия». В ходе совещания была также достигнута договоренность предложить британской прессе сообщить следующее: «Вильсон действует по собственному усмотрению, война еще не закончена, «14 пунктов» – это *не* перемирие, а перемирие – это *не* мир»[99]. В Париже открыто негодовали. Правительство Клемансо считало, что Франция должна занять бескомпромиссную позицию в отношении Германии.

Оказавшись перед фактом сепаратного ответа США германскому руководству, правительства стран Антанты попытались лишить Вильсона инициативы в дальнейших переговорах с немцами. В англо-французском заявлении, переданном 9 октября в Вашингтон, указывалось, что «условия перемирия могут быть установлены только после консультации с военными экспертами и в соответствии с обстановкой на фронте, которая сложится в мо-

мент начала переговоров о перемирии»[100]. В другой телеграмме, направленной в тот же день Белому дому, Ллойд Джордж, Клемансо и премьер-министр Италии В. Э. Орландо заявили, что «наступило время, когда, возможно, придется весьма срочно принимать чрезвычайно важные решения по вопросу о войне»[101]. Они поэтому предложили командировать в Европу ответственного представителя США.

12 октября из Берлина в Вашингтон была послана новая нота. Германское правительство подтверждало свое согласие вести переговоры о мире на основе американских условий. Вместе с тем оно предлагало создать смешанную комиссию для выработки планов эвакуации германских войск.

14 октября, в день получения германской ноты, Т. Рузвельт в заявлении, опубликованном в «Нью-Йорк таймс», вновь обрушился с нападками на президента. Тогда же Лодж внес в сенат резолюцию, согласно которой правительство США не должно вести переговоры с Германией о перемирии или об условиях мира до момента, пока не будет предъявлено требование о ее безоговорочной капитуляции.

Эти два документа, исходившие от лидеров республиканцев, не поколебали позицию Вильсона. В тот же день в Берлин была отправлена ответная нота. В ней выражалось удовлетворение тем, что правительство Германии и большинство депутатов рейхстага согласны с программой мира, изложенной Вильсоном. Наряду с этим отмечалось, что одной эвакуации германских войск недостаточно для прекращения военных действий (речь шла только об эвакуации с территорий Франции и Бельгии. Вопрос о выводе германских войск из России был полностью обойден). Обязательным условием перемирия, указывалось далее, является «сохранение на фронте нынешнего военного превосходства армий Соединенных Штатов и союзников». Германии было предъявлено требование о немедленном прекращении подводной войны. Ей также вменялось в обязанность не допускать опустошения Бельгии и Франции со стороны германских войск при их отходе с территорий этих государств. Одним из условий перемирия должно было стать изменение характера государственной власти в Германии, потому что кайзер и его окружение, по мнению Вильсона, были прямыми виновниками войны.

Перед президентом США стояла задача заручиться согласием «союзных» стран на американские условия перемирия. При обсуждении данного вопроса на заседании кабинета он заявил, что следует оказать решительный нажим на страны Антанты, так как «они близки к тому, чтобы требовать большего, чем могут требовать по праву»[102]. Этим Вильсон еще раз подтвердил свою верность избранному им курсу в германском вопросе.

Правительство США, отвечая на германскую ноту, решило одновременно переслать копии своей переписки с Берлином странам-союзникам. Вашингтон сообщил Германии, что ее просьба об окончании военных действий будет передана им странам Антанты. Вместе с тем Вильсон подчеркнул, что речь может идти только о таком перемирии, которое исключит возможность возобновления войны со стороны Германии.

27 октября правительство Германии известило Вильсона, что оно принимает новые требования США. Несколько дней спустя делегации стран-победительниц приступили в Париже к обсуждению конкретных условий перемирия. Своим представителем на этих переговорах Вильсон назначил полковника Хауза.

Хауз указывал, что «14 пунктов», сформулированные в общих выражениях, могут стать очень уязвимыми в ходе предстоящих переговоров. Поэтому он с помощью журналистов У. Липпмана и Ф. Кобба составил в Париже комментарий к ним. Вильсон в принципе одобрил этот документ, указав, однако, что содержащиеся в нем детали применения «14 пунктов» не являются окончательными и будут рассмотрены только на мирной конференции. Намереваясь принять в ней участие, Вильсон не хотел заранее связывать себя комментарием.

На совещании в Париже развернулась бурная дискуссия по вопросу о «14 пунктах». По словам Ллойд Джорджа, «союзники» были заинтересованы в том, чтобы дать собственное «толкование текста этого священного писания»[103].

Особенно ожесточенный характер приобрели споры по пункту о «свободе морей». Глава английского правительства 29 октября категорически заявил, что, если «свобода морей» будет одним из условий мира, Великобритания решительно не сможет дать на это свое согласие. «Мы ни при каких обстоятельствах не можем принять этот пункт, так как это лишило бы нас мощного

оружия блокады»[104], — заявил английский премьер-министр.

Столкнувшись с непреклонной позицией Лондона, Вильсон уполномочил Хауза довести до сведения глав правительств Антанты, что он не может «согласиться принять участие в переговорах о мире, который не включал бы «свободы морей»», ибо США «обязались воевать не только с прусским милитаризмом, но и с милитаризмом вообще». Вильсон также предупредил «союзников», что США не примут участия «в мирном соглашении, которое не включало бы устава Лиги наций»[105]. Содержавшаяся в телеграмме президента США угроза заключить сепаратный мирный договор с Германией не была беспочвенной. За ней скрывались закулисные переговоры между этими двумя странами, проводившиеся в одной из «северных столиц» Европы. С американской стороны в переговорах участвовали два представителя, которые в воспоминаниях тогдашнего канцлера Германии Макса Баденского названы Х и У, а с германской стороны — сотрудник министерства иностранных дел. В ходе переговоров один из американцев дал понять, что если страны Антанты не согласятся заключить перемирие на основе «14 пунктов» США, то они, вероятно, самостоятельно пойдут на мир с Германией[106].

Попытка Вильсона запугать Англию возможностью заключения сепаратного мира с немцами, однако, не достигла цели. Ллойд Джордж ни на йоту не отступил от своей позиции. 31 октября Вильсон направил новую телеграмму Хаузу, в которой указывал, что условия, изложенные им во втором и некоторых других пунктах, являются «основными американскими условиями в программе мира» и поэтому он «не может отказаться от них». Президент особо подчеркнул, что, если Англия не согласится с американским принципом «свободы морей», ему, возможно, придется изложить дело перед конгрессом. А конгресс, предупреждал Вильсон, «не проявит ни сочувствия, ни желания, чтобы жизнь американцев и их имущество приносились в жертву ради британского морского владычества»[107].

«Мы, — писал Вильсон Хаузу 4 ноября, — используем наше наличное оборудование для постройки сильнейшего флота, допускаемого нашими ресурсами, чего наш народ давно жаждет»[108]. Он уполномочил Хауза заявить об этом англичанам в случае их отказа принять принцип

«свободы морей». Это предупреждение не было пустым звуком. Летом 1918 г. правительство США разработало новую программу укрепления военно-морских сил страны. Она предусматривала дополнительно к уже заложенным судам сооружение в течение шести лет свыше 1000 судов, в том числе 12 линкоров и 16 линейных крейсеров. Задача новой программы состояла в том, чтобы США не позднее 1925 г. имели если не самый большой в мире, то хотя бы равный с английским военный флот.

Однако и эта угроза не изменила позиции Англии. Ллойд Джордж заявил эмиссару Вильсона, что «Великобритания истратит все до последней гинеи, чтобы сохранить превосходство своего флота над флотом Соединенных Штатов или любой другой державы...»[109].

Разногласия, хотя и не такие острые, выявились при обсуждении других пунктов вильсоновской мирной программы. В конце концов они были утрясены, и 4 ноября Верховный военный совет Антанты одобрил «14 пунктов» в качестве основы мирного договора. Что касается «свободы морей», то было решено специально обсудить этот вопрос на мирной конференции. Заседание Верховного военного совета завершилось утверждением условий перемирия. Поспешное их принятие было вызвано бурным революционным брожением масс в европейских странах, особенно в Германии. Показательно, что Верховный военный совет одобрил текст перемирия как раз в то время, когда в Киле началось восстание моряков, явившееся прологом Ноябрьской революции в Германии.

Вильсон осознавал угрозу революционного взрыва. Когда 5 ноября на заседании правительства США обсуждались выработанные в Париже условия перемирия, он специально остановился на усиливавшейся «красной опасности». «Президент подробно говорил о возможности революции в Европе под влиянием сложившихся там условий и большевистской пропаганды»[110], — записал в дневнике министр сельского хозяйства Д. Хаустон.

Правительство США поддержало условия перемирия. Вильсон тотчас предложил германскому руководству направить делегацию к главнокомандующему войсками Антанты маршалу Фошу для их получения. Прошло шесть дней, и 11 ноября в Компьенском лесу было подписано перемирие. Первая мировая война закончилась. Предстояла мирная конференция, на которой США

и страны Антанты должны были разделить плоды победы.

На завершающем этапе первой мировой войны усилилась экспансия США в страны Латинской Америки. Поэтому совершенно несостоятельным является тезис видного американского историка С. Бемиса (как и ряда других буржуазных авторов США), будто целью политики Вильсона на Американском континенте было спасение народов этих стран «от дурных правительств, тирании и экономической эксплуатации»[111] их европейскими державами.

О том, как развертывалась экспансия североамериканского капитала в этом регионе, можно, в частности, судить на основе донесения русского поверенного в делах в Аргентине Е. Ф. Штейна. 25 марта 1915 г. он сообщал следующее: «Видно на глаз, как в здешней торговле американские фабричные клейма все более и более заменяют привычные европейские марки. Всюду видны автомобили американской марки, которые раньше, несмотря на дешевизну, никто не хотел знать. Всюду образуются американские компании для эксплуатации местных природных богатств, и это не только в Аргентине, Бразилии и Чили, но и в Боливии, и Перу... Нечто аналогичное наблюдается здесь в финансовой области, еще более важной по тем политическим последствиям, какие неминуемо влечет за собой всякая денежная закабаленность. Учитывая близкое разорение Европы, Соединенные Штаты готовятся заменить в Южной Америке бывших английских и французских поставщиков денежного капитала так же, как и их товары...»[112]

Закабаление США Латинской Америки сопровождалось рядом агрессивных актов. В 1915 г. американские войска оккупировали Гаити и установили протекторат США над этой республикой. В 1916 г. ими был оккупирован Санто-Доминго. Утвердился финансовый гнет США над Сальвадором, Гондурасом, Никарагуа и Эквадором. США вынудили Данию продать им Виргинские острова. Они рассчитывали покончить с влиянием Германии в этом регионе, укрепляя здесь свои собственные позиции. Намереваясь создать под своей эгидой блок стран западного полушария, США хотели также использовать его в послевоенное время против держав Антанты, подрывая влияние последних в этой части земного шара. Следовательно, основой политики правительства Вильсо-

на в вопросе о вовлечении в войну латиноамериканских стран являлась забота о главенствующей роли США на Американском континенте. Известный общественный деятель Латинской Америки Мануэль Угарте законно спрашивал: «Как могли латиноамериканцы быть на стороне Соединенных Штатов в войне, которая привела бы к установлению исключительного влияния этой страны над всеми нашими республиками и к ее гегемонии в мире?» [113]

Правительство Вильсона в этой своей политике прибегало к различным средствам давления. «В то время, когда я отправился в Панаму,— писал впоследствии молодой тогда сотрудник государственного департамента Джон Фостер Даллес,— между правительствами Панамы и Соединенных Штатов был спор по вопросу о налогах на ряд важных вложений правительства Панамы в США. Лансинг и Макаду уполномочили меня намекнуть, что, если бы Панама стала воюющей страной, этот вопрос был бы улажен» [114]. «Намек» возымел свое действие: на следующий день Панама объявила войну Германии.

Более крутые меры США пришлось принять в отношении Гаити. Вопреки требованиям американских оккупационных властей Национальное собрание Гаити противилось вступлению страны в войну. В связи с этим Вашингтон предоставил командующему оккупационными силами генералу Э. Коулу «полную дискреционную власть» [115], т. е. право действовать по своему усмотрению. Генерал распустил Национальное собрание, а новая конституция, навязанная оккупантами народу Гаити, санкционировала этот незаконный акт. 12 июля 1917 г. Гаити вступила в войну на стороне США.

Правительство Вильсона оказывало всемерную поддержку своему ставленнику на Кубе М. Менокалю, занявшему в 1916 г. после фальсифицированных выборов пост президента. Когда против его режима вспыхнуло восстание, США в феврале—марте 1917 г. предприняли интервенцию на Кубу. В Сантьяго-де-Куба, Гуантанамо и Гавану прибыли американские военные корабли, и восстание было подавлено.

Однако антиамериканские выступления на Кубе продолжались. Вооруженные отряды патриотов нападали на крупные сахарные плантации, предприятия, рудники и железные дороги, принадлежавшие американским капиталистам. В связи с этим Вильсон пришел к заключению,

что наилучшим рецептом сохранения антинародного режима на Кубе явится ее участие в войне. 7 апреля 1917 г. Куба была втянута в войну. Согласно решению Белого дома, 1600 американских солдат и военных моряков высадились в провинции Ориенте и свыше 1000 – в провинции Камагуэй. Формальным предлогом для отправки сюда новых военных контингентов послужила необходимость подготовки их к участию в боях. Фактически их использовали для борьбы с освободительным движением кубинского народа. Показательно, что войска США находились на Кубе вплоть до 1922 г., т. е. оставались там в течение длительного времени после окончания первой мировой войны.

Однако не все латиноамериканские страны оказались в фарватере милитаристской политики США. Пять стран этого региона ограничились разрывом дипломатических отношений с Германией, а семь – сохранили нейтралитет[116].

12 апреля 1917 г. правительство Чили официально заявило о своем нейтралитете. Белый дом, стремясь оказать давление на его позицию, решил отправить в Чили морскую эскадру под командованием адмирала У. Капертона. Данный визит, как отмечал посланник России в Бразилии А. И. Щербатский, предназначался «для выяснения политического положения Чили», т. е. преследовал цель заставить ее подчиниться американскому диктату и вступить в войну. Посланник России, однако, подчеркивал, что это – трудная задача. «Стремление сохранить нейтралитет,– писал он,– объясняется у них (в Чили.– *З. Г.*), вероятно, не столько воздействием Германии, сколько упорным желанием избегнуть подчинения кому бы то ни было, и прежде всего – Соединенным Штатам»[117]. Когда визит американских военных кораблей в Чили не состоялся, США использовали против Чили эмбарго на ввоз нефти, отзыв своих судов из чилийских портов, обвинения в тайных связях с Германией и другие средства. Но маневры Вашингтона остались безрезультатными. Чили не изменила своему внешнеполитическому курсу.

15 апреля и 22 июля германские подводные лодки потопили два аргентинских судна. США решили немедленно воспользоваться конфликтом между Аргентиной и Германией. В самый острый момент правительство Вильсона направило в Буэнос-Айрес эскадру Капертона.

По словам Угарте, это было проявлением «максимального нажима»[118] на Аргентину с целью вовлечения ее в войну. Но попытки США потерпели неудачу.

19 октября 1915 г. Вильсон признал *де-факто* правительство генерала Каррансы. Тем не менее правящие круги США продолжали вмешиваться во внутренние дела Мексики. Это и было главной причиной напряженности во взаимоотношениях двух стран. Используя в качестве предлога рейд отряда предводителя крестьянского движения Ф. Вильи в городок Колумбус в штате Нью-Мексико, правительство США в марте 1916 г. отправило в Мексику военный отряд под командованием генерала Дж. Першинга.

Предпринимая интервенцию, Белый дом надеялся на нейтралитет Каррансы. Однако под давлением народных масс правительство Каррансы в ультимативной форме потребовало от США вывода их войск. Вильсон, игнорируя это требование, послал в глубь Мексики дополнительные контингенты войск, а также отмобилизованные части милиции ряда пограничных штатов. Но, как отмечал посол России в Вашингтоне Г. П. Бахметьев, «карательная экспедиция, посланная 15 марта в Северную Мексику с предписанием взять Вилью живым или мертвым, не только не успела исполнить это наивное поручение, будучи встречена самым неприязненным образом и народом, и правительством, но в настоящую минуту (находится. – *З. Г.*) в крайне критическом положении... Все мексиканцы без различий партий готовы дружно восстать против ненавистных американцев, и отряд генерала Першинга, состоящий из 11 000 человек, легко может быть окружен и уничтожен»[119]. Сопротивление народа Мексики создавало еще одну опасность: пребывание экспедиции Першинга в этой стране могло затянуться, что в условиях усиленной подготовки США к войне с Германией было крайне нежелательно. Учитывая эти обстоятельства, а также негативную реакцию многих стран Латинской Америки на неприкрытую интервенцию США в Мексику, правительство Вильсона было вынуждено в начале февраля 1917 г. отозвать свои войска с мексиканской территории. Спустя месяц Вильсон признал *де-юре* правительство Каррансы.

Международное положение Мексики в это время осложнилось тем, что Германия, преследуя экспансионистские цели на Американском континенте, тоже стремилась

подчинить ее своему влиянию и использовать для борьбы с США. Об этом убедительно свидетельствует пресловутая «нота Циммермана». Германия, предлагая Мексике заключить военный союз, сулила ей возвращение Техаса, Нью-Мексико и других территорий, захваченных в свое время США. Однако Карранса 16 апреля 1917 г. заявил, что его страна заинтересована в нейтралитете и будет строго придерживаться этого курса.

Несмотря на нейтралитет Мексики, ее границы неоднократно нарушались американскими войсками. Даже из официальных документов США видно, что такие факты имели место трижды: в декабре 1917 г., в марте и апреле 1918 г.

1 мая 1917 г. вступила в силу новая мексиканская конституция, отразившая антиимпериалистический характер революции 1910–1917 гг. На ее основе был издан ряд декретов, подрывающих позиции американского капитала (монополии США владели в это время 57,4% всех иностранных капиталовложений в нефтяной промышленности Мексики). США всячески противились осуществлению прогрессивных мероприятий правительства Каррансы. Американские нефтяные магнаты, подкупив генерала Х. Пелаеса, организовали против Каррансы мятеж. Крупнейший нефтепромышленник США Догени, выступая с показаниями в сенатской комиссии два года спустя после этих событий, откровенно заявил, что правительство Вильсона не только знало о подкупе мексиканского генерала, но и «одобрило это, избегая, насколько было возможно, письменных документов»[120].

Особое недовольство вызвал в США декрет правительства Мексики от 19 февраля 1918 г. об обложении специальным налогом нефтеносных участков и концессий на добычу нефти. «Соединенные Штаты, – говорилось в американской ноте, врученной министерству иностранных дел Мексики 2 апреля, – не могут согласиться с каким-либо порядком, который... сводится к конфискации частной собственности и произвольно лишает законных прав»[121] американцев, владевших нефтяными участками. Правительство США предупреждало Мексику, что если она не откажется от этого декрета, то оно само займется защитой интересов своих граждан. Это была открытая угроза новой интервенции. Однако мексиканское правительство решительно отклонило протест Вашингтона.

В разгар обострившегося конфликта с Мексикой Вильсон 7 июля 1918 г. заявил группе журналистов этой страны, что его правительство стремится только к дружбе с ней. Разоблачая такое лицемерное заявление, мексиканская газета «Эль Пуэбло» 14 июня с возмущением писала, что «все это является ложью и что заявлению (Вильсона. – *З. Г.*) о мире и дружбе предшествовали большие события. Каждое такое слово сопровождалось агрессией» [122].

Характеризуя политику Вильсона в Латинской Америке, американский буржуазный историк Д. Перкинс отмечал, что «дипломатия доллара» достигла «кульминации во время пребывания у власти демократа-президента» [123]. К таким же выводам пришли и другие американские авторы. Линк вынужден признать, что при Вильсоне политическое и военное вмешательство США в дела стран Латинской Америки осуществилось «в таком масштабе, который даже не предполагали такие ярые империалисты, как Теодор Рузвельт и Уильям Хоуард Тафт» [124]. Эти оценки подтверждают, что Вильсон принял эстафету от своих предшественников в проведении империалистической политики в Латинской Америке и пошел дальше них.

После победы над Германией (в октябре 1918 г. она была уже отчетливо зрима) Вильсону неизбежно пришлось бы расстаться с теми необычайно широкими полномочиями, которыми он обладал в период войны. В послевоенное время успех политики президента в значительной степени зависел от характера его взаимоотношений с высшим законодательным органом страны. Для Вильсона наличие в конгрессе большинства демократов было особенно важно, так как предстояла мирная конференция, а, согласно конституции США, подписанный правительством внешнеполитический договор подлежал утверждению сената. По этим причинам Вильсон был крайне заинтересован в благоприятном исходе промежуточных выборов в конгресс, назначенных на 5 ноября 1918 г. (в результате выборов 1916 г. демократы потеряли часть мест в конгрессе).

Вильсон, как уже отмечалось, под разными предлогами старался уйти от решения вопроса о равноправии женщин. В связи с предстоящими выборами он отказался от прежней позиции. 30 сентября президент обратился с посланием к сенату, в котором предложил дополнить

конституцию поправкой о предоставлении женщинам избирательных прав. Он говорил, что уравнение женщин в правах с мужчинами «жизненно необходимо для успешного окончания войны» и «правильного разрешения больших проблем», которые необходимо будет «решать сразу же после ее окончания»[125]. Но самой насущной задачей Вильсон считал привлечение женщин-избирательниц на сторону демократической партии.

Ради достижения победы демократов на выборах президент решил также обратиться к избирателям за поддержкой. Делясь своим намерением с вице-президентом Маршаллом, Вильсон сказал: «Я не сомневаюсь, что они (избиратели. – *З. Г.*) дадут мне демократический конгресс. Они пока мне ни в чем не отказывали»[126]. Будучи уверенным в успехе своего начинания, 25 октября он обратился к гражданам страны со специальным воззванием, призвав их избрать в конгресс демократов и обвинив при этом лидеров республиканцев в обструкционизме. «С того времени, когда мы вступили в войну, – утверждал Вильсон, – они почти на каждом повороте пытались отнять у меня политическое и военное руководство и установить над ним контроль инструментария по собственному выбору». Между тем, подчеркивал он, «теперь не время ни для разделенного совета, ни для разделенного руководства... Если вы одобряете мое руководство и желаете остаться вместе со мной, для того чтобы я с полным основанием продолжал быть вашим уполномоченным для решения внутренних и внешних дел, – заявил он, – я искренне прошу вас ясно это выразить возвращением демократического большинства как в сенат, так и в палату представителей»[127].

Эффект от воззвания Вильсона оказался неожиданным. Создается даже впечатление, что руководство республиканской партии только и ждало такого опрометчивого шага со стороны президента-демократа. Тафт и Рузвельт, забыв на время о своих разногласиях, вместе с Лоджем постарались сквитаться с хозяином Белого дома. Его воззвание подверглось самой ожесточенной критике. Председатель национального комитета республиканской партии У. Хейс, характеризуя этот документ, заявил, что «более свирепого, более несправедливого и более лживого обвинения никогда раньше не было сделано... президентом США ради своих узкопартийных целей. Это – оскорбление для каждого лояльного респуб-

ликанца не только в конгрессе, но и в стране»[128]. Национальный комитет партии со своей стороны тоже обратился с воззванием к стране, которое было подписано Тафтом и Рузвельтом. В нем комитет убеждал американцев отдать свои голоса кандидатам-республиканцам.

Выборы в 66-й конгресс завершились крупной победой республиканской партии. В палату депутатов от нее было избрано 237 человек, в результате чего она стала располагать большинством над демократами не на шесть мест, как было в предыдущем составе палаты, а на сорок четыре. В сенате республиканцы, правда, имели теперь большинство всего в два голоса, но зато они установили свой контроль над сенатской комиссией по иностранным делам, одной из функций которой являлась выработка рекомендаций по вопросу об утверждении сенатом международных договоров, заключенных правительством. Из семнадцати членов комиссии десять принадлежали к республиканской партии, причем ее председателем был избран Г. К. Лодж, являвшийся наиболее непримиримым противником Вильсона.

Успех республиканской партии на выборах в конгресс был обусловлен рядом причин. Значительная часть избирателей отвернулась от демократической партии, так как возлагала на ее представителей в конгрессе ответственность за рост налогового гнета, подавление демократических свобод и другие тяготы военного времени.

Победа республиканцев на выборах в конгресс послужила импульсом для начала нового раунда их борьбы с Вильсоном. Лидеры республиканской партии еще за два года до президентских выборов приступили к «битве за Белый дом». Они потребовали отставки Вильсона. Однако президент не собирался расставаться со своим постом. Не в его характере было сдаваться без боя. Кроме того, уйти сейчас, накануне окончания войны и подготовки к будущей мирной конференции, было совершенно немыслимо для Вильсона. «Я не могу уйти в отставку, принимая во внимание ситуацию в мире, в которой американское влияние имеет очень важное значение и может стать решающим. Если бы даже случилось, что народ нанес бы мне поражение, я пытался бы достичь тех целей, ради которых мы вступили в войну»[129], – заявил президент. Так Вильсон связал воедино судьбу своей политической карьеры с решением задач США в послевоенном мире.

Глава VII

США И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ (1917–1918 гг.)

Ни одно событие в мировой истории не оказало столь огромного революционизирующего влияния на судьбы мира, как Великая Октябрьская социалистическая революция в России. «Гром Российской Октябрьской революции поразил американцев своей неожиданностью... Но постепенно туман, навеянный сенсационными сообщениями буржуазных писак, прояснился. Сказки и сплетни про большевистских лидеров – будто они являются немецкими шпионами – с негодованием отбрасывались боевым авангардом рабочего класса, ибо понял рабочий класс, что его мечта об освобождении получает свое осуществление» [1] – так весной 1918 г. писал участник революционного движения в США художник Р. Майнор.

Американский рабочий класс открыто выражал свои симпатии к Республике Советов. «Восторженно приветствуем русский пролетариат, который первым одержал победу над капиталом, первым осуществил диктатуру пролетариата... Уверяем русских борцов за свободу, что мы им горячо сочувствуем, готовы им помочь, и просим верить нам, что недалеко то время, когда мы сумеем на деле доказать нашу пролетарскую солидарность» [2], – писали от имени 40 тыс. рабочих тихоокеанского побережья США руководители профсоюзов Сиэтла в послании рабочему классу России.

Особенно горячо приветствовали Октябрьскую революцию в России представители революционного направления в американском рабочем движении. Лидер левого крыла Социалистической партии США Ю. Дебс говорил о себе: «Я большевик с головы до пят, и я горжусь этим» [3]. 25 ноября по инициативе Ч. Рутенберга социалисты Кливленда приняли следующую резолюцию: «Мы приветствуем политику нынешнего правительства (России. – *З. Г.*), так как она является действительным выражением деятельности пролетариата, и обещаем сделать

все, что в наших силах, для содействия уничтожению империализма, установления цивилизации будущего и содружества рабочих независимо от их национальной принадлежности»[4].

Октябрь оказал исключительно большое влияние на прогрессивных американцев, находившихся в то время в России. К ним прежде всего относятся пламенный революционер Джон Рид, ставший убежденным сторонником В. И. Ленина, и видный публицист Альберт Рис Вильямс. В марте 1918 г., вскоре после возвращения в США, Джон Рид опубликовал в прогрессивном журнале «Либерейтор» статью «Триумф большевиков». В августе там же была напечатана его статья «Что делает русская революция?». Эта статья явилась основой для его известной книги «10 дней, которые потрясли мир». Искренним другом революционной России был А. Р. Вильямс. В 1918 г. и в последующее время в США были опубликованы такие его работы, как «Большевики и Советы», «Ленин: человек и его деятельность», «Советская Россия», «Вопросы и ответы о России», «Народные массы в русской революции» и др.

Переход власти в России в руки трудящихся приветствовали Л. Стеффенс, Т. Драйзер (впоследствии они вступили в Коммунистическую партию США), Э. Синклер, М. Голд, С. Ниринг и многие другие видные деятели американской культуры.

Американские трудящиеся с большой симпатией относились к программе демократического мира, выдвинутой Советским правительством. На более высокую ступень поднялось в США антивоенное движение. Борьба за прекращение участия США в империалистической войне стала сочетаться с требованием поддержки усилий Советской России по установлению всеобщего, подлинно справедливого мира. «Мы хотим мира... Мы хотим теперь мира и на основе плана большевиков, так как этот план означает, что верховную власть (в стране. – *З. Г.*) осуществляет народ»[5], – заявила на митинге в Нью-Йорке член руководства организации «Друзья русской революции» Р. Шелли.

Сила влияния идей ленинского Декрета о мире на рядовых американских социалистов была столь значительной, что даже Национальный исполком Социалистической партии США счел необходимым обратиться к президенту Вильсону и конгрессу с требованием «официаль-

ного признания нынешнего русского правительства и немедленного принятия его предложения об участии (США. – *З. Г.*) в мирной конференции России и центральных держав»[6].

Совершенно иной, откровенно враждебной была позиция правящих кругов США. Среди убежденных противников Советской Республики был и Вильсон, который являлся не только буржуазным политическим деятелем, но и идеологом капитализма. Вильсон совершенно отвергал право социализма на существование. Он считал, что Октябрьская революция в России – это побочное детище истории, и потому встретил ее в штыки. Ненависть американского президента к стране Октября усиливалась тем, что она во всеуслышание объявила о своей решимости вырвать Россию из империалистической войны и приступила к практическому осуществлению этой идеи.

В Вашингтоне полагали, что приход к власти большевиков в России явился результатом случайных обстоятельств и что очень скоро Временное правительство во главе с Керенским без особого труда восстановит «порядок». Такие настроения подкреплялись сообщениями Фрэнсиса. «Полагаю, – телеграфировал американский посол в Петрограде, – что правительство большевиков не удержится больше нескольких дней»[7]. Фрэнсис даже «предсказывал», что после того, как в России «улягутся беспорядки», Временное правительство станет сильнее, чем прежде.

Надежды реакционеров США на скорое падение Советского правительства не оправдались. Страна Советов успешно отразила первые контрреволюционные выступления. Тогда правящие круги США встали на путь открытой борьбы против нее.

Со времени Октябрьской революции американский империализм выступал наиболее упорным противником нормализации отношений с Советской Россией. Именно Вильсон заложил фундамент американской политики антисоветизма. Его правительство официально объявило, что не признает и не намеревается призиавать первое в мире социалистическое государство и что будет считать посла бывшего Временного правительства Б. А. Бахметьева представителем России в США. Попытки Советской Республики нормализовать отношения с США наталкивались на упорное противодействие вильсонов-

ской администрации. Так было с назначением Ю. В. Ломоносова советским представителем в США. Безрезультатными оказались также усилия Советского правительства добиться назначения главой генерального консульства РСФСР в США Джона Рида.

Некоторые американцы, находившиеся в то время в Советской России, в силу различных обстоятельств вступали в контакты с Советским правительством. И каждый раз это вызывало отрицательную реакцию Белого дома. Когда в Вашингтоне стало известно, что представитель Комитета общественной информации Э. Сиссон, которого никак нельзя было заподозрить в симпатиях к Октябрьской революции, встретился с советскими руководителями, Вильсон специально беседовал по этому поводу с главой комитета Крилем. После этой беседы Криль телеграфировал Сиссону в Петроград: «Президент настаивает, чтобы Вы избегали обсуждения политических и личных вопросов» [8] с представителями Советской России.

Более серьезными неприятностями обернулось дело для У. Джадсона, возглавлявшего американскую военную миссию в Петрограде. 1 декабря он имел встречу с наркомом иностранных дел, а спустя пять дней Лансинг послал следующее предписание Фрэнсису: «Президент требует, чтобы американские представители воздерживались от непосредственных контактов с большевистским правительством» [9]. Генералу Джадсону пришлось подчиниться этому распоряжению. Тем не менее месяц спустя его отозвали из России. Это было наказанием за визит Джадсона в Смольный.

9 ноября 1917 г. на заседании правительства США министр финансов Макаду спросил президента: «Будем ли мы одалживать деньги России?» Вильсон ответил, что США «больше не могут полагаться на Россию. Она, вероятно, нам изменит» [10]. После этого Вашингтон перестал предоставлять займы России. Совместно с державами Антанты США установили также экономическую блокаду нашей страны. Правительство Вильсона запретило поставки американских товаров в Советскую Россию и аннулировало военные контракты, заключенные с Временным правительством.

30 ноября в Белом доме снова обсуждался «русский вопрос». Президент сообщил членам кабинета, что «казаки и другие силы на юге России», выступив против Со-

ветской власти, «объявили о продолжении участия в войне с Германией»[11]. Неделю спустя состоялась очередная встреча Вильсона с Лансингом, после чего в дневнике государственного секретаря появилась следующая запись: «Правильная политика правительства, верящего в ныне существующие политические институты и базирующегося на национальном единстве и частной собственности, состоит в том, чтобы оставить этих опасных идеалистов (т. е. советских руководителей.— *З. Г.*) в одиночестве и не иметь никаких дел с ними...» Наиболее действенное средство для борьбы против них — создание «дисциплинированной военной силы», способной «подавить революцию и оказывать поддержку (своему.— *З. Г.*) правительству»[12].

10 декабря Лансинг направил Вильсону меморандум об оказании помощи белоказакам. «Единственным очевидным ядром организованного движения, достаточно сильного, чтобы вытеснить большевиков и установить правительство,— писал он,— представляется группа офицеров во главе с генералом Калединым, атаманом донских казаков». Ознакомившись с соображениями Лансинга, президент «полностью одобрил»[13] их.

Приняв решение об оказании помощи Каледину, правительство США обратилось с соответствующим предложением к Англии и Франции. Лондон и Париж охотно откликнулись на призыв Вашингтона. Вскоре после этого Вильсон дал указание о переводе 500 тыс. долл. в петроградское отделение «Нэшнл сити бэнк» для нужд Каледина.

Однако расчеты правительства США на успех белоказаков Дона не оправдались. В конце января 1918 г. этот опасный очаг контрреволюции на юге России был ликвидирован.

Правящие круги США не упускали ни одной возможности для борьбы с Советским государством. Когда в Петрограде было созвано Учредительное собрание, Лансинг в меморандуме, представленном президенту 4 декабря 1917 г., заявлял, что оно ускорит крах Советской власти. Вильсон «одобрил в принципе» предложение руководителя государственного департамента о непризнании Советской власти и дал указание «отношения США с Россией» и «подход к русской ситуации»[14] основывать на соображениях, изложенных в меморандуме Лансинга. Но Вашингтон постигло новое разочарование:

Учредительное собрание, выступившее в защиту интересов буржуазии, было распущено.

Советское правительство не раз обращалось к США и державам Антанты с призывом покончить с войной и заключить справедливый демократический мир. Однако Вильсон был глух к ним. Буржуазия США, как и буржуазия блока Антанты, отмечал позднее В. И. Ленин, «отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире!»[15]. Советскому правительству не оставалось ничего другого, как заключить перемирие с Германией, а затем начать переговоры о мире. 9(22) декабря 1917 г. в Брест-Литовске открылась мирная конференция с участием представителей Советской России и стран германского блока.

Нет ничего удивительного в том, что Вильсон всячески игнорировал мирные инициативы Советского правительства, ведь они находились в непримиримом противоречии с проводимой им политикой в интересах империалистической войны, не оставляя камня на камне от его заявлений, что США ведут борьбу во имя свободы и демократии.

Политика американского президента диктовалась двумя моментами. Первый состоял в том, что Россию необходимо удержать от выхода из войны. Если бы это удалось, то, как надеялись в правящих кругах США, удары кайзеровских войск неминуемо привели бы к гибели молодой Советской Республики. Второй момент, также предполагавший участие России в войне, преследовал не менее благоприятную для стран Антанты перспективу: значительная часть германских войск была бы в таком случае переброшена на Восточный фронт, благодаря этому положение США и «союзных» стран существенно улучшилось бы и они смогли бы довести войну до победного конца. Иначе говоря, России пришлось бы неисчислимыми жертвами платить за чужие победы.

Для достижения этих заманчивых целей Вашингтону необходимо было сорвать мирные переговоры в Бресте. К этому, в частности, и была направлена вильсоновская программа послевоенного урегулирования — его «14 пунктов». Правительству и общественности Страны Советов был ясен истинный смысл этого документа. Газета «Правда» в те дни писала: «В словах известнейшего дипломатического эквилибриста без труда можно найти и старые лозунги о войне до конца, о грабеже под ма-

ской самоопределения народов, и скрытые требования контрибуции. Удивляться этому нечего: на то Вильсон есть Вильсон, чтобы словами не выражать своих побуждений»[16]. Тем не менее Советское правительство сочло возможным пойти навстречу пожеланиям Вашингтона о распространении в России «14 пунктов» Вильсона. Этот шаг являлся еще одним свидетельством стремления Советской России нормализовать отношения с США. «14 пунктов» были полностью опубликованы в «Известиях» и других советских газетах, наклеены на стенах домов Петрограда, Москвы и ряда других городов. Сотни тысяч листовок с их текстом были отправлены на фронт, а также распространены среди немецких и австро-венгерских военнопленных.

В среде американской буржуазии не было единства в вопросе о Советской России. Преобладающая ее часть занимала враждебную позицию, активно действуя с целью свержения Советской власти. Но была группировка, придерживавшаяся иного мнения. В ее состав входили такие влиятельные лица, как сенаторы У. Борха, Х. Джонсон, Р. Лафоллет, У. Колдер, моргановский партнер Т. Ламонт, крупный бизнесмен У. Томпсон, деятель республиканской партии Р. Робинс и др. Россия, считали они, должна продолжать войну с Германией, а США следует оказать ей в этом помощь. Реалистически оценивая обстановку, они настаивали на сотрудничестве с Советской Республикой. В своей позиции они существенно расходились с официальным Вашингтоном.

Наибольшую активность в попытках добиться нормализации американо-советских отношений проявили У. Томпсон и Р. Робинс. Первый из них был руководителем американской миссии Красного Креста в России, второй — его помощником. Вначале они с предубеждением относились к Советской власти, но, находясь в революционном Петрограде, наблюдая за развитием событий, изменили свое отношение к Республике Советов.

Добиваясь оказания поддержки Советскому правительству, Томпсон посылал в Вашингтон одну телеграмму за другой. Но Белый дом хранил молчание. Тогда Томпсон сам отправился в США, чтобы оказать соответствующее воздействие на Вильсона. По пути домой он сделал остановку в Лондоне, где встретился с банкиром Т. Ламонтом.

Прибыв в США, Томпсон и Ламонт стали просить

президента об аудиенции. Но последний отказался их принять. 3 января 1918 г. они направили Вильсону меморандум «О нынешней ситуации в России», в котором заявляли, что для удержания этой страны в войне США следует установить с Петроградом неофициальные связи и разрешить отправку в Россию различных товаров (исключая военное снаряжение), закупленных в США Временным правительством и находившихся под контролем Бахметьева. Но и эта акция оказалась безрезультатной.

Под влиянием Томпсона и по просьбе Бора член национального комитета демократической партии сенатор Р. Оуэн послал Вильсону меморандум. Он предлагал «признать *де-факто* правительство большевиков или, по крайней мере, установить с ним такие отношения, благодаря которым оно могло бы сознавать, что правительство США дружески относится к нынешнему фактическому правительству России и сочувствует ему»[17]. Сенатор также призывал президента принять меры к оказанию немедленной продовольственной помощи Петрограду, Москве и другим городам России. Однако Вильсон отклонил и это предложение.

3 марта 1918 г. Советская Россия подписала Брест-Литовский мирный договор. Робинс, ставший после отъезда Томпсона главой миссии Красного Креста, надеялся предотвратить ратификацию договора. С этой целью 5 марта он нанес визит наркому иностранных дел, а затем В. И. Ленину. Результатом этих встреч явилась нота Советского правительства правительству США, датированная тем же числом. Советская сторона учитывала, что Брестский мир может не вступить в силу по не зависящим от нее обстоятельствам, поэтому она запрашивала Вашингтон, готов ли он оказать помощь Советской России в случае возобновления войны с Германией. Правительство Советской России хотело также знать позицию США, на случай если бы Япония сама или по договоренности с Германией попыталась захватить Владивосток и Восточно-Сибирскую железную дорогу. «Все эти вопросы, – подчеркивалось в ноте, – обусловлены само собой разумеющимся предположением, что внутренняя и внешняя политика Советского Правительства будет как и раньше направляться в соответствии с принципами интернационального социализма и что Советское Правительство сохранит свою полную независимость ото всех несоциалистических прави-

тельств»[18]. Робинс, оценив советскую ноту как документ первостепенной важности, тотчас передал ее текст Фрэнсису, перебравшемуся к тому времени в Вологду. О содержании советской ноты он поставил в известность военное министерство США и своего шефа Томпсона. Не ограничившись этим, он поехал в Вологду и подробно информировал Фрэнсиса о ходе своих переговоров с советским руководством.

Робинс рассчитывал на то, что ответ правительства Вильсона будет положительным и незамедлительным. Но его ожидания не сбылись: ответа не последовало.

В США было хорошо известно, что в связи с вопросом о ратификации Брестского мира в Советской России до крайности обострилась внутренняя обстановка. Учитывая это обстоятельство, американские правящие круги решили повлиять на исход внутриполитической борьбы в нашей стране в пользу противников ратификации Брестского мира.

9 марта руководитель бюро центральноевропейской информации государственного департамента У. Буллит рекомендовал Вильсону послать обращение Всероссийскому съезду Советов (14.3.1918) с тем чтобы помешать утверждению Брестского мира. С предложением об отправке «успокоительного обращения к России в день..., когда в Москве соберется съезд Советов»[19], обратился к Вильсону и Хауз. Тот охотно согласился.

Решение Вильсона обратиться с посланием к Всероссийскому съезду Советов было вызвано не только попыткой сорвать Брестский мирный договор, но и тем, что многие американцы питали глубокие симпатии к Советской Республике. Доброжелательное отношение к ней особенно отчетливо проявилось, когда 18 февраля 1918 г. германские войска начали крупное наступление на Восточном фронте. Трудящиеся США испытывали серьезную тревогу за судьбу первого в мире социалистического государства и стремились оказать ему помощь. Лига социалистической пропаганды организовала в Нью-Йорке многотысячный митинг, большинство участников которого отдали свои сбережения и драгоценности, в том числе обручальные кольца, для нужд обороны Советской Республики. Здесь же на митинге свыше пятисот человек записались добровольцами в создававшийся американский отряд Красной гвардии, который должен был

отправиться в Советскую Россию для оказания помощи в ее борьбе с войсками кайзера.

Социалисты Нью-Йорка обратились с письмом к пролетариату Германии и Австро-Венгрии, предлагая им «употребить все силы для противодействия» своим правительствам в попытках «раздавить русскую революцию». В письме подчеркивалось, что «германское нашествие на Россию — это смертельный удар по рабочей демократии всех стран»[20].

В защиту родины Октября выступила Женская мирная партия, игравшая важную роль в антивоенном движении в США. Она заявила, что будет энергично добиваться «официального признания Соединенными Штатами большевистского правительства»[21]. Поддержку Советской власти в ее борьбе за мир оказала в те дни демократическая организация «Народный совет», которую возглавлял видный прогрессивный деятель США Скотт Ниринг. Возвысила свой голос в защиту Советского государства Лига малых и угнетенных народов. На организованном ею 28 февраля обеде выступили У. Дюбуа и Л. Стеффенс. Была послана телеграмма Советскому правительству, в которой отмечалось: «Народ России не должен забывать, что он борется (с германским империализмом. — *З. Г.*) не только ради своих собственных интересов, но и во имя интересов всех угнетенных народов мира»[22].

Вильсон, стремясь сохранить свое влияние в стране, не мог пройти мимо настроений прогрессивной общественности США в отношении Советской России. Поэтому в обращении к IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов президент США выражал «искреннее сочувствие русскому народу» в связи с вторжением на его территорию вооруженных сил Германии и заверял, что правительство США использует все возможности для обеспечения суверенитета России и восстановления ее великой роли на международной арене. Вместе с тем Вильсон заявлял, что его правительство, «к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и эффективную поддержку, какую желало бы»[23]. Стремилось ли правительство Вильсона действительно обеспечить помощь Советской России в столь критическое для нее время? По свидетельству Лансинга, Вильсон в феврале 1918 г., обсуждая с ним «русский вопрос», решил, что Соединенные Штаты ни

при каких обстоятельствах не признают Советское правительство и не будут оказывать ему материальную и военную помощь.

Послание Вильсона разочаровало советское руководство и большинство делегатов съезда Советов. Они направили Вильсону ответ, проект которого был составлен В. И. Лениным. В нем, в частности, была высказана «признательность американскому народу и в первую голову трудящимся и эксплуатируемым классам Северо-Американских Соединенных Штатов по поводу выражения президентом Вильсоном своего сочувствия русскому народу, через съезд Советов, в те дни, когда Советская социалистическая республика России переживает тяжелые испытания»[24].

Как в докладе, так и в заключительном слове на съезде Советов В. И. Ленин с исчерпывающей ясностью доказал, что в сложившейся в то время обстановке высший орган государственной власти должен принять только одно решение – утвердить Брестский мир. «Левые» эсеры и их сторонники, выступавшие за продолжение войны, потерпели на съезде поражение. Его делегаты подавляющим большинством голосов поддержали ленинскую позицию и постановили ратифицировать Брестский мир.

Благодаря ему Республика Советов вышла из тяжелой и изнурительной войны и могла теперь, используя мирную передышку, приступить к социалистическому строительству. Но правящие круги США не оставляли своих происков.

Враждебный курс правительства США в отношении Советской России проявился также в вопросе об антисоветской интервенции Японии. С инициативой организации такой интервенции Япония выступила еще в декабре 1917 г. В середине января 1918 г. она повторила свое предложение. Определяя тогда свою позицию в этом вопросе, правительство Вильсона учитывало ряд факторов, прежде всего выйдет ли Советская Россия из войны. В случае заключения мирного договора между Советской Россией и Германией Вашингтон считал совершенно необходимой организацию антисоветской интервенции. Но кто должен участвовать в ней? Интервенция со стороны одной лишь Японии, на чем настаивали в Токио, была чревата неприятными последствиями для США. Япония, захватив Сибирь, лишила бы американские монополии

возможности обосноваться в этом районе России. Более того, она значительно укрепила бы свои позиции для борьбы против США на Дальнем Востоке. По этим причинам американские правящие круги считали, что если придется пойти на интервенцию, то США должны участвовать в ней. Эти соображения легли в основу меморандума государственного департамента, направленного 8 февраля 1918 г. в Лондон. «Американское правительство склонно в настоящее время считать,— говорилось в меморандуме,— что всякая военная экспедиция в Сибирь или оккупация всей или части Транссибирской железной дороги должна быть предпринята при международном сотрудничестве, а не одной какой-нибудь державой, действующей по мандату других»[25].

Тем временем Япония, располагая поддержкой Англии и Франции, завершила подготовку к отправке своих войск во Владивосток. 1 марта Белым домом был подготовлен проект американской ноты правительству Японии. В документе отмечалось, что Вашингтон «полностью доверяет» японскому правительству, которое, «направляя свои вооруженные силы в Сибирь, действует в качестве союзника России и не имеет никакой иной цели, кроме спасения Сибири от вторжения германских армий и от интриг Германии»[26]. Этой формулой Вильсон в сущности намеревался санкционировать японскую интервенцию, обусловив свое согласие тем, что вопрос о будущности Сибири решит мирная конференция.

Поворот Вильсона от идеи международной интервенции к одобрению самостоятельных действий Японии в Сибири был вызван как давлением американских реакционных сил, добивавшихся немедленной организации антисоветской интервенции, так и настояниями держав Антанты.

Но захотят ли японские войска покинуть Сибирь после своего вторжения туда? Вильсону этот вопрос не был ясен до конца. К тому же против проекта ноты выступил Хауз. Он считал, что согласие президента на японскую интервенцию ослабит позиции последнего как внутри страны, так и на международной арене. По настоянию Хауза была составлена новая нота, направленная в Токио 5 марта. Правительство США, заверив Японию в своих симпатиях и дружбе, заявляло, однако, что «вопрос о целесообразности интервенции представляется ему весьма спорным»[27].

Это был новый зигзаг в политике Вильсона на Дальнем Востоке. Не только доводы Хауза и других видных американских деятелей убедили хозяина Белого дома отказаться от первого варианта ноты. Большое значение в изменении позиции Вильсона имел факт подписания Брестского мира. Так как выход России из войны противоречил американским расчетам, Вильсон и его окружение стремились теперь не допустить ратификации советско-германского мирного договора. В подобной ситуации США было невыгодно обострять отношения с Советской Россией, санкционируя японскую интервенцию. Последовавшее за данной американской нотой Японии обращение Вильсона к IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов подтверждает обоснованность такого заключения.

Выйдя из империалистической войны и приступив к мирному строительству, Советская Россия нуждалась в помощи других стран, в первую очередь самой развитой из них – США. Поэтому Советское правительство разработало план экономических отношений между Советской Россией и США. В целях передачи этого плана правительству Вильсона В. И. Ленин послал его Робинсу 14 мая 1918 г., в день отъезда последнего из Москвы. Новая советская инициатива открывала широкие перспективы для установления интенсивных экономических связей между двумя странами. Она являла собой убедительное доказательство серьезности намерений Советского правительства всемерно развивать деловое сотрудничество с США.

26 июня Робинс вручил Лансингу советский план. Государственный секретарь не пожелал выслушать доводы Робинса и лишь предложил ему изложить свое мнение в письменном виде. Однако Робинс не пал духом. Он надеялся на встречу с Вильсоном. Но двери Белого дома оказались для него закрытыми: президент отказал ему в аудиенции.

1 июля Робинс направил Лансингу для последующей передачи Вильсону меморандум, в котором обстоятельно обосновал свои соображения в пользу развития американо-советских отношений. Однако президент США игнорировал доводы Робинса. Он был непреклонен в своем убеждении, что Советская власть в России – явление временное, и поэтому отбрасывал всякую мысль о сотрудничестве с ней.

Г. В. Чичерин отмечал тогда: «...Американское правительство шаг за шагом переходило на путь наиболее ожесточенной ненависти, наиболее последовательного нежелания вступать с нами в какие-либо сношения» [28]. «Никаких связей с Советской Россией!» – таков был неизменный девиз правительства Вильсона.

В мае 1918 г. в Берн прибыл советский дипломатический представитель Я. А. Берзин. В связи с этим из Вашингтона было направлено следующее указание американскому посланнику в Швейцарии: «Государственный департамент предпочитает, чтобы Вы не имели каких-либо дел с большевистскими представителями. Правительство США не признает большевистские власти ни *де-факто*, ни *де-юре*» [29]. Аналогичная директива, но по другому поводу была направлена в Лондон, когда весной 1918 г. временный уполномоченный Наркоминдела в Англии М. М. Литвинов издал в Лондоне брошюру «Большевистская революция, ее происхождение и значение». Правительство США строжайшим образом предписало своей лондонской миссии не приобретать эту брошюру, так как в ней излагалась точка зрения большевиков на Октябрьскую революцию в России. В связи с этим вспоминаются ленинские слова о том, что большевистские издания в ту пору подвергались травле «в каждой стране, где выуживают большевистские брошюры, как какую-нибудь заразу, страшную для бедных Вильсонов, Клемансо и Ллойд Джорджей...» [30].

4 мая Наркоминдел сообщил Фрэнсису о желании Советского правительства назначить своим послом в США М. М. Литвинова, а 21 мая В. И. Ленин подписал соответствующие верительные грамоты. «Я сообщил о своем назначении американскому посольству в Лондоне, – вспоминал М. М. Литвинов, – и просил выдать мне визу на Вашингтон. В американском посольстве ко мне отнеслись сравнительно доброжелательно, но Вашингтон посмотрел на дело совершенно иначе. В визе мне было отказано, и моя поездка в США не состоялась» [31].

Наиболее реакционные круги американской буржуазии предлагали тотчас же начать вооруженный поход против Советской России. Так, сенатор М. Поиндекстер 9 июня 1918 г. опубликовал в газете «Нью-Йорк таймс» статью, в которой заявлял, что Россия стала «географическим понятием» и, не теряя времени, нужно создать «союзную армию, состоящую, конечно, из японских

войск и дополненную достаточным количеством войск Англии, Франции и Америки»[32]. Параллельно с этим страны Антанты, по его мнению, должны были взять на себя руководство организацией вооруженных отрядов белогвардейцев, снабдив их оружием и обмундированием. Автор статьи полагал, что армия интервентов, действуя совместно с белогвардейцами, без особого труда сокрушит Советскую власть в России.

Одним из яростных врагов Советской Республики был Фрэнсис. 29 мая посол направил очередное донесение в Вашингтон: «Я убедился, что, если мы будем дожидаться приглашения от большевиков, союзники никогда не начнут интервенцию». Придя к такому неутешительному выводу, он даже заявил: «Мое мнение состоит в том, что дальнейшая отсрочка опасна и необходимо сейчас же начать интервенцию»[33].

Вильсон в то время воздерживался от немедленной организации интервенции, однако совсем не потому, что был ее противником. Он считал, что наилучшим вариантом будет, если Советская Россия сама согласится возобновить войну с Германией. Тогда появится повод ввести на ее территорию войска США и стран Антанты. Надежды Вильсона на успешное осуществление такого варианта укрепились после того, как весной 1918 г. предатели из Мурманского Совета пошли на сговор с интервентами и призвали их к себе на помощь. Правительство Вильсона поспешило сообщить в Лондон, что оно «совершенно определенно желает направить войска в Мурманск...»[34]. Первый американский десант в количестве 100 пехотинцев был высажен 9 июня с борта крейсера «Олимпия». Одновременно шла подготовка к отправке в этот район нового пополнения. Интервенция маскировалась лозунгом удовлетворения «просьбы» Мурманского Совета. С открытой интервенцией дело обстояло значительно сложнее. Нужно было тщательно подготовиться к ней, найти удобный предлог и т. д.

Высадка японского десанта во Владивостоке, произведенная 5 апреля, подхлестнула интервенционистские устремления США. Белый дом с особым интересом отнесся к сообщению о том, что белогвардейский атаман Семенов стал продвигаться в глубь Забайкалья и создал угрозу Чите. Президент Вильсон дал специальное указание Лансингу внимательно следить за рейдом Семенова и выяснить, «нет ли какого-нибудь законного пути, для

того чтобы... оказать ему помощь»[35]. Но из этой попытки ничего не получилось: Семенов был ставленником Японии.

Полным ходом шла дипломатическая подготовка к участию США в интервенции на Дальнем Востоке. На этот счет была достигнута договоренность с Англией и Францией, а затем и с Японией.

Для вторжения американских войск в Советскую Россию правительству Вильсона необходим был предлог, выдвинув который оно могло бы рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку общественности США. Для этой цели были использованы два повода. Первый из них – вопрос о германских и австро-венгерских военнопленных. Правительственные органы и буржуазная печать США настойчиво распространяли сообщения, что военнопленные центральных держав, находившиеся в лагерях Сибири, якобы объединены в воинские подразделения и держат под своим контролем Транссибирскую железную дорогу.

Другой повод для интервенции был связан с антисоветским мятежом чехословацких войск. Вопреки условиям соглашения Советского правительства с русским отделением Чехословацкого Национального совета вооруженный чехословацкий корпус, состоявший из бывших военнопленных, двигался к Владивостоку. 26 мая 1918 г. часть корпуса, насчитывавшая около 40 тыс. человек, восстала против Советской власти. Белочехи захватили Челябинск, Самару, Казань, Уфу, Томск и другие города России.

В Вашингтоне с большим удовлетворением восприняли весть об антисоветском мятеже чехословацких войск. Руководители русского и западноевропейского отделов государственного департамента Б. Майлз и Дж. Грю тотчас заявили, что «крайне желательно оставить чехословацкие войска в Сибири»[36]. Лансинг в письме к Вильсону утверждал, что эти силы должны стать «ядром военной оккупации Транссибирской железной дороги»[37], и призвал к оказанию им военной помощи. Президент одобрил такое предложение. США вместе со странами Антанты выступили в защиту белочехов, потребовав от Советского правительства отказа от подавления их восстания. Однако, отклонив подобные домогательства, 12 июня советская сторона заявила о решимости покончить с этим контрреволюционным выступлением и выразила

надежду, что США и «союзники» «не замедлят выразить осуждение чехословацким отрядам... за их контрреволюционный вооруженный мятеж, являющийся самым откровенным и решительным вмешательством во внутренние дела России» [38]. США и страны Антанты отказались удовлетворить это справедливое требование. Используя в качестве предлога необходимость «защиты» чехословаков, они организовали прямое нападение на Советскую Республику.

Переход США к открытой антисоветской интервенции был вызван рядом причин. Одна из них заключалась в том, что к лету 1918 г. были уже достигнуты определенные результаты в насаждении антисоветизма в США. Распространением небылиц о «связях» большевиков с Германией, о «царстве хаоса и террора» в Советской России занимались члены правительства, депутаты конгресса и многие деятели различных рангов. Особенно усердствовала буржуазная пресса. Она систематически занималась дезинформацией. Проверив материалы о Советской России, опубликованные в то время в ведущей американской газете «Нью-Йорк таймс», У. Липпман в 1920 г. пришел к выводу, что они «почти всегда вводили (читателей. – *З. Г.*) в заблуждение» [39].

Мы уже отмечали, что главным идеологом антисоветизма был сам президент. Симптоматично, что, отказавшись от встречи с Томпсоном, Робинсом и другими лицами, добивавшимися сотрудничества США с нашей страной, он демонстративно принял в Белом доме летом 1918 г. М. Л. Бочкареву, оборонявшую вместе со своим «батальоном смерти» правительство Керенского. При этом Вильсон очень благожелательно отнесся к ее ходатайству об отправке в Россию армии интервентов.

Империалистические круги США усиленно распространяли пущенное в ход летом 1917 г. правительством Керенского клеветническое утверждение, будто В. И. Ленин и другие руководители большевистской партии являлись платными агентами Германии. Так, Фрэнсис 10 ноября 1917 г. послал в Вашингтон сообщение следующего содержания: «Только что узнал из заслуживающего доверия(!) источника, что правительство в Смольном находится под абсолютным контролем германского генерального штаба» [40]. В феврале 1918 г. американскому послу в России и руководителю русского отделения Комитета

общественной информации Сиссону «повезло»: в их руки попала фальшивка о «тайных» связях Советского правительства и его главы В. И. Ленина с Германией. Это были пресловутые «документы Сиссона».

Вильсон проявил к ним живейший интерес. Весной 1918 г. он говорил Хаузу, что «ежедневно ожидает» прибытия из России «документов Сиссона», чтобы «окончательно доказать», будто В. И. Ленин – германский шпион[41]. Когда эти «документы» были доставлены в США, Вильсон распорядился их опубликовать. Несмотря на конфиденциальное сообщение Бальфура, что, по мнению английских экспертов, «документы Сиссона» являются фальшивкой, Вильсон продолжал потворствовать их распространению в США.

Готовясь к отправке своих войск в Россию, правящие круги США намеревались использовать их в качестве командной силы. Всю тяжесть борьбы с Советской властью, по их замыслу, должна была принять на себя внутренняя контрреволюция. Задача создания в России возможно более широкого антисоветского фронта была решена только к середине лета 1918 г., причем правительство Вильсона щедро субсидировало контрреволюционные группировки всех мастей, используя для этого обходные пути. «Посольство, возглавляемое Бахметьевым,– пишет американский историк Р. Мэдокс,– фактически являлось подставной корпорацией, при посредстве которой (правительственная.– *З. Г.*) администрация, не обращаясь к конгрессу, могла предоставлять средства антибольшевистским группам»[42].

Наконец, непосредственное участие США в вооруженной антисоветской интервенции стало возможно в результате изменения обстановки на фронтах мировой войны. Коренной перелом в ходе войны, наступивший летом 1918 г., позволил США и странам Антанты перебросить часть войск в Россию. 27 июля 1918 г. «Правда» в передовой статье в этой связи писала: «До сих пор самым опасным для нас врагом был германский империализм... Но чем больше военные успехи начинают переходить на сторону хищников Согласия, тем наглее становятся они по отношению к социалистической республике».

Интервенция фактически началась 5 апреля 1918 г. с высадки японского, а затем английского десанта во Владивостоке. 29 июня контрреволюционная группиров-

ка чехословацкого корпуса полностью захватила этот город. В тот же день во Владивосток прибыли новые вооруженные отряды Японии и Англии, а также американский отряд. В результате этой акции интервенты получили базу для последующей высадки своих войск и их продвижения в глубь нашей страны.

2 и 3 июля вопрос об интервенции на Дальнем Востоке обсуждался Верховным военным советом Антанты. Было принято решение о безотлагательной организации объединенной интервенции в Сибирь в широких масштабах. Чтобы скрасить впечатление от факта вооруженного нападения на Советскую Россию, Верховный военный совет Антанты рекомендовал послать в Сибирь экспедицию «помощи» под американским руководством. Державы Антанты тем самым шли навстречу пожеланиям Вильсона, стремившегося проводить военную интервенцию под флагом экономической «помощи». Бахметьев не без оснований заявлял, что сама действительность и положение вещей вынудят Америку поддержать свои действия вооруженными силами [43].

6 июля Вильсон созвал в Белом доме специальное совещание для обсуждения вопроса об интервенции в Сибири. Было решено, что США и Япония отправят в Россию свои войска, чтобы «завладеть Владивостоком и для совместных действий с чехословаками» [44]. О той роли, которую сыграл Вильсон в принятии решения об интервенции, имеется свидетельство американского генерала П. Мэрча. «В бытность мою начальником штаба президент Вильсон два раза вмешивался в военные операции военного министерства, осуществленные в период войны... Первый раз это было в связи с Сибирской экспедицией, а второй раз – в связи с отправкой американских войск на север России...» [45]

Тотчас после решения вильсоновской администрации Даниэлс направил предписание командиру крейсера «Бруклин» адмиралу О. Найту использовать имевшиеся в его распоряжении средства для удержания Владивостока, действуя в этих целях совместно с командованием «союзников». Между США и Японией была достигнута договоренность о численности контингентов войск обеих сторон. Американский военный отряд должен был насчитывать 7 тыс. солдат и офицеров, а японский – 12 тыс.

Вильсон срочно занялся выработкой декларации о це-

лях и задачах интервенции. 3 августа было опубликовано официальное заявление правительства США по вопросу об интервенции. В тот же день оно было направлено остальным ее участникам. Белый дом, ставший одним из организаторов антисоветского крестового похода, пытался доказать, что он якобы является противником вооруженной интервенции. В американской декларации лицемерно заявлялось, что «военное выступление в России допустимо в настоящий момент только для оказания возможной защиты и поддержки чехословаков против вооруженных австрийских и германских пленных... и поддержания всякого рода стремлений к самоуправлению или самозащите...»[46]. В декларации также утверждалось, что США будто бы не намерены вмешиваться во внутренние дела России, а лишь желают оказать ей помощь, для чего направят в Сибирь экономическую миссию.

Спустя две недели после опубликования правительственной декларации США об антисоветской интервенции во Владивосток из Манилы прибыл отряд американских войск, а через несколько дней – еще один отряд. Общая численность американского экспедиционного корпуса, которым командовал У. Гревс, составила свыше 9 тыс. человек. К слову сказать, этот генерал позже писал, что заявление Вашингтона об участии германских и австрийских пленных в военных действиях на стороне Советской России было «плодом чьей-то фантазии»[47].

В связи с тем что Красная Армия нанесла ряд сокрушительных ударов по чехословацким и белогвардейским войскам на Восточном фронте, Гревс, Найт и посол США в Токио Моррис предложили вашингтонским властям отправить американские войска на выручку белочехов. Вильсон, ознакомившись с этим планом, заявил, что «это наиболее убедительный документ», который он читал по «русской проблеме»[48]. Несмотря на столь благосклонное отношение американского президента к указанному плану, осуществить его не удалось. Главной причиной явилась победа Красной Армии в Поволжье.

Серьезной помехой для реализации замыслов интервентов были раздоры в их лагере. Так, американо-японские противоречия проявились в связи с контрреволюционным переворотом Колчака, организованным 18 ноября 1918 г. Правительство США считало Колчака своим ставленником в Сибири и поэтому оказывало ему большую помощь деньгами и оружием. Между тем Япо-

ния продолжала ориентироваться на собственную агентуру, на банды Семенова и Калмыкова.

В борьбе за захват Сибири империалистические интересы США и Японии сталкивались. Но вместе с тем их сближала общая ненависть к молодой Советской республике. В разгар американо-японской интервенции «Правда» справедливо писала, что «в тесном союзе друг с другом, рука об руку идут против русских рабочих и крестьян Вильсон и Микадо (титул императора Японии. – *3. Г.*)»[49].

Первым интервенционистским актом США и «союзных» стран на севере европейской части России явилась высадка десанта в Мурманске. Следующим шагом по пути расширения интервенции был захват Архангельска. 2 августа в соответствии с заранее составленным планом в Архангельске произошел контрреволюционный переворот. Город оказался в руках интервентов и белогвардейцев. Неделю спустя сюда перебрался дипломатический корпус во главе с Фрэнсисом, а 4 сентября прибыли американские войска общей численностью около 5 тыс. человек. Характерно, что Вильсон и в этом случае действовал без санкции конгресса.

Государственное руководство США, организовав интервенцию на севере России, выдвинуло тезис о необходимости охраны военных складов от угрозы захвата их немцами. Но он был столь же несостоятелен, как и попытка оправдания интервенции в Сибири потребностями «защиты» от немецких военнопленных.

8 июля Вильсон писал Хаузу: «Вопрос о том, что нужно и возможно делать в России, доводит меня до изнеможения. Эта проблема, как ртуть, ускользала при прикосновении к ней, но я... замечаю и могу даже в настоящее время отметить некоторый прогресс по двум направлениям: в направлении экономической помощи и помощи чехословакам»[50]. План экономической «помощи» России, выдвинутый еще весной 1918 г., был призван не только служить прикрытием интервенции, но и помочь экспансии американского капитала в нашей стране. В руководящих кругах Вашингтона с этим планом связывали много надежд. Хауз еще 21 июня писал Вильсону, что план экономической «помощи» «удовлетворит союзников и, может быть, примирит бóльшую часть России с такого рода интервенцией»[51]. Воодушевленный подобными перспективами, президент поручил своему советнику

вплотную заняться данным планом. После этого Хауз, как писал издатель его архива, «обдумывал методы, с помощью которых союзные силы смогут быть введены в Россию, не возбуждая подозрения об империалистических мотивах этой меры» [52].

Вильсон одобрил план предоставления экономической «помощи» России, предварительно заручившись поддержкой английского правительства. Некоторые трения возникли при переговорах с Японией. Но и она в конце концов положительно отнеслась к предложению США, послав... собственную миссию в занятые ее войсками районы Дальнего Востока и Сибири.

Правительство США создало специальную «русскую корпорацию», находившуюся в ведении Военно-торгового управления. Президентом корпорации стал руководитель этого управления В. Маккормик, а секретарем и управляющим – Дж. Ф. Даллес. В задачу корпорации входил вывоз из районов Сибири и Севера различных видов сырья в обмен на сельскохозяйственные машины, одежду, обувь и другие товары. Одной из главных ее функций было поощрение частного предпринимательства. Создавая корпорацию, правительство США намеревалось взять под свой контроль внешнюю торговлю, денежное обращение и распределение товаров, ввозимых в оккупированные районы России. Прикрываясь словами о «помощи», США приступили здесь к практической реализации планов экономической экспансии.

В составленном Хаузом комментарии к «14 пунктам» Вильсона сказано, что Украина и Прибалтика должны были быть отделены от России, над Кавказом следовало установить международный контроль, а Среднюю Азию – превратить в подмандатную территорию. То, что автор комментария выступал за расчленение России, подтверждается также его заявлением Вильсону 19 сентября 1919 г. Хауз говорил, что Россия «слишком велика и однородна для безопасности мира» и поэтому он хотел бы «видеть Сибирь отдельной республикой, а европейскую часть России разделенной на три части» [53]. Но Вильсон решительно не согласился с ним.

Со времени установления диктатуры Колчака взгляды Вильсона в отношении целостности России полностью определились. Президент США надеялся теперь, что «верховный правитель» способен с помощью западных держав восстановить капиталистические порядки в нашей

стране, и потому противился ее расчленению. Тем временем в США ширилось движение против антисоветской интервенции, за установление сотрудничества со Страной Советов.

«Америка за последние недели,— с горечью сообщал в июле 1918 г. Бахметьев своему парижскому коллеге В. А. Маклакову,— наводнена массой тенденциозных и ложных сведений, направленных в пользу кооперации с Советами» [54].

В движении за нормализацию отношений с Советской Россией выступали представители различных социальных слоев и политических ориентаций. Сенаторы У. Бора и Х. Джонсон, журналисты Л. Коулкорд и Б. Битти, издатель либерального журнала «Нэйшн» О. Виллард и ряд других лиц, пользовавшихся известностью в США, говорили о недопустимости враждебной политики в отношении нашей страны. Так, Виллард настоятельно подчеркивал, что США «должны отказаться от мысли решать русскую проблему за русский народ и *против* желания народных масс России» [55]. Среди противников интервенции видное место занимал Робинс. Его позиция получила достойную оценку в Москве. «Мы с удовольствием узнали,— отмечала газета «Известия»,— что полковник Робинс, который здесь, в России, доказал, что понимает положение нашей страны, ведет в Америке борьбу за признание Советской России» [56].

С еще большей энергией и последовательностью выступали в защиту Советской Республики прогрессивные силы США.

Гневно обличал интервенционистскую политику Вильсона Ю. Дебс. 16 июня он выступил с пламенной речью в Кантоне. Осудив антисоветский курс правительства США, он выразил свои симпатии к В. И. Ленину и его соратникам. «Наши сердца с большевиками России» [57],— заявил Ю. Дебс. За это выступление он был приговорен к десятилетнему тюремному заключению *.

Страстным защитником Советской России являлся Джон Рид. В статье «Признать Россию», опубликованной в июле 1918 г., он призывал американский народ заставить правительство Вильсона установить нормальные отношения со Страной Советов. Особенно большой

* «Меня не удивляет, что Вильсон, глава американских миллиардеров, прислужник акул капиталистов, заключил в тюрьму Дебса»,— писал В. И. Ленин (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 59).

вклад в дело привлечения симпатий американских трудящихся к Советской России внесла книга Рида «10 дней, которые потрясли мир». В предисловии к ней он с восторгом писал, что «русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков – явление мирового значения»[58].

Неоценимое значение для мобилизации трудовой Америки на защиту Советской Республики имела публикация работ В. И. Ленина в печати левых социалистов США. Так, в конце 1918 г. в журналах «Класс страгл» и «Революшенри эйдж» было опубликовано его «Письмо к американским рабочим», в котором вождь мирового пролетариата призвал революционные силы США вести непримиримую борьбу против антисоветской политики американского империализма – «самого свежего, самого сильного, самого последнего по участию во всемирной бойне народов из-за дележа прибылей капиталистов»[59].

Советское правительство неоднократно протестовало против интервенции, организованной США и державами Антанты. 24 октября Г. В. Чичерин направил специальную ноту Вильсону. Народный комиссар иностранных дел, опираясь на факты, разоблачил лицемерие американского президента, пытавшегося замаскировать враждебную по отношению к Советской Республике политику фразами о «дружбе» с Россией. Вильсон по праву был назван им «президентом архангельского набега и сибирского вторжения»[60]. 3 ноября Советское правительство предложило США, Англии, Франции, Италии и Японии начать переговоры о прекращении интервенции. Три дня спустя VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов принял резолюцию, в которой подчеркнул, что он «считает своим долгом еще раз перед лицом всего мира заявить ведущим войну против России правительствам Соединенных Штатов Северной Америки, Англии, Франции, Италии и Японии, что в целях прекращения кровопролития... предлагает открыть переговоры о заключении мира»[61].

Ответом на настоятельные требования Советской Республики, а также американской демократической общественности прекратить интервенцию было ее дальнейшее расширение. Объединенным штабом интервенционистских сил стала Парижская мирная конференция, где одну из ведущих ролей играл глава делегации США президент Вильсон.

Глава VIII
В ПАРИЖЕ

1. Вильсон отправляется на мирную конференцию

Первая мировая война завершилась победой стран Антанты и США. «Все, за что сражалась Америка, достигнуто» [1], — с удовлетворением констатировал Вильсон. Теперь предстояло закрепить результаты войны на мирной конференции.

Вильсон понимал, насколько необходимо его личное участие в решении вопросов мирного урегулирования. 26 октября 1918 г., т. е. еще за две с лишним недели до окончания войны, он информировал членов правительства США о своем решении отправиться в Европу на мирную конференцию. Это сообщение вызвало, однако, сдержанную и даже отрицательную реакцию как в США, так и в лагере Антанты.

В наше время стало привычным, когда президент США предпринимает поездки за границу. Но шестьдесят — семьдесят лет тому назад дело обстояло иначе. За всю предшествовавшую началу XX столетия историю США президент никогда не покидал своей страны. Это было как бы одной из американских традиций. Противники Вильсона поэтому заявляли, что его поездка на мирную конференцию якобы противоречит конституции и что, если он предпримет такой шаг, ему придется уступить свой пост вице-президенту. Дело дошло до того, что республиканец Л. Шерман внес в сенат резолюцию, объявлявшую вакантной должность президента США в случае его отъезда в Европу.

Друзья и сторонники Вильсона также возражали против его отъезда, но по другим соображениям. Их взгляды по данному вопросу нашли свое выражение в меморандуме видного публициста Кобба. «Как только президент Вильсон усядется за стол заседаний с этими премьер-министрами и министрами иностранных дел, — писал автор меморандума, — он тотчас утратит всю ту силу, которая создается дальностью расстояния и его

обособленностью. Вместо того чтобы оставаться великим арбитром человеческой свободы, он станет простым посредником, имеющим дело с другими посредниками... Далее, личный контакт между президентом и этими премьер-министрами и министрами иностранных дел... неизбежно породит новые трения и бесконечные споры. Они не упустят ни малейшей возможности, чтобы тревожить и изматывать его. Они захотят использовать его в своей игре один против другого, в игре, в которой они изумительно ловки, ибо эта игра европейской дипломатии ведется со времен Меттерниха и Талейрана... Если президент желает выиграть великую битву за человеческую свободу, он должен вести ее на собственном поле, а его собственным полем является Вашингтон» [2]. Короче говоря, Вильсону следовало блистать вдали от мирной конференции.

Лансинг мечтал, что ему представится возможность возглавить делегацию США при подведении итогов войны. Возможно, именно поэтому он особенно старательно доказывал президенту, какому риску тот подвергнет себя, отправляясь за океан. Но хозяин Белого дома не собирался отказываться от намеченного плана. «Он ничего не сказал,— писал Лансинг о встрече с президентом,— но его молчание красноречивее всяких слов» [3]. Когда же о предстоящем отъезде Вильсона в Европу было официально объявлено, Лансинг то ли от досады, то ли предвидя последствия этого шага, сделал такую запись в своем дневнике: «Я уверен, что он совершает одну из величайших ошибок в своей карьере и подвергает опасности свою репутацию... Я предвижу неприятности в Париже, но еще больше их будет здесь» [4].

Хауз также отговаривал Вильсона от поездки в Европу. «Я в душе желаю,— писал Хауз,— чтобы президент назначил меня руководителем делегации на переговорах о мире, а моими помощниками — Макаду и Гувера... Если бы я мог иметь этих двух лиц, и только их, в качестве своих помощников, я бы тогда гарантировал (положительные результаты.— *З. Г.*)» [5]. Стремление Хауза отговорить президента от его намерений привело к появлению первой трещины в их взаимоотношениях.

Вильсон первоначально полагал, что мирную конференцию лучше всего созвать в Лозанне. Но затем он изменил свое мнение. «Нейтральная Швейцария,— телеграфировал он 8 ноября 1918 г. Хаузу, находившемуся в это

время в Париже, — пропитана всевозможными ядовитыми элементами и совершенно открыта для враждебного влияния (на мирную конференцию.— *З. Г.*)»[6]. Затем он признал, что именно Париж является наиболее подходящим местом для такого мероприятия.

Как и предполагал Хауз, главы правительств Англии, Франции и Италии опасались, что президент США «возьмет на себя слишком большую роль (на конференции.— *З. Г.*) и не будет с ними консультироваться»[7]. К тому же они предвидели возникновение дополнительных трудностей, связанных с тем, что Вильсон по сравнению с ними занимал более высокий пост. На их позицию в отношении участия президента США в мирной конференции накладывало отпечаток и то, что, не будучи знакомы с ним лично, они были достаточно наслышаны о его необщительности и высокомерии, граничащем с надменностью.

У Клемансо была особая причина для недовольства приездом Вильсона на мирную конференцию. Он понимал, что если американский президент прибудет в Париж, то президент Франции Р. Пуанкаре пожелает быть ее председателем. Между тем Клемансо не собирался уступать столь важную функцию кому-либо, а уж тем более Пуанкаре, которого терпеть не мог. Стремясь помешать прибытию Вильсона в Париж, он решил добиться поддержки Ллойд Джорджа. Клемансо писал ему: «Довольно серьезное значение имеет вопрос о том, намерен ли президент (Вильсон.— *З. Г.*) присутствовать на конференции. Я не нахожу нужным скрывать от Вас, что считаю его присутствие и нежелательным, и невозможным. Как глава государства он находится в несколько ином положении, чем мы. Мне кажется невозможным допустить участие в конференции только одного, а не всех глав государств»[8]. Клемансо передал копию своего письма Хаузу, а тот 15 ноября направил его текст в Вашингтон. Хозяин Белого дома с возмущением телеграфировал Хаузу на следующий день: «Я прихожу к выводу, что французские и английские лидеры не хотят допустить меня к участию в конференции, опасаясь, что там я смогу повести против них более слабые нации... Все слабые страны обратились бы ко мне за помощью, и тогда была бы та же самая зависть, которую вызвало обращение немцев (о перемирии.— *З. Г.*) исключительно ко мне... Везде и всюду желают, чтобы я участвовал

в конференции, и я полагаю, что никто не захочет, чтобы я сидел в стороне и пытался управлять извне»[9].

После неудачной попытки предотвратить приезд президента США в Париже возник еще один план, направленный против Вильсона. Он фактически предусматривал сговор Франции и Англии за спиной США с целью выработки совместных действий на конференции. 28 ноября французский посол в Лондоне П. Камбон встретился с Бальфуром и в категорической форме заявил, что Англия и Франция еще до открытия конференции должны согласовать свои требования. Камбон полагал, что в таком случае Вильсон, прибыв в Париж, столкнется с объединенным англо-французским фронтом. Бальфур, однако, не согласился с таким предложением. Тогда за реализацию французского плана взялся Клемансо. 1 декабря он пытался договориться на этот счет с Ллойд Джорджем.

Но Ллойд Джордж, как и Бальфур, считал, что в европейских делах Англии лучше действовать сообща не с Францией, а с США. В Лондоне рассчитывали, что это позволит умерить аппетиты Франции и соответственно укрепит английские позиции на Европейском континенте, а значит, и в мире.

Стремление Вильсона принять непосредственное участие в мирной конференции нельзя объяснить только его честолюбием, а тем более капризом. По мнению американского президента, у него были очень веские причины предпринять столь важный, хотя и чреватый возможными неприятными последствиями шаг.

Действительно, американской дипломатии никогда ранее не приходилось иметь дело с такими глобальными задачами, какие предстояло решить Парижской мирной конференции. Ими были «русский вопрос», участь побежденной Германии и ее бывших союзниц, положение новых государств, возникших на развалинах империи Габсбургов, перераспределение колоний и ряд других проблем европейской и мировой политики. Вильсон понимал, что их решение будет нелегким делом и что на конференции ему придется вступать в острые споры, возможно, в конфликты с представителями других держав-победительниц. Притом он сознавал, что дело не сведется к простому преодолению противоречий между США и странами Антанты. Нужно будет добиваться значительно большего – обеспечения преобладающего поло-

жения Соединенных Штатов в системе послевоенных международных отношений.

Идея, которую вынашивал молодой профессор Принстонского университета Вильсон, что США должны стать лидером мира, теперь, по мнению американского президента Вильсона, вполне могла быть решена в сфере конкретной политики.

Президент США собрался в путь отнюдь не с пустым саквояжем. За годы первой мировой войны мощь США невиданно возросла. Доля США в мировом промышленном производстве составила в 1918 г.: по добыче угля – 46,6%, по выплавке чугуна и стали (соответственно) – 51 и 50,8, по добыче нефти – 74,3 и по выпуску автомобилей – 85%. Американский экспорт по сравнению с 1914 г. увеличился в 2,4 раза, превысив 6 млрд. долл. Основной поток американских товаров шел в страны Антанты. США значительно расширили свои экономические позиции на Дальнем Востоке, в Латинской Америке, вытесняя европейских, прежде всего английских, конкурентов с этих важнейших мировых рынков. Американские монополисты обосновывались и в британских доминионах и колониях.

До войны США являлись должниками Англии и Франции. Теперь ситуация на мировом финансовом рынке коренным образом изменилась. Война вынудила страны Антанты обращаться за займами к США. Только с апреля 1917 до ноября 1918 г. США предоставили им займы на общую сумму 9,5 млрд. долл. При этом значительная часть мировых золотых запасов перекочевала в сейфы американских банков. США стали финансовым центром мира.

Укрепилась военная мощь США. Американский флот пополнился сотнями первоклассных кораблей и прочно занял второе место в мире. В декабре 1918 г. администрация Вильсона внесла в конгресс проект новой трехгодичной программы, предусматривавший создание самого сильного в мире военно-морского флота.

Другой политический деятель довольствовался бы этими итогами для обоснования притязаний США на мировую гегемонию. Но Вильсон смотрел на мир и на роль в нем своей страны не только через призму голых цифр. Пожалуй, не меньшее значение он придавал идеологическим мотивам претензий США. Поэтому американский президент вынужден был учитывать нужды народных

масс и их умонастроения. Уверенность в необходимости контроля подобных моментов Вильсон вынес для себя из факта возникновения первого в мире социалистического государства.

Народы воюющих стран поняли, что война велась не ради справедливого дела, а носила хищнический, грабительский характер. Устав от ее кошмаров, лишений и жертв, они хотели верить, что подобная трагедия не может, не должна повториться. Миллионы простых людей думали, что эта война последняя и что после ее завершения на земле воцарится мир. Отсюда – широкое распространение пацифизма.

За четыре года войны трудящиеся США, Англии, Франции и других стран Запада наслышались немало призывов к миру. То были голоса писателей, ученых, парламентариев, общественных, церковных деятелей и т. п. Но они не могли принести миру мир, не располагая реальной политической властью. На фоне этих пацифистских выступлений голос Вильсона приобрел особое звучание. Именно он в период нейтралитета США объявил необходимым заключить «мир без победы». Именно он, когда США вступили в войну против кайзеровской Германии, торжественно декларировал, что благодаря этому будет положен конец войнам. Именно он был единственным видным государственным деятелем, ратовавшим за учреждение Лиги наций, которая, по его заверениям, должна была гарантировать надежный мир между всеми странами. Так стараниями американского президента и усердием буржуазной и социал-пацифистской пропаганды насаждался культ Вильсона-миротворца. Так постепенно в сознании многих людей, живших в капиталистическом мире, утверждалось представление, что только США, только их президент способны очистить нашу планету от скверны милитаризма и войны. При таких благоприятных обстоятельствах Вильсону не стоило большого труда провозгласить особую роль США в мире, а себя уподобить спасителю, который не только принесет человечеству благую весть о вечном мире, но и установит на земле свободу и справедливость.

Послушать Вильсона, получалось так: одно дело Европа с ее бесконечными конфликтами, которые в конце концов привели к невиданной по опустошительности войне; другое дело США, которые в своей политике якобы неизменно руководствовались принципами мира

и альтруизма. Если европейские государственные деятели, дескать, всегда поступали во вред своим народам и постоянно помышляли об ограблении малых стран, то в отличие от них он, Вильсон, был будто бы выразителем интересов всех народов мира и лишь один был способен принести спасение измученной Европе.

Поэтому 22 января 1917 г. он возвестил с трибуны американского конгресса, что говорит «от имени молчаливых масс всего человечества»[10] и что среди государственных руководителей мира является единственным человеком, выражающим надежды всех народов. Летом 1918 г. Вильсон заявил, что при необходимости он, не колеблясь, «обратится к народам Европы через головы их правителей»[11]. 10 декабря американский президент сказал руководителю Комитета общественной информации Дж. Крилю, отправившемуся вместе с ним в Европу: «...в настоящее время весь мир обращается к Америке... со своими надеждами и жалобами. Голодные ждут, что мы накормим их, бесприютные рассчитывают получить от нас кров, больные душой и телом ждут от нас исцеления. Исполнение всех этих надежд не терпит отлагательств»[12]. Вильсон тогда же говорил своим экспертам, что на мирной конференции США будут единственной независимой стороной и что люди, с которыми им «*придется иметь дело, не выражают мнения своих народов*». Он также подчеркивал, что «это *будет первая конференция, решения которой будут зависеть от общественного мнения всего человечества*, а не от предварительных постановлений и дипломатических планов собравшихся вместе делегатов»[13].

Возможно, наиболее разительный факт, иллюстрирующий представление Вильсона о его миссии в мире, относится к Парижской мирной конференции. Ллойд Джордж в этой связи не без иронии писал, что «самое удивительное произошло, когда президент, развивая какую-то тему,— насколько я помню, речь шла о Лиге наций,— решил объяснить нам, почему христианству не удалось достигнуть своих высоких идеалов. «Почему,— спросил он,— Иисусу Христу до сих пор не удалось убедить весь мир последовать его учению? Потому что он проповедовал идеалы, не указав практических мер к их достижению. Вот почему я предлагаю вам практический план для достижения его целей». Клемансо медленно раскрыл свои большие темные глаза и медленно обвел

ими собравшихся вокруг стола христиан, как бы любуясь впечатлением, которое произвело на них разоблачение ошибок их учителя»[14].

Вильсон не витал в эмпиреях. Готовясь к поездке на Парижскую мирную конференцию, он собирался защищать не судьбы человечества, а империалистические интересы своей страны. При этом американский президент имел в виду не создание колониальной державы, подобной английской или французской. Он выступал за экономическую и идеологическую экспансию США. По мнению Вильсона, она являлась наиболее верным средством обеспечения доминирующего положения США в мире. Ради достижения этой цели он считал нужным отождествлять интересы США с интересами всего мира, хотя их несовпадение совершенно очевидно.

Прямым следствием исходных позиций Вильсона о так называемой общности интересов США и всего остального мира явилась его уверенность, что ему предначертана роль суперарбитра на мирной конференции и что условия послевоенного урегулирования будут выработаны под американскую диктовку.

Стремление Вильсона принять участие в работе мирной конференции объяснялось и внутриполитическими проблемами. Выборы в 66-й конгресс, прошедшие в ноябре 1918 г., привели к так называемому «разделенному правлению», когда большинство в конгрессе представляли республиканцы, а президентом страны являлся демократ. В результате обе ветви высшей государственной власти – законодательная и исполнительная – вступили в острое противоборство. Вильсон знал, что успешный исход мирных переговоров в Париже укрепит его положение в самих США. А это имело для него первостепенное значение как в связи с предусмотренной конституцией США прерогативой сената утверждать подписанные президентом международные договоры, так и в связи с новыми президентскими выборами, которые были уже не за горами.

Поездка в Париж представлялась Вильсону заманчивой и по соображениям психологического порядка. Там его ожидали встречи с представителями многих государств, и в первую очередь с такими многоопытными политическими деятелями, как Ллойд Джордж и Клемансо. Значит, ему предстояло вести сложную дипломатическую игру, в которой следовало проявить и напори-

стость, и способность к компромиссу, и твердость, и гибкость. В дискуссиях ему также пришлось бы выявить свою эрудицию и ораторский талант. Все это предвещало острый поединок умов, причем Вильсон льстил себя надеждой, что выйдет победителем в столь трудном состязании.

Наконец, Вильсон не видел в своем окружении никого, кто смог бы справиться с ответственной миссией главы американской делегации. Лансинг был человеком довольно заурядным, Хауз же обладал опытом ведения переговоров с государственными деятелями европейских держав. Но президент, не считая его способным отстоять интересы США на этой конференции, верил в то, что лишь ему одному по плечу столь значительная роль.

Вильсон не мог знать, как конкретно сложатся дела в Париже, какие трудности его ожидают. Но он отдавал себе отчет, что ему там придется упорно добиваться реализации американских целей. Он взвалил на себя тяжелую ношу, так как сам собирался заниматься решением основных проблем мирного урегулирования, принимать по ним окончательное решение. Как писал Никольсон, Вильсона «никто не мог заменить, никто не мог избавить от него самого...»[15]. В этом смысле можно сказать, что президент избрал для себя роль не только первого, но фактически и единственного американского делегата на мирной конференции. Остальные делегаты, как намечал Вильсон, были призваны находиться на вторых ролях, неуклонно следуя его указаниям. Поэтому он не ломал голову над тем, кто будет сидеть рядом с ним за столом переговоров. Лансинг стал членом делегации, потому что он занимал пост руководителя внешнеполитического ведомства США; Хауз был включен в ее состав, так как оставался в то время доверенным лицом хозяина Белого дома. Два других делегата (генерал Т. Блисс и Г. Уайт) вообще не имели серьезного веса в глазах Вильсона.

Если президент не придавал первостепенного значения подбору делегации США на мирную конференцию, то другие ведущие американские политические деятели подходили к этому вопросу с иных позиций. Они считали, что делегация, представляющая их страну на Парижской конференции, должна иметь общенациональный, а не узкопартийный характер. Поэтому они рекомендовали Вильсону включить в ее состав представителей республиканской партии. Речь, в частности, шла о Руте. Одна-

ко президент отклонил эту кандидатуру, заявив, что Рут являлся «безнадежным реакционером» и что он способен только «обескуражить все либеральные элементы мира» [16] (в этой связи не будет излишним напомнить, что именно Вильсон ранее считал Рута другом русской революции и поставил его во главе американской миссии, прибывшей в Россию летом 1917 г.).

Руководство республиканской партии особенно настойчиво добивалось включения в состав делегации одного из ее лидеров, Лоджа. Но президент полностью исключал возможность поездки на конференцию вместе со своим главным политическим противником. Сознавая, однако, что без представителя республиканской партии не обойтись, Вильсон остановил свой выбор на упомянутой выше кандидатуре Уайта. Этот старый дипломат, представляя США в ряде европейских столиц, длительное время был оторван от внутриполитической жизни страны и никаким серьезным влиянием в рядах республиканской партии не пользовался. Назначив именно его членом делегации, Вильсон открыто продемонстрировал свою неприязнь к верхушке республиканской партии. Ллойд Джордж писал в этой связи, что хозяин Белого дома не хотел «разделить славу мирного урегулирования со своими политическими соперниками. Заключение мира должно было стать торжеством демократов; ни одна ветка лаврового венка мира не должна была быть возложена на головы республиканцев» [17].

Доказывая необходимость своей поездки на мирную конференцию, Вильсон в годичном послании конгрессу 2 декабря 1918 г. заявил: «Я буду действовать в тесном контакте с вами... Могу ли я, члены конгресса, надеяться, что в сложных задачах, которые мне придется решать по ту сторону океана... я смогу рассчитывать на ваше поощрение и силу вашей объединенной поддержки?.. Я буду полагаться на вашу дружескую поддержку и сочувствие» [18].

Вильсон явно обманулся в своих надеждах. Республиканцы, располагавшие большинством мест в высшем законодательном органе США, вовсе не собирались оказывать ему помощь. Напротив, Лодж и Т. Рузвельт предприняли яростную атаку на президента. Действовали они пока негласно. 21 ноября английский поверенный в делах в США К. Бэрклей получил послание от «одного друга-республиканца», в котором содержалось предупре-

ждение, что на мирной конференции может появиться стремление пойти навстречу пожеланиям Германии. Автором анонимного послания был Лодж [19]. Лидер республиканцев посетил также посольства Великобритании и Франции, убеждая дипломатов этих стран не поддаваться доводам Вильсона в отношении условий мирного договора с Германией. При этом он ясно дал понять, что республиканцы, располагая большинством в конгрессе, не собираются предоставлять Вильсону свободу рук в решении проблем послевоенного устройства мира. Не ограничившись этим, 25 ноября он послал английскому министру иностранных дел Бальфуру письмо, в котором подробно расписал разногласия между республиканской партией и президентом, подчеркивая, что республиканцы требовали безоговорочной капитуляции Германии и что Лига наций, создания которой добивается Вильсон, «безнадежно непрактична во многих отношениях» [20].

Подобные же действия предпринял и Т. Рузвельт. Он отправил письмо в Лондон Р. Киплингу, в котором доказывал, что другом Англии является не Вильсон, а руководство республиканской партии. 27 ноября экс-президент, обращаясь к лидерам стран Антанты, заявил следующее: «Нашим союзникам и нашим врагам и, наконец, самому Вильсону следует понимать, что сейчас он никак не уполномочен говорить от имени американского народа... Новый состав конгресса имеет в настоящий момент значительно больше прав говорить о целях американского народа, чем господин Вильсон» [21].

Главные оппоненты Вильсона из лагеря республиканцев вскоре перешли к открытым атакам на его политику. Выступая в сенате, Лодж совершенно недвусмысленно высказался против того, чтобы устав Лиги наций стал составной частью мирного договора. «Союзники должны знать, — заявил он, — что сенат может отклонять международные договоры и часто так поступал» [22]. 3 января 1919 г., за три дня до смерти, Рузвельт написал статью (она была опубликована спустя десять дней), в которой утверждал, что США должны заботиться не о Лиге наций, а о доктрине Монро.

Так в преддверии мирной конференции руководители республиканской партии развернули враждебную кампанию против Вильсона. Между тем главы делегаций Англии и Франции обеспечили себе надежные позиции внутри своих стран. В середине декабря успеха на выборах

в парламент добился Ллойд Джордж. Примерно в то же время Клемансо получил вотум доверия в палате депутатов. В сравнении с ними это, естественно, ставило Вильсона в невыгодное положение. «Вильсон, – писал по этому поводу Ллойд Джордж, – прибыл в Европу в качестве представителя величайшей демократической страны мира, дискредитированный тем общеизвестным фактом, что он уже не являлся подлинным выразителем ее мнения или действительно полномочным истолкователем ее политики» [23].

Пытаясь оправдать свои выпады против Вильсона, Лодж писал, что у него никогда не было враждебных чувств к нему лично. «Моя оппозиция к Вильсону в связи с войной и Лигой наций целиком базировалась на государственных соображениях» [24], – отмечал он. Но это далеко не так. «Кэбот Лодж питал непреодолимую неприязнь к президенту Вильсону, который платил ему той же монетой и смотрел на Лоджа сверху вниз. По разным причинам каждый из них относился к другому с величайшим презрением. Лодж считал Вильсона сентиментальным профессором, который не имеет никакого понятия о подлинной жизни в Америке и за границей. Вильсон считал Лоджа ограниченным, претенциозным и самодовольным сенатором, склонным больше рассуждать о высоком достоинстве сенатора, нежели выполнять связанные с этим обязанности» [25], – писал Ллойд Джордж.

Конечно, этих двух политических деятелей разделяли не только личные антипатии. Куда более серьезной причиной была суть их политических расхождений, основа которых коренилась в соперничестве между республиканской и демократической партиями в борьбе за власть. Реализация планов Вильсона в отношении Лиги наций способствовала бы значительному упрочению его влияния как внутри США, так и на международной арене. Это позволило бы ему в третий раз выставить свою кандидатуру на президентский пост и остаться еще на один срок в Белом доме. Чтобы полностью исключить такую возможность, республиканцы с открытым забралом атаковали Вильсона. Особенно энергично действовал Лодж: на выборах 1920 г. он сам намеревался участвовать в сражении за президентский пост.

Яростные нападки руководителей республиканской партии на вильсоновский план образования Лиги наций

могут поначалу создать впечатление, что эти лидеры придерживались политики изоляционизма и потому не желали активного участия США в решении международных проблем. Но такое предположение ошибочно. Сам Лодж заявлял, что «следует отбросить всю эту болтовню об изоляции. Никто не думает изолировать Соединенные Штаты, делать из них отшельника. Это настоящий абсурд»[26].

Вильсон и Лодж в принципе сходились в определении стратегической цели внешней политики США. И тот и другой добивались установления мировой гегемонии США. Разногласия между ними сводились к разнице в оценке путей достижения этой цели. Вильсон рассматривал Лигу наций как главный инструмент обеспечения лидирующего положения США в мире; Лодж и его единомышленники полагали, что у США тогда еще не было для этого достаточных сил. Они считали первоочередной задачей укрепление могущества США, особенно на море. Только потом, по их мнению, США следовало бы обратить свои взоры к Лиге наций или к иной международной организации, в которой они смогли бы занять первенствующее положение.

Несмотря на враждебную кампанию республиканцев, Вильсон, не колеблясь, решил добиваться в Париже успеха в осуществлении своих целей. «Я хочу поехать на мирную конференцию, имея столько оружия, сколько выдержит мой карман...»[27] – такими словами президент выразил твердость своих намерений.

4 декабря 1918 г. Вильсон отправился в Париж. Вместе с ним на пароходе «Джордж Вашингтон» находились и члены делегации, и многочисленные эксперты, и технический персонал, и личная охрана президента. Эскорт делегации США во главе с Вильсоном составил 1300 человек. 13 декабря «Джордж Вашингтон» прибыл в Брест. На следующий день Вильсон приехал в Париж, где его необычайно торжественно встречали. Ни король Англии, ни король Бельгии, прибывшие до этого во французскую столицу, не удостоились таких почестей.

Столичная печать не скупилась на дифирамбы президенту США. Так, орган социалистов газета «Юманите» в специальном выпуске, посвященном приезду Вильсона в Европу, писала, что среди всех государственных деятелей только он один «знает, как говорить... языком доброй воли, человечности и международной спра-

ведливости... Вильсон завоевал великодушные сердца рабочих всего мира»[28]. День прибытия Вильсона в Париж был объявлен праздничным. На улицах и площадях красовались французские и американские национальные флаги, транспаранты, на которых было начертано: «Слава Вильсону справедливому!», «Вильсон – Христофор Колумб Нового Света» и т. д.

К 10 часам утра на вокзал для встречи Вильсона прибыли президент Франции Пуанкаре, глава правительства Клемансо, министры, депутаты парламента, представители других стран Антанты. Артиллерийский салют в честь президента США продолжался 20 минут, его сопровождал перезвон церковных колоколов. После официальной церемонии Вильсон вместе с Пуанкаре направился в парадной карете к центру города. Два миллиона парижан приветствовали почетного гостя на всем пути его следования. Клемансо заявил по этому поводу: «Я знал Париж в ярком блеске Второй империи, я считал, что теперь знаю мой Париж, но не предполагал, что он мог проявить такой энтузиазм, как в этот раз. Я не думаю, чтобы когда-либо раньше было что-нибудь подобное в мировой истории»[29].

В распоряжение Вильсона и его супруги было предоставлено одно из красивейших зданий Парижа – особняк Мюрата в парке Монсо. Официальной резиденцией американской делегации стал отель «Крийон».

14 декабря Пуанкаре дал в Елисейском дворце торжественный обед в честь Вильсона. На следующий день большой прием был устроен в городской ратуше, где президент США удостоился звания почетного гражданина Парижа. Ему было вручено золотое перо «для подписания справедливого, гуманного и прочного мира». На следующий день состоялась встреча Вильсона с Клемансо. Обе стороны остались довольны ею. Однако Хауз тонко заметил, что это произошло только потому, что они «просто не касались тем, которые породили бы споры...»[30]. Лорд Дерби в телеграмме, посланной в Лондон, объяснял перемену мнения Клемансо о Вильсоне тем, что французский премьер-министр рассчитывал иметь в лице президента США «союзника на мирной конференции»[31] против Ллойд Джорджа.

Париж продолжал приветствовать Вильсона. Руководство социалистической партии преподнесло ему специальный адрес и организовало в его честь массовую де-

монстрацию. С большим почетом встречали американского президента члены Французской академии, а Сорбоннский университет присвоил ему ученые степени доктора исторических и доктора юридических наук *Honoris causa*. 20 декабря он выступил с речью во французском сенате, а затем его торжественно принимала палата представителей.

27 декабря Вильсон прибыл в Лондон. Правительство Ллойд Джорджа, как бы соперничая с кабинетом Клемансо, сочло необходимым оказать Вильсону максимум почестей. Его встречали король и его семья, члены правительства. В тот же день в связи с приездом президента США в Бекингемском дворце был устроен банкет. Англия давно не знала такого грандиозного и пышного зрелища.

Вильсон встретился с Ллойд Джорджем, Бальфуром и другими членами английского кабинета. «Он был приветлив и дружелюбен в обращении. Я не почувствовал той профессорской снисходительности к новичкам-студентам, которой мог от него ожидать»[32], – писал впоследствии глава английского правительства. Во время беседы обсуждался широкий круг вопросов, подлежащих рассмотрению на мирной конференции.

После трехдневного визита в Англию Вильсон предпринял поездку в Италию. Рим с исключительным восторгом принял почетного гостя. Весь путь его следования по Вечному городу был усыпан цветами. С таким же необычайным радушием встречали его в Генуе, Милане и Турине. Генуэзцы присвоили Вильсону звание почетного гражданина своего города. В Милане и в ряде других городов Италии улицы и площади были названы его именем.

Бальзак как-то заметил, что слава подобна яду и поэтому ее следует принимать небольшими дозами. Триумфальный прием, оказанный Вильсону во Франции, Англии и Италии, напоминал собой нечто вроде апофеоза при жизни. И это вскружило Вильсону голову. Его вера в собственную звезду еще больше окрепла. Теперь он совершенно уверовал, что народы Европы душой и сердцем с ним и что это несомненно будет содействовать его успеху на мирной конференции. Но Вильсона ждало разочарование.

2. Устав Лиги наций – детище Вильсона

18 января 1919 г. в старинном здании французского министерства иностранных дел на набережной Кэ д'Орсе собрались на первое пленарное заседание делегации 27-ми государств, прибывшие на мирную конференцию. Заседание открыл Пуанкаре. Осудив Германию как виновницу войны, он призвал к ее расчленению. Вильсон в это время невольно припомнил свои собственные высказывания по германскому вопросу. Сопоставляя их с позицией французского президента, он еще раз убедился, сколь серьезны расхождения между США и Францией в вопросах мирного урегулирования. Однако глава американской делегации не стал затевать дискуссию по этому поводу. Время для этого еще не настало. К тому же на первом пленарном заседании решались только организационные дела, в частности кто будет постоянным председателем конференции. По предложению Вильсона при единодушном одобрении делегатов им стал французский премьер-министр.

Клемансо был личностью незаурядной и необычайно колоритной. Круг его интересов был очень велик. Получив медицинское образование, он написал книгу по анатомии человека. Затем занимался философией, историей, литературой, стал автором двух работ о своем друге известном художнике-импрессионисте Клоде Моне. Но более всего Клемансо преуспел в политике. Поначалу он придерживался левых взглядов. Однако со временем они потускнели, а потом и вовсе исчезли. Искусный в политической борьбе, он снискал себе репутацию «ниспровергателя министерств». В 1906 г. Клемансо пришел к власти. Осенью 1917 г. он вторично возглавил правительство. «Старый тигр», как его теперь называли, сурово подавлял революционные выступления во Франции. Он был непримиримым врагом Советской России. Клемансо верно служил интересам французского империализма. Защите этих интересов он посвятил свои усилия и как руководитель французской делегации на мирной конференции, и как ее председатель.

Во время заседания конференции Клемансо обычно прикрывал глаза, но ошибались те, кто думал, что он спит. Он внимательнейшим образом слушал выступления делегатов. Едва оратор кончал говорить, Клемансо тотчас, подняв тяжелые веки, спрашивал: «Имеются ли

возражения?». И, не дожидаясь ответа, либо объявлял о принятии решения, либо предоставлял слово следующему выступающему. С представителями малых стран он вообще не церемонился, изливая в нападках на них свое остроумие, нередко граничащее с язвительностью. Иным было его отношение к главам делегаций США и Англии. Клемансо особенно внимательно фиксировал любое суждение Вильсона. По замечанию Ллойд Джорджа, он «следил за каждым его (Вильсона. – *З. Г.*) движением, как старый сторожевой пес следит за незнакомой и непрошеной собакой, которая только что забрела во двор и внушает серьезные сомнения насчет своих истинных намерений»[33]. Он проявлял учтивость по отношению к американскому президенту и английскому премьер-министру лишь потому, что опасался ссоры с руководителями двух сильнейших государств мира.

Первоначально работа Парижской мирной конференции фактически сводилась к закрытым заседаниям «совета десяти», куда входили главы делегаций и министры иностранных дел США, Англии, Франции, Италии и Японии. Затем решением основных вопросов послевоенного устройства мира занялся «совет четырех» («большая четверка»), действовавший в строжайшей тайне.

Между Вильсоном, с одной стороны, и другими членами «большой четверки» – Ллойд Джорджем, Клемансо и Орландо – с другой, довольно скоро выявились разногласия по вопросу, которому он придавал первостепенное значение. Когда 30 ноября 1918 г. в Лондоне встретились руководители стран Антанты, они достигли соглашения о созыве предварительной мирной конференции для обсуждения территориальных вопросов и условий разоружения Германии и ее союзниц. Окончательный мирный договор должна была выработать новая конференция, но с участием центральных держав. Вильсон придерживался иного мнения. Он считал, что если решение проблем послевоенного устройства мира разделить на два этапа, то возникнет опасность для реализации его планов по созданию Лиги наций. *«Будет только одна конференция»*[34] – так категорично заявил Вильсон еще в первых числах декабря экспертам американской делегации.

Прибыв в Париж, он сразу же объявил Хаузу о своем намерении «сделать Лигу наций центральным пунктом

всей программы, чтобы все остальное вращалось вокруг этого пункта. Как только это станет fait accompli (свершившимся фактом.— *З. Г.*), так почти сразу же исчезнут все серьезные затруднения»[35]. Вильсон, очевидно, имел в виду затруднения не только в Париже, но и в США. Опасения Вильсона были понятны. Ведь будь две конференции, ему соответственно пришлось бы представить на утверждение сената два документа, один из которых касался бы Лиги наций. Тогда возникала реальная угроза, что ратификация сенатом устава Лиги может быть отложена до греческих календ. Естественно, что Вильсон всячески стремился этого избежать, настаивая на том, чтобы устав Лиги был органически включен в текст мирного договора.

Ллойд Джордж и Клемансо в отличие от своего заокеанского партнера считали, что нужно начать с улаживания проблем мирного урегулирования. Только развитие революционного движения в Германии заставило их отказаться от идеи созыва прелиминарной мирной конференции. В результате победила точка зрения американского президента. 22 января «совет десяти» принял резолюцию, предусматривавшую необходимость учреждения Лиги наций и включения ее устава в текст мирного договора в качестве его интегральной части.

Идя на эту уступку Вильсону, главы правительств стран Антанты, однако, не собирались потакать ему. Напротив, они решили, что, пока президент США будет заниматься выработкой проекта устава Лиги наций, им удастся поделить между своими странами германские колонии. Вильсону понадобилось потратить много сил, для того чтобы помешать реализации планов Антанты. Касаясь одного из заседаний, где обсуждался колониальный вопрос, Хауз писал, что его шеф имел «первоклассную стычку» с Ллойд Джорджем и Клемансо. «Президент был зол, Ллойд Джордж был зол, и Клемансо тоже был зол. Это впервые, когда президент утратил самообладание при переговорах с ними...»[36].

25 января состоялось второе пленарное заседание мирной конференции. Открывая дискуссию о Лиге наций, Вильсон заявил: «Мы собрались здесь ради двух целей: для подготовки (мирного.— *З. Г.*) урегулирования, которое является обязательным из-за этой войны, а также для обеспечения и поддержания мира на земле... Лига наций представляется необходимой для достижения

обеих этих целей»[37]. Глава американской делегации не зря настаивал на быстрейшем создании такой организации. Дело в том, что Ллойд Джордж рекомендовал передать вопрос о составлении устава Лиги наций в специальную комиссию в надежде, что в итоге проект устава удастся положить под сукно. Клемансо и другие делегаты конференции охотно поддержали предложение Ллойд Джорджа, которое было принято.

Вильсон, извлекая урок из такого решения, не только вошел в состав комиссии, но и возглавил ее. Теперь руководителям правительств держав Антанты оставалось лишь уповать на то, что комиссия увязнет в бесплодных дискуссиях, а они тем временем продвинут вперед решение тех вопросов, которые их более всего интересовали (репарации, границы и др.). Вильсон понял маневр своих партнеров и поставил перед собой задачу во что бы то ни стало ускорить выработку проекта устава Лиги наций. Он торопил комиссию завершить свою работу к 13 февраля, чтобы после рассмотрения проекта устава Лиги на пленарном заседании мирной конференции успеть представить его в сенатскую комиссию по иностранным делам конгресса США. Поэтому ему особенно усиленно пришлось работать все это время.

Большое внимание Вильсон уделял идее введения системы мандатов. «Я был одним из первых защитников мандатной системы»[38],— с гордостью говорил о себе президент США. Эта система предусматривала право Лиги наций предоставлять «передовым нациям», т. е. империалистическим странам, мандат на управление бывшими колониями Германии и владениями Турецкой империи. Выдвигая такое предложение, Вильсон тем самым хотел помешать Англии, Франции и Италии аннексировать указанные территории. Настаивая на введении мандатной системы, американский президент заявлял, что им движет забота о благополучии народов, подвластных ранее Германии и Турции. Но даже Гувер оспаривал такую точку зрения. «Мандаты,— писал он,— были чрезвычайно выгодны для колонизации, эксплуатации сырьевых ресурсов и военного контроля»[39].

Вильсон связывал с мандатной системой широкие планы и подчеркивал, что естественные богатства *всех* колоний *«должны быть доступны всем членам Лиги»*[40]. Речь фактически шла о распространении доктрины «открытых дверей» на *все* колониальные территории держав

Антанты. Такой вариант решения колониального вопроса создавал исключительно благоприятные возможности для экономической экспансии США, самой развитой империалистической державы. «Вильсоновская мандатная программа,— признает один из американских историков,— открывала закрытые до этого части Азии и Африки для американской торговли и капиталовложений»[41].

Согласно вильсоновскому проекту устава, все члены Лиги наций ежегодно должны были участвовать в Ассамблее, причем каждая страна получала один голос. В состав Совета Лиги намечалось включить девять ее членов. Из них постоянные места получали только державы-победительницы (США, Англия, Франция, Италия и Япония), а остальные четыре места предоставлялись другим странам.

Подготовленный затем президентом США в Париже второй вариант проекта устава Лиги наций в принципе оказался сходным с английским. 3 февраля Вильсон, обсудив с членом английской делегации на конференции Р. Сесилем вопрос об окончательном тексте проекта устава, согласился объединить свой новый проект с английским и представить комиссии единый документ в качестве основы для дискуссии.

В тот же день комиссия по выработке устава Лиги наций начала действовать. Она заседала в резиденции американской делегации и поэтому вошла в историю под названием «комиссия отеля «Крийон»». Ее работа велась спешно. Пункты готовившегося документа, по которым мнения совпадали, принимались без прений. Обсуждались только те, которые вызывали разногласия. К ним, в частности, относился пункт о норме представительства малых стран в Совете Лиги. В англо-американском проекте устава им отводилось два места. Однако малые страны, ссылаясь на первоначальный проект Вильсона, требовали предоставления четырех мест и в результате бурных прений добились своего.

Споры вызвал пункт о представительстве в Ассамблее британских доминионов и Индии. Претензии англичан на предоставление им шести мест (Великобритании, Канаде, Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии и Индии) были удовлетворены. Но эта уступка Вильсона впоследствии, когда устав Лиги наций обсуждался в сенате США, серьезно осложнила его положение. Франция, стремясь использовать эту организацию для борьбы

с Германией, настаивала на создании международной армии, действующей под оперативным контролем Лиги. Это требование вызвало наибольшие споры в комиссии. Вильсон, заняв твердую позицию, вместе с англичанином Сесилем добился его отклонения. Президент США оказал противодействие и Японии, предлагавшей включить в устав Лиги пункт о расовом равенстве, с тем чтобы предоставить японским иммигрантам в Калифорнии равные права с американцами. Вильсон, как уже отмечалось, давно возражал против этого.

Комиссия в конце концов преодолела разногласия, и проект устава можно было, наконец, представить на рассмотрение мирной конференции. Для его составления потребовалось десять заседаний, на что в общей сложности ушло около тридцати часов. Заслуга в столь интенсивной деятельности комиссии принадлежала прежде всего ее председателю. По словам Никольсона, Вильсон «заключил себя в ковчег устава; никто... не был в состоянии извлечь его оттуда»[42].

День американского президента был заполнен до отказа. По утрам он обычно либо встречался с Ллойд Джорджем и Клемансо, либо принимал представителей различных стран и организаций, постоянно толпившихся в его приемной. Когда же наступал вечер, Вильсон с головой окунался в работу «комиссии отеля «Крийон»». Тяжелая нагрузка не могла не сказаться на его здоровье. Появилась бессонница, левая сторона лица стала подергиваться от нервного тика.

14 февраля на очередном пленарном заседании мирной конференции Вильсон представил результаты работы возглавляемой им комиссии. Он подробно охарактеризовал проект устава Лиги наций, дав разъяснения к его статьям. Затем, выступили члены комиссии – лорд Роберт Сесиль (Великобритания), Леон Буржуа (Франция), Витторио Орландо (Италия), а также делегаты других стран. Все они в принципе поддержали докладчика. Проект устава Лиги наций был одобрен.

Свою речь на этом пленарном заседании конференции Вильсон закончил следующими словами: «Народы, питавшие друг к другу недоверие, могут теперь жить как друзья и товарищи, образовав единую семью, и они желают так поступить. Пелена недоверия и интриг спала. Люди смотрят друг другу в лицо и говорят: мы братья и у нас общая цель. Мы раньше не сознавали этого, но

сейчас нам это совершенно ясно. И вот наш договор братства и дружбы»[43]*.

Было ли искренним такое заявление? Ответ на этот вопрос прояснил следующий эпизод. На одном из заседаний «совета четырех», когда закончилось обсуждение очередного вопроса, Клемансо, обращаясь к главам других делегаций, сказал: «Я кое-что слышал о постоянном мире. Здесь было много разговоров о мире, который навсегда положит конец войнам... Очень, очень важно то, что Вы сказали, господин президент, то, о чем Вы так много говорили».

Затем председатель конференции сделал паузу, откашлялся и продолжал: «Подсчитали ли Вы цену такого мира?.. Если мы больше не будем вести войн, если мы их не допустим, мы должны будем отказаться от наших империй и всяких надежд на их сохранение. Вы, господин Ллойд Джордж, вы, англичане, должны будете уйти, к примеру, из Индии. Нам, французам, придется покинуть Северную Африку, а вы, американцы, Вы, господин президент, должны будете уйти с Филиппин и из Пуэрто-Рико и оставить в покое Кубу и Мексику. О, мы все сможем отправиться в эти и другие страны, но лишь как туристы, торговцы и путешественники. Но мы больше не будем иметь возможность управлять ими и эксплуатировать их... Мы не сможем дальше держать в своих руках торговые пути и сферы влияния. Мы должны будем устранить торговые барьеры и предоставить всему миру свободу торговли. Такова лишь приблизительная цена постоянного мира. Имеются и другие жертвы, которые нам, господствующим державам, пришлось бы принести. Это очень дорогостоящий мир. Мы, французы, готовы, а вы готовы уплатить эту цену, с тем чтобы на свете больше не было войн?» Клемансо, можно сказать, попал не в бровь, а в глаз, сорвав завесу с прекраснодушных

* «Вильсон был идолом мещан и пацифистов... которые молились на «14 пунктов» и писали даже «ученые» книги о «корнях» политики Вильсона, надеясь, что Вильсон спасет «социальный мир», помирит эксплуататоров с эксплуатируемыми, осуществит социальные реформы... все эти иллюзии разлетелись в прах при первом же соприкосновении с деловой, деляческой, купцовской политикой капитала в лице господ Клемансо и Ллойд Джорджа. Рабочие массы видят теперь все яснее из опыта своей жизни... что «корни» политики Вильсона сводились только к поповской глупости, к мелкобуржуазной фразе, к полному непониманию борьбы классов», – подчеркивал В. И. Ленин (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 224).

тирад президента США о вечном мире, справедливости и т. п. Недаром Вильсон, а вместе с ним Ллойд Джордж и Орландо в один голос заявили, что не собираются отказываться от тех владений и привилегий, какими располагали их страны. «Тогда, – заключил Клемансо, – вы имеете в виду не мир, а войну»[44].

15 февраля, на следующий день после одобрения мирной конференцией проекта устава Лиги наций, президент отправился в США, где ему предстояло принять решение по ряду законопроектов и административных вопросов. Но главное, ради чего Вильсон возвращался домой, было ознакомление членов сенатской комиссии по иностранным делам с проектом устава Лиги. Накануне отъезда из Парижа он по совету Хауза послал комиссии письмо, в котором предлагал совместно рассмотреть этот документ статью за статьей.

Однако сенаторы – члены комиссии по иностранным делам решили, не дожидаясь возвращения Вильсона, предпринять атаку на его любимое детище. Первым перешел в наступление Поиндекстер. Он призвал отклонить идею создания Лиги наций, утверждая, что эта организация заставит США отказаться в пользу других стран от права вести торговлю оружием и амуницией. Против Лиги наций выступил также Бора, подчеркнувший, что она противоречит доктринам Вашингтона и Монро.

23 февраля «Джордж Вашингтон» прибыл в Бостонский порт. Вильсон, ознакомившись с дебатами в сенате, сразу же решил взять быка за рога. В речи в Бостоне (родном городе Лоджа) он бросил вызов своим оппонентам, объявив, что готов дать им бой по вопросу о Лиге наций. Такое заявление едва ли могло способствовать успеху его предстоящих переговоров с сенатской комиссией по иностранным делам.

Встреча президента с ее членами состоялась в Белом доме 26 февраля. Обсуждение проекта устава Лиги шло в течение трех часов. В дискуссии участвовало большинство присутствовавших. Между тем Лодж и Нокс, чье мнение было определяющим, как будто воды в рот набрали. Несмотря на внутреннее напряжение, Вильсон сохранял присутствие духа. Пристально взглянув на Лоджа, он спросил его: «У Вас нет предложений, сенатор?» Лодж ответил: «У нас нет замечаний». Последовала пауза, и хозяин Белого дома, обращаясь к своему главному

противнику, сказал: «Я должен вернуться в Париж и изложить там те изменения, которые Вы порекомендуете моим коллегам на мирной конференции... Сенатор Лодж, полагаете ли Вы, что сенат ратифицирует устав с этими изменениями, если они будут одобрены сенатской комиссией?» Председатель комиссии, взвешивая каждое слово, размеренным и спокойным голосом ответил: «Если комиссия по иностранным делам одобрит изменения, тогда, я думаю, нет сомнений в ратификации»[45]. Так завершилась эта встреча.

Теперь президенту было окончательно ясно, что влиятельная оппозиция в высшем законодательном органе страны будет ожесточенно сопротивляться его планам в отношении Лиги наций. Так и случилось. 28 февраля Лодж в своей речи перед сенатом камня на камне не оставил от проекта устава Лиги. На следующий день столь же резко выступил Нокс. Но этим дело не кончилось. 3 марта, накануне отъезда Вильсона в Париж, по инициативе Лоджа, Брэндиджи и Нокса в сенат была внесена резолюция, подписанная 37 сенаторами (количество подписей превышало то, которое требовалось для провала устава Лиги наций в сенате). Это был так называемый «раунд робин», особый вид письменного заявления, в котором все подписи располагаются по кругу, дабы ни одна из них не возглавляла список. В резолюции без обиняков было сказано, что «устав Лиги наций в форме, предложенной ныне мирной конференцией, не будет принят Соединенными Штатами»[46] и что вопрос об этой международной организации следует рассмотреть только после заключения мира с Германией.

Но Вильсона такой оборот дела не смутил. В тот же день он выступил с большой речью в Нью-Йорке, в театральном зале Метрополитен-опера, где прямо заявил, что выполнит до конца свои задачи в Париже и вернется в США с уставом Лиги наций. Касаясь критики в свой адрес со стороны сенаторов-республиканцев, президент подчеркнул, что она «не производит на него никакого впечатления», так как «мнение страны является доказательством того, что оно направлено против такого ограниченного и эгоистического»[47] подхода к проблеме Лиги наций. Вильсон был уверен, что американский народ поддерживает его политику. «Несомненно, народ Соединенных Штатов,— телеграфировал он Хаузу 4 марта, в день отъезда в Париж,— в подавляющем большинстве

стоит за Лигу наций. Это я могу заявить с полной уверенностью...»[48] Если учесть позицию, которую занимали тогда в вопросе о Лиге наций власти в штатах и пресса страны, то в определенной степени президент был прав в своих суждениях. В марте 1919 г. 32 из 48 законодательных палат штатов и 33 губернатора поддерживали Вильсона в данном вопросе. Из 1377 издателей газет выступали в пользу Лиги наций 718, и только 181 из них были против. К слову сказать, даже Лодж был вынужден тогда признать, правда в частном разговоре, что подавляющая часть американцев разделяет взгляды Вильсона о необходимости создания Лиги наций.

Глава американской делегации вернулся в Париж в раздраженном состоянии. Причиной тому была неудачная во всех отношениях встреча с сенаторами в Белом доме. «Задуманная Вами встреча за обедом с сенатской комиссией внешних сношений не удалась, поскольку речь шла о том, чтобы договориться»[49],— высказал Вильсон недовольство своему советнику. Вдобавок к этому он был раздосадован действиями самого Хауза, которые тот успел предпринять за время отсутствия президента в Париже.

Несмотря на одобрение Парижской конференцией проекта устава Лиги наций, Вильсона не покидала тревожная мысль, что остальные участники конференции воспользуются любой возможностью для составления прелиминарного мирного договора. В результате дело создания Лиги наций окажется отодвинутым на неопределенный срок. Такой перспективой президент США был особенно обеспокоен в связи со своей короткой отлучкой из Парижа. Поэтому 12 февраля он счел нужным специально предупредить членов «совета десяти», чтобы в его отсутствие не решались территориальные и репарационные вопросы. Об этом же шла речь в инструкции, которую Вильсон дал на следующий день своему заместителю Хаузу. Однако Хауз не выполнил указаний президента.

Вскоре после отъезда Вильсона в США Ллойд Джордж и Орландо в связи с неотложными делами на время разъехались по домам. 19 февраля было совершено покушение на Клемансо, в результате которого он был ранен в плечо. Все эти обстоятельства привели к тому, что Хауз и Бальфур стали играть на конференции основную роль. Они начали интенсивно заниматься подго-

товкой прелиминарного мира. Довольно скоро к ним присоединился Клемансо.

22 февраля Бальфур, действуя с согласия Ллойд Джорджа, представил Верховному военному совету резолюцию, призывавшую к «возможно более быстрому» рассмотрению условий прелиминарного мира, включая военные, территориальные, финансовые и экономические статьи. Хауз поддержал эту резолюцию. Совет, одобрив резолюцию, решил «безотлагательно продолжать обсуждение условий прелиминарного мирного договора» [50]. Было также предусмотрено, что основные статьи договора должны быть подготовлены ко времени возвращения Вильсона в Париж. Завершить эту работу, однако, не удалось: помешал приезд президента США.

14 марта Вильсон прибыл в Брест. Там его встречал Хауз. Беседа между президентом и его советником продолжалась несколько часов. Вильсона очень раздосадовало, что его уполномоченный, занявшись составлением прелиминарного мирного договора, по сути сыграл на руку державам Антанты. Это привело к возникновению новых серьезных разногласий между президентом и Хаузом.

Отводя душу, Вильсон сказал жене: «Хауз отдал все, чего я добился, перед тем как мы покинули Париж. Он пошел на компромисс с другими участниками конференции, и поэтому, когда теперь придется начинать все сначала, мне будет труднее, так как это создаст впечатление, что мои делегаты мне не симпатизируют». Но Вильсон не собирался падать духом. «Я в состоянии продолжать сражаться» [51], — заявил он.

15 марта по указанию Вильсона было опубликовано заявление о том, что «решение, принятое мирной конференцией на пленарном заседании 25 января 1919 г. и предусматривающее учреждение Лиги наций как интегральной части мирного договора, является окончательным и поэтому нет каких-либо оснований для сообщений о предполагаемых переменах в этом решении» [52]. Это заявление, вызвав большую сенсацию в Париже, положило конец всяким толкам насчет Лиги наций. Американский президент, который, по словам Хауза, был в это время «очень воинственным и решительным», с удвоенной энергией стал добиваться выработки окончательного текста устава Лиги.

Выступая 25 февраля на пленарном заседании мирной

конференции с его обоснованием, Вильсон усердно доказывал, что в нем ничего нельзя менять, буквально каждый абзац, каждое слово должны остаться нетронутыми. Но после поездки в США он убедился, что, если в устав не внести некоторых изменений, сенат не ратифицирует его. «Я иду на уступку мнениям лиц, которые мало знают о положении в мире или слабо разбираются в нем, – заявил президент. – Но, увы, они контролируют голоса (избирателей. – *З. Г.*)» [53]. Поэтому ему пришлось согласиться с шестью поправками лидера демократов в сенате Хитчхока и с пятью поправками Тафта. Вильсон пошел даже на то, чтобы принять три (из четырех) «конструктивных предложения», выдвинутые Лоджем в его речи в сенате 28 февраля. Суть всех этих поправок сводилась к фиксированию условий выхода из Лиги наций, сохранению за США прав и интересов, вытекавших из доктрины Монро, невмешательству Лиги наций во внутриполитические вопросы и др. Особая поправка, предложенная Тафтом, касалась порядка голосования в Ассамблее и Совете Лиги. Она предусматривала, чтобы во всех случаях, кроме процедурных, решения принимались единогласно. Иначе говоря, это был принцип консенсуса, дававший право каждой стране накладывать veto на решения, с которыми она не согласна.

Вильсон срочно принялся за корректировку устава. 24 марта на очередном заседании «комиссии отеля «Крийон»» он доложил об изменениях в его тексте. Однако члены комиссии не были уже так солидарны с доводами ее председателя, как в феврале. Они знали, что в США проект устава Лиги наций натолкнулся на сильную оппозицию сенатской комиссии по иностранным делам и что его противники внесли в сенат «раунд робин».

Вильсон оказался между молотом и наковальней. С одной стороны, на него оказывали нажим в США, а с другой – от него требовали существенных уступок его партнеры по переговорам в Париже.

При вторичном обсуждении проекта устава Лиги в «комиссии отеля «Крийон»» наиболее острые дебаты развернулись вокруг поправки Вильсона относительно доктрины Монро. Эта поправка гласила: «Ничто в этом уставе не должно влиять на законность международных обязательств, вроде договоров об арбитраже или регио-

нальных соглашений, обеспечивающих сохранение мира, подобных доктрине Монро»[54]. Французы резонно заявляли, что поправка ставит США в привилегированное положение, так как Лига наций не смогла бы распространить свои полномочия на Латинскую Америку, которая по-прежнему оставалась сферой влияния Соединенных Штатов. Они также говорили, что признание за США особых прав, вытекающих из доктрины Монро, освободило бы эту страну от необходимости участия в урегулировании европейских дел. Заседание, на котором обсуждалась американская поправка, затянулось за полночь. Тем не менее Вильсон снова выступил. Его речь, пишет Сеймур, «секретари слушали с захватывающим дух восхищением, застыв с карандашами в руках, забыв о своих обязанностях...»[55]. В конце концов Франция сняла свои возражения, но выторговала для себя уступки со стороны США в германском вопросе.

Против вильсоновской поправки, касавшейся доктрины Монро, выступила Англия. Она использовала разногласия с США, возникшие по данному вопросу, для того чтобы сохранить за собой военно-морское превосходство. Последовали длительные переговоры между двумя державами, завершившиеся компромиссом. Правительство США, решив выполнить в полном объеме морскую программу 1916 г., вместе с тем обещало после вступления в силу мирного договора либо сократить проект программы 1918 г., либо вообще отказаться от него. Кроме того, оно выразило готовность ежегодно консультироваться с Англией о будущем строительстве флота, учитывая при этом особое положение последней как морской державы. Англия, со своей стороны, заверила США в поддержке их требования соединения мирного договора с уставом Лиги наций и о включении в его текст положения о доктрине Монро.

Таким образом, основные препятствия на пути создания Лиги наций были устранены. 28 апреля состоялось еще одно пленарное заседание мирной конференции. Как и в предыдущие разы, основным докладчиком был Вильсон. Он подвел итоги дискуссии в комиссии и охарактеризовал выработанный ею окончательный текст устава. Начались непродолжительные прения. «Клемансо сразу же пустил в ход «паровой каток», как только закончили речи те, кто хотел, чтобы их мысли были зафиксированы в протоколе. Конференция не успела перевести дыхание,

как все решения были уже приняты»[56] – такое свидетельство об этом событии оставил Хауз.

Лига наций в определенном смысле явилась творением Вильсона. Что же представляла собой эта международная организация? Она явилась первым в истории опытом объединения государств в интересах поддержания всеобщего мира. Хотя этот опыт и был впоследствии в определенной мере использован при создании ООН, он в целом оказался неудачным. Лига наций не выполнила своей основной задачи, зафиксированной в ее уставе: «развитие сотрудничества между народами и гарантия их мира и безопасности». Она служила орудием политики империалистических держав, поделивших мир между собой, и была направлена против малых стран и угнетенных народов. Создатели Лиги наций пытались использовать ее против революционного движения в мире, с целью сохранения основ капитализма. Именно к этому призывал член американской делегации на Парижской мирной конференции генерал Блисс, взгляды которого отражали позицию Вильсона. «Чем сильнее будет Лига наций, – писал Блисс, – тем более неизбежна будет ее тенденция сохранить все на мертвой точке статус-кво... и предотвратить перемены в любом из правительств стран, входящих в ее состав»[57].

Президент Вильсон неоднократно твердил об универсализме Лиги наций. Но вместе с руководителями держав Антанты он преднамеренно наглухо закрыл двери для участия Республики Советов в этой организации. Более того, Вильсон и другие создатели этой организации свою главную задачу видели в том, чтобы под ее знаменем сплотить все капиталистические страны для совместной борьбы с Советской Россией.

3. «Русский вопрос» на мирной конференции

Официально мирная конференция в Париже была созвана для выработки мирных договоров с Германией и ее бывшими союзниками. Фактически центральное место в ее работе занимал «русский вопрос». «Воздействие русской проблемы на Парижскую конференцию, – писал биограф Вильсона Р. С. Бэйкер, – было необычайно сильным. Париж не может быть понят без Москвы. Не имея никакого представительства в Париже, большевики и большевизм представляли собой могущественную силу на каждом повороте (конференции. – *З. Г.*). Россия игра-

ла в Париже более важную роль, чем Пруссия. В то время как идея Пруссии была полностью сокрушена, идея России все еще набирала силу» [58].

Сущность «русского вопроса» в понимании империалистических кругов Запада сводилась прежде всего к тому, чтобы покончить с социалистической революцией в России* и тем самым восстановить целостность мировой капиталистической системы. Вильсон и руководители держав Антанты сообща пытались решить эту задачу с помощью интервенции. Но она не принесла им желанной победы. Молодая Советская Республика успешно отражала натиск своих многочисленных врагов. Более того, ее позиции окрепли в связи с тем «мирным наступлением», которое она последовательно и энергично проводила.

2 декабря 1918 г. Советское правительство в который раз направило ноты правительствам Великобритании, Франции, Италии и Соединенных Штатов Америки, призывая их заключить мир. Аналогичное предложение послал 23 декабря представителям стран Антанты и США в Стокгольме уполномоченный Советского правительства в Швеции М. М. Литвинов. На следующий день Литвинов в ноте на имя Вильсона, находившегося тогда с визитом в Лондоне, сообщил, что он специально делегирован в шведскую столицу, чтобы начать переговоры об окончании враждебных действий против Советской России и заключить соглашение о мире. При этом он отмечал, что трудящиеся Советской Республики «готовы пойти на все возможные уступки, если им удастся обеспечить при этом условия, позволяющие... мирно развивать свою социальную программу» [59]. В результате данного обращения президент США отправил в Стокгольм сотрудника американского посольства в Англии У. Баклера для неофициальных переговоров с Литвиновым. Они проходили с 14 по 16 января 1919 г., после чего Баклер представил соответствующий доклад Вильсону.

Ко времени созыва Парижской мирной конференции

* «...«Демократические» страны, вооруженные до зубов, господствующие в военном отношении безраздельно над всей землей, боятся, как огня, *идейной* заразы, идущей от разоренной, голодной, отсталой, по их уверению даже полудикой, страны!

Одно уже это противоречие открывает глаза трудящимся массам всех стран и помогает разоблачать лицемерие империалистов Клемансо, Ллойд Джорджа, Вильсона и их правительств», – отмечал В. И. Ленин (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 301).

в руководящих кругах Запада определились два подхода к решению «русского вопроса». Черчилль, Клемансо, Фош и их сторонники ратовали за продолжение военной интервенции, рассчитывая с ее помощью и посредством экономической блокады уничтожить Советскую Республику. Главнокомандующий войсками Антанты Фош ради достижения этой цели даже выражал готовность пойти на сотрудничество с Германией.

Выразителями другого курса в отношении Советской России были Вильсон и Ллойд Джордж. Оставаясь врагами Великой Октябрьской социалистической революции, они считали целесообразным использовать иные методы борьбы с ней. Свои взгляды по «русскому вопросу» они изложили на совещании глав делегаций на мирной конференции, состоявшемся 16 января. Выступая здесь с большой речью, Вильсон поддержал точку зрения Ллойд Джорджа, предлагавшего начать переговоры с Советским правительством. Но в отличие от английского премьера, ограничившегося признанием бесперспективности вооруженной интервенции и «санитарного кордона», американский президент предпринял попытку разобраться в причинах успехов социалистической революции в России и ее влияния на трудящиеся массы всего мира. «Несомненно,– подчеркивалось в его речи,– что за большевиками стоит огромная скрытая сила... Во всем мире растет возмущение против крупного капитала, оказывающее свое влияние как в экономической, так и в политической сфере... Огромное большинство трудящихся убеждено, что привилегированное меньшинство никогда не уступит им своих прав. Если не удастся создать в некотором роде партнерство между этими двумя группировками, наше общество рухнет. Это естественное недовольство (трудящихся.– *З. Г.*) делает большевизм жизнеспособным. Семена большевизма не могли бы взойти, если бы они не нашли благодатную почву. Если бы такой почвы не существовало, на большевизм можно было бы не обращать внимания»[60].

Признав, что большевизм нельзя уничтожить силой, так как он опирается на широкую поддержку народных масс, Вильсон отметил, что американские и английские войска, посланные в Россию, подвергаются там революционизирующему воздействию идей Октября и поэтому больше не хотят воевать против Красной Армии. Изменение своего курса в отношении интервенции он мотиви-

ровал и тем, что «большевистские лидеры часть своей силы черпают из постоянной угрозы иностранной интервенции. Эта угроза помогла им объединить вокруг себя народ» [61].

Довольно трезвые суждения Вильсона о социалистической революции в России и о факторах, обусловивших распространение ее принципов по всему миру, не были следствием какого-то внезапного озарения. К мыслям подобного рода он не раз возвращался. Так, 28 февраля президент заявил собравшимся в Белом доме членам национального комитета демократической партии, что в капиталистических странах возникла серьезная опасность, причиной которой является «неверие народов в свои правительства» [62], и что это способствует распространению большевизма. Выступая спустя месяц на заседании «совета четырех», он сказал: «Слово «большевизм» означает множество различных понятий. По моему мнению, попытка остановить революционное движение, выставив (против него. – *З. Г.*) армии, равносильна попытке остановить половодье метлой. Более того, армии, получившие приказ сражаться с большевизмом, могут заразиться им... Единственный способ противодействия большевизму – уничтожение его причины. Это, однако, невероятно трудно...» [63]

Подобными взглядами Вильсон возвышался над тогдашним уровнем буржуазного мышления. Пожалуй, в то время он являлся исключением среди ведущих деятелей капиталистического мира. Объяснение этому феномену надо искать не в симпатиях американского президента к Советской Республике. Вильсон всегда выступал убежденным сторонником капиталистического строя. Отсюда его крайне непримиримое отношение к социализму. Если Вильсон утверждал, что с большевизмом надо бороться не с помощью вооруженной силы, а иными средствами, то вызвано это было рядом обстоятельств. К ним надо отнести успехи Красной Армии в борьбе с внутренней контрреволюцией и интервентами, а также повсеместный рост антиинтервенционистского движения, в том числе в США. Существенное значение имело и то, что Вильсон, взяв на себя роль политического и духовного вождя либерального движения в мире, считал своим прямым долгом противопоставить большевизму идеи буржуазных реформ в расчете, что в конечном счете они возьмут верх.

20 января на конференции выступил бывший французский посол в России Ж. Нуланс. Этот воинствующий интервенционист основной акцент делал на «ужасах большевизма». На следующий день первым взял слово бывший датский посол в России Э. Скавениус, также призывавший к продолжению интервенции. Следующим оратором был Вильсон. Он огласил доклад Баклера о переговорах последнего с Литвиновым. Отклонив доводы сторонников вооруженной интервенции, президент заявил: «В создавшейся в России ситуации ясно одно: союзники, вступив в борьбу с большевизмом с оружием в руках, в действительности помогают делу большевизма. Утверждение, что союзники действуют против народа (России. – *З. Г.*) и хотят установить свой контроль над страной, дало большевикам возможность набрать целые армии. Если, с другой стороны, союзники смогут отбросить свою гордость и естественное отвращение (!), которое они питают к большевикам, и встретятся с представителями всех организованных группировок (в России. – *З. Г.*), это нанесет серьезный ущерб большевизму» [64]. Глава американской делегации предложил пригласить представителей Советского правительства и контрреволюционных правительств на территории России на специальную конференцию в Салоники или на остров Лемнос. При этом он недвусмысленно заявил, что США исключают возможность дипломатического признания Республики Советов. «Совет десяти» согласился с основными положениями Вильсона.

«Где находятся Принцевы острова?» – спросил Ллойд Джордж. «Я раньше никогда не слышал о них» [65], – ответил Вильсон. Тем не менее было решено созвать конференцию по «русскому вопросу» именно на этих островах, затерявшихся в Мраморном море. 22 января Вильсон огласил на «совете десяти» составленное им «Обращение к русским политическим группировкам», которое было одобрено. Текст «Обращения» был передан по французскому радио.

«Единственной задачей представителей держав, принимавших участие в обсуждении тех мер, которых следует придерживаться относительно России, – говорилось в «Обращении», – является желание оказать помощь русскому народу, но отнюдь не создавать ему препятствия или вторгаться в его право устраивать свои дела по собственному усмотрению. Представители союзных держав

относятся к русскому народу как к другу, а не как к врагу... Они также не намерены эксплуатировать его в каких бы то ни было видах. Они без малейшей оговорки признают революцию и не будут никоим образом и ни при каких обстоятельствах помогать или потворствовать каким-либо попыткам контрреволюции... Их единственная и искренняя цель – сделать все возможное, чтобы дать России мир и возможность самой найти выход из нынешних беспорядков»[66]. В заключение было сказано, что «все организованные группировки» в России приглашаются направить своих представителей для переговоров на Принцевы острова и что последним следует туда прибыть не позднее 15 февраля 1919 г.

Не трудно заметить, что характер данного документа, его фразеология во многом напоминают «14 пунктов» Вильсона и его послание IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов. Все те же заверения в дружбе к России, в симпатиях к ее народу. Бросается в глаза и то, что автор «Обращения» заявлял о своем признании революции в России и клялся не оказывать помощь ее врагам. Но такое признание не означало отхода от враждебной политики в отношении Великой Октябрьской социалистической революции. Когда Вильсон с сочувствием говорил о ней, то имел в виду только свержение самодержавия.

Сообщение о конференции на Принцевых островах было получено царскосельской радиостанцией 23 января, а на следующий день Г. В. Чичерин телеграфировал полномочному представителю РСФСР в Швеции В. В. Воровскому: «Выбор уединенного острова, отдаленного от европейских политических центров, в качестве места для конференции может иметь целью лишь окружить ее непроницаемой тайной или создать ей искусственную и пристрастную гласность, поскольку выбор сторон, которым было бы разрешено участвовать в этой конференции, целиком находится в руках держав Антанты»[67]. Тем не менее Советское правительство решило принять участие в этой конференции, где бы она ни проходила, направив на нее своих представителей. 4 февраля оно передало по радио ноту правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии, в которой отмечалось, что, несмотря на улучшение обстановки на фронте и внутри Республики, Советское правительство «считает настолько желательным заключе-

ние соглашения, которое положило бы конец военным действиям, что оно готово немедленно начать с этой целью переговоры и, как оно неоднократно заявляло, добиться такого соглашения даже ценою серьезных уступок, поскольку они не будут угрожать дальнейшему развитию Советской Республики»[68].

Прошло двенадцать дней, и в Париж поступили ответы белогвардейских правительств. Они наотрез отказались сесть за стол переговоров с представителями Советской власти. Подоплека такой позиции кроется не только в действиях французского руководства, поощрявшего белогвардейцев к срыву конференции на Принцевых островах, но и в политике других западных держав, в том числе и США. Американский историк Дж. Томпсон, обстоятельно исследовавший этот вопрос, пришел к заключению, что «антибольшевистские правительства получали *со всех сторон* (курсив мой. – *З. Г.*) намеки на то, что они и впредь будут обеспечены помощью союзников и что план созыва конференции на Принцевых островах потерпит неудачу»[69]. Стремясь переложить вину за срыв конференции на Советское правительство, Вильсон заявил: «Большевики приняли наше предложение, но умышленно сделали это оскорбительным образом... (Их уступки. – *З. Г.*) означают: «Мы имеем дело с растленными правительствами, заинтересованными только в вымогательствах, но если это и есть цена признания со стороны Европы и сотрудничества с ней, мы готовы заплатить ее»»[70]. Пройдет еще несколько месяцев, и Вильсон вместе с Ллойд Джорджем, Клемансо и Орландо публично объявит, что Советское правительство якобы отклонило предложение США и держав Антанты о созыве конференции. В обращении НКИД, адресованном рабочим организациям Запада, справедливо подчеркивалось, что такое утверждение «есть не что иное, как одно из многочисленных ложных измышлений, направленных против Советской России»[71].

Успехи Красной Армии на Урале, Южном и Северном фронтах в конце января – первой половине февраля 1919 г. вынудили западные державы предпринять еще одну дипломатическую акцию. Ее цель – выиграть время для подготовки контрнаступления Колчака. Инициативу в этом деле взял на себя Вильсон. В день своего отъезда из Парижа, 14 февраля, он предложил послать специального представителя в Москву для неофициальных перего-

воров с советским руководством. Выполнить эту миссию, одобренную Ллойд Джорджем, было поручено атташе американской делегации на Парижской конференции У. Буллиту [72].

Перед поездкой в Советскую Россию Буллит получил подробные инструкции от Хауза, Лансинга и секретаря английского премьер-министра Ф. Кэрра. Имея на руках специальные полномочия, подписанные государственным секретарем США, он в сопровождении журналиста Л. Стеффенса и капитана американской армии Питита 22 февраля отправился в долгий путь. В Петроград, где его встречали Чичерин и Литвинов, он прибыл только 8 марта. Оттуда Буллит поехал в Москву. Здесь 11 марта состоялась его беседа с В. И. Лениным. Переговоры были эффективными и быстро завершились. «...Мы в несколько часов заключили предварительный договор о мире» [73],— отмечал В. И. Ленин.

Окончательный текст проекта соглашения, составленный В. И. Лениным и одобренный ЦК партии, был вручен Буллиту 14 марта. Советская Россия, будучи заинтересованной в быстрейшем окончании интервенции, проявляла готовность пойти на серьезные уступки. Поэтому соглашение предусматривало, что после двухнедельной приостановки военных действий на территории России должен быть заключен мир на следующих условиях: сохранение власти существовавших тогда правительств в контролируемых ими районах, снятие экономической блокады, амнистия для всех политзаключенных, вывод из России иностранных войск и выполнение финансовых обязательств царского правительства по отношению к другим государствам и их гражданам. «Советское Правительство России,— указывалось далее в этом документе,— обязуется принять вышеизложенное предложение, если оно будет сделано не позже 10 апреля 1919 года» [74]. В Париж Буллит вернулся 25 марта. Он встретился с Хаузом, а на следующий день должна была состояться его встреча с президентом. Однако Вильсон, сославшись на головную боль, отказался принять Буллита. Попытку встретиться с президентом предпринял Стеффенс, воспользовавшись давнишней договоренностью с ним о свидании в случае особо важных обстоятельств. Он послал президенту свою визитную карточку, написав на ней: «Крайне необходимо!» Но Вильсон не принял и Стеффенса.

Прошло несколько дней, и по личному указанию Вильсона ему был представлен письменный отчет Буллита о переговорах в Москве. Но этот документ глава американской администрации решил хранить в тайне. Он не только не разрешил его опубликовать, но даже не сообщил о нем «совету четырех». Ллойд Джордж поступил иначе. Он принял Буллита и получил от него подробную информацию о переговорах. Тем не менее, выступая в палате общин, Ллойд Джордж заявил, что ему якобы ничего не было известно о миссии последнего. Следовательно, при различии тактик этих двух государственных деятелей результат оказался один и тот же: оба они отрицательно отнеслись к советским предложениям о мире.

В. И. Ленин, характеризуя договор с Буллитом, говорил о том, что он был «необыкновенно выгодный для них и необыкновенно невыгодный для нас...»[75]. Тем не менее Вильсон не пожелал заключить мир с Советской Россией. Он рассчитывал на победоносный исход наступления Колчака, в результате которого слабая, с его точки зрения, Советская Республика будет уничтожена.

27 марта Вильсон предложил Хаузу проконсультироваться с руководителем Американской администрации помощи (АРА) о возможности отправки в Россию продовольствия. Г. Гувер – непримиримый враг Советского государства – с энтузиазмом воспринял такой проект и тотчас написал об этом президенту. Главная идея его письма состояла в том, что правительство США ни в коем случае не должно признавать «большевистскую тиранию». Если, считал он, трудящиеся России будут накормлены и одеты, они обязательно «отрекутся от большевизма». В соответствии с предписаниями президента Хауз и Гувер при помощи Д. Миллера (юридического советника американской делегации на Парижской конференции) и Г. Очинклоса (одного из секретарей делегации) занялись разработкой плана оказания «помощи» России. Сознавая, что после провала затеи с конференцией на Принцевых островах и с миссией Буллита Советское правительство с подозрением отнесется к этому плану, составители его сочли нужным обратиться к выдающемуся полярному исследователю известному гуманисту Ф. Нансену, находившемуся в то время в Париже.

Нансен откликнулся на предложение Хауза и Гувера и 3 апреля направил письмо Вильсону, в котором говорилось: «Нынешнее продовольственное положение в Рос-

сии, где сотни тысяч людей умирают ежемесячно от настоящего голода и болезней, является одной из наиболее важных проблем для всего человечества»[76]. Автор письма предлагал создать чисто гуманитарную комиссию, составленную из граждан нейтральных стран – Норвегии, Швеции, а также, возможно, Голландии, Дании и Швейцарии, для организации снабжения России продовольствием и медикаментами.

Предложения Нансена никак не совпадали с тем, чего добивались Хауз, Гувер и К°. Поэтому они внесли дополнения к плану Нансена, в соответствии с которыми отправка продовольствия в Советскую Россию была обусловлена приостановкой ею военных действий и распространением контроля союзных держав над ее железнодорожным транспортом. Вильсон одобрил эти дополнения и вместе с главами правительств держав Антанты 17 апреля подписал письмо Нансену. Вслед за этим Нансен отправил телеграмму В. И. Ленину, в которой изложил свое предложение американскому президенту и ответ «совета четырех».

Телеграмма Нансена была получена в Москве 4 мая. Три дня спустя Г. В. Чичерин по поручению Советского правительства послал ответную радиотелеграмму. Выразив благодарность Нансену за проявленное им «горячее участие в благосостоянии русского народа», нарком иностранных дел заявил, что Советское правительство «будет особенно радо» вступить с ним в контакт в целях проведения в жизнь его плана столь гуманного характера. Но, как он далее отмечал, вопрос о приостановке военных действий, являвшийся политическим, должен обсуждаться с теми державами, которые вели войну против Советской России. «Мы всегда были готовы вступить в переговоры о мире, и теперь, как и прежде, мы готовы это сделать»[77], – писал Г. В. Чичерин.

Получив согласие Советского правительства, Нансен сообщил ему и «совету четырех» о своей готовности прибыть в Москву для переговоров о реализации намеченного плана. Однако поездка не состоялась: Вильсон и другие члены «совета четырех», окрыленные временными успехами Колчака, не пожелали договориться с советской стороной о приостановке военных действий. В результате план Нансена не был претворен в жизнь.

В связи с начавшимся весной 1919 г. крупным наступлением колчаковцев Вильсон все больше склонял-

ся к мысли о возможности признания «верховного правителя Российского государства». Такие же тенденции проявляли и руководители Антанты. Следствием общности позиции глав делегаций четырех западных держав явилась нота, в которой они извещали Колчака о своем согласии признать его и форсировать оказание ему помощи при выполнении им некоторых условий (созыв Учредительного собрания после взятия его войсками Москвы, признание независимости Польши и Финляндии, предоставление автономии Эстонии, Латвии и Литве и др.).

Вильсону было хорошо известно, что колчаковская власть представляла собой неприкрытую военную диктатуру, тем не менее он, а также Ллойд Джордж, Клемансо и Орландо довольствовались уклончивыми обещаниями Колчака установить в России «демократические» порядки. 12 июля «совет четырех», сочтя ответ омского диктатора удовлетворительным, обещал оказывать ему всяческую помощь. Правительство Вильсона ускоренными темпами отправило в распоряжение Колчака оружие, военное снаряжение, железнодорожное оборудование и другие материалы.

Ставка на Колчака как на главную силу первого похода Антанты оказалась несостоятельной. 14 ноября в результате героических усилий Красной Армии был освобожден Омск. Колчак бежал в Иркутск, но вскоре власть в этом городе перешла к Временному ревкому. 7 февраля 1920 г. по его приказу бывший «верховный правитель Российского государства» был расстрелян. Ровно через месяц в Иркутск вступили части Красной Армии. С колчаковщиной было покончено.

С именем Вильсона в бытность его участия в работе Парижской мирной конференции связана еще одна акция, направленная против Советской Республики. Речь идет о плане интернационализации проливов и о предоставлении США мандата Лиги наций на управление турецкой Арменией и Константинополем. 28 февраля 1919 г. он заявил членам национального комитета демократической партии, что «Америка является единственной страной в мире, которая может взять на себя такой мандат»[78].

Официальное решение о предоставлении США мандата на турецкую Армению, Константинополь и прилегающую к проливам и Мраморному морю территорию «совет четырех» принял 14 мая. Ллойд Джордж по этому

поводу писал: «Перспектива мандатов на Армению и Константинополь соответствовала идеалам президента Вильсона. Его не надо было уговаривать»[79]. Вильсон охотно согласился с мандатом на эти территории, и это дало основание Клемансо в шутку сказать ему: «Когда Вы перестанете быть президентом, мы сделаем Вас Великим турком (так в свое время именовали в Европе турецкого султана.– *З. Г.*)»[80]. В мае 1920 г. президент Вильсон предложил сенату согласиться с принятием США мандата на Армению. Но сенат не пошел на это. Это произошло 1 июля 1920 г., т. е. уже после того, как он отказался утвердить Версальский договор вместе с уставом Лиги наций.

«Русский вопрос» на Парижской конференции не сводился только к выработке мер ликвидации советского строя в России. В связи с тем что большевизм приобрел огромное международное значение, Вильсон и его коллеги из лагеря Антанты трактовали «русский вопрос» в расширительном плане, неотрывно связывая его с задачей подавления революционного движения в Европе*. Поэтому «русский вопрос» не только занимал центральное место в работе конференции, но и неизменно находился в поле зрения при решении *всех* вопросов, обсуждавшихся в Париже. Гувер с горечью констатировал, что «коммунистическая Россия была призраком, который почти ежедневно бродил по мирной конференции»[81]. Об этом же, но на иной манер высказался американский историк Т. Бэйли. Характеризуя работу Парижской мирной конференции, он писал о том, что в «действительности там была «большая пятерка». Ленин был ее пятым членом, незримым и занимавшим невидимое кресло... Он оказывал влияние на всю работу конференции, подстегивал и стимулировал ее»[82].

Вильсона все время тревожила мысль, что, если идеи Октября будут распространяться и дальше, это окончательно подорвет основы того строя, которому он был так ревностно предан. ««Яд большевизма» охотно воспринимается в мире потому, что является протестом против существующего образа жизни»,– говорил Вильсон своим экспертам, сопровождавшим его в Париж. «Нашим делом на конференции,– продолжал он,– должна

* «Недаром Вильсон,– писал В. И. Ленин,– заявил: теперь наш враг есть мировой большевизм» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 226).

быть борьба за новый порядок, по возможности с позиций *доброй воли*, а если будет необходимо – *без них*»[83]. Но что это за «новый порядок», который президент США собирался отстаивать любыми средствами? Все тот же капиталистический строй, и ничего другого. Вильсон непоколебимо верил, что только он основан на разумных началах и нужно лишь немного его подправить. Американский историк Дж. Томпсон, анализируя такую политику, сделал точный вывод о том, что «в принципе он (Вильсон.– *З. Г.*) был консерватором, надеявшимся сохранить *статус-кво,* лишь усовершенствовав его»[84].

4. Германская проблема. Версальский мирный договор

Делегация США на Парижской мирной конференции имела собственную программу решения германской проблемы, пусть не детально разработанную, но зато вполне определенную. Программа эта прежде всего базировалась на том, что Германия, потерпев поражение в войне, отныне и надолго не будет представлять опасность для США и их планов экономической экспансии, особенно в Латинской Америке. Вместе с тем США учитывали, что чрезмерное ослабление Германии не в их интересах, так как это нарушило бы равновесие сил в Европе.

Вильсон строго следовал этим основополагающим принципам американской политики в германском вопросе. Вскоре после прибытия в Париж он откровенно заявил журналистам, что категорически возражает против стремлений держав Антанты заполучить возможно больше от побежденной Германии. «Мирный договор не должен быть грабительским миром. *Если бы он стал таковым, это было бы историческим наказанием.* В случае необходимости я сразу скажу им (главам правительств стран Антанты.– *З. Г.*), что, если характер мира таков, как они этого требуют, я вместе с другими членами моей делегации отправлюсь домой и в подходящее время займусь деталями сепаратного мира»[85].

В отличие от США правящие круги Франции добивались иных целей в германском вопросе. Они были заинтересованы в расчленении Германии, подрыве ее экономики посредством выплаты огромных репараций, расширении своей колониальной империи за счет бывших германских колоний в Африке и владений Турции на

Ближнем Востоке. Страстным поборником такой политики являлся Клемансо. Он был убежден, что мощь Германии нужно сокрушить если не навсегда, то на длительное время и что только таким путем может быть обеспечена доминирующая роль Франции в Европе. Но реализовать подобные планы было крайне трудно. И не потому, как с сарказмом говорил Клемансо, что ему пришлось иметь дело с Ллойд Джорджем, возомнившим себя Наполеоном, и Вильсоном, изображавшим из себя Иисуса Христа. Сложность его позиции заключалась в том, что намерения Франции в отношении Германии шли вразрез с интересами как США, так и Англии.

Англию на Парижской мирной конференции представлял Дэвид Ллойд Джордж. Этот невысокого роста человек обладал горячим темпераментом, острым умом и ораторским талантом. Широкую известность Ллойд Джордж завоевал, проявив себя искусным мастером компромиссов и активным сторонником либеральных реформ. Благодаря таким качествам и огромному честолюбию он смог подняться на вершину власти. Когда цель была достигнута, Ллойд Джордж отбросил социальную демагогию. Теперь он выступал рьяным поборником интересов британского империализма.

В преддверии парламентских выборов, состоявшихся 14 декабря 1918 г., английский премьер-министр громогласно заявлял: «Боши за все заплатят!», «Мы выжмем из Германии все, как из лимона, и более того!» Но эти бравые призывы были предназначены лишь для того, чтобы заполучить голоса избирателей. После успеха на выборах Ллойд Джордж больше не вспоминал о своих недавних требованиях к Германии. Великобритания добилась всего, из-за чего воевала. С германской военно-морской мощью было покончено. Германия лишилась мировых рынков и больше не представляла опасности как конкурент. Почти все ее колонии оказались в руках англичан. Под контроль Англии перешла также большая часть бывших владений Турецкой империи.

Теперь перед английской дипломатией стояла новая задача: не допустить французской гегемонии на Европейском континенте. Когда Клемансо с возмущением заметил Ллойд Джорджу, что после победы над Германией Англия стала противницей Франции, последний, ничтоже сумняшеся, ответил, что в этом и проявляется традиционный характер английской внешней политики.

Существо германского вопроса заключалось не только в том, какое место займет Германия в системе послевоенных экономических и политических отношений капиталистического мира. Более важным являлось теперь то, каково будет ее внутреннее положение: останется ли она буржуазным государством или же в ней, как в России, победит социалистическая революция? Неизбежная в этом случае перспектива единства действий социалистической Германии с Советской Россией и дальнейшего продвижения революции на Запад всерьез беспокоила Вильсона. Он пытался осмыслить подоплеку и характер революционных событий в Европе, развивавшихся под прямым воздействием Октября. Однако глубоко разобраться в коренных причинах революционного движения он не мог. Вильсон рассуждал так: трудящиеся массы совершают революцию главным образом потому, что они голодны. Из такой посылки следовало, что, если люди будут сыты, причины для революции не будет. Подобную точку зрения Вильсон излагал неоднократно. В послании, которое он направил из Парижа лидерам конгресса 13 января 1919 г., сказано: «Продовольственная помощь является в настоящее время ключом ко всей ситуации в Европе и к решению вопроса о мире. Большевизм неуклонно продвигается на Запад и отравляет Германию. Он не может быть остановлен силой, но его можно остановить продовольствием...» [86]

13 января Вильсон обратился к Верховному совету Антанты с предложением оказать срочную продовольственную помощь Германии. Выступая спустя некоторое время на заседании того же совета, он предостерегал: «Поскольку Германию терзает голод, там имеются условия для разрушения государства». Поэтому, продолжал он, нужно действовать безотлагательно. «Это больше, чем вопрос о том, как накормить Германию или как она будет расплачиваться; это вопрос о большевизме» [87].

Германия получила свыше 1 250 тыс. т продовольствия и медикаментов. Этим, конечно, не исчерпываются все аспекты американской политики в германском вопросе, но сказанное проливает свет на усилия, предпринятые Вильсоном с целью воспрепятствовать свершению социалистической революции в Германии. Впрочем, в таком же направлении действовали Ллойд Джордж и Клемансо. Все они были озабочены опасностью «большевизации» Германии и поэтому совместно принимали меры

для защиты в ней буржуазного строя. Это был, пожалуй, единственный вопрос, в решении которого они действовали сообща.

20 февраля по поручению Клемансо его ближайший помощник А. Тардье представил на рассмотрение мирной конференции меморандум, содержавший требование создания зависимой от Франции Рейнской республики. Вильсон в то время находился в США. Узнав об этом, он не стал долго размышлять над тем, как ему следует поступать при создавшейся ситуации. Телеграмма президента в Париж Хаузу была совершенно определенной: «Я надеюсь, что Вы не дадите даже предварительного согласия на отделение Рейнской области от Германии ни при каких условиях, а отложите все дело до моего приезда»[88]. Вернувшись на конференцию, он одобрил идею Ллойд Джорджа о предоставлении англо-американских гарантий Франции на случай новой германской агрессии, но при условии, что она не будет домогаться Рейнской области. Клемансо согласился с гарантиями, потребовав одновременно демилитаризации полосы в 50 км на правом берегу Рейна и оккупации его левого берега в течение тридцати лет, а также передачи Франции Саара. Выполнение последнего требования привело бы к тому, что Франция, располагая лотарингской железной рудой и саарским каменным углем, создала бы экономический фундамент для своей гегемонии в Европе. Это предложение вызвало решительные возражения и американцев, и англичан. Клемансо, естественно, проявлял недовольство.

Вильсон также был не в духе. Причиной тому явилось следующее обстоятельство. Французская печать, которая еще совсем недавно расточала президенту США щедрые похвалы, теперь избрала его главной мишенью своей критики. Она писала, что Вильсон, защищая интересы Германии, хочет вырвать у Франции столь трудно завоеванную ею победу. Парижские газеты с нескрываемым злорадством расписывали его неудачи в конгрессе, охотно публиковали выступления Лоджа и других лидеров республиканцев. При этом они выражали надежду, что на завершающем этапе работы мирной конференции США будут представлены уже не Вильсоном, а его противниками из сената. Дальше всех в нападках на американского президента пошла наиболее влиятельная газета «Тан». Она явно переусердствовала, обвинив Вильсона

в том, что выдвинутая им формула мира якобы способствует распространению в мире движения в пользу социальной революции и продвижению Франции «по пути к большевизму» [89].

Глава американской делегации находился в состоянии крайнего раздражения, усугублявшегося тем, что французская пресса подвергала осмеянию его собственную персону, публикуя на него едкие карикатуры. Справедливости ради надо сказать, что французские газеты и журналы в равной мере не щадили ни Клемансо, ни Ллойд Джорджа. Но за долгие годы политической карьеры у них выработался своеобразный иммунитет к критике в свой адрес, пусть даже самой злобной.

15 марта Хауз от имени своего патрона дал понять Клемансо, что, если французская печать не оставит в покое американского президента, это неблагоприятно отразится на взаимоотношениях двух стран. Так как в планы премьер-министра не входил конфликт с США, он сразу же сделал соответствующие выводы. Прозвучал сигнал к отбою. На следующее утро парижские газеты, как ни в чем не бывало, снова стали курить фимиам Вильсону. Но если тон парижской печати круто изменился, то острые трения и горячие споры на конференции остались.

Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо обсуждали сложный вопрос о западной границе Германии. К нему примешивались серьезные разногласия в связи с требованием Франции о передаче ей Саара. Атмосфера переговоров накалялась*. Когда Хауз как-то спросил французского премьера, стремительно покидавшего зал заседания, как закончилось совещание, тот ответил: «Блестяще, мы разошлись по всем вопросам» [90]. Выход из создавшегося положения пытался найти Ллойд Джордж. Он перебрался на несколько дней в пригородный дворец, где составил так называемый «меморандум из Фонтенбло». «Величайшая опасность в данный момент заключается, по моему мнению, в том, – писал английский премьер-министр, – что Германия может связать свою судьбу с большевиками и поставить все свои материальные

* «...Господа Вильсоны и Клемансо, – отмечал В. И. Ленин, – задались целью нам помочь: телеграммы, которые каждый день приносят вести об их раздорах, о взаимном желании хлопнуть дверью друг перед другом, показывают, что эти господа передрались вдрызг» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 280).

и интеллектуальные ресурсы, весь свой огромный организаторский талант на службу революционным фанатикам, чьей мечтой является завоевание мира для большевизма силой оружия...

Если мы будем благоразумны, мы предложим Германии такой мир, который, будучи справедливым, покажется всем мыслящим людям предпочтительнее, чем другая альтернатива – большевизм»[91]. Предложения Ллойд Джорджа сводились к тому, что Рейнская область остается в Германии, но будет демилитаризована. Саар также не должен был отторгаться от побежденной страны. Франция получала только право в течение 10 лет эксплуатировать угольные шахты этого района.

27 марта «совет четырех» обсуждал «меморандум из Фонтенбло». Вильсон поддержал его основные положения, подчеркнув при этом, что демилитаризация восточного берега Рейна и военные гарантии США и Англии вполне достаточны для обеспечения безопасности Франции. Однако Клемансо категорически отказался от плана Ллойд Джорджа.

Французский премьер-министр продолжал настаивать на отделении левого берега Рейна от Германии. Свое требование он мотивировал тем, что в 1814 г., после крушения наполеоновской империи державы-победительницы предложили установить французскую границу по Рейну. Вильсон парировал это заявление, сказав, что с тех пор прошло 100 лет и что теперь, мол, настало время, когда «сила больше не приносит успеха», так как торжествует справедливость. Клемансо внимательно выслушал тираду Вильсона и язвительным тоном ответил: «Господин президент, кажется, забыл, что Соединенные Штаты возникли и обеспечили свое существование благодаря силе. Господин президент также говорил о 1814 годе, отметив, что сто лет – слишком большой срок в истории страны. Соединенные Штаты являются великой державой, возможно самой великой в мире, но сто лет – это большой срок в их истории. Другое дело Европа»[92].

Вскоре произошла новая вспышка острых разногласий – из-за Саара. Вильсон полностью отверг французское требование, а Клемансо, настаивая на включении этой германской территории в состав Франции, ультимативным тоном заявил, что в противном случае ни один французский премьер-министр не подпишет мирный договор. После этого последовал такой обмен «любезно-

стями»: «Значит, если Франция не получит того, что она желает,— сказал президент,— она откажется действовать совместно с нами. В таком случае не желаете ли Вы, чтобы я вернулся домой?» «Я не желаю, чтобы Вы возвращались домой,— ответил Клемансо,— но намерен сделать это сам»[93],— и вышел из кабинета президента.

После этой стычки глава французской делегации грозился, что больше не будет встречаться с американским президентом. «Как я могу разговаривать с ним,— в порыве гнева восклицал Клемансо,— если он думает, что является первым за две тысячи лет человеком, все знающим о мире на земле!»[94] Тем не менее 31 марта состоялось очередное заседание «совета четырех». Французский премьер-министр при поддержке маршала Фоша добивался признания Рейна стратегической границей Франции и настаивал на аннексии Саара. Однако Вильсон и Ллойд Джордж соглашались лишь на временное использование французами Саарского угольного бассейна. Положение осложнялось несогласием сторон по репарационному вопросу. Франция требовала выплаты Германией огромных контрибуций. Их общая сумма должна была составить 200 млрд. долл., из которой 58% приходились бы на долю французов. Между тем американский эксперт банкир Т. Ламонт предлагал ограничиться 30—40 млрд. долл., а английский эксперт Дж. Кейнс называл сумму репараций в размере 10—15 млрд. долл.

Переговоры в Париже зашли в тупик. Именно в это время конференция, как отмечал Сеймур, «явилась не столько дуэлью, сколько всеобщей свалкой, в которой представители каждого государства боролись за утверждение своих особых методов достижения мира»[95].

Вильсон решил заставить Францию пойти на уступки. У него возникла мысль вернуться в США. «Пришло время кончать это дело»[96],— заявил он. 7 апреля по распоряжению президента адмирал Бенсон послал в Вашингтон телеграмму, в которой запросил информацию о возможно более ранней дате отплытия парохода «Джордж Вашингтон» из Нью-Йорка в Брест. При этом специально было указано на желание президента ускорить отправку этого судна во Францию.

Однако глава американской делегации не решился покинуть конференцию. Его угроза повисла в воздухе. Поступи он иначе, срыв конференции был бы неизбежен. Вильсону пришлось бы расстаться с мыслью о

создании Лиги наций, и тогда был бы основательно подорван его политический престиж как в США, так и в мире.

Американского президента, как и руководящих деятелей Антанты, особенно страшила перспектива дальнейшего роста революционного движения в Европе. О господствовавших в этих кругах настроениях можно, в частности, судить на основании письма генерала Блисса от 25 марта 1919 г. «С каждым днем, – с тревогой писал этот член американской делегации на мирной конференции, – положение становится все более и более мрачным... Я не удивляюсь тому, что мир движется по направлению к большевизму. Это последний отчаянный зов народов, которые потеряли всякое доверие к своим правительствам» [97].

Вильсон остался в Париже. Начался поиск решения, способного вывести конференцию из состояния кризиса. 8 апреля была достигнута договоренность не записывать в мирный договор точную сумму репараций. В тот же день обсуждалась саарская проблема. Ллойд Джордж предложил предоставить Франции право на управление этой областью по мандату Лиги наций. Но Вильсон внес проект, в соответствии с которым власть над Сааром временно должна была быть передана специальной комиссии, призванной действовать под эгидой Лиги наций. По истечении пятнадцатилетнего срока в этой области надлежало провести плебисцит для окончательного определения ее судьбы. Клемансо согласился с американским проектом.

Осталось решить вопрос о Рейне. Вильсон и Ллойд Джордж в результате неофициальных переговоров условились не допустить образования «независимой» Рейнской республики, ибо в противном случае Франция могла бы распространить свой контроль над Руром – индустриальным сердцем Германии. Они, как и прежде, считали, что французскую безопасность вполне обеспечат демилитаризация 50-километровой полосы на правом берегу Рейна, оккупация его левого берега и заключение гарантийного пакта. Оказавшись перед лицом общего фронта США и Англии, Клемансо вынужден был согласиться с их предложениями, добиваясь вместе с тем установления трех линий оккупации германской территории войсками Франции. Вильсон поддержал это требование при условии, что Клемансо снимет свои возражения про-

тив доктрины Монро. Тот пошел на уступку, и спорный вопрос о Рейне был наконец улажен[98].

Серьезные разногласия вызвал вопрос о границах Польши. Франция, рассматривая Польшу как свою главную союзницу в борьбе против Германии и Советской России, настаивала на границах 1772 г. США и Англия возражали. В конце концов был найден компромисс, предусматривавший проведение плебисцита в Верхней Силезии и превращение Данцига в «вольный город», управляемый комиссаром Лиги наций. В результате такого решения часть исконных западных земель Польши осталась под властью Германии.

Мирной конференции до завершения своей работы пришлось испытать еще две критические ситуации. Первая из них возникла в связи с требованием Италии о передаче ей Фиуме.

Италия после длительного дипломатического торга в 1915 г. вступила в войну против центральных держав, заручившись согласием Антанты о переходе к ней части территории Австро-Венгрии и Турции. Осенью 1917 г. итальянская армия потерпела крупное поражение при Капоретто, после чего ее союзники и США, в сущности, перестали всерьез считаться с ней. Тем не менее правительство Италии не только добивалось выполнения условий тайного Лондонского договора 1915 г., но и выдвинуло претензии в отношении Фиуме (Риека), торгового и военного порта на Адриатике. Однако Англия и Франция, учитывая ослабление Италии, не собирались ни выполнять своих обещаний, ни тем более соглашаться на передачу ей Фиуме. Что касается Вильсона, то, считая себя свободным от каких-либо обязательств в отношении Италии, он еще в «14 пунктах» ограничился неопределенной формулировкой о том, что исправление ее границ «должно быть произведено на основе различимых национальных признаков».

Вскоре после прибытия американской делегации на Парижскую конференцию Орландо обратился к Вильсону с просьбой помочь в решении вопроса о Фиуме. «Я не могу согласиться,— ответил Вильсон,— чтобы Фиуме отошло к Италии, но можете рассчитывать на меня в отношении линии Бреннера»[99]. Такое заявление не удовлетворило Италию, но зато она неожиданно получила согласие американского президента на передачу ей части австрийского Тироля. Спустя несколько месяцев Вильсон

высказал сожаление по поводу столь поспешного обещания, оправдываясь тем, что недостаточно разобрался в существе данного вопроса.

В лагере Антанты давали иное объяснение причине одобрения президентом США итальянской границы по Бреннеру. Этот жест был признательностью Вильсона за тот необычайно теплый прием, который был ему оказан в этой стране. Однако логичнее предположить, что у президента на то были и более веские доводы – расчет на поддержку Италией его плана создания Лиги наций, в чем, кстати говоря, он не ошибся, и надежда на упрочение влияния демократической партии среди избирателей-итальянцев, проживавших в США.

Италия, упорно добиваясь Фиуме, отвергала один компромиссный проект за другим. В связи с этим Вильсон решил обратиться непосредственно к населению Италии с разъяснением своей позиции. 23 марта он передал в печать составленное им заявление по поводу Фиуме. Этот порт, писал президент США, «должен служить пунктом вывоза и ввоза товаров не для Италии, а для стран, находящихся к северу и северо-востоку от него...» [100].

Орландо на заседаниях «совета четырех» обычно говорил мало: его не очень интересовали вопросы, связанные с подготовкой мирного договора с Германией. Но теперь этот благодушный синьор пришел в ярость. «Прямое обращение к различным народам, – заявлял он, – бесспорно, является новшеством в международных отношениях... Однако если такие обращения к народам будут делаться через голову и даже в пику их правительствам, то я не могу... не напомнить, что этот метод, до сих пор применявшийся только против неприятельских правительств, ныне впервые пущен в ход против... правительства Италии» [101]. Негодующий Орландо покинул Париж. Шовинистические круги Италии с гневом обрушились на Вильсона. На бурных митингах раздавались негодующие выкрики «Abasso Wilson!» («Долой Вильсона!». – *З. Г.*). Американского президента обвиняли в предательстве интересов Италии, его портреты срывались, улицы и площади, названные три месяца назад его именем, срочно переименовывались, а карикатуристы изображали его в образе сатаны.

Отъезд Орландо из Парижа мало беспокоил Ллойд Джорджа и Клемансо. В определенном смысле он был

им на руку, так как избавлял их от необходимости выполнить обязательства по Лондонскому договору. Но для Вильсона положение оказалось крайне серьезным: после отъезда итальянской делегации на сцену как назло со своими требованиями выступила делегация Японии. На конференции возник еще один кризис, обернувшийся тяжелыми последствиями для президента США. Об этом речь пойдет ниже, а пока рассмотрим, чем завершилось обсуждение итальянского вопроса в Париже.

Когда итальянцы столь демонстративно покинули конференцию, руководители делегаций трех держав решили использовать этот момент, чтобы исключить Италию из договора с Германией. Орландо, более всего опасавшийся такого поворота событий, не предъявляя никаких условий, поспешил вернуться в Париж, став при этом намного сговорчивее. Он согласился на превращение Фиуме в «вольный город» и на передачу Югославии бóльшей части Далмации. Но предстояло еще установить, какой будет вся итало-югославская граница и что получит Италия в Малой Азии. Снова последовал торг.

Активное участие в попытках договориться с Орландо принял Хауз. Но он настолько увлекался закулисными переговорами, что «забывал» известить о них своего шефа. Это вызвало у Вильсона новый приступ недовольства своим советником. Кстати говоря, президент остался в неведении и о других манипуляциях Хауза. Как-то публицист Кобб спросил у Хауза, полностью ли информирован Вильсон о положении дел в мире. «Возможно, нет», – уклончиво ответил Хауз. Коббу между тем стало известно, что в каждом американском посольстве был сотрудник, ежедневно посылавший специальные донесения на имя Хауза. Но они не всегда доводились до сведения президента и государственного департамента[102].

Вильсон и его коллеги по «совету четырех» в основном утрясли итальянский вопрос. Однако это не удовлетворило домогательств Италии. Одновременно серьезно ущемлялись права югославов. Послевоенные границы Италии были зафиксированы в Сен-Жерменском (10 сентября 1919 г.) и Рапалльском (12 ноября 1920 г.) договорах, т. е. уже после отъезда Вильсона из Парижа. Италии пришлось отказаться от притязаний на Далмацию и Фиуме, но зато она получила почти всю Истрию, острова далматинского побережья и другие земли, почти полностью населенные южными славянами. Историче-

ская справедливость была восстановлена только после второй мировой войны, когда в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. были произведены соответствующие изменения итало-югославской границы в пользу Югославии.

Остановимся теперь на кризисе, который возник на конференции в связи с Шаньдунем. Причины его кроются в американо-японских противоречиях, усилившихся в период первой мировой войны. Япония пыталась использовать войну между Антантой и Германией для расширения своего влияния на Тихом океане, с тем чтобы в перспективе занять там первое место. США со своей стороны, продолжая проводить политику «открытых дверей», рассчитывали в будущем установить свою гегемонию в Китае.

Во взаимоотношениях США и Японии в годы войны наблюдались две тенденции. Одна из них выражалась в глубоких противоречиях, которые рано или поздно должны были вызвать военный конфликт между этими двумя империалистическими державами. Другая проявлялась в стремлении США и Японии к сотрудничеству, основой которого являлась их совместная эксплуатация Китая.

Первая тенденция давала себя знать всякий раз, когда сталкивались интересы США и Японии в Тихом океане. Это имело место во время вступления Японии в войну против Германии, на стороне Антанты; при предъявлении ею «21 требования» Китаю; в период, когда США проявили инициативу создания нового финансового консорциума держав; в связи с вступлением Китая в войну, гонкой морских вооружений и т. п.

Вторая тенденция наиболее четко выразилась в американо-японском соглашении, явившемся результатом переговоров японского дипломата Исии с правительством США в сентябре – ноябре 1917 г. В соответствии с «соглашением Исии – Лансинга» правительство США признало за Японией «специальные интересы» в Китае, а Япония подтвердила свое обязательство соблюдать принципы «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае. Это соглашение по существу представляло собой сговор США и Японии, направленный прежде всего против Китая, а также против революционного движения в России. Но эта империалистическая сделка не могла устранить противоречий между США и Японией. Они

с новой силой проявились после окончания войны.

Неудачная попытка Японии добиться включения в устав Лиги наций статьи, запрещавшей расовую дискриминацию, лишь подстегнула ее в стремлении добиться согласия США на положительное решение вопроса о Шаньдуне. Сразу же после отъезда Орландо из Парижа японская делегация выдвинула притязания на Шаньдун, предъявив требование об «окончательном урегулировании этого вопроса... с минимальной задержкой»[103].

Перед Вильсоном встала сложная дилемма: либо отклонить притязания Японии, что могло повлечь за собой ее уход с мирной конференции, либо согласиться с ними и этим неминуемо вызвать законное возмущение Китая и навлечь на себя серьезное недовольство конгресса. Не удивительно, что он сразу не смог прийти к определенному решению.

Колебания Вильсона усугублялись тем, что в возглавляемой им делегации на конференции не было единства взглядов по шаньдунскому вопросу. Лансинг считал, что «было бы лучше примириться с тем, что Япония оставалась вне Лиги, чем предать Китай и потерять американский престиж на Дальнем Востоке»[104]. В этом вопросе его поддерживали Уайт и Блисс. Диаметрально противоположного мнения придерживался Хауз. Он пришел к выводу, что целесообразно принять требование Японии, иначе она вслед за Италией покинет конференцию. Убеждая президента пойти на уступку Японии, он, между прочим, высказал такое суждение: «Лично я считаю, что *хотя все это и плохо, но это не хуже, чем многое из того, что мы делаем по ряду соглашений, в которых заинтересованы западные державы* (курсив мой.— *З. Г.*)»[105]. Доказательства Хауза возымели действие. Вильсон согласился с японским требованием в отношении Шаньдуня. Клемансо после этого заметил, что Вильсон «говорил как Иисус Христос, а действовал как Ллойд Джордж»[106].

Мировое общественное мнение усматривало в решении Вильсона по шаньдунскому вопросу не столько капитуляцию перед Японией, сколько новый американо-японский сговор, цель которого — нанести ущерб национальным интересам Китая и использовать Японию для борьбы с революционным движением в этой стране. Глубокое возмущение позицией США охватило китайских патриотов. Студенты-китайцы, обучавшиеся в Париже,

устроили антивильсоновские манифестации. Волна демонстраций прокатилась в самом Китае. Там развернулось массовое антиимпериалистическое движение «4 мая», явившееся прямым ответом на прояпонскую политику Вильсона.

После того как были улажены разногласия из-за Фиуме и Шаньдуня, Парижская конференция собралась на пленарное заседание, где представителям Германии был вручен текст мирного договора. Это произошло 7 мая 1919 г.

...Зал Трианонского дворца в Версале. Столы расставлены в виде большого прямоугольника. За центральным столом председатель конференции Клемансо. Справа от него Вильсон, слева – Ллойд Джордж. Напротив Клемансо на довольно большом расстоянии стол с пятью креслами для германской делегации. В зале находятся маршал Фош, генералы и офицеры США и стран Антанты. Здесь же разместились иностранные журналисты.

3 часа дня. Швейцар объявляет: «Господа германские делегаты!» В зал входят представители побежденной Германии во главе с министром иностранных дел У. Брокдорф-Ранцау. Все встают. Ждут, пока немцы усядутся за стол. Клемансо открывает заседание и произносит краткую речь. Она продолжалась две минуты. «Господа делегаты германского государства! Здесь не время и не место для лишних слов. Вы видите перед собой собрание полномочных представителей великих и малых держав. Вы навязали нам войну. Будут приняты меры к тому, чтобы не могла возникнуть вторая война такого рода. Час расплаты настал. Вы просили нас о мире. Мы согласны предоставить его вам»[107].

Слово предоставляется У. Брокдорф-Ранцау. Не вставая, глухим голосом он зачитывает свою длинную речь: «Мы не создаем себе иллюзий относительно размеров нашего поражения, причины нашего бессилия... Мы знаем, что сила германского оружия сломлена... От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны. Подобное признание в моих устах было бы ложью»[108].

Все напряженно слушают. Вильсон вертит в руках карандаш, Клемансо медленно постукивает по столу ножом из слоновой кости для разрезания бумаги. Ллойд Джордж забирает нож и разламывает его на кусочки. После окончания выступления Брокдорф-Ранцау Вильсон

обменивается репликами с Ллойд Джорджем и Клемансо: «Ничего нового»; «В речи нет ни связности, ни единства»; «Неисправимый юнкер!»

Закончен перевод. Клемансо встает. «Нет ли других замечаний?» – спрашивает он. Брокдорф-Ранцау отвечает по-французски: «Нет, с моей стороны не имеется». Клемансо вскипает и бросает вполголоса: «Всякий сказал бы: нет, милостивый государь!» Затем он громко объявляет: «В таком случае заседание считаю закрытым»[109].

Изучив условия мирного договора, германская делегация стала выдвигать контрпредложения. Ллойд Джордж был готов пойти на пересмотр ряда статей мирного договора в пользу Германии. Однако его желание наталкивалось на решительное возражение Клемансо. Вильсон также противился внесению поправок в договор. «Больше изменения в договоре не будут обсуждаться. На этом я стою, твердо стою»,[110] – заявил он. В результате мирный договор в основном остался без изменений. Германии пришлось подчиниться и направить в Париж новую делегацию для его подписания.

28 июня, в день пятой годовщины сараевского убийства, состоялось последнее пленарное заседание мирной конференции. Оно проходило в Зеркальном зале Версальского дворца, где в 1871 г. прусский король Вильгельм I был провозглашен императором Германии.

Клемансо уже сидит на своем председательском месте. Входят делегаты. Одними из последних появляются Вильсон и Ллойд Джордж. Клемансо делает знак, требуя тишины. Зал с напряженным вниманием слушает его слова: «Впустите немцев!»

Распахиваются двери. Входят два швейцара, за ними четыре офицера войск Антанты и США в парадной форме. Дальше идут два германских делегата: министр иностранных дел Г. Мюллер и министр колоний И. Белл. Клемансо открывает заседание. Уполномоченных побежденной Германии подводят к столу, за которым они ставят свои подписи под мирным договором. Затем его подписывают главы и члены делегаций стран-победительниц. Президент США Вильсон делает это одним из первых. «Заседание закрыто», – объявляет Клемансо. Ни слова больше. Церемония закончена. Чтобы подвести итог трагедии первой мировой войны, понадобилось всего 45 минут.

В тот же день Вильсон направил обращение к американскому народу, в котором заявил, что подписанный договор создал необходимые предпосылки для утверждения на земле прочного мира и всеобщей справедливости. Затем он провел пресс-конференцию в отеле «Крийон». Среди вопросов, заданных президенту, был и такой: удовлетворен ли он мирным договором с Германией? «Я думаю, что мы выработали лучшие условия мира, чем я ожидал по прибытии в Париж»[111], – после небольшой паузы ответил Вильсон.

Но такая оптимистическая оценка Версальского договора находится в противоречии с истинным положением дел. Всей своей тяжестью он лег на плечи немецкого народа, вызвав тем самым законное возмущение трудящихся. Вместе с тем благодаря ему были сохранены военно-экономический потенциал и военные монополии Германии. Версальский мирный договор, одним из главных авторов которого являлся Вильсон, стал империалистическим актом, закрепившим передел капиталистического мира в пользу держав-победительниц.

Парижская мирная конференция была кратковременным этапом в политической биографии Вудро Вильсона. Но она вскрыла его сильные и слабые стороны как государственного деятеля, дипломата и человека. Поэтому небезынтересны впечатления, сложившиеся об американском президенте у его главных партнеров по переговорам в Париже. Ллойд Джордж и Клемансо встречались с Вильсоном в течение нескольких месяцев, порой по два-три раза в день, спорили, договаривались, дискутировали, пока наконец совместно не выработали условия мирного договора.

Наиболее полно обрисовал портрет этого американского руководителя Ллойд Джордж, создав его в контрастных, черно-белых тонах. Вильсон, по признанию Ллойд Джорджа, обладал тонким умом, который, однако, был скорее церковного, чем политического, склада. Не являясь по своему характеру мелочным или сварливым, он вместе с тем неожиданно мог скатываться в болото мелкой личной злобы, был подозрителен и нетерпим к критике. Ллойд Джордж высоко оценивал ораторские способности Вильсона. Его слова, писал он, «походили на алмазы: отточенные и блестящие, они были воистине тверды». Но речь Вильсона, по мнению английского премьер-министра, была насквозь пропитана

доктринерством. По его мнению, «Вильсон непроизвольно копировал Линкольна – его рассказы-притчи, каламбуры, умение обращаться с людьми». Но «остроумие и юмор Линкольна были естественным свойством его веселой и добродушной натуры». Между тем «Вильсон не обладал чувством юмора, а остроумие его было искусственным». Еще больше Вильсона отличало от Линкольна отношение к людям. «Вильсон был поистине гуманным человеком, но он в то же время был вовсе лишен способности Линкольна понимать людские слабости. Его подход к людям, – заявлял Ллойд Джордж, – был слишком холоден»[112].

Клемансо мастерски очертил облик Вильсона несколькими штрихами. «Несомненно он (президент Вильсон. – *З. Г.*) слишком много верил в болтовню и сверхболтовню о его Лиге наций»[113], – писал Клемансо. Но Вильсон не был идеалистом в политике. «Идеалист, – отмечал Клемансо, – это – тот человек, который строит социальное здание по своему идеалу. Вильсон же – практический человек, который сначала строит для себя хороший дом, очень просторный, на солидном фундаменте, а когда дом готов, он водружает на верхушке свой «идеал», подобно тому как каменщики водружают там свой флажок»[114].

Характеризуя деятельность Вильсона на Парижской мирной конференции, Р. С. Бэйкер утверждал, что президент США являлся воплощением света и добра, в то время как Клемансо олицетворял силы тьмы и зла. Дж. Кейнс также придерживался мнения, что главным противником Вильсона на конференции был Клемансо: «Два противоположных плана будущего устройства мировых отношений боролись между собой – Четырнадцать пунктов Вильсона и Карфагенский мир Клемансо». Французский премьер-министр, по словам Кейнса, являлся «самым выдающимся среди членов Совета четырех», и он добился своей цели. Между тем Вильсон «не был ни героем, ни пророком». Этот «новый Дон-Кихот, слепой и глухой»[115], как называл его английский экономист, потерпел в Париже фиаско.

По-разному, но без подобных крайностей оценивается политика американского президента на мирной конференции 1919 г. в настоящее время. Так, Хофстэдтер считает, что подход Вильсона к решению проблем послевоенного урегулирования по существу ничем не отличал-

ся от позиции его партнеров по «совету четырех». «Это была не борьба между Старым и Новым порядком, а только спор о том, как Старый порядок должен уладить свои дела»[116]. Большинство же американских авторов придерживается иной точки зрения. Они стараются поднять на щит Вильсона, изображая его бескорыстным защитником интересов народов мира, творцом новой дипломатии. «Для него (Вильсона. – *З. Г.*) моральное влияние, поддержанное разумным мировым (общественным. – *З. Г.*) мнением, – заявляют Дж. Файт и Н. Гребнер, – должно было явиться регулирующим элементом в послевоенной международной политике»[117].

Оценивая результаты, достигнутые Вильсоном на Парижской мирной конференции, следует отметить, что ему не удалось, несмотря на большие усилия, решить стратегическую задачу: добиться установления доминирующего положения США на международной арене.

И дело здесь не в том, что главные партнеры Вильсона по переговорам в Париже были более искусными дипломатами. Несмотря на большие потери в войне, Англия и Франция успешно противостояли США в защите своих интересов и дележе добычи. Серьезно упрочились позиции Японии – основного соперника США в бассейне Тихого океана. Самыми решающими факторами, препятствовавшими реализации гегемонистских планов США, явились победа Великой Октябрьской социалистической революции и порожденная ею мощная волна революционного движения в мире. Следовательно, провал замыслов американского президента имел под собой объективную основу – несоответствие возможностей США их претензиям на роль мирового лидера. К слову сказать, американская буржуазная историография именно поэтому оставляет в тени данную проблему.

Глава IX

ПОРАЖЕНИЕ

1. Версальский договор в сенате. Провал его ратификации

Подписав 28 июня мирный договор с Германией, Вильсон в тот же день отправился домой. Среди провожавших находился Хауз. Он посоветовал президенту протянуть сенату оливковую ветвь, чтобы все пошло на лад. «Хауз, я убедился в том,— ответил Вильсон,— что в этой жизни нельзя добиться ничего стоящего, если за это не бороться» [1].

8 июля «Джордж Вашингтон» бросил якорь в Нью-йоркском порту. Для встречи Вильсона прибыли вице-президент США, члены правительства, губернатор штата и другие официальные лица. В порту собралась также огромная толпа, с энтузиазмом приветствовавшая президента. «О дорогой, не чудесно ли это! — воскликнула Маргарет, дочь Вильсона...— Никогда раньше не было такого триумфа, такого возвращения домой». Вильсон, однако, знал, что его ожидает напряженная борьба по вопросу ратификации мирного договора. «Подожди,— сказал он дочери, указывая на толпу,— они еще все отвернутся от меня» [2].

Президент был настроен по-боевому. Это отразилось в первой же его речи по возвращении в США. «Некоторые лица,— заявил в ней Вильсон,— относятся к Версальскому договору скептически и даже отрицательно», и объясняется это тем, что «они слишком заботятся о близких им интересах и не прислушиваются к другим голосам». Сам же он, по его утверждению, «ни на минуту не сомневался в сокровенных стремлениях американского народа» [3].

10 июля президент представил сенату текст мирного договора, сопроводив его соответствующим посланием. Он специально подчеркнул, что устав Лиги наций должен быть неотъемлемой частью договора. «Лига наций,— писал Вильсон,— является не только инструментом для устранения с помощью нового мирного договора старо-

го зла, но это единственная надежда человечества»[4]. Если кратко сформулировать смысл данного послания, то он сводился к тому, что сенату необходимо одобрить Версальский мирный договор. Вильсон отдавал себе отчет в том, что на этом пути его ожидают большие трудности. Но он не сомневался в конечном успехе. На вопрос соавтора устава Лиги наций южно-африканского генерала Я. Смэтса: «Сможете ли Вы провести договор (через сенат.—*3. Г.*), сможете ли Вы добиться большинства в две трети голосов?» – Вильсон, не колеблясь, ответил: «Я абсолютно уверен, что смогу это сделать»[5].

Сенат приступил к обсуждению Версальского договора. Впрочем, негласно он занялся этим значительно раньше, так как текст договора оказался секретом Полишинеля. За месяц до прибытия Вильсона домой органы американской прессы перепечатали его из германских газет. Еще один источник информации о Версальском договоре оказался у Лоджа. С копией договора его ознакомил Рут, к которому она попала через вторые руки – от моргановского партнера Ламонта, являвшегося финансовым экспертом американской делегации на мирной конференции. Недруги Вильсона использовали это обстоятельство для распространения демагогического тезиса о том, что банкирский дом Моргана узнал о содержании мирного договора с Германией раньше, чем страна и конгресс.

Противники Лиги наций сплачивали свои силы для совместной борьбы против Вильсона. Союзниками правых лидеров республиканской партии являлись так называемые «непримиримые» во главе с сенатором Бора.

Республиканец Бора начиная с 1907 г. и до конца своей жизни (1940 г.) представлял в сенате штат Айдахо. В интересующий нас период он был членом сенатской комиссии по иностранным делам, а впоследствии (в 1924–1932 гг.) являлся ее председателем. Бора неоднократно выступал в пользу нормализации американо-советских отношений. Будучи активным сторонником изоляционизма, он решительно противился участию США в Лиге наций. Сенатор считал, что Лигой наций будет распоряжаться Англия, вследствие чего США придется отказаться от своей традиционной политики «свободы рук». Если США вступят в Лигу наций, предупреждал Бора, они будут плестись в фарватере политики Англии и «предоставят в ее распоряжение свои финансы, люд-

ские ресурсы и все свои силы, для того чтобы гарантировать неприкосновенность ее владений во всех частях света»[6]. Избрав Лигу наций главной мишенью критики, Бора неприязненно отзывался и о ее творце – Вильсоне. В пылу полемики он называл президента «ставленником Англии, хитрецом и мошенником»[7].

Видную роль в движении, направленном против участия США в Лиге наций, играл сенатор У. Лафоллет Этот известный политический деятель являлся противником милитаризма и империалистической войны. Выступая 19 июля 1916 г. в сенате, он справедливо отмечал, что «подоплекой всех современных войн практически выступает одна политика – политика финансового империализма»[8]

Если лоджисты выражали интересы определенных империалистических кругов США, то «непримиримые», выступая в защиту средних слоев американского общества, требовали обуздания монополий. Если лоджисты добивались в перспективе установления доминирующей роли США в мире, то «непримиримые», отражая широко распространенные в американском народе изоляционистские настроения, считали, что США незачем впутываться в европейские дела. Они осуждали Лигу наций, полагая, что она серьезно ущемит интересы США, особенно в Латинской Америке. Несмотря на различия между лоджистами и «непримиримыми», эти группировки временно объединились в единый блок, основной задачей которого было не допустить ратификации сенатом устава Лиги наций.

Стремясь умножить число противников Лиги наций, Лодж – главный оппонент Вильсона – занялся соответствующей обработкой сенаторов. Одним из них был Джеймс Уотсон, избранный в сенат осенью 1918 г. Новичок в большой политике, он хотел выяснить, как можно добиться отклонения устава Лиги, если подавляющее большинство американцев поддерживает его. «Ах мой дорогой Джеймс, – ответил ему Лодж, – я предлагаю использовать для отклонения устава не прямую фронтальную атаку, а окольный метод поправок»[9] При новой встрече Уотсон сказал: «Сенатор, предположим, что президент согласится принять договор вместе с Вашими поправками. Тогда мы вступаем в Лигу наций, и наши поправки сразу же превращаются в настоящую фикцию». Лидер республиканцев рассмеялся: «Но... Вы не прини-

маете во внимание враждебные чувства, которые Вудро Вильсон питает лично ко мне. Он ни при каких обстоятельствах не сможет принять мирный договор с поправками Лоджа!»[10]

Пытаясь провалить план создания Лиги наций, Лодж и его сторонники развернули в США антивильсоновскую кампанию. Пенсильванский угольный король Г. Фрик выделил в ее поддержку 5 млн. долл. Такая же сумма поступила от питсбургского мультимиллионера Э. Меллона. На эти деньги устраивались собрания и митинги, издавалась литература, печатались объявления в газетах. 8 июля 1919 г., в день возвращения Вильсона в США, в газетах Бостона появилось такое обращение: «Американцы, пробуждайтесь! Должны ли мы связывать себя с уставом (Лиги наций. – *З. Г.*), порождающим войну? Этот устав наносит ущерб американскому суверенитету, ставит под удар доктрину Монро, попирает предупреждение Вашингтона, впутывая нас в интриги европейских и азиатских стран, предусматривает отправку наших парней сражаться по приказу Лиги во всех уголках земного шара»[11].

Несмотря на усиливающуюся критику, Вильсон настаивал на своем. «Мое глубокое убеждение состоит в том, – указывал он, – что принятие сенатом договора вместе с оговорками поставит Соединенные Штаты вне концерта наций так же, как и в случае отклонения его. Мы должны либо вступить (в Лигу наций. – *З. Г.*), либо нет. Если бы мы находились вне Лиги наций, это было бы губительно для влияния Соединенных Штатов и даже для их торгового процветания, а вступление в нее позволит нам занять лидирующее место в мировых делах»[12].

Президент не сидел сложа руки. Он пытался перетянуть на свою сторону сенаторов-республиканцев, занимавших колеблющуюся позицию в этой баталии. С этой целью он с 17 июля по 1 августа встречался с рядом из них. «Господин президент, – сказал уже упоминавшийся нами сенатор Уотсон, – имеется только один способ, который позволит Вам привести США в Лигу наций благодаря ратификации договора». «Что это за способ?» – спросил Вильсон. «Согласитесь на договор с поправками Лоджа». «Я никогда не соглашусь принять какой-либо политический курс, с которым отчетливо связано такое несносное имя»[13], – категорично заявил Вильсон. Рас-

четы президента, что ему удастся переубедить сенаторов от республиканской партии, потерпели неудачу. «Я разговаривал со многими из них по поводу (Версальского. – *З. Г.*) договора. Они пытались унизить меня»[14], – возмущался президент

14 июля сенатская комиссия по иностранным делам начала слушание Версальского договора. За его чтение взялся сам председатель комиссии – Лодж. Придерживаясь тактики проволочек, он преднамеренно читал текст крайне медленно, с большими паузами, завершив эту утомительную процедуру только две недели спустя, 29 июля. О заседании сенатской комиссии в тот день сохранилось свидетельство вашингтонского корреспондента нью-йоркской газеты «Трибюн». «Едва собрались члены комиссии, – писал он, – председатель Лодж возобновил чтение. Сенаторы один за другим засыпали, и в конце концов сенатор Лодж, подняв глаза, увидел, что он читает только одному клерку комиссии Ч. Редмонду. Не сделав никаких замечаний, господин Лодж продолжал читать. Немного позже он снова поднял глаза и заметил, что и Редмонд спит. Больше слушателей не осталось, но Лодж продолжал читать. Так он закончил формальное чтение (договора. – *З. Г.*) в комиссии»[15].

31 июля комиссия приступила к обсуждению Версальского договора. Оно затянулось еще на шесть недель, до 12 сентября. За это время на *открытых* заседаниях комиссии, что было тогда беспрецедентным в истории США, выступило 60 человек. Первым давал объяснения Б. Барух. Он говорил об экономических статьях договора. Н. Дэвис остановился на финансовых проблемах, связанных с Версальским миром. Дважды (6 и 11 августа) давал показания Лансинг. Он заявил о своем несогласии с Вильсоном в отношении передачи Японии прав на Шаньдун. Подлил масло в огонь Буллит. Он сообщил комиссии о своей беседе с Лансингом, в ходе которой последний высказался за отклонение сенатом Версальского договора. Заявления Лансинга и Буллита подрывали позиции президента, и это играло на руку его политическим противникам.

Сенатор Л. Шерман, входивший в состав группировки «непримиримых», откровенно признал, что для борьбы с Вильсоном сенатская комиссия по иностранным делам заранее припрятала камень за пазухой. В статье, опубликованной еще в декабре 1918 г. в журнале «Форум», он

писал· когда комиссия займется рассмотрением устава Лиги наций, «мы наденем очки и будем смотреть на каждую точку, поставленную над «и», на каждую запятую и сами установим предел этому»[16]. Так оно и случилось. Сенатская комиссия самым скрупулезным образом обсуждала устав Лиги наций, подвергая его ожесточенной критике.

Особенно яростные атаки были предприняты на статью X устава, которая гласила, что члены Лиги наций «обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства»[17]. Тон нападкам на эту статью задал Лодж. Выступая 12 августа на заседании сенатской комиссии, он утверждал, что статья X устава Лиги наций якобы позволяет Англии и Франции диктовать свою волю США и тем самым она, мол, противоречит американскому суверенитету. Председатель комиссии подкрепил свои рассуждения ссылками на заявления президента Вашингтона и других «отцов-основателей», призывавших США не связывать себя обязательствами с другими странами и не заключать с ними союзов.

Касаясь хода обсуждения Версальского договора в сенатской комиссии по иностранным делам, газета «Нью-Йорк таймс» в передовой статье от 5 августа отмечала, что эта комиссия напоминает «орган инквизиции» и что сенаторы-республиканцы, являвшиеся ее членами, исходили «только из одного побудительного мотива – неприязни к Вильсону»[18]. Правота этих слов особенно отчетливо проявилась две недели спустя, 19 августа, когда на заседании комиссии выступил Вильсон.

Разъясняя устав Лиги наций, президент много внимания уделил статье X, автором которой был сам. «Совет Лиги, – говорил он, – может только «советовать», какие следует принять меры для выполнения обязательств, предусмотренных этой замечательной статьей». Вильсон напомнил членам комиссии, что Совет Лиги наций может принимать решения только при единогласии его членов и, следовательно, США вполне смогут действовать самостоятельно. Он особо указал на то, что устав Лиги предусматривает «моральные, а не юридические обязательства» и благодаря этому конгресс США имеет воз-

можность «быть абсолютно свободным в своей интерпретации во всех случаях, когда потребуются действия». Президент вместе с тем подчеркнул, что статья X является «подлинным становым хребтом всего устава. Без нее Лига едва ли будет иметь большее значение, чем влиятельное дискуссионное общество» [19].

После выступления Вильсона члены сенатской комиссии забросали его вопросами. Они проявляли большой интерес к таким проблемам, как устав Лиги наций, мандатная система, гарантийный пакт США и Англии с Францией, репарации, соглашение Лансинга – Исии и др. Члены комиссии особое внимание уделили тайным договорам держав Антанты. «Я хотел бы знать, – спросил сенатор Бора, – когда впервые правительству США стало известно о тайных договорах между Японией, Великобританией, Италией и Францией о германских владениях в Шаньдуне?» «Я могу только сказать, – ответил Вильсон, – что о них мне стало известно после прибытия в Париж». Бора задал еще один вопрос: «Когда Вы впервые узнали о секретных договорах между Великобританией, Францией и другими европейскими странами, относящихся к определенным урегулированиям в Европе? Было ли это после Вашего приезда в Париж?» «Да, – сказал Вильсон, – полностью все соглашения мне впервые стали известны тогда» [20], т. е. во время Парижской мирной конференции. На вопрос сенатора Джонсона, знало ли правительство США до мирной конференции о Лондонском договоре с Италией, Бухарестском договоре с Румынией и соглашениях стран Антанты о разделе Малой Азии, Вильсон ответил: «Нет, сэр. Поскольку это касается меня, я могу Вам с уверенностью сказать: «Нет»» [21].

Эти заявления американского президента не соответствуют действительности. Как уже отмечалось, Вильсон впервые получил подробные сведения о тайных договорах Антанты во время пребывания в США миссии Бальфура. В конце 1917 г. об этих договорах стало известно всему миру, так как они были преданы огласке Советским правительством. 25 ноября 1917 г. «Нью-Йорк таймс» поместила на своих страницах сообщение из Петрограда о том, что советская печать, приступив к публикации секретных договоров, кратко изложила содержание пяти документов. Эта ведущая американская газета затем перестала давать подобную информацию, но зато

основные тайные договоры стран Антанты в конце января 1918 г. опубликовала газета «Ивнинг пост», издателем которой являлся либеральный публицист О. Виллард. Вслед за тем тайные договоры перепечатали чикагская «Дейли трибюн», выходившая в Сент-Луисе, «Пост диспетч» и другие американские газеты. Уже по этой причине Вильсон не мог не знать о тайных договорах держав Антанты. Т. Бейли считает, что президент умышленно скрыл этот факт, дабы не ухудшать своего положения в сенате. «Признание, что он перед поездкой в Париж все знал о зловещих договорах, – писал этот историк, – несомненно привело бы к неприятному (для него. – *З. Г.*) расследованию, почему он мало что сделал для их аннулирования»[22].

Встреча Вильсона с сенатской комиссией по иностранным делам продолжалась три с половиной часа. Несмотря на все старания, Вильсон, однако, не смог убедить сенаторов-республиканцев в правильности своих действий в Париже и не сумел добиться от них отказа от поправок к уставу Лиги наций. Сам же он не собирался идти на уступки.

Создалась сложная ситуация, выход из которой Вильсон видел только в прямой апелляции к стране. Но эта идея встретила возражение со стороны ряда приверженцев президента. Одни из них считали, что Вильсону следует остаться в столице ради того, чтобы найти общий язык со своими оппонентами в сенате. Другие серьезно опасались, что многочисленные выступления 63-летнего президента, страдавшего нарушением кровообращения и расстройством нервной системы, сопряжены с большим риском для его здоровья. Но Вильсон отверг эти возражения. «Я знаю, – сказал он своему секретарю, – что дошел до предела... Если даже при моем положении это (т. е. поездка по стране. – *З. Г.*) может погубить меня, я охотно пойду на такую жертву ради спасения договора»[23].

3 сентября Вильсон отправился в турне по США. За двадцать два дня он в сопровождении репортеров и фотографов проехал 10 тыс. миль. Президент посетил 16 штатов Запада и Тихоокеанского побережья, где особенно сильным было влияние противников Лиги наций. Он принял участие во многих парадах, торжественных приемах, дал десятки интервью, произнес более тридцати речей, нередко выступая по два-три раза в день. Радиове-

щания в то время еще не было, и поэтому больному Вильсону во время выступлений приходилось чрезмерно напрягать голос. Кроме того, его недруги не оставляли его в покое и во время турне. Следом за ним ездили представители так называемого «батальона смерти», решительные противники Лиги наций. Сенаторы Бора, Джонсон и Поиндекстер ставили перед собой цель свести на нет эффективность выступлений президента, подорвать его престиж. Так, Джонсон, выступая перед десятитысячной аудиторией в Чикаго, заявил: «Я слышал о людях, отдающих себя в руки своих кредиторов, но мне никогда не приходилось слышать, чтобы человек сам себя отдал в руки своих должников. Соединенные Штаты являются величайшей в мире платежеспособной державой, а они (Вильсон и его сторонники.– *З. Г.*) добиваются от нас вступления в партнерство с банкротами (т. е. странами Антанты.– *З. Г.*)». В таком же духе выступал и Бора. На одном из митингов он спросил присутствовавших: «Кто предал американских солдат и американские идеалы?» В ответ толпа закричала: «Вильсон! Судить его, судить!» [24]

Отправляясь в поездку, Вильсон рассчитывал заручиться поддержкой общественного мнения страны в пользу ратификации Версальского мирного договора. Поэтому в своих выступлениях он первостепенное внимание уделял как раз тем статьям устава Лиги наций, которые подвергались особенно резкой критике (статья X, статьи о доктрине Монро, представительстве Британской империи в Ассамблее и др.), а также шаньдунскому вопросу. Вильсон с большим подъемом говорил, что Версальский договор – это «первый в истории человечества международный договор», отстаивающий «права слабых, а не сильных государств» [25]. «Если оговорки не меняют содержания договора,– заявил он в другой речи,– тогда нет необходимости включать их в резолюцию о ратификации» [26].

Для Вильсона проблема Лиги наций не сводилась лишь к простому участию США в ней. Речь шла о значительно большем – об их руководящей роли в этой организации. В результате «роста нашей силы,– говорил американский президент,– мы стали определяющим фактором в истории человечества...» [27]. Вильсон пытался доказать, что лидерство США в мире обусловлено не только их возросшей мощью. Оно якобы соответствует

интересам и желаниям других стран. Соединенные Штаты, утверждал он, – «единственная страна в мире, чье руководство будет принято» [28]. Такой вывод мотивировался тем, что «только Америка является идеальной страной» [29]. Эти заявления Вильсона представляли собой очередную дань риторике. Характерно, что тот же Вильсон, говоря о делах насущных, рассуждал по-другому. Он откровенно заявлял, что США стремятся к вполне реальным выгодам. «Если вы не хотите, чтобы я был слишком альтруистичным, – говорил президент в Сент-Луисе, – разрешите мне быть очень практичным. Если мы являемся партнерами (других стран. – *З. Г.*), позвольте мне предсказать, что мы будем главным партнером. Финансовое превосходство будет нашим. Индустриальное превосходство будет нашим. Торговое превосходство будет нашим. Остальные страны мира ждут нашего руководства» [30].

Вильсон, стремясь повлиять на рядовых американцев, предостерегал их, что отклонение сенатом устава Лиги наций может вызвать новую мировую войну. «Я без колебаний заявляю, – говорил он в речи, произнесенной в Денвере 25 сентября, – что война, через которую мы только что прошли.. не может походить на ту, с которой нам, возможно, придется иметь дело в следующий раз... То, что немцы использовали (в войне. – *З. Г.*), является игрушкой по сравнению с тем, что может быть применено в будущей войне» [31]

Во время агитационной поездки Вильсон неизменно утверждал, что с созданием Лиги наций на земле воцарится мир. Наряду с этим он чуть ли не каждый раз останавливался на проблеме революции. Это имело под собой определенную подоплеку.

Президент усердно доказывал, что революция приносит одни только беды. Однако это не помешало ему высказать некоторые здравые суждения о причинах, вызывающих революцию. Он говорил, что революция начинается «не в результате внезапной вспышки гнева. Революция происходит из-за длительного подавления человеческого духа. Революция происходит из-за того, что люди знают о своих правах, а этими правами пренебрегают...» [32]. Вместе с тем Вильсон с горечью констатировал, что «народы Европы настроены по-революционному» и, подобно России, на этом континенте могут произойти «экстраординарные события». Без американ-

ской помощи, без американского лидерства, подчеркивал он, мир в течение длительного времени будет переживать «кровавую революцию»[33].

Вильсон с большим беспокойством говорил о том, что революционное брожение охватило и США. «Яд (революции.– *3. Г.*) растекается по венам всего мира... Об этом открыто говорят как небольшие группы, так и масса людей не только в Европе, но и в Соединенных Штатах. Апостолы Ленина имеются и в нашей среде»[34]. Как остановить революционное движение в мире, как покончить с революцией в России? По мнению американского президента, эту задачу могла выполнить Лига наций. Она должна была стабилизировать положение в капиталистических странах Европы, сплотить их и при руководящей роли США, ликвидировать революционную опасность. «Вильсон,– сделал вывод американский историк Дж. Томпсон,– рассматривал Лигу наций... как главную альтернативу большевизму и средство обороны от него»[35].

25 сентября Вильсон произнес речь в Пуэбло (штат Колорадо). Это было его последнее публичное выступление во время турне. Он тяжело заболел, и его срочно перевезли в Вашингтон. Через несколько дней у него произошло кровоизлияние в мозг; всю левую часть тела парализовало, временно оказалась нарушенной речь.

Болезнь Вильсона затянулась на долгие месяцы. Президентская власть фактически перестала осуществляться. Заседания кабинета с его участием не проводились более полутора лет. В период его болезни конгресс одобрил 28 законопроектов, но из-за отсутствия подписи Вильсона они не вступали в силу. В это время президент не принимал иностранных послов.

К больному Вильсону имели доступ только его жена Эдит, секретарь Тьюмэлти и личный врач Грейсон. Они, и прежде всего супруга президента, решали, какие бумаги могут быть ему переданы, кого и когда он может принять. Злые языки острили, что в США установлена монархия во главе с Эдит Вильсон. Ее даже называли «президентшей». А сенатор Фолл, один из рьяных противников Вильсона, говорил, что США превратились в «бабье царство». На деле Эдит Вильсон была далека от мысли взять в свои руки бразды правления страной. «Я не интересуюсь делами президента Соединенных Штатов. Я заинтересована в здоровье моего мужа»[36],– говорила

она. Фактом, однако, является то, что из-за болезни Вильсона государственная машина США основательно забуксовала.

В то время как Вильсон совершал агитационную поездку по стране, сенатская комиссия по иностранным делам продолжала свою работу. К 12 сентября она закончила слушание Версальского договора и представила на рассмотрение сената не один, как обычно, а три доклада. Первый из них отражал взгляды республиканского большинства комиссии во главе с Лоджем. В нем содержались 44 поправки и 4 оговорки к Версальскому мирному договору (поправки предусматривают изменение текста международного договора, а это требует дополнительных консультаций с другими странами, подписавшими его. Между тем оговорка является односторонним заявлением государства – участника международного договора). Другой доклад, представленный от имени демократического меньшинства, возглавляемого Г. Хитчхоком, рекомендовал безоговорочное одобрение договора. В третьем докладе, автором которого являлся республиканский сенатор П. Маккамбер, говорилось о поддержке договора, но с некоторыми поправками.

Болезнь Вильсона никак не повлияла на конгресс. Высший законодательный орган власти в США даже не счел нужным выразить сочувствие президенту. Такая позиция конгресса способствовала усилению антивильсоновской кампании в США. По словам Р. Фосдика, одного из друзей президента, «республиканцы в Вашингтоне, питавшие неприязнь к Вильсону, стали теперь открыто ненавидеть его... Прислушавшись к тому, что говорят о нем, вы подумали бы, что Вильсон является главным врагом нашей страны» [37]. Свою лепту в антивильсоновскую кампанию внес Гарви. 4 сентября, когда здоровье президента резко ухудшилось, он опубликовал в своем журнале «Гарви уикли» статью, в которой поставил крест на Вильсоне, заявив, что «больше с ним нечего считаться. Пусть теперь действует сенат» [38].

Сенат отклонил поправки к уставу Лиги наций, мотивируя это тем, что США в одностороннем порядке не могут вносить изменения в Версальский мирный договор. Зато выросло количество оговорок. Вместо четырех теперь их насчитывалось четырнадцать.

6 ноября Лодж доложил сенату об этих оговорках. Главная из них касалась статьи X устава. Смысл оговор-

ки заключался в том, что Соединенные Штаты без санкции конгресса не будут брать на себя обязательства по защите территориальной целостности или политической независимости какой-либо другой страны или вмешиваться в конфликты между странами. Специальная оговорка касалась доктрины Монро. Она предусматривала, что доктрина Монро ни в какой мере не подлежит юрисдикции Лиги наций и поэтому США не будут представлять Лиге на расследование и арбитраж вопросы, относящиеся к этой доктрине. В одной из оговорок указывалось, что США без согласия конгресса не будут брать мандат Лиги наций для управления той или иной территорией. Сенат высказал свое особое мнение по вопросу о Шаньдуне. Принятая по этому поводу оговорка не признавала статью Версальского договора о передаче Японии бывших германских прав на китайскую провинцию Шаньдун. В этой связи совершенно обоснованным является заявление секретаря Вильсона Тьюмэлти, который писал, что сенаторами-республиканцами «двигала не любовь к Китаю, а ненависть к Вильсону»[39]. Другие оговорки касались порядка оплаты США расходов Лиги наций, участия США в Международной организации труда, условий выхода США из Лиги наций и т. д. Позже появилась еще одна оговорка, в которой сенат демонстративно выражал симпатии Ирландии, боровшейся за освобождение от английского господства.

Дискуссия вокруг устава Лиги наций вышла далеко за пределы сената. Значительное число демократов и республиканцев из сорока штатов предложило одобрить устав без каких-либо оговорок. К этому же призывали видные политические и общественные деятели. Среди них — десять губернаторов, в том числе губернатор Нью-Йорка Дж. Смит. В вопросе о ратификации устава Лиги наций Вильсона поддерживали ряд представителей ведущих финансовых и промышленных кругов (Ламонт, Дэвисон, Гэри, Кингсли и др.), Американская ассоциация банкиров, большинство членов Торговой палаты, Американская федерация труда во главе с Гомперсом, различные религиозные организации, известные изобретатели Т. Эдисон, А. Г. Белл. В пользу ратификации устава без оговорок высказалось 718, т. е. большинство, американских газет. Однако 478 органов ежедневной прессы разделяли взгляды Лоджа относительно оговорок, а 181 газета отвергла саму идею создания Лиги наций.

В вопросе о Лиге отсутствовало единство и в вильсоновском окружении. Лансинг, как уже отмечалось, считал нецелесообразным создание этой организации За принятие ряда оговорок к уставу Лиги выступали Гувер, Боумен, Миллер и другие влиятельные лица. Их точка зрения была выражена Барухом в афоризме: «Лучше иметь полбуханки хлеба, чем остаться без него»[40].

Попытку доказать Вильсону необходимость согласия с оговорками предпринял лидер демократов в сенате Т. Мартин. Однако его усилия ни к чему не привели. Вильсон категорически отклонил мысль об уступках. Более того, он решительным тоном заявил сенатору: «Я сокрушу всякого, кто будет оказывать мне сопротивление»[41].

Компромисса стал добиваться преемник Мартина Ф. Хитчхок. 7 ноября он посетил больного президента и в течение получаса убеждал его принять оговорки. Но Вильсон был непреклонен. Десять дней спустя состоялась их новая встреча. Беседа продолжалась час, но и она ни к чему не привела. Хитчхок впоследствии так вспоминал о ней: ««Господин президент,— сказал я,— возможно, было бы разумным пойти на компромисс с Лоджем...» «Пусть Лодж идет на компромисс»,— ответил Вильсон. «Правильно, конечно,— согласился я,— он также должен сделать уступки, но мы вполне можем протянуть оливковую ветвь». «Пусть Лодж протягивает оливковую ветвь»,— ответил Вильсон. И на этом разговор прекратился»[42].

Франция, нуждавшаяся в американской помощи для решения послевоенных экономических проблем, считала целесообразным участие США в Лиге наций. Кроме того, она была заинтересована во вступлении в силу гарантийного пакта с США и Англией. По этим причинам французский посол в Вашингтоне Ж. Жюссеран вмешался в назревший конфликт между американским сенатом и Вильсоном. Он нанес визит президенту, призывая его принять оговорки республиканцев к уставу Лиги наций. Посол при этом подчеркнул, что державы Антанты готовы согласиться с этими оговорками. «Господин посол,— ответил Вильсон,— я ни за что не соглашусь. Сенат должен покориться неизбежности»[43].

Накануне голосования резолюции, предложенной Лоджем, президент направил Хитчхоку письмо, являвшееся инструкцией для сенаторов-демократов. «По-мое-

му – писал Вильсон, – в этом виде резолюция способствует не столько ратификации договора, сколько ликвидации его. Я искренно надеюсь, что друзья и защитники договора будут голосовать против резолюции Лоджа»[44].

19 ноября, в последний день специальной сессии конгресса, сенату предстояло вынести свой вердикт о Версальском договоре. В соответствии с установленной процедурой для одобрения договора требовалось согласие двух третей присутствовавших на заседании сенаторов.

После третьего тура голосования 38 сенаторов высказались за ратификацию Версальского договора без оговорок, а 53 сенатора – против. Таким образом, сенат не утвердил мирный договор с Германией, а вместе с ним и устав Лиги наций.

Противники Вильсона ликовали: у них буквально гора с плеч свалилась. Редакционная статья бостонской газеты «Трэнскрипт» начиналась словами: «Спасибо господу богу за то, что он даровал нам победу», а газета Херста «Америкен», отметив с большим удовлетворением, что «договор мертв»[45], поздравила сенаторов-республиканцев с большим успехом

Во время болезни Вильсону пришлось испытать еще один удар: его пытались отстранить от власти. Первым сделал такой шаг Лансинг. На следующий день после того, как Вильсона разбил паралич, он заявил Тьюмэлти о необходимости передачи полномочий главы государства вице-президенту Маршаллу. Секретарь президента отверг это предложение. Два дня спустя, 6 октября, государственный секретарь созвал заседание правительства для обсуждения вопроса об уходе Вильсона со своего поста и передаче его функций вице-президенту. Свою позицию Лансинг пытался оправдать ссылкой на статью конституции США, в которой сказано, что в случае неспособности президента осуществлять свои права и обязанности они передаются вице-президенту. Тьюмэлти и врач Грейсон заявили, что Вильсон в состоянии и дальше оставаться главой государства. Остальные члены правительства поддержали это мнение. Лансингу больше не пришлось возвращаться к своему предложению.

Через два месяца снова был поднят вопрос об отстранении Вильсона от его поста. Поводом к этому послужил следующий факт. Вопреки заведенному Вильсоном порядку, при котором президент сам зачитывал в Капи-

толии свои послания, он из-за болезни не смог туда прибыть и 2 декабря 1919 г. направил конгрессу письмо с текстом послания. Сенаторы Мозес, Мэдден, Фесс, Фолл и другие противники Вильсона не замедлили воспользоваться этим обстоятельством. Мэдден внес в сенат следующий законопроект: государственный секретарь созывает заседание правительства, и, если будет установлено, что Вильсон не может осуществлять свои функции, его место занимает вице-президент. Сенатор Фолл, не дожидаясь принятия законопроекта, решил лично удостовериться, как обстоят дела. Посетив для этой цели Белый дом, он, к своему неудовольствию, понял, что нет оснований для отстранения Вильсона от должности. «Господин президент, мы молимся за Вас»,— елейным голосом сказал Фолл. «За что, сенатор, молитесь, за здравие или за упокой?»[46]— с сарказмом спросил Вильсон.

Сенат хотя и отклонил Версальский договор, но не вынес пока окончательного решения. Была создана специальная двухпартийная комиссия в составе ведущих сенаторов, задачей которой являлся поиск компромисса, приемлемого как для президента, так и для его противников.

Попытку помочь преодолению конфликта между президентом Вильсоном и сенатом предприняло правительство Англии. Важными причинами, побуждавшими Лондон сделать такой шаг, явились опасения, что, если США останутся вне Лиги наций, это приведет к форсированному росту их военно-морского флота и дальнейшему обострению конфликта с ними из-за ирландского вопроса. Поэтому Форин оффис направил в Вашингтон своего бывшего руководителя Э. Грея в качестве главы особой дипломатической миссии. В ее задачу входило обсуждение с правительством США ирландского вопроса, проблемы морских вооружений, а главное — поиск возможностей для участия США в Лиге наций.

Грей прибыл в столицу США в конце сентября. Вскоре он встретился с сенаторами-республиканцами, противниками Вильсона, и ознакомил некоторых из них с телеграммой Ллойд Джорджа, в которой говорилось, что оговорки Лоджа к Версальскому мирному договору могут быть приемлемы для английского правительства. Такие действия Грея вызвали недовольство Вильсона. Президент отказался принять руководителя английской миссии. Грей вернулся в Лондон ни с чем.

Предпринятые с разных сторон усилия с целью повлиять на президента США не изменили его позицию. 14 декабря Белый дом опубликовал официальное сообщение о выздоровлении президента. В этом документе также отмечалось, что Вильсон «не намеревается идти на компромисс или на какую-либо уступку»[47] и что вся ответственность за судьбу мирного договора и связанные с этим возможные последствия ложатся на республиканских лидеров в сенате. 8 января 1920 г. сам Вильсон высказался по данному вопросу. В приветственном послании, адресованном демократам, собравшимся в Коннектикуте, чтобы почтить память президента Э. Джексона, он специально остановился на решении верхней палаты конгресса отклонить Версальский мирный договор. «Лично я не согласен с тем, – напрямик заявил Вильсон, – что действия сената являются решением нации». Отметив, что «подавляющее большинство американского народа желает ратификации мирного договора» и, следовательно, считает целесообразным участие США в Лиге наций, он утверждал, что договор нужно представить на рассмотрение народа. И тогда, заявлял президент, следующие выборы явятся «великим и торжественным референдумом...»[48].

В январе 1920 г. двухпартийная комиссия сената завершила работу и обсуждение Версальского договора возобновилось. Снова предпринимались попытки найти удовлетворяющее обе стороны решение спора. 26 января Вильсон согласился с пятью оговорками, предложенными Хитчхоком. Но эти оговорки, касавшиеся условий выхода США из Лиги наций, доктрины Монро и некоторых других вопросов, не вносили коренных изменений в позицию президента.

Напряженная борьба вокруг Версальского договора велась с тем же ожесточением, что и прежде. Вильсон не шел ни на какие новые уступки. В конце февраля он сказал Р. С. Бэйкеру, что Лодж и его приверженцы хотят только осуществить свой коварный замысел и если он примет выдвинутые ими оговорки, то сенаторы-республиканцы предложат новые, еще более унизительные. «Эти злонамеренные люди желают уничтожить Лигу наций»[49], – констатировал президент. В том же месяце друг Вильсона банкир Барух, пытаясь сгладить острые углы, доказывал ему необходимость согласиться с оговорками Лоджа к Версальскому договору. Вильсон, пре-

рвав его, заявил: «Нет, это не оговорки, а аннулирование (договора.— *З. Г.*). Нет, я не приму их!»[50]

Президент подтвердил свою непреклонную позицию в письме на имя лидера представителей демократической партии в сенате. Разъясняя Хитчхоку свои взгляды, Вильсон утверждал, что «каждая так называемая оговорка в действительности является огульным отрицанием самого договора»[51].

Воинственную позицию занимали и антивильсонисты, неожиданно получившие поддержку со стороны Дж. Кейнса. Книга этого английского экономиста «Экономические последствия Версальского мирного договора», подвергавшая резкой критике данный договор и одного из его главных создателей, Вильсона, вышла в свет в Лондоне в декабре 1919 г. и уже в январе 1920 г. стала широко распространяться в США. Отрывки из книги, где говорилось о том, что Вильсон на Парижской мирной конференции оказался жертвой мистификации со стороны Клемансо и Ллойд Джорджа, Бора 10 февраля 1920 г. зачитывал на заседании сената.

При создавшихся обстоятельствах нетрудно предугадать, каким оказался окончательный исход голосования в сенате, состоявшегося 19 марта 1920 г. За резолюцию о ратификации Версальского договора вместе с оговорками к нему голосовали 49, а против 35 сенаторов. Таким образом, для утверждения Версальского мирного договора не хватило всего семи голосов.

Во время голосования сложилась парадоксальная ситуация. Одну и ту же позицию, но по противоположным соображениям заняли самые рьяные сторонники Лиги наций и ее самые решительные противники. Демократы, выполнявшие предписание своего лидера Вильсона, голосовали против резолюции об утверждении Версальского договора, так как оговорки Лоджа, по их мнению, выхолащивали смысл устава этой организации. «Непримиримые» республиканцы, следуя за Бора, выступили против резолюции в связи с тем, что считали эти оговорки недостаточными для безусловного отказа США от присоединения к Лиге наций. Касаясь итогов голосования в сенате, Бора в этой связи язвительно заметил: «Между президентом Соединенных Штатов и мною имеется такое же взаимопонимание, как между сенатором из Массачусетса (Лоджем.— *З. Г.*) и мною»[52].

После отклонения Версальского договора он был воз-

вращен президенту с уведомлением, что сенат не ратифицировал его, так как договор не собрал требуемого конституцией большинства голосов. Прошло немного времени, и 15 мая 1920 г. конгресс США принял резолюцию о прекращении состояния войны с Германией. Две недели спустя Вильсон наложил вето на это решение. При президенте У. Гардинге, сменившем Вильсона, обе палаты конгресса снова приняли такую же резолюцию, а 25 августа 1921 г. правительство США подписало мирный договор с Германией, сохранив, однако, за собой все права, предусмотренные Версальским договором.

Отказ сената одобрить Версальский договор – не первый в истории США случай, когда президент терпел подобную неудачу. Джон Хей, занимавший пост государственного секретаря США в 1898–1905 гг., остроумно заметил по этому поводу, что «договор, переданный сенату, уподобляется быку, вступающему на арену. Никто точно не может сказать, как и когда он падет от последнего удара. Но одно несомненно: бык никогда не покинет арену живым» [53].

Прав ли был Вильсон, отстаивая принцип все или ничего? На эти вопросы пытался дать ответ Ллойд Джордж. Будучи мастером компромиссов, он вполне естественно считал, что прежде всего был виноват Вильсон. «Побольше такта и поменьше гордости – и он достиг бы своей цели. Любезный поклон при входе в сенат – и он добился бы своего. Но он оставался по-прежнему чопорен и несгибаем – вот и расшиб себе голову о притолоку, остался оглушенным и навеки смолк» [54]. По мнению американского историка Д. Эдемса, «Вильсон требовал всего, но ничего не добился. В результате его неудачи Соединенные Штаты остались вне Лиги наций» [55].

Имеются, однако, и другие суждения. Сам Вильсон видел все зло в своих противниках. «Несмотря на то, что я делаю, – заявлял он, – они будут продолжать атаковать меня» [56]. Такой взгляд разделял влиятельный конгрессмен-демократ Корделл Хэлл. «Я глубоко убежден в том, – писал он, – что если бы Вильсон согласился принять их так называемое предложение об одобрении (устава. – *З. Г.*) Лиги наций вместе с оговорками, то на следующее утро мы обнаружили бы, что республиканцы под руководством Рида и других с Лоджем на переднем плане выдвинули бы много новых требований. Они ре-

шительно добивались поражения Лиги наций любой ценой и тем самым – поражения Вильсона»[57].

Как нередко бывает, правда оказывается где-то между двумя взаимоисключающими точками зрения. Так дело обстояло и в данном случае. Поэтому дать однозначные ответы на поставленные вопросы нельзя. Роль Вильсона в решении проблемы ратификации Версальского мирного договора никоим образом не объяснялась одной его неуступчивостью. Факторы, определявшие позицию президента, были куда более серьезными.

Вильсон не жалел сил для обеспечения успеха создания Лиги наций. В конце 1919 г. он заявил, что готов сражаться до конца ради «восстановления доверия к Соединенным Штатам и выполнения их обещания»[58] в отношении Лиги наций. Такое заявление не являлось бахвальством. Речь шла о престиже президента. Но не только об этом. Вильсон считал, что на карту поставлен вопрос о руководящей роли США в мире. Недаром его реакцией на отклонение сенатом Версальского договора явились слова: «Мы имели шанс добиться мирового лидерства. Мы потеряли его и вскоре будем свидетелями этой трагедии»[59].

Вильсона нельзя упрекнуть в политической близорукости. Он отчетливо сознавал, что оппозиция в сенате, с таким упорством противостоявшая ему, представляет собой внушительную силу. У него не возникало сомнений насчет того, что Лодж вместе со своими приверженцами и союзниками непременно будет упорно сопротивляться реализации его планов в отношении Лиги наций. Однако президент не допускал мысли, что сенаторы-республиканцы отважатся установить непреодолимый барьер на пути к участию США в этой организации. Он до последней минуты верил в благоприятный исход голосования.

И когда ему пришлось испить горькую чашу до дна, он признался своему врачу, что столь большая неудача может свести его с ума.

Несмотря на тяжелое поражение, Вильсон, однако, продолжал верить в правильность своих взглядов, попрежнему считая, что его позиция в отношении Лиги наций была единственно верной. Уступки, которые он сделал в этом вопросе, являлись для него пределом. По его мнению, дальше отступать было нельзя. Это равносильно капитуляции. Вот почему президент ни в чем себя не

упрекал. «Я готов отдать свою репутацию на суд истории» [60], – заявлял он.

Бесспорно принадлежа к разряду видных государственных деятелей, Вильсон тем не менее допустил крупный политический просчет. Он явно переоценил себя, свои возможности и соответственно не учел в полной мере степень противодействия своих врагов. Просчет Вильсона в определенной мере обусловлен особенностями его психологического склада. «Вильсон, – писали американские историки А. и Дж. Джордж, – должен был властвовать... Это представляло собой такую сильную потребность, что ничто... не могло побороть его решимость поставить на колени своих противников» [61]. Непоколебимая убежденность Вильсона в правильности своих суждений и действий сочеталась в нем с высокомерным отношением к оппонентам. Он часто называл их «пустоголовыми», «душами пигмеев» и т. д. Такие оскорбления так или иначе становились известны тем, кому они адресовывались, и это способствовало усилению неприязни к Вильсону.

После длительного перерыва Вильсон созвал заседание своего кабинета. К этому времени произошли некоторые изменения в составе правительства США. Больше не занимал своего поста Лансинг. Вильсон давно ждал случая, чтобы избавиться от государственного секретаря, посмевшего высказать самостоятельные суждения по вопросам о Лиге наций и Шаньдуне. Такой случай представился, когда Лансинг без ведома президента, но с согласия остальных министров созвал заседание кабинета. Это переполнило чашу терпения Вильсона, и 12 февраля 1920 г. Лансинг был заменен нью-йоркским юристом Б. Колби. Этот бывший сторонник республиканца Т. Рузвельта теперь преданно служил демократу Вильсону. Изменения, но безболезненные произошли в министерстве финансов. Его руководитель Макаду, решив добиваться выдвижения своей кандидатуры на пост президента страны, подал в отставку. Министром финансов стал Хаустон.

Прошло несколько месяцев, и Вильсон дал понять, что готов еще раз добиваться президентского кресла в Белом доме. Об этом, в частности, свидетельствует интервью, данное им известному публицисту, издателю газеты «Нью-Йорк уорлд» Л. Сиболду и опубликованное 18 июня 1920 г. В интервью излагались соображения пре-

зидента относительно платформы демократической партии на предстоящих выборах, причем, как и следовало ожидать, особый упор был сделан на необходимости участия США в Лиге наций. Сиболд, публикуя сообщение о беседе с Вильсоном, специально отметил, что тот быстро поправляется, снова проявил свой «блестящий интеллект» и «спасительное чувство юмора»[62]. Американское общественное мнение по праву рассматривало интервью Вильсона как заявку на переизбрание его в третий раз. Не случайно и то, что на протяжении следующей недели «Нью-Йорк таймс» опубликовала предложения об оказании финансовой помощи президенту США для проведения его новой избирательной кампании.

В конце июня 1920 г. в Сан-Франциско начал работу съезд демократической партии. Ему надлежало выдвинуть кандидата партии на пост президента США. Устроители съезда подчеркнуто старались оказать Вильсону всяческие почести. На самом видном месте, рядом с национальным флагом, был установлен его большой портрет. В зале ярко вспыхивали лампочки, высветлявшие одно слово: «Вильсон». На улицах города и внутри помещения, где проходил съезд демократов, шла бойкая торговля различными сувенирами с его изображениями. Делегаты и гости съезда, обмениваясь впечатлениями, чаще всего говорили о Вильсоне. Человек, случайно попавший в такую обстановку, вполне мог подумать, что вопрос о кандидатуре на пост президента уже решен и что претендентом является только Вильсон. Но это было обманчивое представление. Вильсон не значился в числе лиц, выдвигаемых на президентский пост. Этого поста добивались генеральный прокурор М. Пальмер, приобретший печальную известность вдохновителя полицейских налетов на прогрессивные организации, бывший министр финансов У. Макаду и губернатор штата Огайо Джеймс Кокс.

Вильсон еще в 1918 г. высказал соображения о тех качествах, которые надлежит иметь новому президенту США. Опираясь на собственный опыт, он пришел к выводу, что глава государства должен быть не только деятельным по натуре человеком, но и обладать философским складом ума. Вильсон также считал, что президенту следует мыслить в мировом масштабе. Это, по его мнению, было тем более необходимо, что лидеры рабочего движения «действительно рассуждают с международных

позиций»[63] и, следовательно, надо уметь успешно противодействовать им.

Подходя с такой меркой, Вильсон считал, что ни один из указанных претендентов не подходит для того, чтобы занять высший государственный пост в стране. Выдвижение кандидатуры Кокса было бы «шуткой»[64], заметил он. Вильсон отдавал предпочтение Макаду, хотя и этот деятель, с его точки зрения, не годился для поста президента. Макаду, говорил Вильсон, мог прекрасно работать, но не любил рассуждать. Скептически отзывался он и о способности Пальмера стать первым лицом в государстве.

По убеждению Вильсона, единственно, кто располагал всеми необходимыми качествами для занятия поста главы государства, был он сам. Правда, его кандидатура не значилась среди официальных претендентов, но положение можно было исправить. За это дело взялся государственный секретарь Колби. Когда съезд, казалось бы, зашел в тупик в решении вопроса о кандидате, он решил, что настал подходящий момент для выдвижения кандидатуры Вильсона. Колби 2 июля направил из Сан-Франциско в Вашингтон на имя хозяина Белого дома следующую закодированную телеграмму: «Основной характеристикой съезда являются единодушие и пылкие чувства к Вам... Если не будет иных определенных указаний, я намерен воспользоваться первой же возможностью, чтобы... включить Ваше имя в число кандидатов»[65].

Вильсон благожелательно отнесся к предложению Колби. Из Белого дома государственному секретарю передали, что его план не является неприемлемым для президента[66]. Но Вильсон знал, что, за исключением Колби и, возможно, Берлесона, все остальные члены кабинета и ряд влиятельных сенаторов (Гласс, Дж. Робинсон и др.) по разным мотивам возражали против его переизбрания. Поэтому, прежде чем принять окончательное решение, он счел нужным выяснить мнение своих друзей, находившихся в это время на съезде партии. Но участники обсуждения плана Колби восприняли его так, будто их холодной водой окатили. «Я никогда не видел бóльшего возмущения и негодования», – писал Даниэлс о состоявшейся в Сан-Франциско встрече близких к Вильсону лиц. Он объяснил это тем, что Вильсон по состоянию здоровья не мог быть избран на новый срок.

Но дело, очевидно, было не только в самочувствии президента. «Мы все считали,– продолжал морской министр,– что если бы имя Вильсона было представлено (съезду.– *З. Г.*), то великое дело, которому мы себя посвятили, оказалось бы в стесненном и унизительном состоянии» [67]. Можно предположить, что министры и другие лица из окружения Вильсона, прибывшие на съезд партии, считали, что кандидатура их шефа не получила бы поддержки со стороны делегатов, и поэтому сама идея ее выдвижения казалась им безнадежной. В результате под давлением участников указанной встречи Колби пришлось послать Вильсону новую телеграмму, в которой говорилось, что для выставления его кандидатуры на очередных президентских выборах «время еще не настало». Таков финал «энергичной, но тайной» [68], как писал Бейли, попытки Вильсона добиться возможного своего избрания в третий раз президентом США.

Пока за кулисами съезда демократической партии решался вопрос о кандидатуре Вильсона на пост президента, делегаты усердно занимались баллотировкой. Сорок четыре тура понадобилось для того, чтобы в конечном счете был назван кандидат демократов на пост президента. Избранным оказался Кокс. Он поддерживал устав Лиги наций, но без энтузиазма. Вильсон, который и без того не жаловал Кокса, был разочарован решением съезда. В сердцах он резко осудил его. Кандидатом на пост вице-президента демократы избрали Франклина Д. Рузвельта, занимавшего на протяжении семи лет должность помощника морского министра. Несмотря на сравнительно молодые годы, Рузвельт проявил себя способным государственным деятелем, он по праву считался активным вильсонистом и неизменно поддерживал политику Белого дома.

В начале июня в Чикаго заседал съезд республиканской партии, проходивший под председательством Лоджа. Основными соперниками на пост президента от этой партии являлись генерал Леонард Вуд и губернатор Иллинойса Фрэнк Лоуден. Но так как ни один из них не получил необходимого большинства голосов, руководство партии при деятельном участии Гарви под занавес сделало ставку на «темную лошадку». В итоге кандидатом республиканцев на президентских выборах стал губернатор штата Огайо Уоррен Гардинг. Это был довольно посредственный человек, которого всерьез не принимали за

деятеля национального масштаба, да и он сам не считал себя таковым. Но его отличало одно качество: послушное выполнение желаний партийных боссов.

В стране полным ходом развернулась избирательная кампания. Демократическая партия шла на выборы с платформой, в которой одно из центральных мест занимал вопрос о Лиге наций. 3 октября Вильсон опубликовал воззвание к народу, в котором утверждал, что предстоящие выборы являются «подлинным национальным референдумом». «Хотите ли вы, чтобы честь вашей страны была защищена и Версальский мирный договор был ратифицирован? Одобряете ли вы, в частности, Лигу наций, организованную в соответствии с данным договором? Желаете ли вы, чтобы Соединенные Штаты выполняли свою ответственную роль в Лиге наций?» [69] – спрашивал он избирателей. Вильсону в любом случае предстояло покинуть Белый дом. Но так как он не собирался расставаться с политической деятельностью, результаты выборов имели для него важное значение. Если итоги президентской избирательной кампании 1920 г. будут успешными для демократической партии и она сможет остаться у власти еще на четыре года, тогда, как считал Вильсон, удастся обеспечить ратификацию Версальского договора. А это означало бы полную победу внешнеполитического курса Вильсона, его триумф.

Само собой разумеется, подобный исход имел бы печальные последствия для республиканцев. Поэтому они стремились во что бы то ни стало нанести сокрушительное поражение демократической партии. Эта установка была предельно четко изложена в речи одного из лидеров республиканской партии на Чикагском съезде. «Господин Вильсон и его династия, его наследники и уполномоченные или любое лицо, которое, преклоняя колени, служит его интересам, – закусив удила заявлял Лодж, – должны быть отстранены от контроля и влияния на правительство Соединенных Штатов. Они должны быть отстранены от должности и власти» [70].

Для достижения победы на выборах республиканцы не гнушались ничем. Они осуждали «вильсоновскую Лигу наций» как инструмент войны. Добиваясь поддержки американцев немецкого происхождения, они напоминали им, что именно Вильсон объявил войну Германии. Они призывали ирландцев голосовать против демократиче-

ской партии, обвиняя Вильсона в том, что он в целях организации Лиги наций якобы пошел на сделку с Ллойд Джорджем и тем самым помешал установлению независимости Ирландии. Они обращались за поддержкой к американцам итальянского происхождения, заявляя, что Вильсон воспротивился передаче Фиуме Италии. Такими демагогическими приемами республиканская партия стремилась распространить свое влияние среди самых широких слоев избирателей. Эта партия использовала в своих интересах и то обстоятельство, что 26 августа 1920 г. вступила в силу поправка к конституции, согласно которой женщины впервые в истории США получили право участвовать в выборах.

Наконец, и это, пожалуй, самое важное, республиканцы возложили на своих противников-демократов вину за экономический кризис, поразивший США после войны, и обещали вывести страну на путь процветания. «Америка,— заявлял Гардинг,— сейчас нуждается не в героическом, а в исцелении, не в патентованных средствах, а в нормализации, не в революции, а в восстановлении... не в хирургической операции, а в покое» [71]. Пущенный с легкой руки кандидата республиканцев призыв к возврату к «нормальным временам» приобрел большую популярность в период избирательной кампании и сыграл определенную роль в ее исходе.

Выборы состоялись 2 ноября 1920 г. Их результаты свидетельствовали о том, что фортуна отвернулась от демократов. Республиканская партия одержала крупную победу. Гардинг получил 16 152 200 голосов, а Кокс — лишь 9 147 553 голоса. В результате выборов республиканская партия спустя восемь лет отвоевала исполнительную власть у демократов. Серьезно укрепила она свои позиции и в конгрессе. Теперь соотношение мест республиканцев и демократов в палате депутатов составляло 310 к 131, а в сенате — соответственно 59 к 37. Республиканская партия добилась также успеха на выборах в штатах. Большинство избранных в том году губернаторов были республиканцами. Таким образом, «великий и торжественный референдум», на который так уповал Вильсон, окончился для него полной неудачей.

2. Внутренняя политика федеральной администрации. Пальмеровские рейды

Если президент Вильсон в послевоенное время был поглощен решением внешнеполитических проблем, то не в пример ему американский народ считал, что у США имеются более насущные задачи, чем Лига наций. Его волновали такие жизненные заботы, как рост дороговизны, увеличение безработицы, снижение жизненного уровня, удлинение рабочего дня.

После окончания войны в США усилилась инфляция, которая привела к стремительному росту цен, особенно на предметы первой необходимости. Так, хлеб стоил в два раза дороже, чем в 1913 г., а одежда – почти в 3 раза. Подскочили цены и на другие товары массового потребления. Прекращение военного бума вызвало увеличение числа безработных. Между тем с фронта возвращалось 3 млн. человек и их нужно было трудоустроить. Положение в США еще более обострилось в связи с разразившимся в середине 1920 г. тяжелым экономическим кризисом. Количество безработных в стране достигло 5 млн. человек.

Все эти трудности вызвали новый подъем классовой борьбы в США. В 1919 г. было проведено 3630 стачек, в которых участвовало свыше 4 млн. человек. Это явилось еще одним рекордом в истории американского рабочего движения. Важная особенность стачечной борьбы в США в это время состояла в том, что наиболее активное участие в ней приняли рабочие ведущих отраслей экономики: сталелитейщики, шахтеры, железнодорожники и портовые грузчики. Убедительным свидетельством роста революционного сознания американских пролетариев явилось образование Коммунистической партии США. Ее основатели – Джон Рид и Чарльз Рутенберг.

Подъем классовой борьбы в стране серьезно обеспокоил Вильсона. «...Наша нынешняя цивилизация, – говорил американский президент в сентябре 1919 г., – не является удовлетворительной. Это – индустриальная цивилизация, и ее сущность проявляется в антагонизме между теми, кто работает, и теми, кто управляет трудом» [72], т. е. работодателями. По убеждению Вильсона, этот антагонизм являлся источником всех бед и поэтому надо с ним решительно бороться.

Вильсона нельзя поставить в один ряд с владельцами

корпораций и их прямыми апологетами. Если интересы монополий сводились прежде всего и главным образом к увеличению прибылей, то американский президент шире смотрел на положение вещей. Он отнюдь не считал основой благополучия США только мощь монополий и их прибыли. В центре его внимания находилось американское буржуазное общество в целом. Вильсон полагал, что, чем слабее сопротивление рабочего класса, тем прочнее устои буржуазного общества. Вот почему он всегда ратовал за классовый мир между рабочими и предпринимателями. «Мы не можем существовать... как нация или добиться должного успеха как индустриальное общество,– утверждал американский президент,– если капитал и труд продолжают оставаться антагонистами, вместо того чтобы быть партнерами»[73]. При этом он считал, что на долю США якобы выпала особая миссия – первыми заложить фундамент, на котором будет построен индустриальный мир.

Соображения президента Вильсона о классовых взаимоотношениях в США рельефнее всего, пожалуй, отражены в его годичном послании конгрессу 2 декабря 1919 г. Это послание – один из программных документов американского буржуазного реформизма. Его автор, будучи убежденным сторонником «классового мира», утверждал, что «не может быть долговременного урегулирования отношений между трудом и капиталом, не признающего фундаментальных идей, за которые рабочий класс годами борется». Вильсон открыто признавал права рабочих на коллективный договор и забастовку, заявлял о необходимости удовлетворения ряда требований трудящихся. «Рабочий добивается соответствующей зарплаты, которая позволит ему жить в нормальных условиях, не опасаясь нищеты и старости. Он добивается права жить и работать в здоровой обстановке как дома, так и на предприятии, обстановке, которая помогает, а не наносит ущерб его здоровью и благополучию. Он добивается права на обеспечение потребностей детей в отношении здоровья и образования. Другими словами, рабочий желает, чтобы жизнь его и тех, кто ему дорог, была терпимой»[74]. Это была политика приспособления к условиям обострившейся классовой борьбы в стране. Цель этой политики состояла в том, чтобы не допустить дальнейшего роста революционного движения в США.

У Вильсона имелся еще один довод в пользу того, что нужно пойти навстречу требованиям американского рабочего класса: удовлетворение потребностей рабочих будет способствовать повышению производительности труда, а значит, и увеличению выпуска продукции. К достижению этой же цели была направлена идея Вильсона о необходимости установления «подлинной демократизации промышленности, базирующейся на полном признании права тех, кто работает, независимо от их ранга, непосредственно участвовать в принятии каждого решения, прямо затрагивающего их благосостояние». Приведенные высказывания Вильсона предвосхитили взгляды современных буржуазных социологов, пытающихся посредством пропаганды «социального партнерства», «патернализма» и «человеческих отношений» помешать распространению революционных идей среди рабочих.

Средство против революции, считал американский президент, «по своему характеру должно быть не негативным, а конструктивным... Подлинным антиподом (народных. – *З. Г.*) волнений является не подавление их, а серьезное рассмотрение несправедливостей...»[75]. Эти слова Вильсона вполне выдержаны в духе либерализма. Однако они нередко находились в противоречии с его реальными делами. Президент США в своей политике широко опирался на поддержку реформистского руководства АФТ. В ряде случаев с помощью Гомперса и других оппортунистических лидеров профсоюзов ему удавалось ослабить сопротивление рабочих. Когда подобные меры не достигали желаемого результата, правительство США, возглавляемое профессором-либералом, использовало грубую силу в борьбе с рабочим движением. Так, Сиэтл, где в начале 1919 г. проходила крупнейшая в истории США всеобщая стачка рабочих и служащих, был объявлен на военном положении. В этот крупный приморский город Северо-Запада вступили федеральные воинские части, после чего последовали аресты рабочих-активистов.

Осенью 1919 г. забастовали 367 тыс. рабочих сталелитейной промышленности. Против участников стачки были брошены полиция и войска. За шесть дней до начала стачки шахтеров, 25 октября 1919 г., Вильсон предупредил их, что «закон будет претворен в жизнь и будут использованы средства для защиты интересов страны в случае крайней необходимости, которая может возник-

нуть в связи с этим печальным делом»[76]. Угроза президента не остановила шахтеров. В назначенный срок, 1 ноября 1919 г., в угольной промышленности США началась забастовка, в которой участвовало 550 тыс. человек. Тогда власти объявили это выступление «незаконным» и направили для его подавления стотысячное войско.

Антирабочая политика Вильсона отчетливо проявилась и в его отношении к Ю. Дебсу. В связи с тем что этот старейший деятель американского рабочего движения отбывал тюремное заключение в федеральной тюрьме Атланты, в стране развернулось движение за его освобождение. В Белый дом, а затем в парижскую резиденцию президента непрерывным потоком шли ходатайства о помиловании Дебса. Вильсон, хотя война уже была позади, по-прежнему никак не хотел примириться с антивоенными выступлениями лидера левых социалистов и категорически отказывался помиловать его. В марте 1919 г. вопрос об освобождении Дебса обсуждался на заседании правительства. Министры труда и морского флота высказали мнение, что Дебс «уже достаточно наказан» за свой протест против участия США в войне и теперь его следует выпустить из тюрьмы. Но Вильсон ничего не желал слышать. «Я не освобожу его»[77],— заявил он тоном, не терпящим возражений. В 1920 г. Дебс в пятый раз баллотировался на пост президента США и собрал рекордное для социалистической партии число голосов избирателей. За него проголосовало 920 тыс. человек. Тем не менее он оставался в тюрьме. Движение в защиту Дебса приобрело теперь еще более широкий размах. Но Вильсон по-прежнему не склонен был идти ни на какие уступки.

С наибольшей полнотой антидемократический характер внутренней политики правительства дал о себе знать в период так называемого «красного страха». В США давно не наблюдалось таких полицейских репрессий. По меткому замечанию советского историка В. И. Лана, гонения на прогрессивные организации, предпринятые министром юстиции Пальмером, явились «заключительным аккордом вильсоновской «новой свободы»»[78].

Федеральное правительство, местные органы власти и буржуазная печать, напуганные ростом революционного движения в стране, предприняли «крестовый поход» против демократических сил, и в первую очередь против

коммунистов. С провокационной целью были организованы взрывы бомб, а виновными в этом, как клеветнически заявляла «Нью-Йорк таймс» 5 июня 1919 г., являлись «эмиссары большевистского лидера Ленина». После этих взрывов полиция учинила аресты в Нью-Йорке и ряде других городов США. Они производились по спискам, составленным помощником Пальмера Э. Гувером, впоследствии возглавившим Федеральное бюро расследований.

Самая массовая облава была предпринята в ночь на 2 января 1920 г., когда в 56 городах было арестовано свыше 4 тыс. человек. Среди них находились видные коммунисты, в том числе Рутенберг, а также деятели ИРМ, избежавшие арестов ранее. 5 мая полиция схватила итальянских рабочих Н. Сакко и Б. Ванцетти, принимавших активное участие в американском рабочем движении. Суд на основе недоказанных обвинений вынес им смертный приговор. Несмотря на протесты мировой общественности, Сакко и Ванцетти были казнены. Тяжелым репрессиям подверглись и другие революционеры. Всего за время пальмеровских налетов было арестовано около 70 тыс. человек. Из них 550 человек было депортировано в Советскую Россию. Даже американский буржуазный историк Лейхтенберг, касаясь обстановки, сложившейся в США в связи с «красным страхом», сделал вывод, что «в течение по крайней мере полустолетия, возможно, никогда раньше за всю нашу историю не было нарушения человеческих свобод в столь больших размерах» [79].

Когда в США проводилась кампания «красного страха», Вильсон тяжело болел. Тем не менее полицейские расправы в США лежат на его совести. Президент во время осеннего турне 1919 г., не стесняясь в выражениях, неоднократно обрушивался нападками на Советскую Россию и революционных деятелей в США и других странах. Тем самым он «содействовал антибольшевистской истерии, которая охватила США во время «красного страха»» [80]. Вильсон прямо благословил действия Пальмера. 14 апреля 1920 г., когда у его постели собрались члены кабинета, он сказал, обращаясь к инициатору налетов: «Пальмер, не допускайте, чтобы наша страна видела красных» [81]. Установка Вильсона распространялась не только на американских «красных», но и на официальных советских представителей.

3. США и Советская Россия в 1919–1920 гг.

19 марта 1919 г. Советское правительство назначило своим представителем в США жившего тогда в этой стране активного участника русского революционного движения и ученого Л. К. Мартенса. Вскоре в Нью-Йорке была создана советская дипломатическая миссия в США. Мартенс отправил ноту на имя государственного секретаря Колби, в которой извещал, что задача миссии заключается «в достижении дружественных дипломатических и экономических отношений между Соединенными Штатами и Россией...» [82]. Однако Вашингтон отказался иметь дело с советской миссией. Мартенсу было заявлено, что правительство США считает послом России Б. А. Бахметьева и поэтому «не признает г-на Мартенса в каком-либо представительском качестве в Соединенных Штатах ни от имени правительства России, ни от какого-либо другого правительства» [83]. Прошло около двух месяцев, и полиция организовала налет на здание представительства Советской России. После произведенного обыска главу советской миссии и ее сотрудников арестовали по обвинению в «подрывной» деятельности. Никаких доказательств «вины» не было, тем не менее власти США угрожали высылкой Мартенса. Советское правительство отозвало его в Москву, а размещенные им в США заказы пришлось аннулировать. Ответственность за срыв миссии Мартенса целиком легла на правительство Вильсона.

Летом 1919 г. американские войска были эвакуированы из Мурманска и Архангельска, а весной следующего года – из Сибири. Одной из решающих причин, приведших к выводу войск США с советской территории, были успехи Красной Армии, в том числе разгром ею американского военного отряда под Шенкурском. Исключительное значение имело и нежелание солдат США и Антанты сражаться против Советской Республики. В. И. Ленин в этой связи указывал: «...мы победили Антанту тем, что отняли у нее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры» [84].

Серьезную роль в провале планов интервенции сыграло также движение в защиту Советской России, развернувшееся в самих США. Правительство Вильсона, приняв летом 1918 г. решение об участии США в антисоветской интервенции, пыталось оправдать ее тем, что для

ускорения победы над Германией необходимо, мол, восстановить Восточный фронт. После окончания войны с Германией этот главный «аргумент» сторонников интервенции отпал. Однако американские войска продолжали вести военные действия против Республики Советов. Поэтому прогрессивные силы и широкая общественность США с еще большей энергией боролись теперь за быстрейшее прекращение интервенции.

30 ноября 1918 г. на массовом митинге в Сент-Луисе, созванном социалистами, была принята петиция на имя президента Вильсона. В ней указывалось, что пребывание войск США в Мурманске и Владивостоке следует расценить как состояние войны между двумя странами. Большой митинг в пользу прекращения интервенции состоялся в Чикаго в конце января 1919 г. Он также был организован социалистами. «Почему американские солдаты,— говорилось в резолюции митинга,— должны быть использованы для возвращения английским, французским и американским банкирам золота, которое они предоставили бывшему царю для оплаты его палачей? Почему американские юноши должны проливать кровь ради восстановления монархии или возвращения потерь, понесенных бывшими правящими классами России? Убрать войска из России!.. Признать Республику Советов России! Мы требуем этого во имя демократии, в интересах всеобщего мира, в интересах рабочих России...»[85] Аналогичные требования выдвигали профсоюзы, а также женские, негритянские и другие демократические организации. В авангарде борьбы в поддержку молодой Советской Республики шли коммунисты. «Мир дарован Германии и Австрии, Турции и Болгарии,— отмечалось в декларации Исполкома Коммунистической партии США,— но он не дарован Советской России, где власть находится в руках рабочих. Почему идет эта война против русского народа?.. Советская Россия покончила у себя с капитализмом, она вдохновляет рабочих всего мира на повсеместное уничтожение его»[86].

В движении за прекращение антисоветской интервенции участвовали и дальновидные круги американской буржуазии. Так, сенатор Х. Джонсон 12 декабря 1918 г. заявил в сенате: «Я не желаю, чтобы наша республика проводила политику покорения или подчинения других народов, которые думают не так, как мы...»[87] К выводу

войск США из России призывал сенатор Лафоллет. После окончания войны с Германией, заявил он 7 января 1919 г., «не может быть никакого предлога для того, чтобы войска Соединенных Штатов сражались сегодня на русской земле с русским народом»[88]. «Что касается меня, — говорил сенатор Бора, — я не являюсь сторонником ликвидации любой формы правительства, которую русский народ считает для себя пригодной. Я выступаю за то, чтобы они сами урегулировали свои трудности и создали бы любое правительство, которого сами желают»[89].

На решение правительства США вывести свои войска из России большое влияние оказали также американо-японские противоречия. Имея их в виду, Вильсон еще в мае 1919 г. заявил на заседании «совета четырех», что, если США увеличат свои военные контингенты в Сибири, Япония пошлет туда еще больше войск, и поэтому он «всегда придерживался мнения, что правильная политика союзных и присоединившихся держав состоит в том, чтобы уйти из России и оставить ее русским, с тем чтобы они сами между собой сражались»[90].

Окончание вооруженной интервенции США не означало поворота в политике этой страны в сторону нормализации отношений с Советским государством. Напротив, политика Белого дома продолжала оставаться антисоветской. Одним из свидетельств этого является заявление государственного департамента, сделанное им после решения Верховного совета Антанты о снятии блокады с Советской России. Внешнеполитическое ведомство США 7 июля 1920 г. сообщало своему послу в Париже, что снятием блокады «не осуществляется и не подразумевается политическое признание в настоящее время или в будущем каких-либо русских властей, исполняющих или претендующих на то, чтобы исполнять функции правительства»[91]. Антисоветский характер политики правительства США еще более отчетливо выражен в ноте Колби, адресованной 10 августа 1920 г. итальянскому послу в Вашингтоне. В ноте, составленной по указанию и при непосредственном участии Вильсона, подчеркивалось, что с американской стороны в отношении к Советскому правительству «не может быть никакого доверия, никакого взаимного уважения... Мы не можем признать такое правительство, не можем иметь с ним официальных сношений...»[92].

Вскрывая несостоятельность такого антисоветского курса, В. И. Ленин отмечал, что «Америке ничего не даст вильсоновская политика благочестивого отказа иметь с нами дело на том основании, что наше правительство им не по вкусу» и что автору американской ноты «надо бы взвесить осторожнее свои слова. Он не сможет привести ни одного примера, ни единого факта нарушения нами своих обязательств»[93]. История подтвердила правоту этих слов. Она вместе с тем свидетельствует, что Вильсон заложил фундамент антисоветской политики США. «Реакция Вильсона в отношении большевиков,– пишут американские историки М. Дабофски, Э. Сиохэрис и Д. Смит,– создала исторический прецедент, породивший горькие плоды в период «холодной войны», наступивший после второй мировой войны»[94].

4. Экс-президент

3 марта 1921 г. состоялось заседание правительства США. Вильсон все еще был болен. Он с большим трудом передвигался, но все же явился на заседание, где ему в последний раз предстояло встретиться со своими министрами.

На следующий день Вильсон должен был выполнить предусмотренную конституцией процедуру – сдать пост президента своему преемнику. Он встал раньше обычного, чтобы подготовиться к встрече с Гардингом. Свидание Вильсона с новым президентом произошло в голубой комнате Белого дома. Затем оба они в одной машине отправились к зданию конгресса. Вильсону много раз приходилось совершать этот путь из своей постоянной резиденции по Пенсильвания-авеню до Капитолия. Теперь рядом с ним в президентском автомобиле находился Гардинг, к которому и обращала свои взоры публика.

Срок президентских полномочий истекал ровно в полдень. За несколько минут до того, как раздался бой старинных часов, в комнату президента вошел Лодж. Именно его избрали председателем объединенного комитета обеих палат конгресса, задачей которого было известить уходящего со своего поста главу государства об окончании текущей сессии высшего законодательного органа власти.

Так обстоятельства в последний раз столкнули Виль-

сона с человеком, к которому он питал столь глубокую неприязнь.

Лодж от имени комитета сообщил Вильсону, что сенаторы и члены палаты представителей собрались в зале заседания и ждут его выступления. Понадобилось какое-то время, чтобы Вильсон пришел в себя от этой неожиданной встречи. Оставаясь внешне невозмутимым, он, сидя в кресле, тихим, но твердым голосом сказал: «Сенатор Лодж, у меня больше нет никаких сообщений. Благодарю Вас. До свидания»[95]. Часы пробили полдень. Вильсон с большим трудом поднялся и, опираясь на руку своей жены, навсегда покинул здание конгресса.

Еще до того, как Вильсон стал экс-президентом, он принял решение не покидать столицу. Им был куплен трехэтажный особняк вблизи библиотеки конгресса, и 4 марта Вильсон перебрался туда вместе со своей семьей и прислугой. Но что делать дальше? В 1914 г. он как-то сказал, что после ухода из Белого дома будет писать книгу о политической жизни в США, задачах и функциях американского правительства. В феврале 1919 г. он уточнил свои намерения. «Теперь,— заявил президент членам национального комитета демократической партии,— по временам у меня появляется похвальная мысль. 5 марта 1921 г. (т. е. на следующий день после ухода с поста главы государства.— *З. Г.*) я снова начну заниматься историей, вместо того чтобы быть активным политическим деятелем»[96].

Впрочем, позднее он отказался от этой мысли. Вильсон сослался на то, что его имя непосредственно связано с важнейшими политическими событиями. «Но Вы должны чем-то заняться! Что Вы будете делать?» — спросил его один из министров на последнем заседании правительства. «Я попытаюсь учить экс-президентов, как надо себя вести,— ответил Вильсон.— Однако мне будет очень трудно этим заниматься. Причиной тому является английский язык Гардинга»[97],— добавил он после небольшой паузы. Это, конечно, была шутка. Вильсон всерьез намеревался работать над книгой «Философия политики».

Удалившись от дел, Вильсон, однако, не смог реализовать свои планы. Переход к новым условиям жизни оказался для него тягостным. Ему было сделано предложение написать биографию Э. Бёрка. Предлагалось также изложить в отдельной книге свои взгляды на жизнь

Иисуса Христа и т. д. Но он отказался от всего этого. Экс-президент написал только посвящение своей жене к «Философии политики». Это была единственная страница давно задуманной книги.

По данным историка Дж. Смита, Вильсон, расставшись с президентским постом, владел капиталом в размере 250 тыс. долл. Т. Бэйли, напротив, считал, что он в это время испытывал материальные затруднения. Как бы то ни было, экс-президент пытался найти применение своим способностям на практическом поприще. Он предложил Колби совместно с ним заняться юридическими делами. Вскоре в Вашингтоне и Нью-Йорке появились их адвокатские конторы. Однако партнерство очень быстро оборвалось. Бывший государственный секретарь нашел более выгодное дело, начав сотрудничать с одной из крупных нефтяных компаний. Таким образом, и вторичная попытка Вильсона, теперь уже на склоне лет, стать на путь адвокатской деятельности оказалась неудачной.

Жизнь бывшего президента текла однообразно. Он много читал или слушал чтение кого-нибудь из близких. Его по-прежнему интересовали Вальтер Скотт и Диккенс, увлекался он и детективами. Любил Вильсон просматривать иллюстрированные журналы. Остальное время он тратил на пасьянсы, катание в автомобиле и отдых. Регулярно, раз в неделю, экс-президент вместе с семьей посещал церковь, бывал в театре. Изредка в доме устраивались небольшие праздники по случаю дня рождения главы семейства или кого-то из родных.

В декабре 1920 г. Вильсон за «героические усилия по установлению нового международного порядка»[98] был удостоен звания лауреата Нобелевской премии. Но из-за болезни он не смог поехать в столицу Норвегии Христианию (современный Осло) для получения почетного диплома. На церемонии у норвежского короля его представлял американский посланник. В 1922 г. буржуазное правительство Польши наградило Вильсона орденом «Белый орел». Это, кстати говоря, единственная иностранная награда, которую он принял.

После ухода с политической сцены Вильсон жил почти затворником. Он ни разу не виделся с Хаузом, а весной 1922 г. порвал отношения с Тьюмэлти. Таким образом, у него больше не осталось близких друзей. Иногда Вильсона навещали К. Додж, Б. Барух, Г. Моргентау, К. Гласс, Р. С. Бэйкер, К. Маккормик и некоторые

другие лица, сотрудничавшие с ним. Любопытное свидетельство о беседе с экс-президентом оставил Р. Фосдик. Касаясь своей работы в Принстоне, Вильсон сказал: «Это был самый лучший период в моей жизни. Я начинаю понимать, что содействие, оказанное мною моему поколению... проявилось не столько в политической деятельности, сколько в преподавании и административной работе в университете»[99]. По сообщению Фосдика, Вильсон в это время (в 1923 г.) вынашивал план оказания помощи американским университетам, чтобы они могли сравниться с Оксфордом и Кембриджем.

В 1922 г. в США для чтения лекций прибыл Клемансо. Он нанес визит Вильсону. Состоялась теплая встреча двух бывших государственных деятелей. Их беседа в основном касалась Парижской мирной конференции, на которой оба они возглавляли делегации своих стран. Вильсона посетил видный английский дипломат, один из инициаторов создания Лиги наций – Р. Сесиль. Гостем американского экс-президента стал Ллойд Джордж, прибывший в США в конце 1923 г. Вспоминая об этой встрече с Вильсоном, бывший английский премьер-министр писал, что «физически он уже был развалиной», но далее отмечал: «Передо мной был все тот же прежний Вильсон с его неукротимой ненавистью (к своим политическим противникам. – *З. Г.*), которую он сохранил до самого конца своего жизненного пути»[100].

Вильсону несколько раз довелось быть на виду у публики. В первый раз это произошло 11 ноября 1921 г., в день третьей годовщины окончания первой мировой войны, когда он присутствовал на церемонии похорон неизвестного солдата на Арлингтонском кладбище. В день своего рождения, 28 декабря 1922 г., Вильсон принял участие в учреждении фонда его имени. 8 августа 1923 г. он прибыл в Белый дом, чтобы отдать последний долг внезапно скончавшемуся президенту Гардингу.

Три месяца спустя (10 ноября 1923 г.) Вильсон выступил по американскому радио. В краткой речи он призывал США отказаться от изоляционизма и примкнуть к Лиге наций. Экс-президент говорил, что США следует «отбросить в сторону эгоизм, снова сформулировать и осуществить высокие идеалы и цели международной политики. Так и только так мы можем вернуться к истинным традициям Америки»[101]. Трудно, однако, сказать, насколько он тогда продолжал верить в жизнеспо-

собность Лиги наций. За два месяца до этого выступления он признался Баруху, что Лига наций обречена на поражение, ибо, по его словам, для нее еще не сложились благоприятные условия. «Я теперь вижу,— заявил Вильсон,— что мой план (создания Лиги наций.— *З. Г.*) появился на свет преждевременно. Мир еще не созрел для него» [102].

Если взгляды Вильсона в отношении Лиги наций претерпели определенную метаморфозу, то в отрицании революции он был постоянен. Особый интерес представляет беседа Вильсона с братом его первой жены профессором С. Эксоном. В ней он высказал мысли, предвосхищавшие в определенной степени «Новый курс» Ф. Рузвельта и в еще большей мере — политику современного государственно-монополистического капитализма: «Мир движется в сторону радикальных перемен, и я убежден, что правительствам придется делать многое из того, что в настоящее время делают частные лица и корпорации. Я, например, убежден, что правительство возьмет в свое распоряжение все основные естественные ресурсы. Что это означает? Это означает, что оно возьмет в свое распоряжение всю водную энергию, все угольные шахты, все залежи нефти и т. д. Все это станет государственной собственностью. Если я сказал бы об этом открыто, меня назвали бы социалистом, но я не социалист. И поскольку я не являюсь социалистом, я верю во все это. Я полагаю, что это единственный путь предотвращения коммунизма» [103].

Данные суждения, высказанные Вильсоном летом 1918 г., явились своего рода итогом его размышлений о судьбах капитализма и путях его дальнейшего развития. Но он практически ничего не сделал для их реализации. Снова выявился характерный для Вильсона разрыв между его словами и действиями. Показательна также реакция Вильсона на меморандум Джорджа Рекорда, являвшегося одним из его главных советников в бытность губернаторства в Нью-Джерси. Весной 1919 г. Рекорд писал президенту США, что экономика и национальные ресурсы страны находятся в руках монополий, вследствие чего миллионы американцев живут в тяжелых условиях, испытывая множество лишений. Поэтому, подчеркивал он, угроза взрыва недовольства в США вполне реальна. В это же время, говорилось в меморандуме, в России проводится «большой социальный экспе-

римент» и Вильсону нельзя его игнорировать. «Вам,— заявлял Рекорд президенту,— надо стать лидером радикальных сил Америки и представить стране конструктивную программу фундаментальных реформ, которая должна быть альтернативой программе социалистов и большевиков...»[104] Предложения Рекорда сводились к четырем пунктам: 1) национализация железных дорог, коммунальных предприятий, нефтепроводов и естественных богатств; 2) передача патентов во всеобщее пользование за плату, установленную государством; 3) использование всех свободных земель, ставших объектом спекуляции монополий; 4) ограничение крупных состояний с помощью подоходного обложения и налога на наследство.

Программа реформ, выдвинутая этим деятелем, во многом совпадала с собственными идеями Вильсона. Но он не последовал ей. Более того, в 1920 г. он согласился с решением конгресса о возвращении железных дорог и торговых судов, над которыми во время участия США в войне был установлен государственный контроль, их прежним владельцам.

Вильсона нельзя упрекнуть в политиканстве и тем более в легкомыслии. Он не любил предаваться беспочвенным мечтаниям и бросать слова на ветер. Это был человек отнюдь не робкого десятка, который, обладая сильным характером, мог последовательно отстаивать свои взгляды. Тем не менее Вильсон не претворил в жизнь созревший у него план коренных преобразований в социально-экономической жизни США, план, призванный, по его мнению, служить ответом на революцию. Что же являлось тому причиной? Ответ на этот вопрос дал советский историк Н. Н. Яковлев. Он указывает, что Вильсон «не хотел и не мог бороться против революции революционными методами»[105]. Это действительно так. Политика Вильсона строилась из расчета, что есть черта, преступать которую недопустимо. Иначе, полагал он, возникнет реальная угроза для самого существования буржуазного строя. Отсюда его нежелание прибегнуть к мерам крайнего радикализма.

Позиция Вильсона в значительной степени отражала негативное отношение крупной американской буржуазии к любой реформе, сколько-нибудь ущемлявшей ее права. Монополисты США ревниво пеклись о своих корыстных интересах и не собирались идти на жертвы. Призывы

к ограничению их прибылей и тем более к установлению государственного контроля над их собственностью расценивались ими как прямое покушение на святая святых американского буржуазного общества. Если бы Вильсон вздумал провести глубокие преобразования в стране, это несомненно встретило бы самое решительное противодействие со стороны правящего класса США. Поэтому он не мог пойти на чрезвычайные меры. Такая задача оказалась для Вильсона непосильной.

В августе 1923 г. в журнале «Атлантик мансли» была опубликована статья Вильсона «Путь, уводящий от революции», изданная затем брошюрой. Эта статья – плод длительных размышлений бывшего президента США – являлась по сути его политическим завещанием. Для «всеобщей смуты и возмущения, – говорилось в ней, – должны быть реальные причины. Они не сводятся к недальновидной политике или к явным просчетам в экономике. Они, возможно, лежат глубоко в истоках духовной жизни нашего времени... Что вызвало революцию в России? Ответ может быть только тот, что она была продуктом всей социальной системы. Революция не появилась внезапно... Ее причиной было систематическое лишение большинства русского народа прав и привилегий, которых добиваются все нормальные люди». Однако после таких довольно трезвых замечаний Вильсон заявил: «Система, которую мы называем капитализмом, необходима... для развития современной цивилизации».

Это было кредо буржуазного политика. Не удивительно, что автор статьи призывал к тому, чтобы обезопасить мир от «иррациональной революции». Но как этого достичь? По мнению Вильсона, «наша цивилизация (под нею он понимал буржуазный строй. – *З. Г.*) не сможет всерьез уцелеть, если только не будет спасена духовно. Она может сберечь себя только тем, что проникнется духом Христа, и станет свободной и счастливой благодаря порядку, который возникнет из этого духа. Только таким образом недовольство может быть устранено и все призраки (революции. – *З. Г.*) будут сметены с дороги. Существует решающий вызов нашим церковным учреждениям, политическим организациям, классу капиталистов и всем тем, кто боится бога и любит нашу страну. Не должны ли мы все искренно объединиться, для того, чтобы наступил новый день?»[106]

Рецепты Вильсона для борьбы с революцией, как

в этом нетрудно убедиться, не отличаются оригинальностью. Они сводятся к идее сплочения сил, способных помешать поступательному движению в развитии общества. Вильсон возлагал большие надежды не на церковь как таковую, а на христианский, даже шире – религиозный традиционализм, видя в нем оплот спокойствия и порядка. Вместе с тем он, как и прежде, считал буржуазный реформизм серьезной силой, способной противостоять революции.

Вильсон непоколебимо и упрямо верил в свою правоту. Экс-президент в последнем в его жизни публичном выступлении (с балкона своего дома 10 ноября 1923 г.) заявил: «Я не из тех, кто испытывает хотя бы малейшее беспокойство за торжество своих принципов. Я видел, как раньше глупцы противились провидению, и наблюдал их гибель... То, что мы достигнем нашей цели, так же несомненно, как и власть бога»[107].

Он все еще надеялся, что ему еще придется играть первую скрипку в демократической партии, и поэтому активно готовился к новой избирательной кампании. 15 ноября 1922 г. он писал Фрэнку Коббу: «Демократы должны предложить в 1924 г. конструктивную программу, которая разрядит атмосферу от тумана сомнений и глупостей последних двух лет, а также подобрать кандидата (в президенты. – *З. Г.*), на которого с благоразумным доверием можно положиться, что он выполнит эту программу»[108]. Кобб считал, что только Вильсон мог выработать такую программу, и последний охотно взялся за это дело, приобщив к нему Н. Бэйкера, Баруха, Брандейса, Хаустона, Колби и Н. Дэвиса. Каждый из них составлял определенный раздел документа, который затем подвергался совместному обсуждению.

В конце 1923 г. издатель трентонской газеты «Таймс» Джеймс Керней советовал Вильсону баллотироваться в сенат от штата Нью-Джерси. Но бывший президент отказался от этого предложения, сославшись на то, что в случае избрания сенатором ему «снова пришлось бы поссориться со старым Лоджем»[109]. Скорее всего отказ был связан с тем, что Вильсон не терял надежду быть избранным на предстоящем съезде демократической партии кандидатом на пост президента страны.

6 января 1924 г. Вильсон направил приветствие демократам Питтсбурга. Это его последнее политическое заявление. Вильсон подчеркивал, что задачей демократиче-

ской партии является «спасение страны от деградации» и что для этого требуется «энергичная борьба», в которой он будет «рад принять участие»[110].

Продолжая заниматься выработкой избирательной программы, Вильсон поддерживал постоянный контакт с руководящими деятелями демократической партии. Экс-президент говорил, что выборы 1924 г. должны стать подлинным референдумом по вопросу об участии США в Лиге наций. На 16 января была назначена встреча Вильсона с председателем и членами национального комитета партии демократов. Но этому свиданию не суждено было состояться: здоровье Вильсона резко ухудшилось. 3 февраля 1924 г. он скончался.

6 февраля состоялась траурная панихида. На церемонии присутствовали президент К. Кулидж, другие руководящие деятели США, дипломатический корпус. Несмотря на неофициальный характер похорон, сенат выделил делегацию для участия в них. В связи с этим для прощания с покойным на похороны должен был прибыть Лодж. Но вдова Вильсона дала понять, что его присутствие нежелательно.

В последний путь Вильсона провожали родные и друзья. Он был похоронен в часовне кафедрального собора столицы США.

Глава X
ИМЯ ВИЛЬСОНА СНОВА НА АВАНСЦЕНЕ

Вильсон неоднократно высказывал мысль, что приговор ему вынесет история. Его надежда сбылась, правда, далеко не сразу. Если под приговором Вильсон имел в виду весьма похвальную оценку его политики, то она появилась лишь после второй мировой войны. Но задолго до этого американские буржуазные историки начали между собой острый спор о том, как характеризовать деятельность бывшего американского президента.

Представители направления историографии США, труды которых выдержаны в духе официальной провильсоновской пропаганды, всемерно превозносили своего кумира и идеализировали его политику. Ч. Сеймур, касаясь выступления Вильсона в конгрессе 8 января 1918 г., в котором были изложены «14 пунктов», писал: «Не столько благодаря определенным условиям... сколько благодаря духу, вдохновлявшему речь (Вильсона.– *З. Г.*), она стала для либералов всего мира чем-то вроде Magna charta (Великой хартии вольностей.– *З. Г.*) международных отношений будущего» [1]. По словам Р. С. Бэйкера, Вильсон проводил резкую грань между желаниями правителей и их народов. Он хотел быть «представителем народов, а не правительств» [2].

Историки официального направления награждали Вильсона самыми лестными эпитетами. О нем говорили как об «истинном поборнике демократии», «апостоле свободы», «пророке человечества». Дж. Геррон даже уподобил его Иисусу Христу.

Вильсон, однако, подвергался и самой ожесточенной критике. Его взяли под обстрел представители «ревизионистского» направления в американской историографии, сложившегося в середине 20-х годов. Оно возникло на почве неудовлетворенности определенных кругов американской буржуазии во главе с Лоджем результатами Парижской мирной конференции и заинтересованности

США в поддержке ослабленной в то время Германии. Историки-«ревизионисты» утверждали, что вследствие симпатий Вильсона к Англии и нажима на него со стороны Моргана и других американских монополистов, снабжавших страны Антанты займами и военным снаряжением, США оказались втянутыми в войну. Между тем, как заявлял один из основоположников этого направления, Г. Барнс, американцам незачем было участвовать в ней. Он считал, что у США не было серьезных разногласий с Германией и поэтому они только «таскали каштаны из огня для Англии и Франции»[3]. В 1929 г. вышла в свет книга К. Грэттена «Почему мы сражались?». По мнению этого автора, одна из причин, приведших к вступлению Соединенных Штатов в войну, заключалась в стремлении Вильсона помочь лагерю Антанты. Вильсон, писал он, «довел внешнюю политику своей страны до такого пункта, когда путь к войне был открыт»[4].

После установления гитлеровской диктатуры в Германии наиболее реакционные американские круги стали настойчиво призывать к осуществлению политики «изоляционизма», что означало фактическую поддержку фашистского агрессора. Большую услугу сторонникам «изоляционизма» оказала специальная сенатская комиссия, которая под руководством Дж. Ная расследовала в 1935—1936 гг. причины участия США в первой мировой войне. «Ревизионисты» широко использовали материалы этого расследования и с еще большим усердием доказывали, что у США не было весомых причин для вступления в 1917 г. в войну с Германией. Так, Ч. Тэнзилл в книге «Америка вступает в войну», впервые опубликованной в 1938 г., писал, что достаточно было закрыть «гавани Америки для вооруженных торговых судов воюющих стран, чтобы британское правительство немедленно убрало орудия со своих торговых кораблей, а Германия перестала топить пассажирские суда врага»[5]. Обращает на себя внимание то, что Тэнзилл пытался снять ответственность за вступление США в первую мировую войну с крупного американского капитала. Он заявлял, что вина за это ложится на Вильсона, который руководствовался в своей политике не интересами США, а интересами стран Антанты. Еще более виновным Тэнзилл считал Хауза, оказавшего, по его словам, решающее влияние на президента «в принятии столь трагического и рокового решения»[6].

С началом второй мировой войны, развязанной фашистской Германией, и особенно с вступлением в войну США влияние «ревизионистов» резко упало. Верх взяли историки официального направления, а это способствовало росту симпатий к Вильсону, повышению его авторитета. Политика президента США во время первой мировой войны изображалась теперь в качестве образца, которому нужно было следовать в условиях войны с фашистской Германией. Типичной в этом отношении является книга Д. Перкинса «Америка и две войны», изданная в 1944 г. Ее автор утверждал, что перед США в обеих войнах по существу стояли одни и те же задачи[7].

После окончания второй мировой войны прежние резкие разногласия между историками официального и «ревизионистского» направлений в оценке политики Вильсона заметно ослабли, а затем стали сходить на нет.

Если раньше Вильсон был притчей во языцех для последователей Лоджа и историков-«ревизионистов», то затем в правящих кругах США и в американской буржуазной историографии стал утверждаться всеобщий пиетет к нему. Это убедительно подтвердили результаты опроса историков и политологов, проведенного профессором Гарвардского университета А. Шлезингером-младшим дважды, в 1948 и 1962 гг. В обоих случаях Вильсон значился на четвертом месте среди «великих президентов» США (после Линкольна, Вашингтона и Ф. Рузвельта)[8]. Видные американские историки А. Невинс и Г. Коммейджер пришли к заключению, что «Вудро Вильсон во многих отношениях был наиболее замечательной фигурой в американской политической жизни со времен Джефферсона»[9].

Нельзя сказать, что просчеты Вильсона совершенно изгладились из памяти буржуазных историков, но они, за небольшим исключением, старались не распространяться на эту тему. Если же заходил разговор о его ошибках, то считалось, что, вооружившись историческим опытом, их можно будет избежать. При этом расточались похвалы тем аспектам деятельности Вильсона, которые более всего импонировали правящим верхам. Речь шла об убежденности Вильсона в мессианской миссии США в мире и о глобальных масштабах его внешней политики, его внутренних реформах, призванных укрепить существующий в стране строй. Восхвалялась его способность под-

чинять своему влиянию трудящиеся массы, используя для этого меры социального маневрирования.

В трудах буржуазных историков Вильсон во все большей мере предстает как идейный вождь не только американского, но и мирового капитализма. Поэтому особенно поучительным признано стремление Вильсона противопоставить свои взгляды идеям социализма. По мнению Джона Фостера Даллеса, в этом как раз и состояла основная заслуга Вильсона. В речи по радио 28 декабря 1948 г. по случаю 92-й годовщины со дня рождения Вильсона тогдашний государственный секретарь США заявил: «Единственным средством постоянной обороны против угрозы (!) коммунистической революционной тактики является моральное (!) контрнаступление такого рода, на котором настаивал Вильсон...» [10]

Вдохновитель политики «с позиции силы» не мог претендовать на приоритет, выдвигая тезис о том, что вильсонизм следует взять на вооружение для борьбы с революционным движением в мире. Задолго до него подобное утверждала газета «Нью-Йорк таймс». На следующий день после смерти Вильсона она писала: «Его великой целью был мир. Вильсоновский мир направлен против ленинской катастрофической революции» [11]. Сторонники официального и «ревизионистского» направлений, занятые спорами между собой, не обратили тогда серьезного внимания на приведенное заявление ведущей американской газеты. Однако в разгар «холодной войны» о нем вспомнили. Так, П. Сибери в книге «Власть, свобода и дипломатия», вышедшей в 1963 г., утверждал, что главный противник вильсонизма – ленинизм. Либерализм Вильсона, заявлял этот автор, не только представляет собой «альтернативу большевизму... но и подтверждает также поразительную жизненность Америки, ее способность служить образцом в политике» [12]. Такую же точку зрения высказал профессор университета Флориды У. Карлетон. В книге «Революция в американской внешней политике. Ее глобальная сфера», опубликованной в 1964 г., он писал, что «14 пунктов» Вильсона явились «ответом Ленину и создали базу для идеологии западной демократии в ее борьбе с коммунизмом... Даже теперь, в 1960-е годы, идеология, как и долгосрочная программа Запада, продолжает в значительной степени оставаться вильсоновской» [13].

«Превосходство» вильсонизма над ленинизмом пы-

тался обосновать профессор А. Линк, автор многотомного труда о жизни и политической деятельности этого президента США и составитель огромного по объему издания его работ и писем. Несмотря на некоторые критические замечания в адрес Вильсона, в целом этот автор дает ему исключительно высокую оценку, характеризуя его как политического деятеля мирового масштаба. По мнению Линка, главным во взглядах Вильсона на международные отношения был «идеализм». Поэтому в его концепции центральное место занимает миссия США в мире «не для достижения богатства и силы, а для выполнения замечательного плана служения человечеству, руководства в моральных целях и, главным образом, для продвижения вперед дела мира и всеобщего братства» [14]. Говоря о «14 пунктах» Вильсона, Линк отзывается о них как об «ответе демократии в ее первом серьезном столкновении с международным коммунизмом». Этот автор заявляет, что В. И. Ленин якобы «взывал к всемирному голоду с той целью, чтобы начать всеобщую классовую войну для разрушения западной цивилизации в ее демократической и христианской форме», между тем как Вильсон «взывал к миру во имя всего возвышенного и святого в демократической и христианской традиции, с тем чтобы спасти западную цивилизацию» [15].

Проблема противоборства вильсонизма с ленинизмом занимает большое место в буржуазной историографии США. Со времени Октябрьской революции в России, пишут Л. Гарднер, У. Лафебр и Т. Маккормик, «Ленин выступил против Вильсона, либеральный капитализм – против большевизма. Все остальные вопросы рассматривались под этим углом зрения» [16]. Данная проблема, однако, столь сложна и многогранна, что она требует специального исследования. Сейчас следует лишь указать, что, несмотря на огромные успехи мирового социализма, американские буржуазные авторы продолжают превозносить Вильсона и одновременно стараются принизить роль В. И. Ленина и Великой Октябрьской революции в судьбах мира. В подтверждение сказанного сошлемся на статью профессора Р. Грегори, опубликованную в сборнике «Творцы американской дипломатии от Теодора Рузвельта до Генри Киссинджера». Грегори ставит в заслугу Вильсону то, что тот «выступал против революционного социализма». Автор статьи разделяет мнение Вильсона о социалистической революции в Рос-

сии, заявляя, что «революция возникает тогда, когда вооруженное меньшинство, будучи не в состоянии заручиться поддержкой народа, пытается захватить в свои руки контроль. Цель революции во всех случаях состояла в подавлении масс».

Рассматривая взгляды 28-го президента США, Грегори отмечает, что он «продолжал верить в эволюционную демократию» и что, по его мнению, «реформированный и гуманный капитализм... может служить экономическим оружием демократии». Характерно еще одно утверждение указанного автора. Называя Вильсона «символом американского дипломатического идеализма», он пишет, что «его преемники, сражаясь во второй мировой войне и заложив фундамент глобальной политики во время «холодной войны», могли полагать, что они придерживаются истинного духа вильсонизма»[17]. Подобное мнение излагает и Р. Келли. Он заявляет, что «Ленин обращался к (трудящимся.— *З. Г.*) массам мира с призывом подняться на революцию и открыть путь к всемирному уравнительскому (?!) коммунизму». Между тем «Вильсон выступил вперед, чтобы дать, в сущности, ответ западных капиталистических демократий на призыв Ленина. Он хотел доказать страдавшим народам Европы, что Запад действительно может обеспечить либеральное и гуманное мирное урегулирование»[18]. Приведем, наконец, еще одно высказывание, авторами которого являются М. Дабофски, Э. Сиохэрис и Д. Смит. В книге «Соединенные Штаты в двадцатом столетии» они заявляют, что «Вильсон с его возвышенным стилем и концепциями сделался моральным лидером западного либерального мира. Однако его принципы подверглись тяжелому испытанию, а его лидерству бросила вызов большевистская революция в России. Несомненно, коммунистический вождь В. И. Ленин стал его главным соперником. Вильсон, провозвестник либеральной демократии и ограниченных изменений, встретился лицом к лицу с Лениным — провозвестником социальной революции и радикальных перемен»[19].

Американские буржуазные историки пытаются найти оправдание участию США в вооруженной интервенции против Советской России. Не имея возможности отрицать данный факт, они говорят, что Вильсон очень нехотя принял решение об организации этого вторжения. Как пишет Р. Уорт, «США, являвшиеся такой же сильной ка-

питалистической державой, как Англия и Франция, все время находились позади своих агрессивных антибольшевистских партнеров, часто выступая как действующий против своей воли соучастник борьбы»[20] с молодой Республикой Советов.

Подобную же позицию занимают и другие авторы. «Вильсон,— заявляет Г. Смит,— ненавидел коммунизм, но он противился использованию посторонних сил для свержения коммунистов... Только летом 1918 г. он с величайшей неохотой согласился на отправку некоторой части американских и союзных войск в Сибирь и на Север России, с тем чтобы помешать предполагаемой (там.— *З. Г.*) активности немцев. Вильсон также думал, что присутствие американских войск в Сибири предотвратит эксплуатацию Японией в своих корыстных целях ослабленной России»[21].

Видный специалист по истории американо-советских отношений ветеран дипломатии США Дж. Кеннан подчеркивает, что тотчас после Октябрьской революции между США и нашей страной возникли глубокие идеологические противоречия. Вместе с тем он пытается оправдать интервенционистскую политику Вильсона, считая главными виновниками интервенции страны Антанты и Японию. «Решение об отправке американских войск (в Россию.— *З. Г.*) в Вашингтоне ни в коем случае не было принято охотно или, как кто-то может сказать, самостоятельно. Оно ни в коем случае не мотивировалось стремлением использовать эти войска для нанесения ущерба Советскому правительству. Это решение было принято исключительно в связи с мировой войной, и прежде всего в целях ее продолжения»[22].

Дальше всех в оправдании антисоветской политики Вильсона пошел Е. Трэни. Он полностью снимает с него ответственность за участие США в вооруженной интервенции против Страны Советов. «Давление, особенно со стороны англичан, в пользу американской поддержки интервенции (союзников.— *З. Г.*) в России, имевшее место между ноябрем 1917 и июлем 1918 г., было маскированным, непрерывным и в конечном счете решающим. Короче говоря, если бы не давление союзников, не было бы американской интервенции».

Трэни считает, что отрицательное влияние на позицию Вильсона оказал Лансинг. В результате, как считает этот историк, «Вильсон убедился, что он находился почти в

состоянии изоляции»[23] по вопросу об антисоветской интервенции.

Определенный интерес представляют суждения профессоров Корнеллского университета У. Лафебра и Р. Поленберга. Характеризуя «14 пунктов» Вильсона, они подчеркивают, что мотивами для оглашения данной внешнеполитической программы США являлись «страх перед большевизмом и жажда экономической экспансии»[24]. Лафебр и Поленберг особо отмечают, что Вильсон публично оправдывал вооруженную антисоветскую интервенцию империалистических держав. Президент США, утверждают они, «не мог видеть лучшей альтернативы»[25].

Д. Траск, являющийся руководителем исторического отдела государственного департамента, в книге «Победа без мира. Американская внешняя политика в двадцатом столетии» придерживается распространенной в США версии, согласно которой Вильсон вплоть до лета 1918 г. противился организации интервенции. Он повторяет официальное заявление вильсоновской администрации, что отправка американских войск в Россию якобы была вызвана необходимостью защиты военных складов в Архангельске и Владивостоке, а также желанием ускорить выезд из России чехословацких военнопленных. Единственно новое, что Траск прибавляет к этим трафаретным измышлениям,— это то, что у Вильсона был скрытый мотив для интервенции: «ограничить англо-французское и японское вторжение в глубь России»[26]. Свою версию насчет интервенции США выдвигает А. Офнер. Он верно отмечает, что интервенция носила антисоветский характер. «Для Вильсона,— пишет он,— реальная цель интервенции была не в удовлетворении требований Англии и Франции о военной помощи, но в создании коалиции русских (контрреволюционеров.— *З. Г.*) против большевиков и восстановлении Временного правительства Керенского или равноценного ему (правительства.— *З. Г.*)»[27].

По-иному подошли к оценке антисоветского курса Вильсона авторы книги «Президентский стиль. Некоторые гиганты и пигмей в Белом доме». Придерживаясь традиционной версии в оценке вильсоновских взглядов на интервенцию, они тем не менее резонно отмечают, что интервенционистская политика Вильсона явилась одной из самых его серьезных неудач. Она, утверждают

эти исследователи, «неблагоприятно сказалась на наших (американских.— *З. Г.*) будущих отношениях с Советским Союзом» [28].

Американские буржуазные историки особенно подчеркивают, что именно Вильсону принадлежат большие заслуги в разработке принципиальных положений внешней политики США. Так, к примеру, Г. Смит утверждает, что «14 пунктов» — это «единственное наиболее важное в истории американской внешней политики изложение (ее задач.— *З. Г.*)» [29]. По мнению Лафебра и Поленберга, «Вудро Вильсон оказал наибольшее влияние на современную американскую внешнюю политику, чем любой другой деятель в двадцатом столетии» [30].

Вильсона, пожалуй, превозносят более всего за то, что он добивался установления доминирующей роли США на мировой арене. Известный американский историк У. Лангер в статье, посвященной 100-летию со дня рождения этого президента, изобразил его чуть ли не пророком, возвещавшим руководящее положение США в мировых делах. По мнению Вильсона, отмечал Лангер, «на долю США выпала священная миссия руководства другими народами» [31]. Этот же мотив отчетливо прозвучал в оценке, данной профессором Э. Робинсоном. «Следует помнить,— писал этот автор,— что... в результате смелой политики Вильсона европейская драка, начавшаяся из-за мелочных династических амбиций и национальной вражды, с вступлением Соединенных Штатов превратилась в мировой конфликт, в котором соединенные силы демократии и международного мира боролись против автократии и агрессии... Благодаря руководству Вильсона Соединенные Штаты, а не Англия, Франция или новая Россия стали лидером и источником света для народов» [32] мира.

Вильсон, являвшийся, по меткому определению В. И. Ленина, «идолом мещан и пацифистов» [33], выступил с широко разрекламированной программой мирного урегулирования. Эту программу также всемерно восхваляют историки США. Если верить их утверждениям, она была призвана установить на земле свободу народов. Чтобы не быть голословными, сошлемся на высказывание С. Велса, Р. Форелла и Д. Траска. Эти авторы считают, что вильсоновская программа мира базировалась на трех принципах: «Во-первых, любое постоянное урегулирование (послевоенных проблем.— *З. Г.*) должно быть миром

без взаимной вражды, миром, который устранит главные причины прошлых войн, включая тайные союзы и гонку вооружений, помешает развитию национализма и экономического соперничества. Во-вторых, Вильсон верил, что Соединенные Штаты должны служить образцом для всего мира... Все народы, полагал президент, стремятся к американским институтам, как-то: демократическое правительство, всеобщее избирательное право, капиталистическая экономика и либеральное буржуазное общество. Наконец, урегулирование должно основываться на всемирной организации мира», деятельность которой «побуждается моральной силой» [34]. Примерно такую же точку зрения излагает профессор университета в Беркли Р. Зонтаг. «Вильсоновская программа,— пишет он,— опиралась на веру, что, если народы мира свободны в выборе своих правительств, тогда союз этих правительств может сохранить мир. Сочетание самоопределения (народов.— *З. Г.*), демократии и Лиги наций сделает возможными сокращение вооружений, устранение экономических барьеров, открытую дипломатию и как наивысшее благо — мир» [35].

Представляя мирную программу Вильсона в столь привлекательном свете, американские историки не могут не задумываться над тем, почему же она потерпела провал. Пытаясь дать объяснение этому факту, они вынуждены упрекнуть Вильсона в том, что он оказался слишком несговорчивым. Упомянутый выше А. Офнер напрямик заявляет, что ответственность за срыв ратификации Версальского мирного договора несет Вильсон. «Несомненно, что его (Вильсона.— *З. Г.*) позиция была бескомпромиссной. Перед лицом мощной сенатской оппозиции она была своевольной и политически нереальной» [36] — таково мнение этого автора. Аналогичное суждение высказывает Л. Кэнфилд в своей книге «Президентство Вудро Вильсона. Прелюдия к мировому кризису». Он считает, что если бы место Вильсона к октябрю 1919 г. в результате отставки или смерти этого президента занял вице-президент Маршалл, то в результате компромисса между законодательной и исполнительной властью США вступили бы в Лигу наций. А это, как полагает Кэнфилд, «значительно усилило бы ее (Лигу наций.— *З. Г.*). Разумно предположить, что тогда не было бы ни Муссолини, ни Гитлера, ни второй мировой войны, и мы бы сегодня не жили в условиях кризисной ситуации в мире» [37].

Дж. Гарати также считает, что Вильсон допустил большую ошибку, не пойдя на компромисс с сенатом. «Поражение Лиги наций (т. е. неучастие в ней США.— *З. Г.*) было трагедией как для Вильсона, чей крестовый поход за (установление.— *З. Г.*) мирового порядка базировался на мире и справедливости, так и для всего человечества, вынужденного перенести еще более ужасную и дорогостоящую войну»[38].

Тезис, согласно которому отказ США вступить в Лигу наций привел ко второй мировой войне, не выдерживает критики. Хотя США и не являлись членами Лиги наций, они фактически проводили ту же самую политику, что Англия и Франция, действовавшие в рамках этой организации. И те и другие поощряли агрессию фашистских государств, что явилось одной из причин второй мировой войны. Из приведенных высказываний Кэнфилда и Гарати следует еще один принципиально неверный вывод. Оказывается, если бы Вильсон был более покладистым или паралич привел бы его к смерти, то вся мировая история пошла бы по иному пути. Не трудно заметить, что здесь имеет место явно преувеличенная оценка роли личности в истории, в данном случае роли Вильсона.

Американские историки поднимают на щит политику Вильсона в Латинской Америке и на Дальнем Востоке. Так, Д. Перкинс и К. Ван Деузен, приукрашивая латиноамериканскую политику Вильсона, стремятся доказать, что последний «наносил удары по господству военщины в Латинской Америке и укреплял там демократию». Согласно их утверждениям, Вильсон, оказывается, очень симпатизировал целям мексиканской революции и усилиям народа Мексики «построить лучший социальный порядок»[39]. Такие же высказывания содержатся и в книге Дж. Риппи «Латинская Америка. Современная история». Если верить этому автору, политика Вильсона базировалась здесь на принципах альтруизма. Вильсон, заявляет Риппи, был «признанным антиимпериалистом, который, питая отвращение к «дипломатии доллара», ревностно содействовал демократии в Латинской Америке»[40]. Приукрашиванием политики Вильсона в латиноамериканских странах занимается Л. Хилл. «Общепринятые тенденции внешней политики, как, например, выгода, защита материальных и национальных интересов,— пишет Хилл,— не имели для него (Вильсона.— *З. Г.*) существенного значе-

ния. Он настаивал на том, чтобы главное внимание в руководстве международными делами было уделено морали, и мечтал о новой эре, когда внешняя политика США будет определяться моральными целями и идеализмом»[41]. Несколько иную трактовку политики Вильсона в Латинской Америке дает С. Белл, автор книги «Справедливое завоевание. Вудро Вильсон и эволюция новой дипломатии». Считая, что Вильсон стремился к конституционности, стабильности и прогрессу в Центральной Америке, он заявляет, что президента США все время страшила опасность «революции, которая разрушила бы желанную общность наций»[42] этого района. Империалистическая политика Вильсона в Латинской Америке столь очевидна, что при мало-мальской объективности ее нельзя не признать. Но так поступает сравнительно небольшая часть американских буржуазных историков. К ним в определенной мере можно отнести Дж. Мартина, написавшего книгу «Политика США в Карибском бассейне». Он полагает, что поначалу Вильсон и государственный департамент проявили добрые намерения в отношении карибских стран. Однако кончили они тем, что «опозорились перед миром, как апостолы подлинного империализма, которому (раньше. — *З. Г.*) противодействовали»[43].

В ложном свете представляется политика вильсоновской администрации на Дальнем Востоке. Р. Кэрри, написавший специальную работу о дальневосточной политике США в 1913—1921 гг., заявляет, что целью Вильсона являлось «служение Китаю» и что своим отношением к этой стране он показал образец того, как следует «помочь развитию конституционных свобод в мире»[44]. Кэрри отнюдь не одинок в идеализации политики Вильсона в Китае. Подобным же образом поступает и ряд других американских буржуазных историков.

Необходимо также отметить, что Вильсону приписывается чуть ли не решающая роль в достижении независимости польского, чехословацкого и югославского народов. В качестве примера можно сослаться на труд профессора Флоридского университета В. Мэмети о политике США в Центральной и Юго-Восточной Европе в годы первой мировой войны. Хотя Мэмети и признает, что американское правительство в течение длительного времени отстаивало целостность Австро-Венгерской империи и противилось образованию в Европе новых госу-

дарств, однако он уверяет читателей, что политика Вильсона преследовала благородную цель — освобождение народов, находившихся под властью Габсбургов. «Победа над Центральными державами — именно в этом заключается крупнейший вклад союзников в свободу народов Центральной и Восточной Европы. Вильсоновская Америка способствовала победе союзников, а большевистская Россия — нет»[45] — таков вывод этого историка.

Характеристика трудов американских авторов по вопросу о внутренней политике Вильсона требует отдельного обстоятельного анализа. Поэтому ограничимся лишь краткими замечаниями. Они сводятся к тому, что и в данном случае буржуазные историки дают высокую оценку этой сфере деятельности Вильсона. Они особо выделяют его заслуги в проведении ряда реформ и в руководстве им демократической партией. А. Невинс и Г. Коммейджер в этой связи отмечают, что «Вильсон в течение трех лет провел куда больше важных законодательных мер, чем любой другой президент со времен Линкольна. Он выявил неожиданные возможности в руководстве конгресса исполнительной властью и в руководстве президентом партией»[46]. Как известно, федеральная банковская система, учрежденная в 1913 г., функционирует и поныне. Это, очевидно, и дало основание Л. Гулду прийти к выводу, что данная реформа «представляет собой наиболее важное и длительное наследие «Новой свободы» и президентства Вудро Вильсона»[47].

Возникшее после второй мировой войны и укрепившееся затем «неолиберальное» направление американской буржуазной историографии считает, что США развивались благодаря реформам и это, мол, постоянно придает американскому капитализму новые силы. Не удивительно, что его представители видят в Вильсоне образец государственного деятеля именно потому, что проведенные им реформы были предназначены для упрочения буржуазного строя в стране.

Видное место среди историков-«неолибералов» принадлежит Р. Хофстэдтеру. Характеризуя реформы Вильсона, он заявлял, что ««Новая свобода» по существу представляла собой попытку среднего класса при поддержке аграриев и рабочих приостановить эксплуатацию общества, концентрацию богатств, рост контроля над политической жизнью со стороны (отдельных. — *3. Г.*) членов

общества и восстановить, насколько это возможно, конкуренцию в бизнесе». Хофстэдтер считает, что Вильсон являлся убежденным сторонником мира, горячо любил его. Особенно лестно он отзывается о «14 пунктах». В этом документе, утверждает историк, Вильсон «заложил более разумную и более либеральную... базу для мира, чем кто-либо другой из числа руководителей воюющих стран». По его мнению, Вильсон только в последний период пребывания у власти потерпел неудачу, отказавшись пойти на компромисс с сенатом по вопросу о Лиге наций. Но Хофстэдтер находит оправдание Вильсону в том, что из-за усталости и болезни тот «потерял способность правильно разбираться»[48] в сложившихся обстоятельствах.

Еще дальше в оценке Вильсона пошел самый влиятельный историк-«неолиберал» — А. Шлезингер-младший. Он называет Вильсона «великим и творческим президентом», связывая с его именем утверждение «прогрессивной эры» в США и зарождение идеи коллективной безопасности. Вильсон, Ф. Рузвельт и Дж. Кеннеди являются героями Шлезингера, и он восторгается ими. «Традиционная внешняя политика демократической партии...— пишет этот идеолог «неолиберализма»,— является политикой, объединяющей реализм и идеализм. Эти лидеры (названные выше президенты.— *З. Г.*) приобрели огромное влияние на всей планете потому, что они поняли: основным компонентом могущества государства является способность управлять совестью и разумом мира»[49].

В период «холодной войны» в США значительным влиянием стала пользоваться школа «реальной политики». Историки этой школы выступали активными сторонниками курса «с позиции силы». Они стали критиковать прежнюю внешнюю политику США, в том числе в период президентства Вильсона, за то, что в ней якобы преобладали моральные принципы, а не твердость. Симптоматично, однако, что в последующем «реалисты», в сущности, отказались от критики в адрес Вильсона. Они решили взять на вооружение внешнеполитическую концепцию этого президента. Р. Осгуд в статье «Вудро Вильсон. Коллективная безопасность и уроки истории» писал следующее: «Мы рассматриваем нашу нынешнюю поддержку Организации Объединенных Наций и нашу руководящую роль в антикоммунистической коа-

лиции как подтверждение проницательности Вильсона»[50]. Положительную характеристику политики Вильсона дает также один из создателей школы «реалистов» – Г. Моргентау. Он считает, что Вильсон, предприняв поход за «всеобщую демократию», показал классический пример «новой взаимосвязи между внутренней и внешней политикой Америки». Моргентау призывает США следовать этому примеру и выполнить тем самым роль «борца за демократию»[51]. Так современные американские буржуазные историки различных направлений хором восхваляют Вильсона, его политический курс на международной арене и в самих Соединенных Штатах.

...В дни празднования юбилея двухсотлетия образования США тогдашний президент Американской исторической ассоциации Р. Моррис в интервью журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» заявил, что в США «в критических условиях у руля правления оказываются выдающиеся фигуры. Счастьем можно считать появление Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона и Франклина Д. Рузвельта. В нужное время мы имели людей с искрой божьей, способных оценить ситуацию, осознать вызов и привлечь много новых лиц в правительство. Это были замечательные времена, когда правительство находилось во главе народа и вело страну вперед». По мнению Морриса, США «снова понадобятся люди, стремящиеся продемонстрировать свое умение быть лидерами, взять на себя ответственность и готовые обеспечить резкий подъем, которого требует наш нынешний всеобщий кризис»[52].

Моррис прав, утверждая, что США переживают всеобщий кризис. Но напрасны его надежды на то, что новые Вильсоны или Рузвельты смогут вывести американский капитализм из кризисного тупика. Важной особенностью нынешнего этапа общего кризиса капитализма, подчеркивает Гэс Холл, является «оскудение экономических, политических и идеологических резервов, которыми располагает империализм... Американский империализм перевалил через вершину своего исторического развития. Этот факт станет еще более отчетливым, когда Соединенные Штаты начнут отсчитывать годы третьего века своей независимости»[53]. История давно вынесла свой приговор: будущее принадлежит силам мира, демократии и социального прогресса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной на суд читателя книге автор попытался рассказать о жизни и деятельности президента США Вудро Вильсона, предпринял попытку воспроизвести его политический портрет. Теперь остается сделать некоторые выводы.

Вильсон, несомненно, был крупным государственным деятелем. Он сыграл заметную роль как в жизни США, так и в ходе событий в мире. В. И. Ленин считал Вильсона «всемирно-опытным, всемирно-искусным» защитником американского «демократического» капитализма[1].

Путь Вильсона – человека и политика был непростым. Ему не раз приходилось сталкиваться с серьезными трудностями, вести напряженную, порой драматичную борьбу со своими врагами. В этой борьбе он действовал настойчиво и решительно, добиваясь реализации намеченного им курса. Подчас Вильсон умело использовал тактику компромиссов.

Вильсон прочно держал в своих руках бразды правления страной, всемерно укрепляя власть президента и ее престиж. Он провел в жизнь ряд реформ, усиливавших позиции американской буржуазии и содействовавших развитию государственно-монополистического капитализма в США.

Некоторые реформы Вильсона (включение «рабочих статей» в закон Клейтона, введение восьмичасового рабочего дня для железнодорожных рабочих, закон о кредитовании фермеров и др.) в определенной мере шли на пользу трудящимся массам. Однако их целью было помешать росту рабочего и фермерского движения и с помощью политики буржуазного реформизма сохранить в неприкосновенности позиции американского капитала.

Президент Вильсон проводил активную империалистическую политику, особенно в Латинской Америке. Своими действиями он немало способствовал дальнейшему росту экономической мощи США, превращению их в финансовый центр мира. Упорно добивался Вильсон мирового лидерства Соединенных Штатов.

Однако Вильсону пришлось испытать и горечь поражений, подчас исключительно серьезных.

Одной из крупных неудач Вильсона был отказ американского сената ратифицировать Версальский договор, составной частью которого был устав Лиги наций. Считая, что с принятием устава Соединенные Штаты утратят возможность широко использовать принцип «свободы рук» при решении жизненно важных для страны международных проблем, сенат решительно отверг договор.

Еще более значительным поражением Вильсона – одного из главных организаторов антисоветской интервенции империалистических держав – явился провал его политики, направленной на уничтожение Советского государства. Страна Советов не только выстояла, но и отразила натиск своих многочисленных врагов. Великий Октябрь и победа молодой Советской Республики над внутренней контрреволюцией и иностранными (в том числе американскими) интервентами – событие эпохального значения. Оно определило все последующее развитие человечества. Ныне страны социалистического содружества во главе с Советским Союзом и другие революционные силы оказывают решающее воздействие на судьбы мира.

И последнее. Вильсон преданно служил интересам своего класса. Его незаурядный талант был отдан буржуазии. Но класс, интересы которого Вильсон столь ревностно защищал, в силу объективной закономерности неминуемо должен будет сойти с исторической сцены.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Глава I. **Детство и юность**

1 *Bragdon H. W.* Woodrow Wilson. The Academic Years. Cambridge (Massachusetts), 1967, p. 8.
2 Согласно закону о гомстедах (гомстед – земельный участок, ферма), принятому в мае 1862 г., каждый американец, уплатив сбор в размере 10 долл., мог приобрести участок земли в 65 *га* и, обрабатывая его 5 лет, становился по истечении этого срока его хозяином.
3 *Mulder J. M.* Woodrow Wilson. The Years of Preparation. Princeton, 1978, p. 9.
4 *Cranston R.* The Story of Woodrow Wilson. New York, 1945, p. 19.
5 The Papers of Woodrow Wilson. Ed. Link A. S., vol. 1. Princeton, 1966, p. 507 (далее: PWW).
6 Ibid., p. 494.
7 Ibid., p. 618–619.
8 *Baker R. S.* Woodrow Wilson. Life and Letters, vol. 1. New York, 1928, p. 135.
9 Ibid., p. 152.
10 PWW, vol. 2. Princeton, 1967, p. 500.
11 PWW, vol. 3. Princeton, 1967, p. 424.
12 PWW, vol. 4. Princeton, 1968, p. 35.
13 PWW, vol. 1, p. 148–149. Расположение Вудро Вильсона к Англии было также связано с семейными традициями. Его дед (по отцовской линии) Джеймс Вильсон прибыл в Америку из Северной Ирландии в 1807 г. Томас Вудро приехал из Шотландии в 1836 г. вместе с десятилетней дочерью, будущей матерью Вудро Вильсона. Родители Вудро были воспитаны в традициях английской литературы. Они увлекались Ч. Диккенсом, Р. Бернсом, У. Вордсвортом и А. Теннисоном. Джозеф любил читать своим детям произведения этих писателей и поэтов, а его жена пела им шотландские песни и баллады.
14 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 1, p. 223. Биограф Вильсона А. С. Линк придерживается иного мнения. Он считает, что, если оценивать эту книгу «по нынешним критическим меркам, она не является глубоким исследованием» (*Link A. S.* Wilson: The Road to the White House. Princeton, 1947, p. 15).
15 PWW, vol. 4, p. 287.

Глава II. **Профессор. Ректор университета**

1 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 1, p. 256.
2 Ibid., p. 261.
3 *Bragdon H. W.* Op. cit., p. 151.
4 *Cranston R.* Op. cit., p. 46.
5 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 1, p. 278.
6 *Wilson W.* The State: Elements of Historical and Practical Politics. Boston, 1907, p. 576 (далее: *Wilson W.* The State: Elements...).
7 PWW, vol. 6. Princeton, 1969, p. 228–229.
8 *Wilson W.* Op. cit., p. 632.

[9] *Baker R. S.* Woodrow Wilson. Life and Letters, vol. 2. New York, 1927, p. 23.
[10] Ibid., p. 117.
[11] *Wilson W.* The New Democracy. Presidential Messages, Adresses and Other Papers (1913–1917). Ed. Baker R. S., Dodd W. E., vol. 1. New York, 1970, p. 205 (далее: *Wilson W.* The New Democracy).
[12] *Wilson W.* Division and Reunion. 1829–1889. New York, 1893, p. 125.
[13] Ibid., p. 45.
[14] *Bragdon H. W.* Op. cit., p. 239–240.
[15] PWW, vol. 8. Princeton, 1970, p. 378.
[16] Ibid., p. 374.
[17] *Wilson W.* College and State. Educational, Literary and Political Papers (1875–1913). Ed. Baker R. S., Dodd W. E., vol. 2. New York, 1970, p. 73 (далее: *Wilson W.* College and State).
[18] Выпуск промышленной продукции в США в то время составил 9 498 млн. долл., в Англии – 4 263 млн. и в Германии – 3 357 млн. долл. (*Huberman L.* American Incorporated. Recent Economic History of the United States. New York, 1940, p. 4).
[19] *Wilson W.* A History of the American People, vol. 5. New York, 1902, p. 267.
[20] *Майерс Г.* История американских миллиардеров, т. 1. М., 1924, с. 133.
[21] *Link A. S.* Op. cit., p. 24.
[22] *Wilson W.* A History of the American People, vol. 5, p. 267.
[23] Ibid., p. 240.
[24] Ibid., p. 212–213.
[25] Ibid., p. 265.
[26] Ibid., p. 296.
[27] PWW, vol. 14. Princeton, 1972, p. 75.
[28] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 2, p. 137.
[29] PWW, vol. 14, p. 185.
[30] Ibid., p. 273.
[31] *Bragdon H. W.* Op. cit., p. 292.
[32] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 2, p. 263.
[33] Ibid., p. 314.
[34] Ibid., p. 346.
[35] Впоследствии в одном из залов Принстона поместили портрет Вильсона, а его имя присвоили школе общественных и международных отношений. Это, очевидно, было сделано не только в знак признания заслуг Вильсона как ученого и ректора, но из чувства гордости, что он стал президентом США.

Глава III. **Начало политической деятельности**

[1] *Wilson W.* Constitutional Government in the United States. New York, 1908, p. 68.
[2] *Tumulty J. P.* Woodrow Wilson as I Know Him. New York, 1921, p. 16.
[3] *Johnson W.* George Harvey. A Passionate Patriot. Cambridge (Massachusetts), 1927, p. 103–104.
[4] PWW, vol. 12. Princeton, 1972, p. 215–216.
[5] PWW, vol. 15. Princeton, 1973, p. 548.

[6] *Link A. S.* Op. cit., p. 99.
[7] PWW, vol. 17. Princeton, 1970, p. 324.
[8] *Baker R. S.* Woodrow Wilson. Life and Letters, vol. 3. New York, 1932, p. 41.
[9] *Daniels J.* The Wilson Era. Years of Peace — 1910—1917, vol. 1. Chapel-Hill, 1946, p. 23.
[10] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 2, p. 37.
[11] *Kerney J.* The Political Education of Woodrow Wilson. New York, 1926, p. 34.
[12] *Bragdon H. W.* Op. cit., p. 387.
[13] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 2, p. 300.
[14] PWW, vol. 20. Princeton, 1970, p. 364.
[15] *Link A. S.* Op. cit., p. 85.
[16] Ibid., p. 159.
[17] Ibid., p. 91.
[18] *Acheson S. H.* Joe Bailey. The Last Democrat. New York, 1932, p. 303.
[19] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 3, p. 147.
[20] *Wilson W.* College and State, vol. 2, p. 305.
[21] The Intimate Papers of Colonel House. Arranged as a Narrative by Ch. Seymour, vol. 1. London, 1926, p. 48.
[22] *Koenig L. W. Bryan.* A Political Biography of William Jennings Bryan. New York, 1971, p. 477, 480.
[23] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 95.
[24] *Link A. S.* Op. cit., p. 356.
[25] *Cranston R.* Op. cit., p. 96.
[26] The Intimate Papers of Colonel House, vol. 1, p. 53.
[27] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 3, p. 321.
[28] *Daniels J.* Op. cit., vol. 1, p. 58.
[29] The Collected Works of Abraham Lincoln. Ed. Basler Roy P., vol. 2. New Brunswick (New Jersey), 1953, vol. 2, p. 52.
[30] *Josephson M.* The President Makers. The Culture of Politics and Leadership in an Age of Enlightenment, 1896—1919. New York, 1964, p. 375—376.
[31] *Wilson W.* The New Freedom. New York, 1913, p. 5, 203, 172, 30.
[32] *Mason A. Th.* Brandies. A Free Man's Life. New York, 1946, p. 377.
[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 315.
[34] *Wilson W.* The New Freedom, p. 180.
[35] Roosevelt, Wilson and the Trusts. Ed. with an Introduction by Rozvenc E. Boston, 1950, p. 63.
[36] *Hofstadter R.* The American Political Tradition and the Men Who Made It. New York, 1973, p. 244.
[37] *Harbaugh W. H.* The Life and Times of Theodore Roosevelt. New York, 1963, p. 419.
[38] *Roosevelt T.* An Autobiography. New York, 1941, p. 581.
[39] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 3, p. 225.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.
[41] *Аптекер Г.* История афро-американцев. Современная эпоха. М., 1975, с. 88.
[42] Цит. по: *Дюбуа У. Э. Б.* Воспоминания. М., 1962, с. 328.
[43] The Correspondence of W. E. B. Du Bois, vol. 1: Selections, 1877—1934. Ed. Aptheker H. Amherst (Massachusetts), 1973, p. 217.
[44] *Sundquist J. L.* Dynamics of the Party System. Washington, 1973, p. 147.

45 The Intimate Papers of Colonel House, vol. 1, p. 86.
46 *Coletta P. E.* William Jennings Bryan, II. Progressive Polician and Moral Statesman 1909–1915. Lincoln (Nebraska), 1969, p. 139.
47 *Walworth A.* Woodrow Wilson, vol. 2; World Prophet. New York, 1958, p. 52.
48 The Intimate Papers of Colonel House, vol. 1, p. 108.
49 *McDonald F.* The United States in the Twentieth Century, vol. 1: 1900–1920. Reading (Massachusetts), 1970, p. 199.
50 The Intimate Papers of Colonel House, vol. 1, p. 182.
51 *Daniels J.* Op. cit., vol. 1, p. 136.
52 The New York Times, 14.III.1913.
53 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 3, p. 426.
54 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 8, 12, 17.
55 *Link A. S.* Wilson: The New Freedom. Princeton, 1956, p. 27.
56 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 1–6.

Глава IV. **В Белом доме**

1 *Laski H.* The American Presidency, an Interpretation. New York, 1940, p. 74.
2 *Beard Ch. A., Beard M. R.* The Rise of American Civilization, vol. 2. New York, 1927, p. 607.
3 The Progressive Era. Ed. Lewis L. Gould. Syracuse, 1974, p. 103.
4 *Cranston R.* Op. cit., p. 141.
5 *Wilson W.* College and State, vol. 2, p. 471–472.
6 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 33–34.
7 Ibid., p. 36.
8 *Baker R. S.* Woodrow Wilson. Life and Letters, vol. 4, p. 128–129.
9 Ibid., p. 163.
10 The New York Times, 21.VI.1913.
11 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 39–40.
12 *Link A. S.* Wilson: The New Freedom, p. 230.
13 *Gardner L. C., LaFeber W. F., McCormick Th. J.* Creation of the American Empire: U. S. Diplomatic History. Chicago, 1973, p. 299.
14 *Link A. S.* Wilson: The New Freedom, p. 263.
15 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 4, p. 226.
16 *Link A. S.* Wilson: The New Freedom, p. 251.
17 *Kelley R.* The Shaping of the American Past. Englewood Cliffs (New Jersey), 1975, p. 649.
18 The New York Times, 29.IX.1914.
19 *McDonald F.* Op. cit., p. 196.
20 The Progressive Era, p. 108; *Bell S.* Righteous Conquest. Woodrow Wilson and the Evolution of the New Diplomacy. Port Washington (New York), 1972, p. 41.
21 *Бойер Р. О.* и *Морейс Г. М.* Нерассказанная история рабочего движения в США. М., 1957, с. 289.
22 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 4, p. 376.
23 См. *Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США (1900–1914). М., 1968, с. 372.
24 *Cranston R.* Op. cit., p. 153.
25 *Link A. S.* Woodrow Wilson and the Progressive Era. 1910–1917. New York, 1954, p. 81.
26 *Poole P. A.* America in World Politics. Foreign Policy and Policy – Makers Since 1898. New York, 1975, p. 40.
27 *Wilson W.* College and State, vol. 2, p. 361.

28 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 45–46.
29 Ibid., p. 67.
30 *Schmitt K. M.* Mexico and the United States, 1821–1973: Conflict and Coexistence. New York, 1974, p. 133.
31 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1914. Washington, 1922, p. 443–444.
32 *Haley P. E.* Revolution and Intervention. The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico. 1910–1917. Cambridge (Massachusetts), 1970, p. 7.
33 *Gardner L. C., LaFeber W. F., McCormick Th. J.* Op. cit., p. 309.
34 Архив внешней политики России МИД СССР. Ф. Канцелярия, 1914, д. 315, л. 3 (далее: АВПР).
35 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 102.
36 В США понимали, что вступление американских войск в Мексику означает войну. Юрист Ф. Франкфуртер, работавший в то время в военном министерстве, отвечая на запрос Белого дома, как следует расценивать захват американскими войсками таможни Веракруса, с иронией заявил: «Это был бы акт войны против великой державы, но не является таковым в отношении малой страны» (*Eagleton Th. F.* War and Presidential Power. A Chronicle of Congresional Surrender. Liveright (New York), 1974, p. 54).
37 *Curry R. W.* Woodrow Wilson and the Far Eastern Policy. 1913–1921. New York, 1957, p. 44.
38 Ibid., p. 23.
39 *Neu Ch E.* The Troubled Encounter: The United States and Japan. New York, 1975, p. 79.
40 Архив полковника Хауза, т. 1. М., 1939, с. 70.
41 Там же, с. 69.
42 *Гершов З. М.* «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962, с. 31–39.

Глава V. **«Всесторонний нейтралитет» США**

1 The New York Times, 2.VIII.1914.
2 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 157, 158.
3 АВПР. Ф. Экономический департамент, IV делопроизводство, д. 501, л. 1.
4 *Рид Джон.* Избранные произведения. М., 1957, с. 89.
5 The Commercial and Financial Chronicle, 1914, August 29, p. 566.
6 The Outlook, 1914, August 22, p. 941.
7 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 213, 214.
8 См. *Гершов З. М.* Указ. соч., с. 75–76.
9 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Supplement. The World War, 1915. Washington, 1928, p. 820 (далее: F. R. The World War).
10 *Houston D. F.* Eight Years with Wilson's Cabinet, 1913 to 1920, vol. 1. Garden City, 1926, p. 141.
11 *Daniels J.* Op. cit., vol. 1, p. 438.
12 *Link A. S.* Wilson: The Struggle for Neutrality, 1914–1915. Princeton, 1960, p. 53.
13 Ibidem.
14 *Notter H.* The Origins of the Foreign Policy of Woodrow Wilson. Baltimore, 1937, p. 432; *Link A. S.* Wilson: The Struggle for Neutrality, p. 659.
15 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 321.

16 Ibid., p. 227.
17 *Baker R. S.* Woodrow Wilson. Life and Letters, vol. 6, p. 9.
18 The New York Times, 15.VI.1916.
19 *Link A. S.* Wilson: Confussions and Crisis. 1915–1916. Princeton, 1964, p. 18.
20 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 234.
21 *Shanon D. A.* The Socialist Party of America. A History. New York, 1955, p. 89; *Giffin F.* Six who protested. Radical Opposition to the First World War. Port Washington (New York), 1977, p. 28.
22 Американские дневники А. М. Коллонтай (1915–1916 гг.). – Исторический архив, 1962, № 1, с. 156.
23 В сборнике документов Вильсона «The New Democracy» (vol. 2. New York, 1970, p. 114) сказано: «более всего соответствующий». Но Вильсон, вернувшись из этой поездки в Вашингтон, подтвердил, что в Сент-Луисе он говорил о «самом сильном флоте в мире» (*Daniels J.* Op. cit., vol. 1, p. 329).
24 АВПР. Ф. Канцелярия, 1916, д. 53, л. 14.
25 *Рид Джон.* Избранные произведения, с. 208.
26 *Kernek S.* Distractions of Peace During War: the Lloyd George Government's Reaction to Woodrow Wilson. December 1916–November 1918. Philadelphia, 1975, p. 8.
27 Munitions Industry. Hearings Before the Special Committee Investigating the Munitions Industry United States Senat 73–74 Seventy-Fourth Congress,. Second Session, Part 28. Washington, 1937, p. 8658.
28 Ibidem.
29 Архив полковника Хауза, т. 2. М., 1937, с. 241.
30 The New York Times, 16.VII.1916.
31 The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rise. A Record. Ed. Gwynn St., vol. 2. London, 1929, p. 345.
32 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 6, p. 200.
33 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 1, p. 215.
34 Ibid., p. 143.
35 Congressional Record, 64-th Congress, Ist Session Senate Documents, vol. 43, N 457. Washington, 1916, p. 6–7.
36 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 2, p. 229.
37 *Коллонтай А.* Письма из Америки. – Летопись, 1917, № 5–6, с. 281.
38 *Hendrick B. J.* The Life and Letters of Walter H. Page, vol. 2. Garden City, 1926, p. 171.
39 *Link A. S.* Wilson: Campaign for Progressivism and Peace. 1916–1917. Princeton, 1965, p. 84.
40 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 6, p. 111.
41 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 2, p. 302–303.
42 Ibid., p. 400.
43 Ibid., p. 305.
44 См. *Козенко Б. Д.* «Новая демократия» и война. Внутренняя политика США (1914–1917). Саратов, 1980, с. 235–252.
45 *Link A. S.* Woodrow Wilson and the Progressive Era, p. 194.
46 *Link A. S.* Wilson: Campaign for Progressivism and Peace, p. 48.
47 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 2, p. 330.
48 *Link A. S.* Wilson: Campaign for Progressivism and Peace, p. 111.
49 *O'Keefe K.* A Thousand Deadlines. The New York City Press and American Neutrality, 1914–1917. The Hague, 1972, p. 154.
50 *Link A. S.* Woodrow Wilson and the Progressive Era, p. 244.
51 *Pusey M. J.* Charles Evans Hughes, vol. 1. New York, 1963, p. 364.

52 *Cooper J. M.* The Vanity of Power. American Isolationism and the First World War 1914–1917. Westport (Connecticut), 1969, p. 123.

53 *Gould L. L.* Reform and regulation: American politics, 1900–1916. New York, 1978, p. 175.

54 *Cooper J. M.* The Command of Gold Reversed: American Loans to Britain, 1915–1917.– Pacific Historical Review, May 1976, vol. XVI, N 2, p. 225.

55 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 2, p. 404.

56 Вильсон настолько уверовал в свою способность выражать интересы народов мира, что спустя неделю после своего обращения к конгрессу писал одному из друзей: «Я обращался не к сенату и не к иностранным правительствам... а к народам воюющих стран» (*Devlin P.* Too Proud to Fight. Woodrow Wilson's Neutrality. London, 1974, p. 607).

57 Лансинг и Пэйдж взамен «мира без победы» предложили формулу «мир без завоеваний». Вильсон с этим не согласился (*Lansing R.* War Memoirs. Indianapolis, 1935, p. 195).

58 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 2, p. 410, 412, 413.

59 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 255.

60 АВПР. Ф. Канцелярия, 1916, д. 101, л. 86.

61 American Industry in the War. A Report of the War Industries Board by B. M. Baruch. Washington, 1921, p. 38.

62 *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 255.

63 *Lane F. K.* The Letters of Franklin K. Lane. Personal and Political. Boston, 1922, p. 234.

64 *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. New York, 1952, p. 132.

65 The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rise. A Record, vol. 2, p. 387.

66 *Wilson W.* The New Democracy, vol. 2, p. 432.

67 Ibid., p. 435.

68 *Wilson W.* War and Peace. Presidential Messages, Adresses, and Public Papers (1917–1924), Ed. Baker R. S., Dodd W. E., vol. 1. New York, 1970, p. 14, 16 (далее: *Wilson W.* War and Peace).

69 The New York Times, 3.IV.1917.

70 *Osgood R. E.* Ideals and Self–Interest in America's Foreign Relations. Chicago, 1953, p. 273.

71 Congressional Record, 65-th Congress, vol. 55. Washington, 1917, p. 214.

Глава VI. **«Война за демократию и свободу»**

1 *Hofstadter R.* Op. cit., p. 267.

2 The Impact of War on America's Life. The Twentieth Century Experience. Ed. Nelson K. New York, 1971, p. 18; *Leuchtenburg* W. E. The Perils of Prosperity. 1914–1932. Chicago, 1958, p. 40.

3 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 6, p. 506–507.

4 *Катаяма Сэн.* Воспоминания. М., 1964, с. 655–656.

5 АВПР. Ф. Канцелярия, 1917, д. 64, л. 99.

6 *Beard Ch. A., Beard M. R.* Op. cit., p. 640.

7 *White W. A.* Woodrow Wilson. The Man, His Times and His Task. Boston, 1924, p. 355–356.

8 *Baker R. S.* Woodrow Wilson. Life and Letters, vol. 7. New York, 1939, p. 165.

[9] *Baker R. S.* Woodrow Wilson. Life and Letters, vol. 8. New York, 1939, p. 402.
[10] *McDonald F.* Op. cit., p. 235, 193; *Fite G., Graebner N.* Recent United States History. New York, 1972, p. 118.
[11] *Kelley R.* Op. cit., p. 637.
[12] *Rossiter Cl. L.* Constitutional Dictatorship. Crisis Government in the Modern Democracies. Princeton, 1948, p. 242.
[13] *Josephson M.* Op. cit., p. 536.
[14] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 7, p. 530.
[15] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 10.
[16] Congressional Record, 65-th Congress, vol. 55, p. 612, 610, 563.
[17] Ibid., p. 573.
[18] АВПР. Ф. Экономический департамент, 1-е делопроизводство, 1917, д. 160, л. 82.
[19] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 7, p. 43.
[20] *Pershing J. J.* My Experiences in the World War, vol. 1. New York, 1931, p. 37.
[21] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 7, p. 338.
[22] *Pershing J. J.* Op. cit., vol. 1, p. 224.
[23] *Daniels J.* The Wilson Era. Years of War and After. 1917–1923, vol. 2. Chapel Hill, 1946, p. 163.
[24] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 8, p. 137.
[25] F. R. The World War, 1917. Supplement 2, vol. 1. Washington, 1932, p. 117.
[26] *Wilson W.* The New Democracy, vol. 2, p. 49.
[27] *Hendrick B. J.* Op. cit., vol. 2, p. 222.
[28] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 175.
[29] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 637, 638.
[30] *Josephson M.* Op. cit., p. 548.
[31] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 22.
[32] Ibid., p. 66.
[33] The Literary Digest, April 7, 1917, vol. LIX, N 14, p. 965.
[34] Awarding of Medals in Naval Service. Hearings Before a Subcommittes on Naval Affairs United States Senate, 66-th Congress, Second Session. Washington, 1920, p. 1881–1882.
[35] *Lansing R.* Op. cit., p. 220.
[36] *Lane F. K.* Op. cit., p. 234.
[37] *Pershing J. J.* Op. cit., vol. 1, p. 80.
[38] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 7, p. 177.
[39] Ibid., p. 403.
[40] *Hendrick B. J.* Op. cit., vol. 2, p. 347.
[41] The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rise. A Record, vol. 2, p. 409.
[42] *Trask D. F.* Captains and Cabinets. Anglo-American Naval Relations, 1917–1918. Columbia (Missuri), 1972, p. 120.
[43] *Hankey M. P.* The Supreme Command, 1914–1918, vol. II. London, 1961, p. 783.
[44] *Fowler W. B.* American Diplomacy in Progressive Era: The Dictates of Strategy and Defence. – The Progressive Era, p. 175.
[45] Архив полковника Хауза, т. 3. М., 1939, с. 31.
[46] Там же, с. 33.
[47] *Martin L.* Peace Without Victory. Woodrow Wilson and the British Liberals. New Haven, 1958, p. 140; *Tillman S.* Anglo-American Relations at the Paris Peace Conference of 1919. Princeton, 1961, p. 11.

48 *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 12, 13.
49 *Lane F. K.* Op. cit., p. 245.
50 АВПР. Ф. Посольство в Вашингтоне, д. 79, л. 67.
51 Красный архив, т. 5 (24). М., 1927, с. 132.
52 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914–1920, vol. 2. Washington, 1940, p. 325 (далее: Lansing Papers).
53 Appeal to Reason, 5.V.1917.
54 *Williams W. A.* American-Russian Relations: 1781–1947. New York, 1952, p. 87.
55 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918, Russia, vol. 1. Washington, 1931, p. 145 (далее: F. R. 1918, Russia).
56 *Curry R. W.* Op. cit., p. 215.
57 *Lansing R.* Op. cit., p. 337–338.
58 *Baker R. S.* Op. cit., vol. 7, p. 254.
59 *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 120.
60 The Cabinet Diaries of Josehus Daniels. 1913–1921. Ed. Cronon E. D. Lincoln, 1963, p. 243.
61 The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rise. A Record, vol. 2, p. 423.
62 Russian-American Relations. March 1917 – March 1920. Documents and Papers. Compiled and Ed. Cumming C. K., Pettit W. W. New York, 1920, p. 67.
63 F. R. 1918, Russia, vol. 1, p. 424.
64 Архив полковника Хауза, т. 3, с. 231.
65 АВПР. Ф. Российское посольство в Париже, 1917, д. 3537, л. 68.
66 *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 159–160, 161.
67 *Fischer L.* The Soviets in World Affairs, vol. 1. Princeton, 1951, p. 174.
68 F. R. The World War, 1918, Supplement 1, vol. 1. Washington, 1933, p. 59.
69 *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 161.
70 Ibidem.
71 Ibid., p. 159.
72 *Williams W. A.* Some Presidents. From Wilson to Nixon. New York, 1972, p. 31.
73 *Черчилль В.* Мировой кризис. М. – Л., 1932, с. 60.
74 *Canfield L. H.* The Presidency of Woodrow Wilson. Prelude to a World in Crisis. Rutherford (New Jersey), 1966, p. 124.
75 *Noble G. B.* Policies and Opinions at Paris, 1919. Wilsonian Diplomacy, the Versailles Peace, and the French Public Opinion. New York, 1935, p. 42.
76 *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945, с. 159.
77 Там же, с. 50.
78 *Mamatey V. S.* The United States and East Central Europa 1914–1918. A Study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda. Princeton, 1957, p. 209.
79 *Masaryk Th. G.* The Making of a State. Memoirs and Observations, 1914–1918. New York, 1927, p. 265.
80 *Beneš E.* Souvenirs des guerre et de révolution (1914–1918). La lutte pour l'indépendance des peuples, t. I. Paris, 1928, p. 550.
81 *Clemenceau G.* Grandeurs et misères d'une victoire. Paris, 1930, p. 59.
82 F. R. The World War, 1918, Supplement 1, vol. 1, p. 816.

83 *Dmowski R.* Polityka Polska i odbudowanie Państwa. Warczawa, 1925, s. 402; *Wandyez P. S.* The United States and Poland. Cambridge (Massachusetts), 1980, p. 121.
84 *Dmowski R.* Op. cit., s. 392.
85 F. R. The World War, 1918, Supplement 1, vol. 1, p. 825.
86 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг., т. 2. М., 1924, с. 237.
87 Архив полковника Хауза, т. 4. М., 1944, с. 1.
88 *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 301.
89 *Людендорф Э.* Указ. соч., т. 2, с. 271.
90 *Harbaugh W. H.* Op. cit., p. 485.
91 Selections from the correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge. 1884–1918. Ed. H. C. Lodge, vol. 2. New York, 1925, p. 540.
92 *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 274.
93 Ibid., p. 311.
94 *Fowler W. B.* British-American Relations, 1917–1918. The Role of Sir William Wiseman. Princeton, 1969, p. 284.
95 Архив полковника Хауза, т. 4, с. 85.
96 Там же, с. 60 (прим.).
97 *Bailey Th. A.* Woodrow Wilson and the Lost Peace. New York, 1945, p. 40.
98 *Churchill W. S.* The World Crisis. 1918–1928. The Aftermath. London, 1929, p. 99.
99 *Callwell C. E.* Field-Marshal Sir Henry Wilson. His Life and Diaries, vol. 2. London, 1927, p. 136.
100 F. R. The World War, 1918, Supplement 1, vol. 1, p. 353.
101 Ibid., p. 353–354.
102 *Lane F. K.* Op. cit., p. 295.
103 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары, т. 6. М., 1937, с. 151.
104 F. R. The World War, 1918, Supplement 1, vol. 1, p. 422.
105 Архив полковника Хауза, т. 4, с. 130.
106 Prinz Max von Baden. Erinnerungen und Documente. Berlin, 1928, S. 532–534.
107 Архив полковника Хауза, т. 4, с. 140, 141 (прим.).
108 Там же, с. 137.
109 Там же, с. 139.
110 *Houston D.* Op. cit., vol. 1, p. 321; *Lane F. K.* Op. cit., p. 297–298.
111 *Bemis S. F.* The Latin American Policy of the United States. New York, 1943, p. 185.
112 Цит. по: *Попов А.* Вступление Америки в войну.– Историк-марксист, 1928, т. 7, с. 40.
113 *Ugarte M.* The Destiny of a Continent. New York, 1925, p. 268.
114 *Bailey Th. A.* The Policy of the United States Toward the Neutrals. 1917–1918. Baltimore, 1942, p. 27.
115 Selected Articles of Intervention in Latin America. Compiled by L. T. Beman. New York, 1926, p. 214–215.
116 *Зубок Л. И.* Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна. 1900–1939. М.–Л., 1948, с. 293–297.
117 АВПР. Ф. Канцелярия, 1917, д. 15, л. 45.
118 *Ugarte M.* Op. cit., p. 266–267.
119 АВПР. Ф. Канцелярия, 1916, д. 53, л. 113.
120 *Denny L.* We Fight for Oil. New York, 1928, p. 54.
121 F. R. 1918, p. 713–714.

[122] Ibid., p. 585.
[123] *Perkins D.* Hands Off. A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1945, p. 257.
[124] *Link A. S.* Woodrow Wilson and the Progressive Era, p. 93; *Seidel R. N.* Progressive Pan Americanism: Development and United States Policy Toward South America, 1906–1931. Ithaca (New York), 1973, p. 53, 62.
[125] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 266.
[126] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 201.
[127] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 286–287.
[128] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 8, p. 522.
[129] *Canfield L. H.* Op. cit., p. 153.

Глава VII. **США и Советская Россия (1917–1918 гг.)**

[1] Правда, 1918, 16(3) мая.
[2] Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.). Владивосток, 1955, с. 78.
[3] Eugene V. Debs Speaks. Ed. Tussey J. New York, 1970, p. 293.
[4] *Foner Ph. S.* The Bolshevik Revolution. Its Impact on American Radicals, Liberals and Labor. A Documentary Study. New York, 1967, p. 55.
[5] Ibid., p. 59.
[6] Ibid., p. 72.
[7] *Synon M.* McAdoo. The Man and His Times. A Panorama in Democracy. Indianapolis, 1924, p. 274.
[8] *Sisson E.* One Hundred Red Days. A Personal Chronicle of the Bolshevik Revolution. New Haven, 1931, p. 50.
[9] F. R. 1918, Russia, vol. 1, p. 289.
[10] The Cabinet Diaries of Josephus Daniels, p. 234.
[11] Ibid., p. 244.
[12] *Williams W. A.* American-Russian Relations. 1781–1947, p. 117.
[13] Lansing Papers, vol. 2, p. 343, 345.
[14] *Lansing R.* Op. cit., p. 344–345.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 53.
[16] Правда, 1918, 12 января (30 декабря 1917).
[17] *Kennan G. E.* Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 391.
[18] Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1959, с. 209 (далее: ДВП СССР).
[19] Архив полковника Хауза, т. 3, с. 280.
[20] Правда, 1918, 17 марта.
[21] *Foner. Ph. S.* Op. cit., p. 76.
[22] Ibid., p. 73.
[23] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 191.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 91.
[25] F. R. 1918, Russia, vol. 2, p. 42.
[26] Lansing Papers, vol. 2, p. 355.
[27] F. R. 1918, Russia, vol. 2, p. 67.
[28] *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 172.
[29] F. R. 1918, Russia, vol. 1, p. 551.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 128.
[31] *Майский И. М.* Путешествие в прошлое. М., 1960, с. 77.
[32] Congressional Record, 65-th Congress, vol. 56. Washington, 1918, p. 11176.

[33] F. R. 1918, Russia, vol. 2, p. 179, 180.
[34] Ibid., p. 484.
[35] Lansing Papers, vol. 2, p. 362.
[36] *Unterberger B. M.* America's Siberian Expedition, 1918–1920. A Study in National Policy. Durham, 1956, p. 55–56.
[37] Lansing Papers, vol. 2, p. 364.
[38] ДВП СССР, т. I, с. 358.
[39] *Lovenstein M.* American Opinion of Soviet Russia. Washington, 1941, p. 41.
[40] F. R. 1918, Russia, vol. 1, p. 296.
[41] *Fowler W. B.* British-American Relations 1917–1918, p. 177.
[42] *Maddox R. J.* William E. Borah and American Foreign Policy. Baton Rouge, 1969, p. 48.
[43] См. АВПР. Ф. Российское посольство в Париже, 1918, д. 3538, л. 41.
[44] F. R. 1918, Russia, vol. 2, p. 263.
[45] *March P. S.* United States Army. The Nation at War. New York, 1932, p. 113.
[46] F. R. 1918, Russia, vol. 2, p. 328; *Silverlight J.* The Victor's Dilemma. Allied Intervention in the Russian Civil War. London, 1970, p. 72.
[47] *Гревс В.* Американская авантюра в Сибири (1918–1920). М., 1932, с. 25.
[48] *Schuman F. L.* American Policy Foward Russia Since 1917. New York, 1928, p. 116.
[49] Правда, 1918, 17 августа.
[50] Архив полковника Хауза, т. 3, с. 291.
[51] См. там же, с. 290.
[52] Там же, с. 286.
[53] *Lash Chr.* The American Liberals and the Russian Revolution. New York, 1962, p. 177.
[54] АВПР. Ф. Российское посольство в Париже, 1918, д. 3538, л. 43–44.
[55] The Nation, 1918, June 1, vol. 106, N 2761, p. 639–640.
[56] Известия, 1918, 26 июля.
[57] *Eugene V.* Debs Speaks..., p. 258.
[58] *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 13.
[59] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 48.
[60] ДВП СССР, т. I, с. 537.
[61] Там же, с. 556.

Глава VIII. **В Париже**

[1] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 293.
[2] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 165–166.
[3] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 206.
[4] *Lansing R.* The Peace Negotiations. A Personal Narrative. Boston, 1921, p. 21.
[5] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 207.
[6] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1919. The Paris Peace Conference, vol. 1. Washington, 1942, p. 121 (далее: F. R. The Paris Peace Conference).
[7] *Grew J.* Turbulent Era. A Diplomatic Record of Forty Years: 1904–1945, vol. 1. Boston, 1952, p. 339.

[8] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1. М., 1957, с. 133.
[9] F. R. The Paris Peace Conference, vol. 1, p. 134–135.
[10] *Wilson W.* The New Democracy, vol. 2, p. 413.
[11] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 175.
[12] *Creel G.* The War, the World and Wilson. New York, 1920, p. 163.
[13] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 219.
[14] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1, с. 197–198.
[15] *Никольсон Г.* Указ. соч., с. 73.
[16] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 211.
[17] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1, с. 139.
[18] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 323.
[19] *Fowler W. B.* British-American Relations, 1917–1918, p. 229.
[20] Ibid., p. 230.
[21] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 340.
[22] *Canfield L. H.* Op. cit., p. 161.
[23] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1, с. 139.
[24] *Lodge H. C.* The Senate and the League of Nations. New York, 1925, p. 23.
[25] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1, с. 138.
[26] *Lodge H. C.* Op. cit., p. 405.
[27] *Trask D. F.* Op. cit., p. 310.
[28] *Thompson J. M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966, p. 19.
[29] *Canfield L. H.* Op. cit., p. 163.
[30] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 199.
[31] *Elcock H.* Portrait of a Decision. The Council of Four and the Treaty of Versailles. Birkenhead (Cheshire), 1972, p. 55.
[32] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1, с. 162.
[33] Там же, с. 195.
[34] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 219.
[35] Там же, с. 198.
[36] Там же, с. 233.
[37] F. R. The Paris Peace Conference, vol. 3. Washington, 1943, p. 178.
[38] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 375.
[39] *Hoover H.* The Memoirs of Herbert Hoover, Years of Adventure, 1874–1920. New York, 1952, p. 455.
[40] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 220.
[41] *Levin G. N.* Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution. New York, 1968, p. 246.
[42] *Никольсон Г.* Указ. соч., с. 59.
[43] F. R. The Paris Peace Conference, vol. 3, p. 215.
[44] *Steffens L.* The Autobiography of Lincoln Steffens. New York, 1931, p. 781–782.
[45] *Cranston R.* Op. cit., p. 326.
[46] *Lodge H. C.* Op. cit., p. 119–120.
[47] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 453.
[48] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 272.
[49] Там же, с. 303.
[50] F. R. The Paris Peace Conference, vol. 4. Washington, 1943, p. 85–88, 108–111.
[51] Memoirs of Mrs. Woodrow Wilson. London, 1939, p. 293.
[52] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 457.

[53] *Cranston A.* The Killing of the Peace. New York, 1945, p. 90.
[54] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 333.
[55] Там же, с. 333—334.
[56] Там же, с. 337.
[57] Цит. по: *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960, с. 101; О Лиге наций, ее создании и основных принципах устава см.: *Илюхина Р. М.* Лига наций. 1919—1934. М., 1982, с. 38—98.
[58] *Baker R. S.* Woodrow Wilson and the World Settlement, vol. 2. New York, 1923, p. 64.
[59] ДВП СССР, т. I, с. 629—630.
[60] F. R. The Paris Peace Conference, vol. 3, p. 583—584.
[61] Ibid., p. 584.
[62] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 368.
[63] *Thompson J. M.* Op. cit., p. 204.
[64] F. R. The Paris Peace Conference, vol. 3, p. 648—649.
[65] *Baker R. S.* American Chronicle. The Autobiography. New York, 1945, p. 489.
[66] F. R. The Paris Peace Conference, vol. 3, p. 676—677.
[67] ДВП СССР, т. II. М., 1958, с. 43.
[68] Там же, с. 58.
[69] *Thompson J. M.* Op. cit., p. 122.
[70] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 374.
[71] ДВП СССР, т. II, с. 211.
[72] For the President Personal and Secret Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullit. Ed. O. H. Bullit. Boston, 1972, p. 3—14.
[73] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 402—403.
[74] ДВП СССР, т. II, с. 95.
[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 140.
[76] *Nansen F.* Russia and Peace. London, 1923, p. 23.
[77] ДВП СССР, т. II, с. 155, 158.
[78] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 377.
[79] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 2. М., 1957, с. 393.
[80] *Riddell G. A.* Lord Riddell's Intimate Diary of the Peace Conference and After, 1918—1923. London, 1933, p. 19.
[81] *Hoover H.* The Ordeal of Woodrow Wilson. London, 1958, p. 115—116.
[82] *Bailey Th. A.* Woodrow Wilson and the Lost Peace, p. 312.
[83] *Shotwell J. T.* At the Paris Peace Conference. New York, 1937, p. 77.
[84] *Thompson J. M.* Op. cit., p. 43.
[85] *Grayson C. T.* Woodrow Wilson. An Intimate Memoir. New York, 1960, p. 60.
[86] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 389.
[87] F. R. The Paris Peace Conference, vol. 3, p. 528.
[88] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 276.
[89] *Mayer A.* Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918—1919. New York, 1967, p. 173.
[90] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 305.
[91] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1, с. 350.
[92] Makers of the New World by One Who Knows Them. London, 1921, p. 60; *Riddell G. A.* Op. cit., p. 42.
[93] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 310.

[94] *Bailey Th. A.* Woodrow Wilson and the Lost Peace, p. 221.
[95] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 296.
[96] *Baker R. S.* American Chronicle. The Autobiography, p. 403.
[97] *Rochester S.* American liberal disillusionment in the wake of World War I. The Pennsylvania State University, 1977, p. 82.
[98] Отказ американского сената ратифицировать Версальский мирный договор автоматически повлек за собой отклонение им гарантийного пакта с Францией. Правительство Ллойд Джорджа воспользовалось этим, чтобы не представить пакт на утверждение парламента. В результате Франция лишилась военных гарантий со стороны США и Англии.
[99] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 340.
[100] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 466.
[101] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 2, с. 74–75.
[102] *Floto I.* Colonel House in Paris. A Study of American Policy at the Paris Peace Conference 1919. Aarhus, 1973, p. 69.
[103] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 351.
[104] *Lansing R.* The Peace Negotiations. A Personal Narrative, p. 256.
[105] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 354.
[106] *Bailey Th. A.* Woodrow Wilson and the Lost Peace, p. 283.
[107] *Новак К.-Ф.* Версаль. М.–Л., 1930, с. 153.
[108] Там же, с. 155, 156.
[109] *Альдрованди Марескотти Л.* Дипломатическая война. М., 1944, с. 232.
[110] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 323.
[111] *Steffens L.* Op. cit., vol. 2, p. 789.
[112] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1, с. 199, 203, 204.
[113] *Clemenceau G.* Op. cit., p. 125.
[114] *Тарле Е. В.* Соч., т. 5. М., 1958, с. 454.
[115] *Кейнс Дж. М.* Экономические последствия Версальского договора. М.–Л., 1924, с. 25, 13, 17, 18.
[116] *Hofstadter R.* Op. cit., p. 272.
[117] *Fite G. C., Graebner N. A.* Recent United States History. New York, 1972, p. 146–147.

Глава IX. **Поражение**

[1] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 378.
[2] *Cranston R.* Op. cit., p. 348.
[3] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 534.
[4] Ibid., p. 548.
[5] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 336.
[6] *Johnson Cl.* Op. cit., p. 229.
[7] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 344–345.
[8] Congressional Record, 64-th Congress, vol. 53, p. 14029.
[9] *Watson J.* As I Knew Them. New York, 1936, p. 190.
[10] Ibid., p. 200.
[11] *Fleming D. F.* The United States and the League of Nations, 1918–1920. New York, 1932, p. 211.
[12] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 452.
[13] *Watson J.* Op. cit., p. 201–202.
[14] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 345.
[15] *Cranston A.* Op. cit., p. 145–146.
[16] *Kuehl W. E.* Seeking World Order. Nashville, 1969, p. 296.

[17] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 416.
[18] *Canfield L. H.* Op. cit., p. 211.
[19] *Wilson W.* War and Peace, vol. 1, p. 578, 579.
[20] Treaty of Peace with Germany. Hearings Before the Committee on Foreign Relations United States, Senate Sixty-Sixth Congress, First Session. Washington, 1919, p. 518.
[21] Ibid., p. 525.
[22] *Bailey Th. A.* Woodrow Wilson and the Great Betrayal. New York, 1945, p. 87.
[23] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 435.
[24] *Smith G.* When the Cheering Stopped: The Last Years of Woodrow Wilson. New York, 1964, p. 69.
[25] *Wilson W.* War and Peace, vol. 2, p. 9.
[26] Ibid., p. 192.
[27] Ibid., p. 18.
[28] Ibid., p. 70.
[29] Ibid., p. 52.
[30] Ibid., vol, 1, p. 640.
[31] Ibid., vol. 2, p. 391—392.
[32] Ibid., vol. 1, p. 598.
[33] Ibid., vol. 2, p. 100.
[34] Ibid., p. 108.
[35] *Thompson J. M.* Op. cit., p. 314.
[36] *Garraty J. A.* Woodrow Wilson. New York, 1956, p. 181.
[37] *Fosdick R. B.* Letters on the League of Nations. Princeton, 1966, p. 45.
[38] *Fleming D. F.* Op. cit., p. 358.
[39] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 380.
[40] *Bailey Th. A.* Woodrow Wilson and the Great Betrayal, p. 183.
[41] Ibid., p. 13.
[42] *Garraty J. A.* Henry Cabot Lodge. A Biography. New York, 1953, p. 377—378.
[43] *Hofstadter R.* Op. cit., p. 277.
[44] *Bailey Th. A.* Woodrow Wilson and the Great Betrayal, p. 185.
[45] Ibid., p. 201.
[46] *Loth D.* The Story of Woodrow Wilson. New York, 1957, p. 38.
[47] *Bailey Th. A.* Woodrow Wilson and the Great Betrayal, p. 212—213.
[48] *Wilson W.* War and Peace, vol. 2, p. 454—455.
[49] *Daniels J.* Op. cit., vol. 2, p. 473.
[50] *Baruch B.* The Public Years. New York, 1960, p. 128.
[51] The Political Thought of Woodrow Wilson. Ed. Cronon D. Indianapolis, 1965, p. 545.
[52] *Hofstadter R.* Op. cit., p. 277.
[53] *Colegrove K.* The American Senate and World Peace. New York, 1944, p. 9.
[54] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1, с. 210.
[55] *Adams D. K.* America in the 20-th Century. A Study of the United States Since 1917. Cambridge (Massachusetts), 1967, p. 41.
[56] *Baker R. S.* Woodrow Wilson and the World Settlement, vol. 1, p. 321.
[57] *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1. New York, 1948, p. 103.
[58] *Daniels J.* Op. cit., vol. 2, p. 479.
[59] *Leskie R.* The Wars of America. New York, 1968, p. 666.
[60] *Cranston R.* Op. cit., p. 455.

[61] *George A. L., George J. L.* Woodrow Wilson and Colonel House. A Personality Study. New York, 1956, p. 12.
[62] *Blum J. M.* Joe Tumulty and the Wilson Era. Boston, 1951, p. 244.
[63] *Hofstadter R.* Op. cit., p. 273.
[64] Ibid., p. 277.
[65] *Smith G.* Op. cit., p. 163.
[66] *Walworth A.* Op. cit., vol. 2, p. 401.
[67] *Daniels J.* Op. cit., vol. 2, p. 556.
[68] *Bailey Th. A.* Democrats Vs. Republicans. The Continuing Clash. New York, 1968, p. 100.
[69] *Wilson W.* War and Peace, vol. 2, p. 503.
[70] *Daniels J.* Op. cit., vol. 2, p. 467.
[71] *Beard Ch. A., Beard M. R.* Op. cit., p. 664.
[72] *Wilson W.* War and Peace, vol. 2, p. 167.
[73] Ibid., vol. 1, p. 487.
[74] Ibid., vol. 2, p. 440.
[75] Ibid., p. 437.
[76] Ibid., p. 422.
[77] *Daniels J.* Op. cit., vol. 2, p. 365.
[78] *Лан В. И.* США от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 111.
[79] *Leuchtenburg W. E.* Op. cit., p. 78.
[80] *Bennett E. M.* Recognition of Russia. An American Foreign Policy Dilemma. Waltham (Massachusetts), 1970, p. 38–39.
[81] *Daniels J.* Op. cit., vol. 2, p. 546.
[82] ДВП СССР, т. II, с. 432.
[83] Цит. по: *Гвишиани Л. А.* Советская Россия и США (1917–1920). М., 1970, с. 242.
[84] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 393.
[85] *Foner Ph. S.* Op. cit., p. 161–162.
[86] Ibid., p. 212.
[87] Ibid., p. 148.
[88] Ibid., p. 156, 155.
[89] Ibid., p. 199.
[90] F. R. The Paris Peace Conference, vol. 5, p. 529.
[91] F. R., 1920, vol. 3, p. 717.
[92] Ibid., p. 467–468.
[93] Ленинский сборник XXXVII. М., 1970, с. 254, 255.
[94] *Dubofsky M., Theoharis A., Smith D.* The United States in the Twentieth Century. Englewood Cliffs (New Jersey), 1978, p. 135.
[95] *Tumulty J. P.* Op. cit., p. 510.
[96] Ibid., p. 378.
[97] *Houston D. F.* Op. cit., vol. 2, p. 148.
[98] В 1937 г. в Женеве был построен Дворец наций, к стене которого прикреплена мемориальная доска с такой надписью: «В память о Вудро Вильсоне, президенте Соединенных Штатов, основателе Лиги наций. Город Женева».
[99] *Fosdick R. B.* Personal Recollections of Woodrow Wilson. The Philosophy and Policies of Woodrow Wilson. Ed. Lataem E. Chicago, 1958, p. 43.
[100] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1, с. 210–212.
[101] *Wilson W.* War and Peace, vol. 2, p. 541.
[102] *Riddell G. A.* Op. cit., p. 409.
[103] *Baker R. S.* Op. cit., vol. 8, p. 241–242.

[104] *Josephson M.* Op. cit., p. 560.
[105] *Яковлев Н. Н.* Преступившие грань. М., 1971, с. 35.
[106] *Wilson W.* War and Peace, vol. 2, p. 536–539.
[107] *Kelley R.* Op. cit., p. 690.
[108] *Cranston R.* Op. cit., p. 424.
[109] *Daniels J.* Op. cit., vol. 2, p. 565.
[110] *Wilson W.* War and Peace, vol. 2, p. 542.

Глава X. **Имя Вильсона снова на авансцене**

[1] Архив полковника Хауза, т. 3, с. 244.
[2] *Бекер Р. С.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М.– Пг., 1923, с. 131.
[3] *Barnes H. E.* The Genesis of the World War. New York, 1927, p. 650.
[4] *Grattan C. H.* Why We Fought? New York, 1929, p. 60.
[5] *Tansill Ch. C.* America Goes to War. Gloucester (Massachusetts), 1963, p. 259.
[6] Ibid., p. 429.
[7] *Perkins D.* America and Two Wars. Boston, 1944, p. 51–52.
[8] Viewpoints: The Presidency: The Power and Glory. Ed. Klein M. Minneapolis, 1973, p. 143; *Barber J. D.* The Presidential Character: Predicting Performance in the White House. Englewood Cliffs, 1972, p. 18.
[9] *Nevins A., Commager H. S.* America. The Story of a Free People. London, 1976, p. 386.
[10] The Wilson's Reader. Sel. and Ed. Farmer F. New York, 1956, p. 261.
[11] The New York Times, 4.II.1924.
[12] *Seabury P.* Power, Freedom and Diplomacy. The Foreign Policy of the United States of America. New York, 1963, p. 241.
[13] *Carleton W. G.* The Revolution in American Foreign Policy. Its Global Range. New York, 1964, p. 26.
[14] *Link* A. S. Wilson the Diplomatist: A Look at His Major Foreign Policies. Baltimore, 1957, p. 15–16.
[15] Ibid., p. 104.
[16] *Gardner L., LaFeber W. F., McCormick Th. J.* Op. cit., p. 334.
[17] *Gregory R.* To Do Good in the World: Woodrow Wilson and America's Mission.– Makers of American Diplomacy from Theodore Roosevelt to Henry Kissinger. Ed. Merli F. J., Wilson Th. A. New York, 1974, p. 75, 62, 76.
[18] *Kelley R.* Op. cit., p. 683.
[19] *Dubofsky M., Theoharis A., Smit D.* Op. cit., p. 124–125.
[20] *Warth R. D.* The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954, p. 188.
[21] *Smith G.* The Aims of American Foreign Policy. St. Louis, 1969, p. 36.
[22] *Kennan G. K.* The United States and the Soviet Union, 1917–1976.– Foreign Affairs, 1976, July, vol. 54, N 4, p. 671.
[23] *Trani E. P.* Woodrow Wilson and Decision to Intervene in Russia. A Reconcideration.– The Journal of Modern History. Chicago, vol. 48, N 3, September 1976, p. 445, 452.
[24] *LaFeber W., Polenberg R.* Op. cit., p. 108.
[25] Ibid., p. 110.

[26] *Trask D. F.* Victory without Peace. American Foreign Relations in the twentieth Century. Huntington (New York), 1975, p. 71.
[27] *Offner A. A.* The Origins of the Second World War. American Foreign Policy and World Politics, 1917–1941. New York, 1975, p. 31.
[28] *Rosenman S., Rosenman D.* Presidential Style. Some Giants and a Pygmy in the White House. New York, 1976, p. 252, 239.
[29] *Smit G.* Op. cit., p. 35.
[30] *LaFeber W., Polenberg R.* Op. cit., p. 77.
[31] *Langer W.* From Isolation to Mediation.– Woodrow Wilson and the World of Today. Ed. Dudden A. P. Philadelphia, 1957, p. 25.
[32] *Robinson E. E.* The Internationalist. – The Greathess of Woodrow Wilson, 1856–1956. Ed. Alsop E. B. New York, 1956, p. 174.
[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 224.
[34] *Wells S. F., Forell R. H., Trask D. F.* The Ordeal of World Power. American Diplomacy since 1900. Boston, 1975, p. 118.
[35] *Sontag R.* A Broken World. 1919–1939. New York, 1971, p. 6.
[36] *Offner A. A.* Op. cit., p. 43.
[37] *Canfield L. H.* Op. cit., p. 264.
[38] *Garraty J. A.* The American Nation. A History of the United States. New York, 1979, p. 618.
[39] *Perkins D., Deusen Cl. G. van.* The United States of America: A History, vol. 2 (1865 to the Present). New York, 1962, p. 369.
[40] *Rippy J. F.* Latin America. A Modern History. Ann Arbor (Michigan), 1958, p. 398.
[41] *Hill L.* Emissaries to a Revolution. Executive Woodrow Wilson's Agents in Mexico. Baton Rouge, 1973, p. 3.
[42] *Bell S.* Righteous Conquest. Woodrow Wilson and the Evolution of the New Diplomacy. Port Washington (New York), 1972, p. 61.
[43] *Martin J. B.* U. S. Policy in the Caribbean. Boulder (Colorado), 1978, p. 21.
[44] *Curry R. W.* Op. cit., p. 40.
[45] *Mamatey V. S.* Op. cit., p. 384.
[46] *Nevins A., Commager H. S.* Op. cit., p. 390.
[47] *Gould L. L.* Op. cit., p. 155.
[48] *Hofstadter R.* Op. cit., p. 255, 274, 276.
[49] *Schlesinger A. M.* The Crisis of Confidence Ideas, Power and Violence in America. Boston, 1969, p. 153, 265.
[50] *Osgood R.* Woodrow Wilson, Collective Security, and the Lessons of History.– The Phylosophy and Policies of Woodrow Wilson, p. 188.
[51] *Morgenthau H. J.* A New Foreign Policy for the United States. New York, 1969, p. 81.
[52] *Morris R. B.* The United States is Still the Last Best Hope of Man.– U. S. News and World Report, vol. LXXXI, July 5, 1976, p. 77.
[53] *Гэс Холл.* Барометр предвещает ненастье. США на пороге 200-летия.– Проблемы мира и социализма, 1976, № 4, с. 15, 18.

Заключение

[1] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 513.

СОДЕРЖАНИЕ

Гершов З. М.
Г37 Вудро Вильсон.— М.: Мысль, 1983.—335 с.
В пер.: 1р. 50 к.

В книге рассматриваются главные вехи жизни Вудро Вильсона в период, когда США превращались в ведущую империалистическую державу. Показана острая политическая борьба классов, партий по вопросам внутренней и внешней политики страны. Автор подробно анализирует деятельность президента Вильсона, дает четкую характеристику вильсонизма как доктрины, служившей критерием агрессивных замыслов американских монополий.

Г $\frac{0506000000\text{-}146}{004(01)\text{-}83}$ 51-83

ББК 63.3(7США)
9(М)7

Зиновий Моисеевич Гершов

ВУДРО ВИЛЬСОН

Заведующий редакцией *А. Л. Ларионов*
Редактор *Г. А. Диковская*
Младший редактор *Л. А. Кирейко*
Оформление художника *В. Г. Сорокина*
Художественный редактор *А. М. Павлов*
Технический редактор *Л. П. Гришина*
Корректор *Ч. А. Скруль*

ИБ № 2190

Сдано в набор 24.02.83. Подписано в печать 27.07.83. А 03497. Формат $84 \times 108/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарн. таймс. Печать высокая. Усл. печатных листов 17,64. Учетно-издательских листов 19,72. Усл. кр.-отт. 17,64. Тираж 50000 экз. Заказ № 828. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.